

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

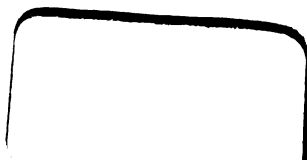
PSlow 424.50 (89)

Harvard College Library

FROM

Univ of St Petersburg

См. 1908
№ 26.4.01
(Содерж.)

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LXXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1908.

**Записки Историко-Филологическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-Петербургскаго Университета.**

- Ч. I. Прокопія Кесарійскаго. Історія воєнъ Римлянъ съ Персами, Ванда-
лами и Готами. Пер. съ греческ. Спиридоном Дестуниса, ком-
ментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Історія воєнъ Римлянъ
съ Персами. Книга 1-я. 1876.
- " II. I. Ioannis Vossacii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres.
Изд. А. Веселовскій. — 2. Индійскія сказки и легенды, собранныя
въ Камаонъ въ 1875 г. Н. Минаевымъ. 1876.
- " III. О торговлѣ Руск съ Ганзой до конца XV в. М. Бережкова. 1879.
- " IV. Изъ древней исторіи Болгаръ. Матвія Соколова. 1879.
- " V. 1. Афонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ
П. И. Севастьянова. Тимофея Флоринскаго. — 2. Antiphontis
orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.
- " VI. Прокопія Кесарійскаго. Історія воєнъ Римлянъ съ Персами, Ванда-
лами и Готами. Переводъ съ греческаго Спиридоном Дестуниса,
комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Історія воєнъ Рим-
лянъ съ Персами. Книга 2-я. 1880. Приложение: О покореніи и плѣ-
неніи, произведенномъ Персами въ Аттической Аеніѣ. Греческое сти-
хотвореніе эпохи турецкаго погрома. Издавъ, перевелъ и объяснилъ
Г. Дестунисъ. 1881.
- " VII. Психологія. Исслѣдованія основныхъ явленій душевной жизни. М. Вла-
дислава. Тома I и II. 1881 г.
- " VIII. Престыліе въ царствованіи Императрицы Еватерины II. В. Семей-
скаго. 1881 г.
- " IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. К. Грота. 1881.
- " X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи, 1-й и 2-й періоды
жизни и дѣятельности (1799—1826). А. Незеленова. 1882.
- " XI. Къ исторіи афинскихъ драматическихъ состязаній. П. Нигитина. 1882.
- " XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant
à éclaircir les rapport de la Seigneurie avec les grecs, les Slaves et la
Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle, par Vladimir La-
manski. 1884.
- " XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Е. За-
мысловскаго. 1884. Приложение: Матеріалы для ист.-геогр. атласа
Россіи XV в. 1884.
- " XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣ-
тіяхъ. Г. Форстена. 1884.
- " XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальтской битвы (1410 г.). А. Бар-
башева. 1885.
- " XVI. Буддизмъ. Исслѣдованія и матеріалы. Н. Минаева. Томъ. I. Вып.
1 и 2. 1887.
- " XVII. Серапионъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Евгевія
Пѣтухова. 1888.
- " XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической фило-
софіи. А. Введенскаго. Часть первая. 1888.
- " XIX. Історія нравственныхъ идей XIX вѣка. Н. Ланге. Часть первая. 1888.
- " XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Н. Буб-
нова. 1890.
- " XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII сто-
лѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 1-й. 1889.
- " XXII. Города Московскаго государства въ XVI в. Н. Чечулина. 1889.
- " XXIII. Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со вре-
менъ смуты до эпохи преобразованій. Исслѣдованіе А. Лаппо-Да-
нилевскаго. 1890.

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. ^Λ

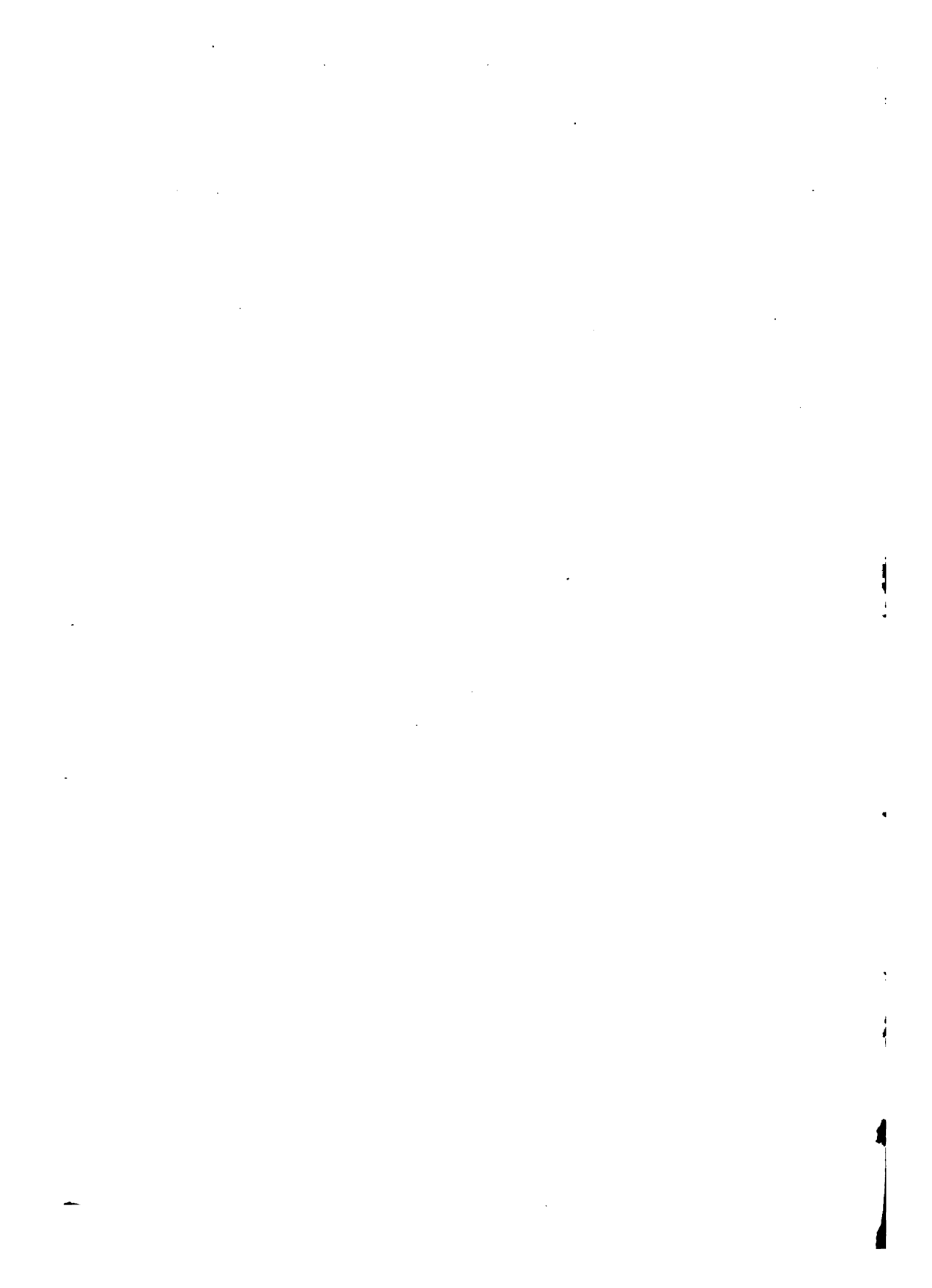
ЧАСТЬ LXXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1908.

Настоящій 1-й выпускъ „Этюдъ о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени“ даетъ только часть результатовъ тѣхъ изслѣдованій, которыя, начавшись по мысли уважаемаго моего учителя, В. И. Ламанскаго, велись мною въ теченіе ряда лѣтъ, правда, съ перерывами, объясняемыми отклоненіемъ моего научнаго вниманія къ другимъ областямъ и вопросамъ исторіи славянства, и преподаваніемъ въ высшей и средней школѣ, и разными, часто неблагоприятными для научной работы условиями русской общественной и моей личной жизни. Сначала предполагая издать цѣликомъ, въ одномъ томѣ, всѣ результаты своихъ изслѣдованій, я теперь, подѣ давлениемъ разнаго рода обстоятельствъ, печатаю, однако, лишь часть, рассчитывая въ недалекомъ будущемъ напечатать и второй (последній) выпускъ своихъ „Этюдъ“.

Позволяю себѣ думать, что и издаваемый 1-й выпускъ представляетъ извѣстную научную цѣнность. Въ немъ дается обслѣдованіе первой половины жизни и литературной дѣятельности Петра Хельчицкаго, до половины 1430-хъ годовъ, вмѣстѣ съ изученіемъ важнѣйшихъ теченій и вопросовъ гуситской мысли и гуситскаго движенія вообще за то же время. Мною привлеченъ къ изслѣдованіямъ не только уже извѣстный, напечатанный матеріалъ, но и рукописный; даны критическій пересмотръ и новыя рѣшенія уже ранѣе поставленныхъ въ литературѣ вопросовъ; вновь поставлены и рѣшаются вызываемые матеріаломъ, но еще не затронутые наукой вопросы. Я, конечно, всего менѣе призванъ судить о томъ, насколько хорошо сдѣлано все это мною; но думаю, что и строгіе критики не стануть отрицать въ моей работѣ „доброй воли“.....

Въ своихъ „Этюдахъ“ я сознательно избѣгалъ всякой „компиляціи“, даже въ безукоризненномъ смыслѣ этого слова, т. е. сводки и повторенія результатовъ чужихъ изслѣдованій, хотя бы, напримѣръ, въ видѣ общаго очерка гуситскаго

движенія и т. п.; я руководился при этомъ опредѣленными соображеніями о предполагаемомъ главномъ кругѣ читателей книги—спеціалистовъ, не нуждающихся въ повтореніи уже извѣстныхъ вещей, о желательномъ характерѣ русской исторической научной литературы и т. д.

„Этюды“ носятъ критико-аналитическій, часто довольно специальный характеръ; по характеру своей методической обработки только части первой половины книги доступны для широкой образованной читающей публики.

Но я думаю, что тѣ явленія умственной культуры чешскаго народа, которыя являются предметомъ „Этюдъ“, представляютъ интересъ не только для историковъ-спеціалистовъ: вопросы религіозно-философской метафизики, рассматриваемые въ третьемъ отдѣлѣ книги, принадлежатъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые за послѣдніе годы собираютъ вокругъ себя не только профессиональных любителей, которые роднятъ чешскія народныя культурныя движенія съ соответствующими русскими (расколъ и сектантство) и даютъ нѣкоторымъ мыслителямъ—на чешской и русской сторонѣ—основаніе строить извѣстныя теории о „славянской душѣ“ и смыслѣ исторіи славянства; вопросы же, которые трактуются въ первомъ и второмъ отдѣлахъ книги, волнуютъ широкіе круги русскаго народа въ наши дни пересмотра и переоцѣнки социальна политическихъ идей и учреждений.....

Можетъ быть, этотъ характеръ вопросовъ привлечетъ къ книгѣ и нѣкоторыхъ читателей-неспеціалистовъ, возбудитъ въ нихъ живой интересъ къ родственному чешскому народу въ то время, когда столь много—хотя отчасти и неожиданно и недостаточно ясно и мотивированно—говорятъ о культурной славянской взаимности и о потребности ея для русскихъ.....

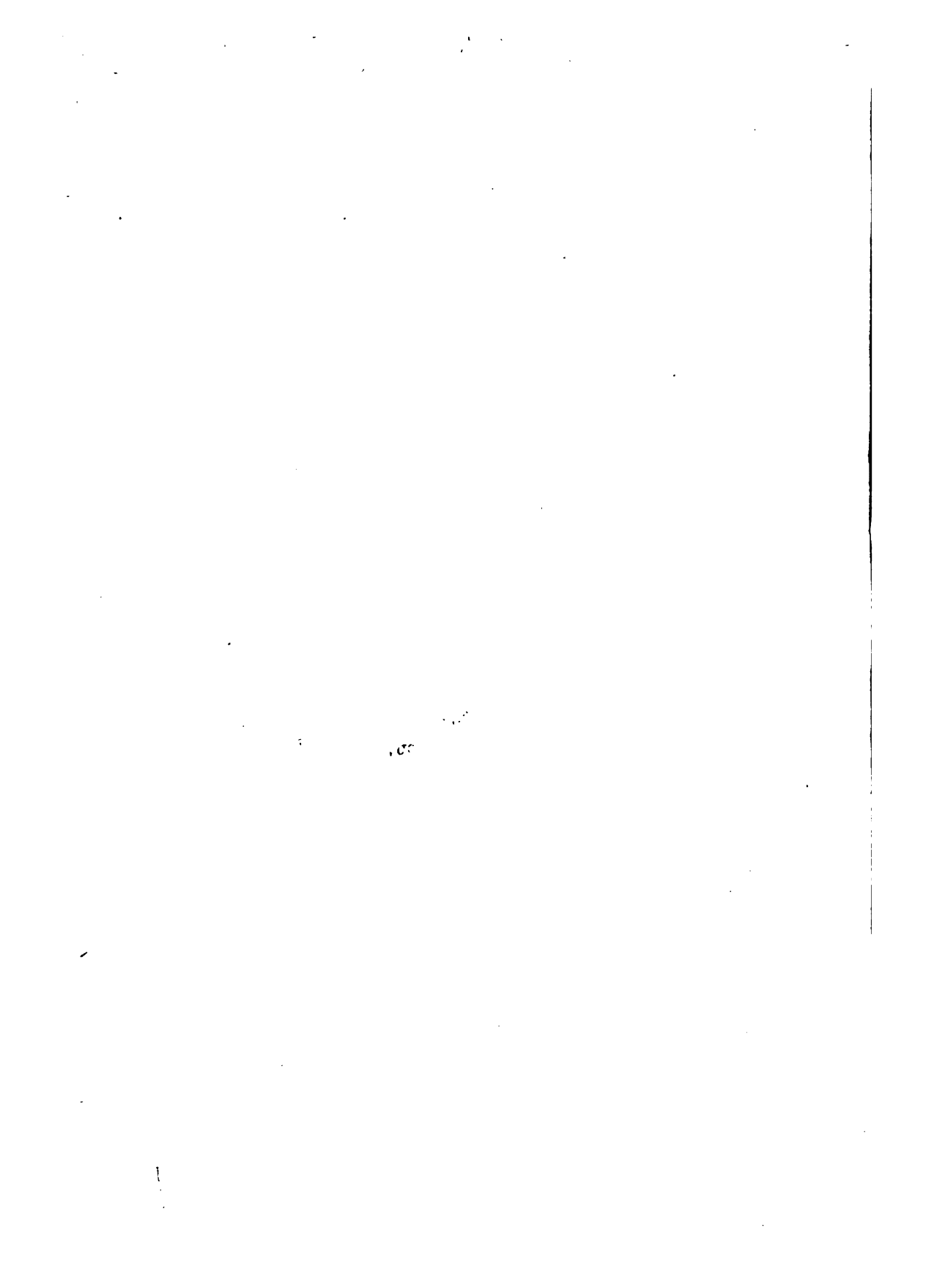
Работы надъ издаваемыми „Этюдами“ протекали для меня въ условіяхъ живѣйшаго культурнаго общенія съ представителями чешскаго народа, изслѣдователями въ области родной исторіи и хранителями письменныхъ памятниковъ этой исторіи. Я чувствую потребность съ благодарностью вспомнить тѣ учрежденія и тѣхъ людей въ Чехіи, безъ содѣйствія которыхъ—и во время пребыванія моего въ Чехіи, и послѣ, во время работы на родинѣ—я не могъ бы написать своихъ „Этюдъ“: Чешскій университетъ въ Прагѣ и

его профессоровъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ — не только по содѣйствию въ полученіи книгъ и рукописей, но и по ученому общенію—я долженъ назвать проф. Я. Голя; Пражскую Университетскую Библиотеку съ ея учеными-труженниками, библиотекарями гг. I. Тругларжемъ, Б. Прусикомъ и др.; Музей Чешскаго Королевства съ его Библиотекой, гдѣ гг. библиотекаря Патера и Зибртъ всегда съ такою любезностью предоставляли мнѣ для пользованія книги и рукописи; Городской Пражскій Архивъ и его (нынѣ бывшаго) главу, всегда дарившаго меня своимъ расположеніемъ и совѣтами, почтеннаго проф. Я. Челяковскаго; Земскій Архивъ Чешскаго Королевства, его директоровъ † Ф. Дворскаго и др. Новачка, его молодыхъ сотрудниковъ, моихъ обязательныхъ друзей д-р. Крофту, Новака и Кольмана; Святотитскую Капитульную и Митрополичью библиотеки въ Прагѣ и о.о. Грубиа и Скопца, благодаря которымъ я могъ пользоваться рукописями этихъ книгохранилищъ.

Но возможность работы въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ была открыта мнѣ Историко-Филологическимъ факультетомъ С. - Петербургскаго Университета и II Отдѣленіемъ Академіи Наукъ: благодаря ихъ матеріальной поддержкѣ, я могъ нѣсколько разъ отправиться въ заграничную ученую командировку, чтобы собрать матеріалъ для настоящихъ „Этюдозъ“. Объ этой поддержкѣ, равно какъ и о напечатаніи настоящихъ „Этюдозъ“ на средства факультета я считаю долгомъ съ благодарностью вспомнить при выпускѣ книги въ свѣтъ.

Авторъ.

Усть-Нарова.
1 іюня 1908 г.

Задачи и характеръ настоящихъ этюдовъ въ связи съ общимъ изученіемъ исторіи гуситской мысли.

Чешскій народъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, составляющихъ такъ называемый „гуситскій періодъ“ въ его исторіи, занятъ былъ перестройкой своего быта—какъ внѣшнихъ условій своей жизни, отношеній къ имперіи и католической церкви (папству и куріи), такъ и внутренняго своего строя—общественныхъ, отношеній, организаціи государственной власти (законодательства, суда и управленія), распредѣленія народнаго богатства, строя церкви, отношеній къ нѣмецкому элементу въ населеніи страны и т. д.

Здѣсь не мѣсто пересказывать исторію гуситскаго движенія съ его внѣшней стороны: исторію гуситскихъ войнъ и дипломатическихъ переговоровъ съ властями церковными и свѣтскими, какъ въ Чехіи, такъ и внѣ ея, исторію борьбы гуситовъ съ оставшейся вѣрной католичеству и императору Сигизмунду частью народа, борьбы—поскольку она не была идейной—разныхъ партій среди самихъ гуситовъ и т. д.

Это сдѣлано прекрасно уже Палацкимъ (въ III, отчасти во II и IV частяхъ его „Dějiny národu Českého“) и Томкомъ (въ его „Dějepis m. Prahy“, t. t. III—IV, VI—VII); послѣдующая монографическая работа внесла въ общую картину гуситскаго движенія лишь небольшія исправленія и дополненія, которыя введены въ послѣдній общій обзоръ гуситской эпохи, данный проф. Бахманомъ во II т. его „Geschichte Böhmens“. Впредь невозможно ожидать отъ историографической работы какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ этой общей картинѣ гуситскаго движенія, ибо всѣ главные историческіе источники изданы и изучены. Характеръ тѣхъ результатовъ, которыхъ можно ждать на этомъ пути изученія гуситства, иллюстрируется хотя бы, напримѣръ, статьями Л. Гофмана о чехахъ на Базельскомъ соборѣ, написан-

ными на основаніи новыхъ изданій матеріаловъ по исторіи Базельскаго собора („Husité a koncilium Basilejské“ v. l. l. 1431 a 1432“, Č. Č. H., 1901): мы узнаемъ лишь новыя подробности о томъ, что и до того было довольно ясно и понятно. Надежды, издавна возлагавшіяся на открытіе Ватиканскаго Архива, тоже не оправдались: по свидѣтельству членовъ чешской „экспедици“ для изученія открытыхъ Львомъ XIII для научной пытливости архивовъ и библиотекъ, въ послѣднихъ совсѣмъ нѣтъ важныхъ матеріаловъ для характеристики роли папства въ исторіи гуситскаго движенія.

Что касается внутреннихъ отношеній въ Чехіи гуситской эпохи, то наиболѣе яркой стороною дѣла гуситства было разрушеніе старыхъ, догуситскихъ порядковъ жизни. Оно также отлично изображено уже въ названныхъ выше трудахъ Палацкаго и Томка и въ монографіяхъ ихъ продолжателей. Надѣяться на новыя откровенія нельзя и въ этой сферѣ исслѣдованія — уже по одному тому, что чешскіе туземные источники, которые только и могли бы дать матеріалъ для новыхъ работъ въ этомъ направленіи, всѣ уже изданы и изучены, а открытіе новыхъ важныхъ источниковъ едва-ли вѣроятно. Положительный моментъ въ исторіи внутреннихъ отношеній гуситской эпохи, созиданіе новыхъ формъ народной жизни, почти совсѣмъ ускользаетъ отъ исслѣдователя: эпоха преимущественно отрицанія и разрушенія едва-едва намѣчала эти новыя формы жизни; почти ничто не успѣло сгуститься, отстояться, а то, что и начинало появляться на свѣтъ Божій, въ зародышѣ же было убито реакціей, стремленіемъ возвратиться къ старымъ основамъ существованія. Уже въ половинѣ 1430-хъ годовъ выяснилось, что Чехія въ государственномъ отношеніи останется въ близкой связи съ Нѣмецкой имперіей, что во внутреннемъ строѣ государства королевская власть станетъ тѣнью и игрушкой дворянства, что въ общественныхъ отношеніяхъ предстоить побѣда того же дворянства и духовенства надъ крестьянствомъ и городами, полное крѣпостничество перваго и упадокъ послѣднихъ, что въ культурной области народный духъ останется въ плѣну у церковной, католической науки и мысли въ ихъ германскихъ преимущественно формахъ и выраженіяхъ. Историкъ, знающему неудачу гуситства и тѣ формы, въ которыя отлилась возвратившаяся на старыя позиціи чешская народная жизнь, приходится разсматривать внутренніе процессы гуситской эпохи скорѣе съ

точки зрѣнія ихъ связей съ указаннымъ конечнымъ результатомъ движенія или—самое лучшее—заняться разысканіемъ причинъ неудачи движенія, несоотвѣтствія результатовъ его съ тѣми идеями, которыя легли въ основу его.

Какъ это, можетъ быть, ни странно на первый взглядъ, положительную сторону гуситства въ зачаточныхъ ея образованіяхъ можно лучше понять лишь изъ гуситской мысли, поскольку она отразилась въ литературѣ эпохи. Она разъясняетъ отдѣльные поступки и мѣропріятія гуситовъ—и вождей и рядовыхъ бойцовъ, представляющіеся загадочными или двусмысленными; она растолковываетъ сжатія заявленія на совѣщаніяхъ, синодахъ и соборахъ эпохи; она же осмысливаетъ дипломатическія, лукавыя фразы официальныхъ документовъ. То, что недоразвилось или совсѣмъ не увидѣло свѣта въ жизни, то невозбранно существовало и пѣло на страницахъ ученыхъ трактатовъ, назидательныхъ проповѣдей, остроумныхъ памфлетовъ.

Гуситская мысль, сказавшаяся въ памятникахъ чешской литературы (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), помогаетъ намъ и въ пониманіи отрицательнаго момента исторіи гуситскаго движенія, разъясняетъ намъ основанія и мотивы, по которымъ тѣ или другія явленія жизни чешскаго народа до нач. XV в. были приговорены къ окончательному, казалось, разрушенію, устраненію и замѣнѣ новымъ. Однимъ словомъ, чешская мысль и литература гуситской эпохи—это вообще народное самосознаніе чеховъ XV вѣка.

Это обстоятельство и соблазняетъ изслѣдователя заняться исторіей гуситской мысли, главнымъ образомъ, по памятникамъ литературы. Но тотъ, кто беретъ за работу въ указанномъ направленіи, оказывается въ довольно затруднительномъ положеніи. Если другія стороны гуситства доселѣ были изучены сравнительно удовлетворительно, то исторія гуситской мысли, по памятникамъ литературы и въ связи съ явленіями жизни, почти совсѣмъ не затронута наукой. Въ „Dějiny“ Палацкаго развитіе гуситства, какъ системы идей, намѣчено лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и тонетъ въ массѣ подробностей, относящихся къ „внѣшней“ исторіи движенія; „Dějepis“ Томка даетъ еще меньше, чѣмъ трудъ Палацкаго.

Что касается Томка, то дѣло объясняется очень просто: Томекъ, по свойствамъ своей духовной личности, ярко выраженный поклонникъ „факта“, какъ „происшествія“, почти совсѣмъ

не даетъ въ своемъ трудѣ указаній на какія-бы то ни было явленія изъ исторіи умственной культуры родного народа; ортодоксальный католикъ и консерваторъ въ вопросахъ общественно-политическихъ, онъ тѣмъ болѣе, конечно, не чувствовалъ склонности къ обслѣдованію гуситскаго круга идей, столь противоположныхъ его собственнымъ религіознымъ и политическимъ взглядамъ.

Иное дѣло—Палацкій. Лютеранинъ по религіи, поклонникъ „Общины чешскихъ братьевъ“, этого характернаго отпрыска гуситства, апологетъ гуситской эпохи чешской исторіи, Палацкій могъ-бы стать и изслѣдователемъ-специалистомъ по исторіи гуситской мысли. Но Палацкій не сталъ имъ. Какія были тому причины?

Прежде всего, громадность лежавшихъ на немъ научно-историческихъ задачъ, которыя были и болѣе насущными и болѣе простыми для выполненія, помѣшала ему обработать указанную сторону гуситства. Далѣе, и культурно-политическія условія, вообще въ Австріи и въ частности въ Чехіи, при которыхъ работалъ Палацкій, особенно цензура, сначала официальная, правительственная, а потомъ и общественная, препятствовали Палацкому заняться исторіей гуситскихъ идей. Известно, сколько затрудненій встрѣтилъ Палацкій въ работѣ даже надъ тѣмъ, что онъ далъ по исторіи гуситства!.. Наконецъ, Палацкій самъ считалъ несвоевременной научную работу по исторіи гуситской мысли: онъ боялся, что въ его время, когда такъ нужно и дорого было единство народа въ цѣляхъ воссозданія его самостоятельности (сначала — національно-культурной, потомъ и — политической) передъ лицомъ грознаго врага — германизма, было-бы опасно во всей ясности и яркости изображать картину идейнаго расхожденія предковъ съ окружающимъ міромъ, внутренняго раскола въ ихъ собственной средѣ по основнымъ вопросамъ міропониманія, которое и въ наши дни далеко не объединяетъ людей; было-бы преступно возбудить, быть можетъ, вновь религіозно-общественную распрю въ чешскомъ народѣ...

Поэтому-то Палацкій завѣщалъ работу по обслѣдованію идейной стороны гуситства своимъ преемникамъ, которые будутъ жить и работать въ болѣе спокойныхъ и благоприятныхъ условіяхъ. Но завѣщаніе Палацкаго осталось не выполнено: среди его ученыхъ преемниковъ оказались и единомышленники Томка; „конгеніальные“ же Палацкому историки отчасти жили въ тѣхъ

же, что и Палацкий, условіяхъ работы, отчасти сами понимали эти условія подобно учителю.

Для историковъ Чехіи не-чеховъ, конечно, не существуютъ многія изъ отрицательныхъ выше неблагопріятныхъ для обследованія гуситской мысли условій. Зато для нихъ имѣются иныя, чисто внѣшнія, неблагопріятныя условія, изъ которыхъ существеннѣйшее — малодоступность источниковъ ученой работы. Чешскіе историки не только не дали ни одного общаго труда по исторіи гуситской мысли, ограничившись немногими и неисчерпывающими дѣла монографіями по частнымъ вопросамъ, они не собрались съ силами, чтобы издать хотя бы сочиненія — латинскія и чешскія — гуситскихъ писателей. Мы доселѣ не только не имѣемъ „*Congrus reformatorum Bohemiae*“ — мы лишены даже изданій „*Orega omnia*“ хотя бы одного изъ чешскихъ гуситскихъ писателей. Только относительно Гуса дѣло обстоитъ нѣсколько лучше, ибо недавно начало выходить въ Прагѣ, подъ ред. д-ра Фляйшганса, полное собраніе сочиненій Гуса („*Spisy M. J. Husi*“); но и здѣсь еще сомнителенъ благополучный конецъ предприятия: высшее ученое учрежденіе страны — Чешская Академія Наукъ — отказалось взять въ свои руки это изданіе сочиненій Гуса, давъ на него только субсидію. Объ изданіяхъ сочиненій настоящихъ „гуситовъ“, учениковъ и послѣдователей м. Яна Гуса, ничего не слышно. Не изданы, на примѣръ, ни м. Якубекъ изъ Стшибра, ни м. Я. Пшибрамъ, ни вліятельный Я. Рокицана, ни даже — цѣликомъ, по крайней мѣрѣ — оригинальнѣйшій изъ гуситскихъ писателей и мыслителей П. Хельчицкий.

Въ лучшихъ — не многихъ — случаяхъ изданы отдѣльныя, часто единичныя, произведенія того или другого автора-гусита; иногда и въ этихъ лучшихъ случаяхъ приходится работать по изданіямъ XVI вѣка. Недавнее изданіе д-ромъ Неѣдлымъ нѣкоторыхъ богословскихъ трактатовъ, относящихся къ спору таборитовъ и пражанъ въ 1441—1444 гг. („*Prámeny k synodám strany pražské a tábořské*“, 1900) — рѣдкое исключеніе. Но дѣло обстоитъ еще хуже. Не произведено даже регистрація произведеній гуситскихъ писателей по рукописямъ, съ отбѣтками о количествѣ послѣднихъ и мѣстахъ ихъ храненія. Нѣтъ солидныхъ монографій почти ни объ одномъ писателѣ-гуситѣ — и изслѣдователю специалисту приходится опираться на небольшія журнальныя статьи и общія руководства по исторіи чешской литературы (для библиографіи — старыя общіе труды Юнгмана;

„Dějiny literatury české“ и I. Иречка „Rukověť k dějinám literatury české“, 1875—1876¹⁾), для идейной ориентировки — „Dějiny české literatury“ Я. Влчка, 1897).

Интересно, однако, что, не смотря на такое положение дѣла, въ литературѣ все же дѣлались попытки общихъ обзоровъ специально гуситской идеологии. Эти опыты принадлежатъ нѣмецкой исторической литературѣ. Первымъ изъ нихъ является книга Л. Круммеля: „Utraquisten und Taboriten“ (1871, 267 стр.), вторымъ — работа извѣстнаго историка реформациі Ф. Бецоляда: „Zur Geschichte des Hussitentums“ (1-е изд. 1874 г., второе, авторизованное, по чешски, подъ ред. проф. Пекаржа, 1904 г., 126 стр.).

Въ книгѣ Круммеля мы видимъ передъ собой автора, который разсматриваетъ гуситскую мысль исключительно съ богословской, при томъ еще конфессіональной, протестантской, точки зрѣнія. Въ гуситствѣ онъ изображаетъ развитіе и борьбу (1415 — 1437 гг.) двухъ главнѣйшихъ его направленій — умѣренного „утраквизма“ и радикальнаго таборитства, констатируя въ концѣ образованіе утраквистской церкви, исчезновеніе таборитства и возникновеніе „Общины Чешскихъ братьевъ“ (1437 — 1457 гг.); Общинѣ, равно какъ и предшествующимъ наиболѣе родственнымъ ей теченіямъ въ гуситствѣ, отведено слишкомъ мало мѣста. Но не охватывая всего гуситства даже въ предѣлахъ чисто богословской точки зрѣнія, Круммель и въ томъ, что онъ охватываетъ, не удовлетворяетъ требованіямъ исторической науки: у него нѣтъ генезиса гуситскихъ идей, объясненія ихъ возникновенія и развитія условіями чешской жизни и культурно-литературными вліяніями среды (чешской и европейской). Книга Круммеля — очень полезный, добросовѣстно сдѣланный, но элементарный по существу регестъ разнаго рода опубликованныхъ уже въ его время документовъ и хроникъ, поскольку они даютъ матеріалъ для гуситскаго вѣроученія.

Работа Бецоляда гораздо выше книги Круммеля по постановкѣ вопроса и талантливости выполненія. Бецольдъ глубоко и разносторонне понимаетъ гуситство и его идейный фондъ: держась, подобно Круммелю, двухъ наиболѣе сильныхъ и замѣтныхъ теченій —

¹⁾ Извѣстную пользу могутъ принести начавшіе появляться каталоги лучшихъ чешскихъ хранилищъ рукописей, какъ, напримѣръ, „Catalogus codicum manuscriptorum“ Праж. универ. библіотеки (1905 — 6) — д-ра I. Тругляржа (вышелъ и его же каталогъ чешскихъ рукописей той же библіотеки).

таборитства и „утраквизма“, подробнѣе и любовнѣе останавливаясь на первомъ изъ нихъ, Бецольдъ не оставляетъ незамѣченными и нѣкоторыя разновидности въ томъ и другомъ. Далѣе—и это, можетъ быть, особенно важно—Бецольдъ различаетъ въ гуситствѣ элементы чисто религіозные отъ социальнo-политическихъ и національныхъ, выдвигая на первый планъ—не столько въ оцѣнѣ и конструкціи всей сложности гуситства, сколько въ своемъ изложеніи—именно эти социальнo-политическіе и національные элементы. Наконецъ, у Бецольда мы находимъ разъясненіе гуситской идеологіи условіями чешской дѣйствительности конца XIV—нач. XV в. и—слабѣе—нѣкоторыми литературными вліяніями извнѣ (виклифизмъ и вальденство). Если же мы уважемъ еще и на то, что Бецольдъ сопоставляетъ гуситскую теорію съ гуситской практикой, устанавливая рѣзкое противорѣчіе ихъ другъ другу въ концѣ концовъ, то мы отмѣтимъ все богатство содержанія книги. Конечно, благодаря своей относительной краткости, книжка Бецольда не можетъ удовлетворять многимъ запросамъ того, кто специально заинтересовался бы изученіемъ гуситской мысли. Сама эта гуситская мысль слишкомъ, такъ сказать, „генерализирована“ у Бецольда: набросанныя въ общихъ чертахъ группы идей приурочены къ отдѣльнымъ направленіямъ въ ихъ цѣломъ—и мы не видимъ, какія именно въ частности мысли и кто именно изъ гуситовъ развивалъ и защищалъ въ предѣлахъ этого общаго приуроченія. Но слѣдуетъ помнить, что Бецольдъ располагалъ только тѣмъ матеріаломъ, который былъ изданъ Гёфлеромъ въ его „Die Geschichtschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen“, и изданіями по исторіи гуситства Ф. Палацкаго; что онъ не имѣлъ подъ рукой тѣхъ позднѣйшихъ изданій, которыми можемъ пользоваться мы; что для него еще менѣе, чѣмъ для насъ, были доступны произведенія отдѣльныхъ гуситскихъ писателей. Конечно, Бецольдъ обратилъ сравнительно мало вниманія на чисто-богословскую сторону гуситскихъ теорій; но эту сторону, достаточно понимаемую имъ, подробно изложилъ только что передъ нимъ Круммель. Правда, Бецольдъ почти прошелъ мимо II. Хельчицкаго и его оригинальныхъ теорій; но сочиненія Хельчицкаго были почти совсѣмъ недоступны для изслѣдователя, да и значеніе этого писателя не такъ еще ярко стояло въ сознаніи даже самихъ чеховъ. Можно, разумѣется, признать, что у Бецольда слишкомъ бѣгло затронута роль виклифизма и вальденства въ исторіи гуситской мысли; но нужно по-

мнить, что въ то время почти совсѣмъ ничего еще не было сдѣлано въ области специальныхъ изученій виклифизма и вальденства на территоріи чешскихъ земель, что едва только началось серьезное изученіе вообще самого Виклифа (Лехлеръ) и вальденцевъ...

Если принять во вниманіе все отмѣченное, то необходимо признать книжку Бецольда положительно выдающимся трудомъ для своего времени — первыхъ 1870-хъ годовъ. Характерно, что черезъ 30 лѣтъ (въ 1904 г.) чешскій ученый І. Пекаржъ переводитъ работу Бецольда на чешскій языкъ, сопровождая ее признаніемъ, что замѣны она еще не дождалась.

Трудъ Бецольда и въ наши дни является подробной программой для выполнения, проспектомъ будущей общей работы по исторіи гуситской мысли.

Эта будущая работа должна будетъ, прежде всего, конкретизировать характеристику отдѣльныхъ теченій и ученій гуситства подробностями и иллюстраціями изъ всѣхъ, по возможности, гуситскихъ писателей-мыслителей. Подготовительными стадіями въ достиженію указанной цѣли окажутся и изданія сочиненій — всѣхъ или нѣкоторыхъ — того или другого гуситскаго писателя, и научныя монографіи объ этихъ писателяхъ-гуситахъ, и обследованія того или другого специального вопроса или группы вопросовъ гуситской идеологіи (вродѣ труда Пальмова по чисто богословскому „Вопросу о чашѣ въ гуситскомъ движеніи“, 1881, или его же труда „Чешскіе братья въ своихъ конфессіяхъ“, 1904). Мы выше указали уже на недостаточность подготовительныхъ работъ въ этой области; предстоитъ еще очень много дѣла.

Далѣе, будущій общій трудъ по исторіи гуситской мысли долженъ дать научное объясненіе ея — раскрыть филиацію всѣхъ существеннѣйшихъ идей гуситства. Съ одной стороны, предстоитъ раскрыть тѣ судьбы, которыя были испытаны отдѣльными идеями и ихъ группами въ предѣлахъ жизни того или другого гусит-писателя, съ которымъ онѣ почему-либо тѣснѣйшимъ образомъ связаны, въ предѣлахъ существованія частныхъ теченій гуситства и въ предѣлахъ самого гуситства, взятаго въ цѣломъ. Съ другой стороны, необходимо будетъ выяснитъ генезисъ гуситскихъ идей, ихъ происхожденіе. Это значитъ, во-первыхъ, связать ихъ съ реальными отношеніями чешской жизни кон. XIV и нач. XV вв. — какъ съ внутренними процессами (экономическими, общественными, государственными, церковными), такъ и съ такими

же внѣшними, изъ окружающаго Чехію міра, вліяніями; это значитъ, во-вторыхъ, поставить ихъ въ связь съ предшествующимъ развитіемъ мысли какъ чешской, такъ и общеевропейской, дѣйствовавшей на Чехію и чешскую мысль.

Если первая часть объясненія гуситской мысли — филиація ея идей въ предѣлахъ только гуситства достигается въ неразрывной связи съ простымъ констатированіемъ и регистраціей наличнаго запаса гуситской идеологии въ ея представителяхъ, по ихъ сочиненіямъ, то генетическій моментъ объясненія осуществимъ при наличности еще новыхъ предварительныхъ условій. Любопытно, что именно „бытовой“ генезисъ гуситской идеологии представляется пока менѣе отчетливымъ въ подробностяхъ, а иногда — и въ существенныхъ пунктахъ, чѣмъ генезисъ идейный, какъ и здѣсь, въ свою очередь, идейныя вліянія мѣстнаго, чешскаго же происхожденія пока не представляются съ такою степенью ясности, какою достигнута уже при изученіи вліяній, шедшихъ изъ-за границы.

Бытовой генезисъ гуситской идеологии (какъ и генезисъ всего гуситскаго движенія) доселѣ не вполне ясенъ вслѣдствіе недостаточной разработанности внутренней исторіи Чехіи — исторіи ея государственнаго строя, общественныхъ отношеній, хозяйства, церкви; недостаточность эта особенно замѣтна именно относительно непосредственно предшествующаго гуситству XIV вѣка.

Лучшіе общіе труды послѣднихъ лѣтъ по внутренней исторіи Чехіи: J. Lippert: „Social-Geschichte Böhmens“ (B. V. I — II, 1896—1898), А. Н. Ясинскій: „Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ“ (1895) и „Очерки по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка“ (т. I, 1901) и Vasek: „Sociální dějiny české“ (1905), въ сущности, охватываютъ только время до пол. XIII в.; если Липпертъ и идетъ дальше, то все же XIV вѣкъ затронуть у него лишь общими штрихами. Это и понятно: источники для внутренней исторіи Чехіи еще не изданы и не изучены въ надлежащей степени. Стоитъ указать хотя бы на отсутствіе „Codex diplomaticus“ XIV в., чтобы понять положеніе дѣла; „Regesta“ Эрбена и Эмлера по XIV-му в., конечно, не замѣняютъ недостающаго „Codex'a“, если даже изученію XIII вѣка отерываются, по признанію чешскихъ историковъ, новые горизонты именно съ начавшимъ выходить теперь „Codex diplomaticus“ проф. Фридриха. Но справедливость требуетъ сказать, что за послѣднее время чешская исторіографія начинаетъ серьезно работать надъ выясненіемъ нѣкоторыхъ важныхъ моментовъ чешской исторіи

XIV вѣка — важныхъ по связи ихъ съ гуситствомъ. Мы говоримъ о прекрасномъ предпріятіи Чешскаго Сейма — изданіи „*Monumenta Vaticana*“, которое будетъ въ концѣ-концовъ обнимать весь относящійся къ чешскимъ землямъ матеріалъ папскихъ регистровъ XIV — нач. XV в. (1316, ev. 1310 — 1415 гг.), нынѣ же, въ вышедшихъ (1903—1907 гг.) т.т. I, II, V, ч.ч. 1 и 2, подъ ред. г.г. Клицмана, Я. Новака и К. Крофты, даетъ уже матеріалъ изъ регистровъ папъ Климента VI (1342 — 1352), Иннокентія VI (1352 — 1362), Урбана VI (1378—1389) и Бонифація IX (1389 — 1404).

Если, уже благодаря изданнымъ Чешской Академіей Наукъ въ 1893—1901 г.г., подъ ред. д-ра Ф. Тадры, „*Acta judiciaria consist. Pragensis*“ (t. t. I—VII, нач. съ 1373 г.), стала ярко выясняться нравственный упадокъ въ чешской церкви (духовенствѣ), неизбежно вызвавшій многое въ гуситствѣ и его идеологии, то, вслѣдствіе новаго матеріала „*Monumenta Vaticana*“, стало возможнымъ нарисовать картину строя чешской церкви въ XIV вѣкѣ и тѣхъ римскихъ вліяній, подъ которыми онъ складывался. Первый опытъ — очень удачный — сдѣланъ въ этомъ направленіи д-ромъ К. Крофтой въ его еще незаконченномъ трудѣ: „*Kurie a církevní správa zemí českých v době předhusitské*“ (С. С. Н., 1904, 1906 и 1908; тоже отдѣльно въ 2 ч., 1904—1906, стр. 96 + 85; экстрактъ изъ этой работы, подъ заглавіемъ „*Rím a Čechy před hnútim husitským*“, напечатанъ въ „*Sborník*“ въ честь проф. Я. Голяя, 1906). Въ трудѣ д-ра Крофты — одной изъ выдающихся вообще работъ по чешской исторіи въ послѣднее десятилѣтіе — справедливо подчеркивается мысль о гуситствѣ, какъ оппозиціи, прежде всего, Риму, и какъ воплощенію средневѣковаго мировоззрѣнія, и какъ известной системѣ управленія церковью, при чемъ именно эта ужасная система управленія церковью, въ силу своего крѣпкаго срастанія со всѣмъ строемъ церкви, а отсюда — и меньшей доступности для реформы, чѣмъ временная и легче устранимая нравственная порча церкви (духовенства), дѣлала неизбежнымъ гуситскій конфликтъ Чехіи съ Римомъ. Данная д-ромъ Крофтой исчерпывающая картина названной церковной системы управленія дѣлаетъ понятными многія явленія въ исторіи какъ гуситскаго движенія вообще, такъ и въ исторіи гуситской мысли.

Обращаясь къ „идейному“ генезису гуситской мысли, мы видимъ, что только-что начата систематическая работа по уясненію исторіи „предшественниковъ Іуса“ въ Чехіи. Полностью

и вполне научно еще не изданы ни *О. Штитный*, ни *Янъ Милчъ* изъ *Кромержижа*, ни *Матвѣй Яновскій*, ни тѣмъ болѣе непосредственные предшественники и сверстники *Гуса*, пражскіе — съ реформационнымъ духомъ — богословы на рубежѣ XIV—XV в. (возбужденіе вниманія къ нимъ — въ статьяхъ „*Předchůdové Husovi*“, *Věst. Č. Ak.*, XIII, „*Pražští theologové kolem r. 1400*“, *Č. Č. M.*, 1905 и др. — одна изъ научныхъ заслугъ д-ра *Фляйшганса*). Правда, подъ ред. д-ра *Кубала* (*Kubal*) готовится изданіе громаднаго произведенія *М. Яновскаго*: „*De regulis veteris et novi testamenti*“. Почти нѣтъ исчерпывающихъ и общаго характера работъ обо всемъ этомъ „гуситствѣ до *Гуса*“: старый общій обзоръ *Палацкаго*: „*Předchůdové husitství*“ (по нѣм. 1846 г., по-чешски 1872), еще не замѣненъ ничѣмъ; болѣе или менѣе солидная монографія появилась объ одномъ только *М. Яновскомъ*, въ видѣ книги *VI. Kubal'a*: „*M. Matěj z Janova*“ (1905). Но ни *Кубаль*, ни другіе монографисты почти не брались еще за сложную и внѣшне неблагоприятную работу — съ текстами въ рукахъ прослѣдить вліянія „предшественниковъ *Гуса*“ на самого *Гуса* и на его послѣдователей, въ томъ числѣ и на *Хельчицкаго*. Почти все это придется еще продѣлать, но подъ условіемъ предварительнаго изданія текстовъ литературныхъ произведеній.

Больше сдѣлано для уясненія внѣчешскихъ, иностранныхъ, вліяній на возникновеніе и развитіе гуситской мысли. Мы не будемъ говорить подробно объ изученіи вліяній восточныхъ, славянскихъ и греческихъ: усердныя разысканія ряда русскихъ ученыхъ, начиная съ *Е. Новикова* и кончая проф. *Пальмовымъ*, дали сравнительно скудные результаты: непосредственныхъ вліяній было мало (въ концѣ гуситскаго движенія, изъ *Константинополя*); косвенныя же вліянія шли черезъ посредство Запада (*Виклифъ*).

Обращаясь къ этимъ западнымъ вліяніямъ, упомянемъ прежде всего о *вальденствѣ*, которое находило себѣ доступъ въ широкія народныя массы, а не только въ круги интеллигенціи (университетской, духовной), при томъ не столько путемъ литературнымъ, сколько съ помощью устной пропаганды. Со второй половины 1870-хъ годовъ сдѣлано довольно много по изученію отношеній *вальденства* и *гуситства*. Пренія разысканія *Палацкаго* („*O stycích a poměru sekty Valdenské k někdejšíim sektám v Cechách*“, 1868) и *Цедшвица* („*Die Katechismen der Waldenser und Böhmisches Brüder*“, 1863) нашли себѣ продолженіе въ работахъ

Прегера: „Beiträge zur Geschichte der Waldenser im Mittelalter“ (1875), „Über das Verhältniss der Taboriten zu den Waldensiern im 14 Jahrhundert“ (1887), гдѣ авторъ всѣ существеннѣйшіе пункты таборитства выводитъ изъ ученій вальденцевъ.

Чешскій изслѣдователь Я. Голль, остановившійся преимущественно на разъясненіи связей съ вальденцами Общины Чешскихъ братьевъ („Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhm. Brüder“, I, 1879) и на вліяніи вальденцевъ на П. Хельчицкаго („Quellen und Untersuchungen“, II, 1882), склоненъ приписывать вальденству менѣе значительное воздѣйствіе на гуситство („Nové spisy o Valdenských“, 1887 и „Die Waldenser im Mittelalter“, 1888), въ то время какъ Лозертъ (разборъ второго названнаго выше труда Прегера, въ „Götting. Anzeigen“, 1889) отрицаетъ почти всякое вліяніе вальденцевъ на таборитовъ (гуситовъ), настаивая на воздѣйствіи виклифизма.

Г. Гауптъ далъ цѣлый рядъ наблюденій изъ области вальденства въ Чехіи, преимущественно среди нѣмцевъ, но отчасти и среди чеховъ („Deutschböhmische Waldenser im 1340“ и „Zur Geschichte der Waldenser in Böhmen“ въ „Zeitschrift f. Kirchengesch.“, XIV—XV, „Neue Beiträge zur Geschichte des Mittelalterl. Waldenserthums—о таборитахъ—въ „Histor. Zeitschr., N. F., XXV, „Waldersenthum und Inquisition im südöstl. Deutschland“,— 2 статьи въ „Zeitschrift f. Geschichtswissenschaft“ Quidde, 1889 и 1890 гг., 1-я—о времени до ср. XIV в., 2-я—о времени со ср. XIV., гдѣ много замѣчаній о взаимоотношеніяхъ вальденства, виклифизма и таборитства). Вопросъ объ отношеніяхъ вальденства и гуситства затронутъ и въ монографіяхъ Келлера: „Die Reformation und die älteren Reform-Parteien“ (1885) и Мюллера: „Die Waldenser und ihre einzelnen Gruppen bis zum Anfang des XIV Jahrh.“ (собственно—до кон. XIV в., 1886). Вся эта литература касается преимущественно литературныхъ вліяній (сюда же отчасти относятся и статьи о такъ называемомъ „Codex Terlensis“ и старыхъ, до-лютеровскихъ, переводахъ библіи на нѣм. языкъ гг. Гаупта, Юстеса, Келлера, Волкана). Въ 1890-хъ годахъ удалось открыть рядъ новыхъ фактовъ слабо вообще засвидѣтельствованнаго существованія отдѣльных вальденцевъ или группъ ихъ въ народныхъ массахъ Чехіи за періодъ времени, непосредственно предшествовавшій гуситству (Menčík: „Výslech Valdenských r. 1340“ въ „Věstn. česk. Uč. Společn.“, 1891; J. Truhlář: „Zlomek akt inkvisice Valdenské v Čechách z l. l. 1393—1394“ въ „Věstník“ Чешской Академіи Наукъ, 1899).

Еще лучше стоитъ дѣло съ изученіемъ вліяній виклифизма на гуситскую мысль.

Стоитъ вспомнить уже то, что сдѣлано въ этомъ направленіи Лозертомъ (Loserth) въ цѣломъ рядѣ его работъ, начиная съ первой изъ нихъ, самой значительной по объему, содержанию и громадному значенію во всемъ развитіи вопроса: „Hus und Wiclif. Zur Genesis der hussitischen Lehre“ (1884), и продолжая статьями: „Zur Verpflanzung der Wiclifie nach Böhmen“ (1884), „Die Wiclifistische Abendmahllehre und ihre Aufnahme in Böhmen“ (1891), „Wiclifs Buch „von der Kirche“ und die Nachbildungen desselben in Böhmen“ (1885)— всѣ въ „Mittheil. des Vereins f. Gesch. d. Deutsch. in Böhmen“, — „Über die Beziehungen zwischen engl. u. böhm. Wiclifisten“ (въ „Mitth. Inst. f. öst. Gesch.“, 1891) и др. Правда, почти всѣ работы Лозерта относятся къ началу гуситскаго движенія, къ Гусу и его ближайшимъ современникамъ и послѣдователямъ (отчасти — позднѣйшимъ уже врагамъ); для пониманія ученій послѣдующихъ гуситовъ его работы имѣютъ значеніе постольку, поскольку соответствующіе пункты ихъ теорій усвоены ими отъ Виклифа главнымъ образомъ не непосредственно, а черезъ Гуса.

Какъ новое явленіе въ историческомъ изученіи гуситства, направленіе студій Лозерта не свободно отъ преувеличеній: онъ поторопился всю гуситскую идеологию отождествить съ рецепціей виклифизма, доказавъ лишь заимствованія Гуса и нѣкоторыхъ его единомышленниковъ по латинскимъ ихъ сочиненіямъ, въ частныхъ пунктахъ, и не давъ себѣ труда провѣрить то же явленіе на всемъ разнообразіи гуситской литературы и системы ученій.

Это увлеченіе Лозерта, приводившее его и къ преуменьшенію вліяній вальденства на гуситство (см. выше), вызвало реакцію въ чешскихъ ученыхъ кругахъ, которые должны были, собственно, продолжать дѣло Лозерта, т.-е., изучая чешскіе трактаты Гуса и всю вообще послѣдующую гуситскую литературу, какъ чешскую, такъ и латинскую, уяснить себѣ степень распространенія и вліянія виклифизма на гуситскую идеологию въ ея цѣломъ.

Мы видимъ, какъ чешскіе изслѣдователи вмѣсто этого или старались ослабить значеніе и того, что было вѣрнаго въ результатахъ разысканій Лозерта, или вообще обходили въ своихъ работахъ по гуситству вопросъ объ элементахъ виклифизма въ

немъ. Только проф. Голль, во 2-мъ вып. своихъ „*Quellen und Untersuch.*“, собственно еще раньше Лозерта остановившійся — правда, въ общихъ чертахъ — на виклифистскихъ вліяніяхъ въ исторіи гуситства, не поддався господствовавшему теченію; подъ его вліяніемъ, не смотря на общую антипатію къ путямъ Лозерта, въ чешской научной литературѣ не совсѣмъ замерло изученіе виклифизма въ составѣ гуситства (см. ниже о работахъ гг. Крофты и Свободы о Хельчицкомъ; кстати будетъ указать здѣсь и на недавнія статьи объ отношеніяхъ Гуса къ Виклифу гг. Чернаго и Фляйшганса, не безъ полемики другъ съ другомъ, на разысканія Фляйшгансомъ чешскихъ переводовъ изъ Виклифа и т. п.).

Но, вообще говоря, ббльшую часть работы въ этомъ направленіи предстоитъ еще сдѣлать. Къ счастью, положеніе дѣла, условія работы, здѣсь сравнительно благопріятны: въ то время какъ, напримѣръ, произведенія вальденской литературы все-таки очень скудны для разъясненія генезиса гуситства (и въ виду ихъ стараго истребленія церковной инквизиціей и въ виду, думается, изначальной ихъ скудости и замѣны устной пропагандой), для раскрытія виклифистскихъ вліяній на гуситство мы располагаемъ нынѣ громаднымъ по размѣрамъ и превосходнымъ по выполненію изданіемъ „*Wiclif Society*“: „*Wiclif's Latin Works*“. Хотя изданіе это все еще не окончено, но среди болѣе чѣмъ 20 тт. его уже появились всѣ наиболѣе распространенныя въ Чехіи сочиненія Виклифа, не только „*De ecclesia*“, „*De eucharistia*“, „*Sermones*“ (разныя), но — за послѣдніе годы — и „*De divino dominio*“, и „*De civili dominio*“, и „*De veritate Sacrae Scripturae*“. Особенно слѣдуетъ привѣтствовать появленіе въ печати трактатовъ о „*dominium*“, важныхъ для пониманія соціально-политическихъ ученій Виклифа (здѣсь наиболѣе ярко сказывается вся сила полета ума Виклифа сравнительно съ М. Лютеромъ), бросающихъ новый свѣтъ и на соціально-политическія теоріи гуситства.

Соціально-политическія ученія Виклифа, такъ отчетливо изложенныя въ названныхъ выше трактатахъ его, особенно въ „*De civili dominio*“, къ сожалѣнію, еще недостаточно обслѣдованы въ специальной литературѣ. Такія работы, какъ Fürstenau: „*Joh. Wiclifs Lehre von der Eintheilung der Kirche und von der Stellung der weltlichen Gewalt*“ или Heine: „*Wiclifs Lehre vom Güterbesitz*“, являются всего лишь проспектами будущихъ работъ. Да и вообще, масса изданнаго и имѣющаго еще быть изданнымъ

материала, дѣлая теперь значительно устарѣлой прекрасную въ свое время 2 тт. работу Lechler'a: „J. v. Wiclif und die Vorgeschichte der Reformation“ (1873 г.; англ. пер. 1-й въ 1873 г., 2-й — въ 1881 г.), въ то же время препятствуетъ скорому появленію соответствующей по достоинствамъ замѣны только-что названнаго общаго труда. Это обстоятельство не безвредно для специальныхъ изысканій отраженія вѣлифизма въ гуситствѣ.

Мы пытались намѣтить тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять будущая общая исторія гуситской мысли, указать основныя черты ея содержанія; мы показали тѣ пути, по которымъ слѣдуетъ идти для достиженія цѣли, и отдали отчетъ какъ въ пройденной уже наукой части этого пути, такъ и въ той, которую еще нужно совершить. Послѣдняя часть столь велика, что не по силамъ для отдѣльнаго изслѣдователя, интересующагося исторіей гуситской мысли. Такому изслѣдователю пока ничего не остается, какъ попытаться сдѣлать хотя одинъ новый шагъ, если нельзя — нѣсколько, по намѣченному пути къ конечной цѣли научной работы.

Такой шагъ мы хотимъ сдѣлать въ предлагаемомъ изслѣдованіи объ одномъ изъ представителей гуситской мысли, Петрѣ Хельчицкомъ. Монографія о такомъ, хотя-бы и одномъ только, представителѣ гуситской мысли, имѣеть, кажется, не маловажное значеніе въ дѣлѣ приближенія къ конечной цѣли, — общему очерку исторіи гуситской идеологіи. Причина этого заключается въ характерѣ личности и круга идей П. Хельчицкаго. Прежде всего отмѣтимъ, что изучать его жизнь и дѣятельность это значить изучать почти исключительно сферу мысли: Хельчицкій не принималъ активнаго участія въ гуситскомъ (внѣшнемъ) движеніи, его имени мы почти совсѣмъ не встрѣчаемъ ни въ описаніи внѣшнихъ и внутреннихъ гуситскихъ войнъ, ни въ исторіи политическихъ соглашеній, соборовъ и диспутовъ. Хельчицкій почти не имѣеть біографіи въ принятомъ значеніи этого слова¹⁾. Это обстоятельство имѣеть, конечно, свои неудобства и для обслѣдованія исторіи

¹⁾ 12 лѣтъ тому назадъ въ статьѣ: „Очеркъ жизни и литературной дѣятельности П. Хельчицкаго“ (Ж. М. Н. П.) мы собрали данныя (по пособіямъ и источникамъ) для біографіи П. Хельчицкаго; съ тѣхъ поръ не появилось почти никакихъ новыхъ данныхъ для уясненія внѣшнихъ судебъ П. Хельчицкаго; не удалось намъ обогатить біографію Хельчицкаго существенно новыми данными и въ ходѣ предлагаемыхъ изслѣдованій...

его души, исторіи его литературныхъ произведеній, его идей; оно ставитъ затрудненія для распланировки матеріала въ монографіи, посвященной Хельчицкому. Но здѣсь есть и своеобразное преимущество для изслѣдователя идей: онъ не отвлекается въ сторону быстро-текущихъ явленій внѣшняго бытія и сосредоточиваетъ все вниманіе на жизни идей и жизни для идей...

Но что особенно важно, такъ это исключительное положеніе личности Хельчицкаго и его теорій во всей исторіи гуситства. Хельчицкій — это одинъ изъ самыхъ выдающихся чеховъ, извѣстныхъ исторіи, въ его лицѣ чешскій народъ дѣйствительно внесъ нѣчто цѣнное въ исторію человечества и его мысли—и мы можемъ повторить о Хельчицкомъ слова автора предисловія къ изданію (XVI в.) одного изъ сочиненій Хельчицкаго („Siet viery“): „Кто будетъ часто читать эту книгу и заглядывать въ нее, тотъ долженъ будетъ сказать, что всемогущій Господь Богъ благоволилъ не забыть предковъ нашихъ, а вложить въ нихъ Своего Св. Духа, наполнить ихъ этимъ духомъ, чтобы оставить потомству память о порученныхъ имъ дарахъ Божіихъ“¹⁾. Специально въ исторіи гуситской мысли Хельчицкій представляетъ собой наиболѣе интересное теченіе, воспринявшее изъ окружающей идейной среды всѣ наиболѣе положительные, жизнеспособные элементы и подвергнувшее критикѣ и отрицанію, отметавшее элементы болѣзненные, слабые. Около системы идей Хельчицкаго легко можетъ быть конструировано остальное гуситское мировоззрѣніе. Въ смыслѣ живой, развивавшейся системы идей, направленіе Хельчицкаго охватываетъ собою продолжительный періодъ. Если сообразить, что, съ одной стороны, первыя идейныя переживанія реформаціоннаго характера у Хельчицкаго связаны съ религіознымъ движеніемъ, исходившимъ отъ проповѣдниковъ церкви св. Николая въ Старомъ Мѣстѣ пражскомъ, т.-е. съ проповѣдью (и трактатами, главнымъ образомъ, погибшими чешскими), если не Матвѣя Парижскаго, то его учениковъ, что, съ другой стороны, дѣло кружка бр. Григорія, зародыша Братской Общины, совершилось подъ громаднымъ вліяніемъ личности и сочиненій Хельчицкаго на этотъ кружокъ—если, говоримъ мы, сообразить все это, то обнаружится, что Хельчицкій и своей жизнью и своимъ ученіемъ непосредственно связываетъ все гуситство—отъ лучшихъ проявленій „гуситства до Гуса“ до послѣдняго от-

¹⁾ Сборн. II Отд. Ак. Н., LV. 1.

прыска гуситства, „Общины Чешскихъ братьевъ“. Если около сер. 1430-хъ годовъ уже опредѣлилась гибель лѣваго крыла гуситства—таборитства, если въ 1440—1450-хъ годахъ наступаетъ „начало конца“ и праваго гуситскаго крыла, „калинництва“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-будто, конецъ и всего гуситскаго движенія, то, именно, благодаря Хельчицкому, передавшему свое духовное наслѣдіе Братской Общинѣ, гуситство все-же не сходитъ еще со сцены жизни на страницы исторіи, а живетъ радъ десятилѣтій въ довольно чистомъ видѣ, переживаетъ и XVI вѣкъ, не слишкомъ деформируясь подъ мощными вліяніями реформаци XVI вѣка. Благодаря Хельчицкому, гуситство въ „братскихъ“ формахъ еще на рубежѣ XVI—XVII вв. даетъ послѣдній бой католической реакціи Габсбурговъ и умираетъ только на Бѣлой горѣ (1620 г.).

Работа о Хельчицкомъ, какъ важная страница по исторіи гуситской мысли, должна удовлетворять тѣмъ же требованіямъ, которыя установлены нами выше для будущаго общаго труда по исторіи гуситской мысли.

Она должна быть полной регистраціей всѣхъ идей Хельчицкаго, что неразрывно связано съ установленіемъ всей литературной производительности Хельчицкаго.

Она должна представлять совокупность идей Хельчицкаго въ ихъ развитіи въ предѣлахъ его жизни, что неразрывно съ фиксаціей его литературныхъ произведеній къ опредѣленнымъ хронологическимъ моментамъ, къ извѣстнымъ событіямъ въ личной жизни ихъ автора и въ судьбахъ гуситства.

Она должна дать анализъ идей Хельчицкаго, объяснить ихъ происхождение. Здѣсь должны быть отдѣлены идеи, выросшія изъ условій реальной чешской жизни, отъ идей возникшихъ на почвѣ литературныхъ вліяній. Далѣе, необходимо въ области этихъ вліяній выдѣлить то, что идетъ къ Хельчицкому отъ предшественниковъ гуситства, что взято имъ у Гуса и гуситовъ, что, наконецъ, заимствовано имъ у Вильяма и вальденцевъ (непосредвенно или черезъ кого-нибудь другаго). Наконецъ, въ интересахъ полноты изслѣдованія слѣдуетъ прослѣдить всѣ вліянія, оказанныя Хельчицкимъ на наличныя при его жизни и на послѣдующія теченія гуситской мысли, на отдѣльныхъ ихъ представителей.

Приступая къ работѣ надъ Хельчицкимъ, отчасти и переживая процессъ этой работы, мы предавались надеждѣ сразу же представить такой общій, цѣлостный трудъ. Эта надежда питалась, между прочимъ, извѣстной подготовительной работой—изданіями про-

изведеній Хельчицкаго и рядомъ монографическихъ изслѣдованій о Хельчицкомъ.

Освоеніе этой наличной литературы, знакомство съ состояніемъ изученій исторіи гуситской идеологіи (разъяснено выше), наконецъ, самостоятельная научная работа надъ Хельчицкимъ и вообще гуситствомъ—все это привело насъ, однако, пока къ инымъ результатамъ сравнительно съ первоначально поставленной цѣлью, къ результатамъ, имѣющимъ предварительный характеръ—привело къ предлагаемому вниманію читателя „Этюдамъ о П. Хельчицкомъ и его времени“. Чтобы понять такіе именно результаты, чтобы понять характеръ и значеніе отдѣльныхъ „этюдовъ“, необходимо дать себѣ отчетъ въ ходѣ изученій Хельчицкаго, не входя въ излишнія подробности.

Возрождавшійся на рубежѣ XVIII и XIX вв. чешскій народъ и его историческая наука располагали крайне слабой традиціей о Хельчицкомъ изъ эпохи католической реакціи.

Первые опыты по изслѣдованію Хельчицкаго въ той ранней чешской научной исторической литературѣ, представителями которой являются І. Добровскій и І. Юнгманъ, еще вполне обусловлены жалкими остатками исторической традиціи о Хельчицкомъ, въ католическомъ ея видѣ. Добровскій въ „Исторіи чешскаго языка и литературы“ говоритъ о Хельчицкомъ слѣдующее: „Самое извѣстное его сочиненіе разбито на 40 главъ; онъ, какъ сапожникъ по ремеслу, называлъ ихъ „Корута“ (то-есть, сапожная колодка); поэтому онъ былъ прозванъ своими противниками „Doctor korutaru“¹⁾, То же самое повторяетъ и Юнгманъ въ обоихъ изданіяхъ своей „Исторіи чешской литературы“ (1825—1849 гг.)²⁾; лишнее у него противъ Добровскаго—это перечисленіе 8 сочиненій Хельчицкаго.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ начинаются научныя изслѣдованія о Хельчицкомъ. Къ изученію Хельчицкаго привлекаются два важнѣйшіе источника: его собственныя сочиненія и акаатолическая традиція, извѣстія „чешскихъ братьевъ“; первое сдѣлалъ Фр. Палацкій, второе—П. Шафарикъ.

Палацкій изучилъ по старопечатнымъ изданіямъ два важныя сочиненія Хельчицкаго: „Postilla“ и „Sít' víry“, которыя имѣлись въ книгохранилищахъ Праги, ознакомился отчасти съ открытой въ 1853 году Парижской рукописью сочиненій его и самъ изслѣдовалъ въ 1856 году Оломуцкую рукопись трактатовъ Хельчиц-

¹⁾ Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur, 2 изд., 229.

²⁾ Historie literatury české, изд. 1849, 569.

каго; хорошо онъ зналъ и рукописную „братскую“ литературу, имѣющую какое-либо отношеніе къ Хельчицкому. Обладая, такимъ образомъ, уже нѣкоторыми первоисточниками, чешскій исторіографъ далъ первый до нѣкоторой степени отвѣчающій научнымъ требованіямъ опытъ о Хельчицкомъ въ своихъ „*Dějiny národu českého*“¹⁾. Палацкій высоко цѣнитъ Хельчицкаго: онъ считаетъ его „писателемъ, который по самостоятельности духа, по оригинальности и продуктивности мысли и силѣ слога занялъ первое мѣсто среди современныхъ ему соотечественниковъ и въ половинѣ XV вѣка вообще долженъ быть упомянутъ прежде всѣхъ, тотчасъ послѣ мистра Яна Гуса“ (стр. 408). Изложивъ, со свойственною ему осторожностью, несомнѣнныя біографическія данныя о Хельчицкомъ и не входя въ вопросъ о хронологическомъ размѣщеніи его сочиненій, Палацкій приступаетъ къ изложенію ученія его. Вѣроученіе Хельчицкаго оказывается не характернымъ для его личности; его сила—въ правоученіи, какъ то же можно сказать и о М. Яновскомъ. Изложеніе правоученія Хельчицкаго ведется по сочиненію „*O šelně a obzahu jejím*“ (въ Олом. рук.) и „*Sít' víry*“. По мнѣнію Палацкаго, „мыслью, которая прежде всего отличала систему Хельчицкаго и которая стала его собственностью, было рѣшительное отрицаніе права войны, даже права смертной казни между христианами“ (стр. 418). За характеристикой слога Хельчицкаго, какъ слога чисто новаго времени (стр. 420), слѣдуетъ критика правоученія Хельчицкаго, указывающая на невыполнимость этого ученія въ жизни: „кто долженъ будетъ терпѣть неправду, если всѣ люди будутъ вести себя по наставленіямъ Хельчицкаго, а нигдѣ не будетъ насилія и преслѣдованія? Эти наставленія имѣютъ въ виду лишь меньшую часть человѣческаго общества, ибо совокупность гонимыхъ за вѣру предполагаетъ совокупность гонителей, остающихся внѣ вѣры“ (421 стр.). Это обстоятельство и отразилось пагубно на судьбахъ „Общины братской“; къ изображенію начатковъ ея подъ вліяніемъ Хельчицкаго и переходитъ Палацкій и этимъ кончаетъ свое разсужденіе. Палацкій пользуется сочиненіями Хельчицкаго и для изображенія нравовъ эпохи (на стр. 469—476 того же IV тома своей „Исторіи“).

Шафарикъ еще съ 1854 года началъ собирать матеріалы для біографіи Хельчицкаго; но они такъ и остались у него „*membra disiecta*“, хотя Гиндели утверждаетъ, что „Шафарикъ прочелъ въ „*Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften*“ нигдѣ не напечатанную

¹⁾ Изданіе 1857 года, стр. 407—425 1-ой части 4-го тома.

біографію Хельчицкаго¹⁾). Матеріали Шафарика напечатавъ І. Ирецекъ; они состоятъ изъ нѣсколькихъ экскурсовъ по частнымъ вопросамъ біографіи Хельчицкаго, изъ краткаго внѣшняго обзора его сочиненій и приложений²⁾. Вотъ въ этихъ-то приложенияхъ и заключается цѣнность матеріаловъ: Шафарикъ собралъ все, что сохранилось о Хельчицкомъ въ сочиненіяхъ „братъевъ“ и католиковъ, и привелъ въ текстуальномъ изложеніи (21 извѣстіе); здѣсь же напечатано одно сочиненіе Хельчицкаго: „Psalní dvěma kněžím“.

Въ томъ же 1857 году, къ которому относится появленіе труда Палацкаго о Хельчицкомъ, вышло въ свѣтъ сочиненіе Гиндели: „Geschichte der Böhmischen Brüder“; въ т. I авторъ воснулъ и Петра Хельчицкаго, поскольку этотъ послѣдній новліялъ на образованіе „Общины“. Но изложеніе Гиндели, сравнительно съ Палацкимъ, слабѣе и по фактическому содержанию и по освѣщенію его. Онъ даетъ намъ краткія біографическія свѣдѣнія о Хельчицкомъ и, упоминая лишь о трехъ его сочиненіяхъ³⁾, налагаетъ ученіе Хельчицкаго. Онъ усматриваетъ въ Хельчицкомъ чувство глубокой ненависти къ чешскому дворянству и духовенству; „сочиненія Хельчицкаго оказываются точнымъ изображеніемъ всего этого настроенія и его логическимъ развитіемъ“⁴⁾. Соціологическія построенія Хельчицкаго—„eine unfreundliche, nicht eben bezaubernde Theorie“, которая и могла зародиться лишь „въ мозгу уединеннаго мыслителя“. „Кто могъ бы ожидать,—спрашиваетъ Гиндели,— что она найдетъ друзей и исповѣдниковъ“? (стр. 15). Объясняетъ онъ это слѣдующимъ образомъ. „Относительно всѣхъ сектантовъ можно доказать, что на ихъ вѣроученіи или нравоученіи удивительнымъ образомъ отражаются вліянія времени, къ которымъ они или приспособляются или съ которыми борются. Сила меча болѣе, чѣмъ въ теченіе 30-ти лѣтъ господствовала въ Чехіи, и, благодаря ей, различныя религіозныя партіи получали или сохраняли свое бытіе. Всѣ одинаково страдали отъ нея. Но *теперь* всѣ появившіеся новаторы... не могли ожидать благосклонныхъ отношеній со стороны этой желѣзной силы; они начали смотрѣть на нее, или вообще на свѣтскую власть, какъ на противоположную *не только* имъ, но и какъ на *абсолютно* враждебную христіанскому разви-

1) Gindely: „Geschichte der Böhmischen Brüder“, 1857, I, 489.

2) С. С. М., 1874, 91—109.

3) На стр. 489—490 своего труда Гиндели даетъ списокъ всѣхъ извѣстныхъ ему сочиненій Хельчицкаго.

4) *ibid.*, 14.

тію... Петръ Хельчицкій какъ въ своемъ собственномъ развитіи, такъ и въ томъ вліяніи, какое оказывалъ онъ на другихъ, даетъ доказательство въ пользу выставленнаго нами утвержденія“ (Гиндели забываетъ или не знаетъ, что Хельчицкій отрицалъ силу меча еще въ 1420 году)¹⁾. Таковы взгляды Гиндели.

На основаніи трудовъ Палацкаго и Гиндели трактуютъ о Хельчицкомъ Bernhard Czerwenka въ своей „Geschichte der Evangelischen Kirche in Böhmen“²⁾ и Gotthard Lechler въ сочиненіи: „Johann von Wiclif und die Vorgeschichte der Reformation“³⁾; ничего новаго эти авторы не даютъ, лишь Лехлеръ указываетъ на зависимость Хельчицкаго отъ Виглифа въ ученіи о таинствахъ евхаристіи.

Въ 1875 г. I. Иречекъ издалъ свою „Rukověť k dějinám literatury české do konce XVIII věku“, въ которой помѣщена и статья о Хельчицкомъ⁴⁾. Здѣсь мы находимъ біографію Хельчицкаго и списокъ его сочиненій. Въ біографію Иречекъ внесъ лишь тѣ факты жизни и литературной дѣятельности Хельчицкаго, которые могутъ быть подтверждены несомнѣнными данными источниковъ. Никакихъ гипотезъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись изслѣдователь Хельчицкаго, Иречекъ не даетъ; общаго фона эпохи тоже нѣтъ: этимъ, можетъ быть, обусловливается и то, что изъ біографіи Иречека не выносишь сколько-нибудь живого образа Хельчицкаго, тѣмъ болѣе, что Иречекъ вовсе не излагаетъ и ученія его.

Въ 1875 году мы встрѣчаемся съ новою попыткою войти въ болѣе внимательное изученіе Хельчицкаго: мы разумѣемъ трудъ Ферд. Шульца: „Petr Chelčický“⁵⁾. Шульцъ, по довольно вѣрному признанію слѣдующаго изслѣдователя Я. Голля, сдѣлалъ такъ много для выясненія темныхъ пунктовъ біографіи Хельчицкаго, что едва ли удастся кому-нибудь сказать что-нибудь существенно новое послѣ него: возможны лишь перестановки нѣкоторыхъ хронологическихъ датъ и кой-какія новыя мелочи. Новую и пріятную сторону въ трудѣ Шульца составляетъ изображеніе той обстановки, при которой имѣли мѣсто тѣ или другія событія въ жизни Хельчицкаго. Впервые появленіе почти всѣхъ сочиненій Хельчицкаго приурочивается къ опредѣленному времени, показывается связь содержанія каждаго сочиненія съ соціально-политическими условіями момента и съ разновидностями гуситскаго ученія (все это занимаетъ

¹⁾ *ibid.*, 12—13.

²⁾ В. II, 1870, 6—14.

³⁾ В. II, 1873, 504—506.

⁴⁾ стр. 285—292.

⁵⁾ *Osvěta*, 1875, №№ 1—6.

до 36 печатныхъ страницъ). На слѣдующихъ 28 стр. Шульцъ пытается дать общій очеркъ ученія Хельчицкаго, но этотъ отдѣлъ его труда довольно слабъ. Шульцъ осуществляетъ эту задачу слишкомъ примитивнымъ образомъ. Онъ беретъ рядъ рубрикъ и помѣщаетъ подъ ними выписки изъ разныхъ сочиненій Хельчицкаго. Вотъ эти рубрики: Христосъ и вѣра въ Него; пользованіе разумомъ въ дѣлахъ вѣры; внѣшнее служеніе Богу; въ чемъ не заключается спасеніе? въ чемъ оно состоитъ? священники говорятъ, что они — источникъ спасенія; папа — главный источникъ спасенія; папа — антихристъ; папство исказилось главнымъ образомъ при императорѣ Константинѣ; власть духовная и свѣтская; святокупство (симонія); испорченность священниковъ; поборы ихъ съ народа; чистилище и поминовеніе умершихъ, призваніе святыхъ и т. д. Рубрики эти не связаны одна съ другою, такъ что въ изложеніи не оказывается и внѣшней системы, не говоря уже о внутренней. Христоматическіе отрывки изъ Хельчицкаго въ изложеніи Шульца не могутъ служить даже матеріаломъ для научнаго изложенія ученія Хельчицкаго, такъ какъ авторъ не указываетъ, изъ какихъ именно сочиненій онъ черпаетъ, и такъ какъ не соблюдена пропорція между существеннымъ и несущественнымъ для Хельчицкаго. Въ заключеніи Шульцъ предлагаетъ свой общій взглядъ на личность Хельчицкаго, на роль его въ гуситскомъ движеніи и значеніе для современности. „Петръ, говоритъ Шульцъ, — былъ христіанскимъ моралистомъ“. „Благодаря этому главному своему свойству, онъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ чешскимъ реформаторамъ, своимъ предшественникамъ: Штитному, Милличу и Гусу“. „Хельчицей совершенно сбросилъ съ себя тѣ духовныя путы, которыя связывали еще и Гуса, и какъ *самостоятельно* и оригинально писалъ, такъ и мыслилъ“¹⁾. Шульцъ далекъ отъ того, чтобы детально изслѣдовать вопросъ о вліяніи на него предшественниковъ и современниковъ, особенно Виклифа; вліяніе послѣдняго онъ даже рѣшительно отрицаетъ²⁾. Авторъ такъ высоко ставитъ Хельчицкаго, что заявляетъ: „Духовное направленіе и жизненныя потребности культуры въ XIX вѣкѣ уже на нѣсколько ступеней выше, чѣмъ они были 4 вѣка назадъ; но изъ сочиненій Петра Хельчицкаго на насъ вѣетъ силой и свѣжестью современныхъ идей“; „Постилла“ и 2-я часть „Сѣти вѣры“ и теперь нашли бы (много) иныхъ читателей, кромѣ фило-

¹⁾ Osvěta, 1875, № 6, 455.

²⁾ *ibid.*, 456.

логовъ и историковъ“¹⁾. И, можетъ быть, Шульцъ правъ въ этомъ своемъ заявленіи, хотя Голль упрекаетъ его за то, что у него „den Ideen Chelčický's mitunter ein geradezu modernes Gepräge gegeben wird“²⁾, отъ чего предостерегаетъ читателей Хельчицкаго, вслѣдъ за Голлемъ, и Ягичъ, создатель „Сѣти вѣры“³⁾.

Проф. Ярославъ Голль въ двухъ трудахъ: „Petr Chelčický a správy jeho“⁴⁾ и „Peter Chelčický und seine Lehre“⁵⁾ сдѣлалъ очень много для изученія Хельчицкаго. Первый трудъ представляетъ изъ себя біографію Хельчицкаго, написанную на основаніи всего относящагося сюда матеріала и на основаніи трудовъ предшественниковъ. Жизнь и дѣятельность Хельчицкаго представлены въ связи— хотя и бѣгло— съ главнѣйшими политическими и умственными теченіями того времени (вопросъ о правѣ войны и споры объ евхаристіи). Особенную заслугу Голля составляетъ то, что онъ дѣлаетъ попытку установить число и отношеніе другъ къ другу трактатовъ Хельчицкаго и отнести ихъ къ опредѣленнымъ хронологическимъ пунктамъ. Въ заключеніе своей работы онъ коротко излагаетъ сущность воззрѣній Хельчицкаго и общее положеніе Хельчицкаго въ гуситскомъ движеніи: „Хельчицкій занимаетъ самостоятельное мѣсто въ гуситскомъ движеніи, упрекая пражскихъ магистровъ (подобоевъ) за то, что они ни въ чемъ существенномъ не отдѣлились отъ церкви и ея порчи, таборитовъ — за то, что они не привели къ истинно-христіанской жизни порученный имъ народъ, обѣ стороны — за то, что они допустили и провозгласили нехристіанскіе бои за правду Божію, религіозную войну“⁶⁾. Второй трудъ Голля въ первой своей части представляетъ изъ себя повтореніе его перваго сочиненія. Второй отдѣлъ далъ самое полное до тѣхъ поръ систематическое изложеніе ученія Хельчицкаго, хотя уже самъ авторъ опасается, что „его попытка не удовлетворитъ богословски-образованныхъ читателей, а въ другихъ не возбудитъ настоящаго интереса къ ученію, возникшему въ головѣ мыслителя и умствователя, который, живя въ вѣкѣ гуманизма, не подчинялся, правда, великимъ авторитетамъ средне-

¹⁾ *ibid.*, 453.

²⁾ J. Goll: „Quellen und Untersuch.“, II, 5, прим. 1.

³⁾ Сборн. Отд. рус. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. LV, 1893, XXXIV.

⁴⁾ С. С. М., 1881, 3—37.

⁵⁾ *Quellen und Untersuch.*, II, 1882.

⁶⁾ С. С. М., 1881, 37.

вѣковъ, однако по всему своему существу принадлежалъ этому средневѣковью“¹⁾). Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ Голль пытается рѣшить вопросы: „Какое мѣсто занимаетъ Петръ Хельчицкій въ духовномъ движеніи XV столѣтія? Что — его собственность, что онъ заимствовалъ у другихъ, и откуда это возникло? Какъ же рѣшаетъ онъ эти вопросы? По его мнѣнію, „образъ Хельчицкаго не выходитъ изъ рамокъ гуситскаго движенія“²⁾); съ этой точки зрѣнія онъ и указываетъ на то вліяніе, которое имѣли на Хельчицкаго Янъ Протива, Виклифъ и вальденцы, однако, въ чертахъ общихъ, не входя въ подробности совпаденія мыслей и выраженій. Къ изслѣдованію о Хельчицкомъ присоединены нѣкоторые матеріалы: 1) Къ вопросу объ оправданіи войны, 2) Къ исторіи хилиастическихъ мечтаній, 3) Къ таборитскому ученію объ евхаристіи и 4) Извлеченія изъ нѣкоторыхъ сочиненій Петра Хельчицкаго, а именно: 1) *Replik gegen Nicolaus von Pilgram*, 2) *Erklärung der Passion Christi nach dem Evangelium Ioh.*, 3) *Von den Sacramenten*, 4) *Replik gegen Rokycana*.

Работы проф. Я. Голля стали исходнымъ пунктомъ для послѣдующаго изученія Хельчицкаго.

Это изученіе пошло по двумъ путямъ.

Прежде всего, ученые работники старались дать себѣ полный отчетъ въ литературномъ наслѣдіи Хельчицкаго, обязательно установить всѣ произведенія его и путемъ напечатанія сдѣлать ихъ доступными для изслѣдованія.

Уже въ годъ выхода работы Я. Голля: „*P. Chelčický und seine Lehre*“ гг. Патера и Анненковъ напечатали сообщеніе о произведеніяхъ Хельчицкаго, находящихся въ Cod. 32 Пражской Митрополичьей бібліотеки, сопровождая свое сообщеніе выписками изъ текстовъ рукописи и приводя извѣстные доводы въ пользу принадлежности нѣкоторыхъ трактатовъ или фрагментовъ ихъ именно П. Хельчицкому („*O nově nalezeném rukopise spisů P. Chelčického*“, *Č. Č. M.* 1882, 270 — 288).

Въ 1885 г. тотъ же Ю. С. Анненковъ далъ описаніе такъ называемой Парижской (въ Национальной бібліотекѣ) рукописи трактатовъ Хельчицкаго и извлеченія изъ нихъ („*Vypisky z Pařížského rukopisu spisů Štítného a Chelčického*“, *Č. Č. M.*, 1885, 394 — 402), дополняя прежнія сообщенія о рукописи этой: Шафарика (*Č. Č. M.*, 1842, 453 — 454), Палацкаго („*Sitzungsberichte*“

¹⁾ *Quell. und Unters.*, II, 22.

²⁾ *ibid.*, 34.

Вѣнск. Акад. Наукъ, XI, 1853, въ „Bericht an die akad. Commission“, 291—292) и иезуита Мартынова (Les manuscrits slaves de bibliothèque impériale de Paris, 1858, 103—105, съ факсимиле).

Въ 1890-хъ годахъ появляются первыя изданія сочиненій Хельчицкаго.

Въ 1891—1892 гг. Пражское (евангелическое) общество „Comenium“ издаетъ въ своей коллекци „Comenium“, вып. II—III, подъ редакцией др. I. Караска, всѣ трактаты Оломуцкой рукописи сочиненій Хельчицкаго, кромѣ „Replika proti Mikuláši bisk. Táboorskému“, т.-е.: „Řeč a zpráva o těle Božím“, „O šelmě a obraze jejím“, „Řeč o základu zákonů lidských“, „O očistci“ (1 вып.); „Řeč sv. Pavla o starém člověku“, „Řeč na dvacátou kapitolu sv. Matouše: O dělnících na vinici Paně“ и „Výklad na pašiji sv. Jana“ (2 вып.); оба выпуска „Comenium'a“ снабжены небольшими введеніями редактора о самой рукописи и о содержащихся въ ней трактатахъ.

Въ 1892 г. „Družstvo českobratrské“ въ Прагѣ издало по старопечатному изданію XVI в. 1-ю часть „Postilla“—иначе „Kniha výkladův sprasitedlných na čtení pēdelní celého roku“—П. Хельчицкаго, послѣ того какъ она напечатана была въ 1890 г. въ видѣ приложенія къ періодическому изданію „Ceský Bratr“. Изданіе это, подъ редакцией г. Кошута, очень несправное, съ пропусками цѣлыхъ строкъ, не представляя собой копій изданій XVI в., однако и не модернизируетъ сполна этихъ изданій.

Въ 1893 г. Отдѣленіе русскаго языка о словесности Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ издало въ „Сборникѣ“, т. LV, подъ ред. ак. Ягича и д-ра Караска—послѣ смерти г. Анненкова, начавшаго редакцію—одно изъ важнѣйшихъ произведеній Хельчицкаго: „Sít' víry“ (по старопечатному изданію 1521 г., экземпляры котораго имѣются въ бібліотекахъ: Пражскаго Университета и кн. Лобковица въ Прагѣ) и „Replika proti Mikuláši bisk. Táboorskému“ (по Оломуцкой рукописи). Изданію предпослано „введение“ (I—II стр.), гдѣ редакторы сообщаютъ свѣдѣнія о самомъ Хельчицкомъ, его сочиненіяхъ, даютъ оцѣнку дѣятельности и сочиненій Хельчицкаго и, наконецъ, рассказываютъ исторію предлагаемаго ими изданія (между прочимъ, описывается Оломуцкая рукопись).

Въ 1898 г. д-ръ К. Черный (K. Černý) напечаталъ въ журн. „Listy filologické“ („Klasobraní po rukopisích“, стр. 259—280, 384—404 и 453—478) трактаты П. Хельчицкаго, находящіеся въ такъ называемой Парижской рукописи, т.-е.: 1) Replika proti

Rokycanovi, 2) „List“ неизвѣстному священнику и 3) „List ke kněží Mikulášovi“; изданіе, представляющее собой копию рукописи, предварено маленькимъ предисловіемъ проф. Я. Гебауэра и д-ра К. Чернаго объ исторіи изученія рукописи и ея внѣшнемъ видѣ.

Въ 1900—1903 гг. общество „Comenium“ (вып. XIV и XVI) издало, подъ ред. д-ра Сметанки, полный текстъ „Postilla Chelčického“ (ч.ч. 1 и 2), на основѣ двухъ старопечатныхъ изданій XVI в., 1522 и 1532 гг., при чемъ основной текстъ является воспроизведеніемъ изданія 1522 г., при измѣненіи, однако, интерпункціи и разрѣшеніи бѣльшей части сокрашеній, съ вариантами (подъ строкой) изъ изд. 1532 г.; при 2-мъ томѣ изданія имѣется небольшое „введеніе“, гдѣ д-ръ Сметанка говоритъ о „Postilla“, какъ литературномъ памятникѣ, сравнительно съ другими чешскими „Постиллами“ XV в., особенно, съ „Постиллой“ Гуса.

Въ 1904 г. въ LXXVII т. „Сборника II Отд. С.-Петербургской Академіи Наукъ“ былъ изданъ, подъ редакціей автора предлагаемыхъ этюдовъ, трактатъ П. Хельчицеаго изъ Cod. D. 82 Пражской Капитульной бібліотеки: „O trogiem lidu“.

Наконецъ, въ 1907 г. д-ръ Müller сообщилъ (С. С. Н., 1907, 163—171) свѣдѣнія о рукописи (XV в.) Нюрнбергской городской бібліотеки, гдѣ содержится текстъ части „Postilla“ П. Хельчицеаго. Этотъ текстъ, хотя и не полный, равный приблизительно лишь первой $\frac{1}{4}$ печатнаго текста (522 стр., in 4°, рукописи соответствуютъ 237 стр. I т. изданія д-ра Сметанки), важенъ тѣмъ, что даетъ гораздо болѣе распространенную, чѣмъ доселѣ извѣстная, редакцію „Postilla“, гдѣ сохранились и сравнительно обильные намеки на современность и болѣе опредѣленные, часто болѣе рѣзкія формулировки взглядовъ Хельчицеаго, пропущенные или сглаженные въ изданіяхъ XVI вѣка. Кромѣ того, въ рукописи имѣется неполный текстъ толкованія Хельчицеаго на Еванг. Іоанна, I, 1—14 (пасхальное чтеніе), извѣстный по рук. XVII. D. 40 Пражской Университетской бібліотеки.

Не смотря на всѣ эти изданія сочиненій Хельчицеаго и свѣдѣнія о рукописномъ ихъ „преданіи“, мы все еще далеки отъ наличности „Orega omnia“ Хельчицеаго.

Прежде всего, не всѣ сочиненія, дѣйствительно принадлежащія Хельчицкому, установлены, какъ таковыя: напримѣръ, нѣкоторые трактаты Cod. D. 82 Пражской Капитульной бібліотеки, которые до сихъ поръ не считались принадлежащими Хельчицкому, въ дѣйствительности придется приписать ему.

Далѣе, изъ опознанныхъ уже наукой сочиненій Хельчицкаго многія еще не изданы: таковы почти всѣ трактаты изъ Cod. D. 82 Пражской Капитульной библіотеки, нѣкоторые—изъ Cod. D. 32 Пражской Митрополичьей библіотеки, изъ Cod. XVII. D. 40 Пражской Университетской библіотеки и проч.

Наконецъ, и то, что издано, нуждается въ переизданіи, ибо не вполне удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ. Не говоря о разнаго рода техническихъ недостаткахъ, о разнообразіи примѣненныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ приемовъ изданія, приходится особенно указать на необходимость сравнительнаго изученія рукописей, ибо нѣкоторыя произведенія Хельчицкаго извѣстны по нѣсколькимъ рукописямъ (или въ цѣломъ—нѣкоторые трактаты Cod. D. 82 и Оломуцк. рук. или въ частяхъ—трактаты Парижск. рук. и Cod. 32 Митрополичьей библіотеки). Но здѣсь мы вступаемъ уже въ область изслѣдованій о Хельчицкомъ.

Обращаясь къ этой сторонѣ дѣла, мы должны прежде всего указать на отсутствіе новыхъ (послѣ Голля) строго научныхъ общихъ трудовъ о Хельчицкомъ.

Такія работы, какъ „введеніе“ ае. Ягича къ изданію „Sít' výry“, какъ „Очеркъ жизни и литературной дѣятельности П. Хельчицкаго“ автора настоящихъ строкъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1895 г.), статья „P. Chelčický“ въ „Otlův Slovník Naučný“ (D. XII, 1897), наконецъ, какъ глава IV—о Хельчицкомъ—въ „Dějiny české literatury“ Я. Влчеа (1897), лишь въ нѣкоторой степени являются результатомъ самостоятельныхъ изслѣдованій, основываясь въ главномъ на работахъ предшественниковъ, главнымъ образомъ, проф. Я. Голля. Ю. С. Анненковъ цѣлый рядъ лѣтъ работалъ надъ Хельчицкимъ, но преждевременная смерть лишила науку возможности получить тотъ новый общій трудъ о Хельчицкомъ, который, повидимому, приготавливалъ Анненковъ.

Много занимался изученіемъ возрѣній Хельчицкаго пробствъ Вышеградскаго (около Праги) капитула д-ръ Ант. Ленць. Послѣ изданія монографій по отдѣльнымъ вопросамъ теоріи Хельчицкаго и объ отношеніи этой теоріи къ возрѣніямъ гуситовъ и „предшественниковъ гуситства“, какъ-то: „Učení katolické o Antikristovi a učení P. Chelčického o tomže“ (Vlast., XII), „P. Chelčického učení o sedmeře svátostí a poměr učení tohoto k Janu Viklířovi“ (1889), „Vzájemný poměr učení Chelčického, Jednoty českých Bratří a Táborů k nauce Valdenských, J. Husi a J. Viklířa“ (1895) и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ, Ленць написалъ и общій

обзоръ міровоззрѣнія Хельчицкаго: „Soustava učení P. Chelčického“ („Sborník histor. kroužku“, I). У д-ра Ленца было много благоприятныхъ условий для того, чтобы оставить по себѣ прочный слѣдъ въ изученіи Хельчицкаго. Такъ, онъ хорошо былъ знакомъ со всѣми — не только напечатанными, но и находящимися еще въ рукописи — сочиненіями Хельчицкаго, онъ зналъ хорошо сочиненія Гуса и Виклифа, какъ это видно изъ его книгъ: „Učení M. Jana Husi“ (1875) и „Soustava učení M. Jana Viklifa na základě pramenů“ (1898). Но д-ръ Ленцъ былъ не историкъ, а католическій богословъ-полемистъ — и это фатально отразилось на результатѣ его работъ. Д-ръ Ленцъ не изслѣдовалъ ни жизненныхъ судебъ самого Хельчицкаго, ни его литературной дѣятельности въ связи съ исторіей страны и народа. Такъ какъ онъ не позаботился уяснить себѣ ходъ этой дѣятельности, то и система идей Хельчицкаго является у него вылившейся какъ бы сразу, безъ всякихъ слѣдовъ ея развитія, измѣненія. Къ этой системѣ идей Хельчицкаго д-ръ Ленцъ относится не какъ объективный историкъ-изслѣдователь, а какъ католическій догматикъ-полемистъ: идеи Хельчицкаго занимаютъ его постольку, поскольку онѣ расходились съ неподвижнымъ ученіемъ католической церкви, а еще болѣе — со схоластической системой Оммы Аввината, поскольку онѣ были ересью. Ученія Хельчицкаго положены д-ромъ Ленцомъ на Прокрустово ложе схоластической теоріи, не только оцѣниваются съ точки зрѣнія несоотвѣтствія ихъ этой теоріи, но и сгруппированы, расположены въ системѣ, принятой схоластикой церковныхъ школъ нашихъ дней. При такомъ изложеніи пропадаетъ различіе между существеннымъ и несущественнымъ во взглядахъ Хельчицкаго, стирается индивидуальное и историческое своеобразіе личности и міровоззрѣнія его. Ученія Хельчицкаго, понимаемая Ленцомъ, какъ и все вообще гуситство, въ качествѣ ереси, погубившей чешскій народъ, нравственной заразы, угрожающей этому народу и въ наши дни, не имѣютъ, по мнѣнію Ленца, корней въ самой чешской жизни: они — инфекция извнѣ, отрывка иныхъ, чужеземныхъ ересей, виклифизма и вальденства, они — худшее, такое же, какъ и таборитство, проявленіе этихъ ересей, которыми былъ затронутъ уже Янъ Гусъ. При такомъ пониманіи, еще болѣе — настроеніи у д-ра Ленца не могло оказаться спокойствія и пристального вниманія, необходимыхъ для установленія деталей того воздѣйствія, которое было оказано на Хельчицкаго и таборитствомъ, и виклифизмомъ, и вальденствомъ.

Д-ръ Ленцъ склоненъ усматривать такое воздѣйствіе въ гораздо бѣльшей степени, чѣмъ оно было въ дѣйствительности; онъ удостоверяетъ его часто малодоказательно, по слишкомъ общимъ признакамъ, по малѣйшему подозрѣнію; такъ какъ передъ лицомъ единой католической истины всѣ ереси одинаково злостны и ничтожны, то онъ не даетъ себѣ труда строго различать отдѣльные вліянія и часто, противорѣча самъ себѣ, однѣ и тѣ же идеи Хельчицкаго приписываетъ то однимъ, то другимъ вліяніямъ. Ко всему этому присоединяется рѣзкій, часто переходящій въ брань, тонъ отзывовъ о Хельчицкомъ, его идеяхъ и о тѣхъ людяхъ и воззрѣніяхъ, которые вліяли на Хельчицкаго.

Переходимъ теперь къ остальной—небольшой—литературѣ о Хельчицкомъ, появившейся послѣ выхода названныхъ выше трудовъ Я. Голя вполнѣ до нашихъ дней.

Почти ничего не сдѣламо по литературной исторіи Хельчицкаго.

Не обслѣдованы тексты отдѣльныхъ сочиненій, обычно приписываемыхъ П. Хельчицкому, т. е. не подняты и не рѣшены вопросы объ оригиналахъ и копіяхъ, о различіи редакцій (въ случаяхъ множественности текстовъ—цѣлыхъ или фрагментарныхъ—того или другого трактата), о судьбахъ текстовъ и редакцій и т. п. Не вырѣшены и обычно не поставлены научно-критически вопросы о подлинности того или другого произведенія, объ ихъ отношеніи другъ къ другу, о времени написанія и связи съ тѣми или инымъ моментомъ въ жизни ихъ автора и въ ходѣ гуситскаго движенія.

Даже при изданіяхъ отдѣльныхъ сочиненій не произведено работъ въ указанномъ направленіи. Исключеніе составляетъ „Постилла“ Хельчицкаго, послѣднее изданіе которой сопровождалось, какъ было уже упомянуто выше, пересмотромъ вопроса о времени ея написанія и нѣкоторыми изысканіями по исторіи ея текста (печатнаго, ибо еще неизвѣстна была Нюрнбергская рукопись). Соображенія редактора изданія, д-ра Сметанки (при II томѣ „Постиллы“), дали поводъ д-ру Фляйшгансу высказаться о сравнительно позднемъ—въ 1441 г.—происхожденіи „Постиллы“ („Osvěta“, 1905, 171—175) и о нѣкоторыхъ литературныхъ вліяніяхъ на нее. Надлежитъ еще всю эту работу продѣлать надъ всѣми сочиненіями Хельчицкаго, какъ уже извѣстными и болѣе или менѣе признанными, такъ и надъ тѣми, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть признаны за сочиненія Хельчицкаго. Безъ строго научнаго установленія подлинности всѣхъ сочиненій Хельчицкаго, нынѣ большей частью принимаемой на

нѣру, всякая систематизація цѣлаго комплекса идей Хельчицеаго будетъ стоять на пескѣ; безъ опредѣленія времени написанія—доселѣ приблизительно, слабо и спорно устанавливаемаго—всѣхъ признанныхъ за подлинныя сочиненія Хельчицеаго не возможно понять жизнь и развитіе міросозерцанія Хельчицеаго.

Остальная литература о Хельчицеомъ посвящена выясненію генезиса идей Хельчицеаго. Но литература эта не велика и съ одностороннимъ характеромъ. Нѣтъ солидныхъ опытовъ объясненія идей Хельчицеаго въ связи съ условіями чешской дѣйствительности, съ основными явленіями чешской жизни XV в. и „событіями“ исторіи гуситскаго движенія; всѣ появившіяся работы имѣютъ въ виду литературныя вліянія на Хельчицеаго. Но и въ обсужденіи литературныхъ вліяній на Хельчицеаго замѣтна односторонность: нѣтъ работъ о томъ, насколько сказалось въ произведеніяхъ и идеяхъ Хельчицеаго знакомство съ идеями и сочиненіями другихъ гуситовъ. Энергія научной работы цѣликомъ направилась въ сторону обследованія воздѣйствія на Хельчицеаго сочиненій и ученій Дж. Виклифа. По своеобразной игрѣ обстоятельствъ это положительное дѣло связалось съ отрицательной—въ концѣ концовъ—задачей устранить, какъ ошибку, предположеніе о вліяніи на Хельчицеаго упоминаемаго имъ загадочнаго „мистра Противы“; на указанную задачу потрачено едва ли не больше труда, чѣмъ на прослѣживанье вліяній Виклифа...

Еще въ 1880 г. Анненковъ въ статьѣ: „Přísrěvek k životopisu P. Chelčického“ (С. С. М.) доказывалъ, что цитируемый Хельчицкимъ „мистръ Протива“—не м. Пшибрамъ (мнѣніе Шафарика), не проповѣдникъ Виелемской часовни въ Прагѣ, свящ. Янъ Протива, до 1408 г. приверженецъ Гуса, а потомъ врагъ его (мнѣніе І. Иречка и Фер. Шульца), а Дж. Виклифъ (подробнѣе развито въ статьѣ Анненкова: „Мистръ Протива, „новый“ чешскій писатель XV в.“, въ юбилейномъ „Сборникѣ“ учениковъ В. И. Ламанскаго, 1883). Голль, склонившійся уже въ своихъ „Quellen und Untersuchungen“, II, къ отождествленію „мистра Противы“ со свящ. Яномъ Противой, отстаивалъ свое мнѣніе противъ взглядовъ Анненкова въ статьѣ: „Ještě jednou—kdo jest Chelčického Mistr Protiva?“ (С. С. Н., 1895, 47—49).

Спорный вопросъ былъ пересмотрѣнъ д-ромъ К. Крофтой въ статьѣ: „Kněz Jan Protiva z Nové Vsi a Chelčického „mistr Protiva“ (С. С. М., 1900, 190—220) на основаніи изученія личности и рукописныхъ сочиненій Я. Противы и сочиненій Виклифа. Оказалось, что въ сочиненіяхъ Противы нѣтъ—да и не могло быть, судя по

направленію Противы—тѣхъ мѣсть, которыя приводитъ съ его именемъ П. Хельчицкій, между тѣмъ какъ всѣ эти мѣста буквально совпадаютъ съ текстами ряда латинскихъ трактатовъ Виклифа. Д-ръ Крофта готовъ присоединиться къ мнѣнію Анненкова о томъ, что загадочный „м. Протива“ Хельчицкаго не кто иной, какъ именно Виклифъ. Но его останавливаетъ въ этой готовности лишь загадочность усвоенія Хельчицкимъ Виклифу прозванія „Противы“, усиливаемая еще и тѣмъ, что тотъ же Хельчицкій цитируетъ Виклифа и подъ этимъ собственнымъ его именемъ. Во всякомъ случаѣ, д-ръ Крофта установилъ рядъ фактовъ относительно вліянія Виклифа на Хельчицкаго.

Но обследованіе этого вліянія не пошло дальше — и вмѣсто этого изслѣдователи обратились къ разясненію загадки о томъ, почему же Хельчицкій называетъ Виклифа въ рядѣ случаевъ „мистромъ Противой“. Д-ръ Ленцъ въ статьѣ: „Z jakých příčin jmenuje P. Chelčický Viklifa Protivou“ (Vlast, XVII) устанавливаетъ рядъ пунктовъ, гдѣ взгляды Хельчицкаго были „противны“ воззрѣніямъ Виклефа, и выводитъ отсюда, изъ этой противоположности воззрѣній, и наименованіе Виклифа у Хельчицкаго „мистромъ Противой“. Авторъ забываетъ при этомъ натянутомъ объясненіи, что самъ же онъ въ другихъ сочиненіяхъ слишкомъ подчеркивалъ зависимость (слѣдовательно, не „противность“) Хельчицкаго отъ Виклифа, что во всякомъ случаѣ Виклифъ менѣе, чѣмъ очень многіе гуситы и „предгуситы“, вызывалъ возраженій у Хельчицкаго. Для разясненія вліянія Виклифа на Хельчицкаго статья Ленца не даетъ ничего новаго, если не считать того, что она въ значительной степени опровергаетъ силу прежнихъ выводовъ автора по вопросу объ этомъ вліяніи.

Все тѣмъ же „мистромъ Противой“ занятъ и г. М. Свобода въ своей статьѣ: „Příspěvek k otázce Chelčického „Mistra Protivou“ (Č. Č. M., 1906, 467 — 471). Онъ полагаетъ, что этимъ именемъ Хельчицкій называетъ м. Якуба изъ Стшибра (Мисы), какъ переводчика на чешскій языкъ трактатовъ Виклифа. Доказывая, что Хельчицкій цитируетъ Виклифа именно по этимъ переводамъ, г. Свобода — безотносительно къ справедливости своего главнаго положенія—устанавливаетъ такимъ образомъ тѣ пути, по которымъ шло вліяніе Виклифа на Хельчицкаго.

Обзоръ, только-что сдѣланный нами, обнаруживаетъ, что работа надъ изученіемъ тѣхъ теоретическихъ вліяній, подъ которыми складывалась идеологія Хельчицкаго, только еще начата.

Наконецъ, совершенно не обследованы наукой тѣ вліянія, которыя оказалъ самъ Хельчицкій на своихъ современниковъ-гуситовъ и на послѣдующія чешскія поколѣнія. Пока дѣло ограничивается нѣсколькими общими сужденіями о воздѣйствіяхъ Хельчицкаго на Рокицану и о роли Хельчицкаго въ исторіи сложенія Общины Чешскихъ братьевъ (даже здѣсь нѣтъ еще анализа произведеній членовъ „Братской Общины“ съ точки зрѣнія отраженія въ нихъ трактатовъ Хельчицкаго)...

Состояніемъ изученій исторіи гуситской мысли вообще и изученій Хельчицкаго въ частности и опредѣляются задачи и характеръ предлагаемыхъ этюдовъ.

Этюды не претендуютъ на исчерпывающее выполненіе всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя ставитъ теперь наука изученію Хельчицкаго.

Одни изъ нихъ пытаются умножить количество источниковъ для конструирования системы ученій Хельчицкаго, обосновывая подлинность, принадлежность Хельчицкому, такихъ произведеній, которыя или предположительно приписывались ему или совсѣмъ не связывались съ его именемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сочиненіе не напечатано, иногда подробно излагается и его содержаніе, и такимъ образомъ дается временная замѣна систематическаго изложенія идей Хельчицкаго.

Въ другихъ этюдахъ дается текстуальный анализъ рукописнаго преданія сочиненій Хельчицкаго, на основаніи котораго либо устанавливается исторія созданія того или другого сочиненія (редакція, переработка) либо даже вскрываются совершенно самостоятельныя и доселѣ неизвѣстныя, въ такомъ качествѣ, произведенія.

Въ этюдахъ третьяго рода иначе, чѣмъ доселѣ, опредѣляется время появленія того или другого сочиненія Хельчицкаго, связь съ моментомъ въ развитіи гуситства, и такимъ образомъ полагаются — смѣемъ думать — болѣе или менѣе твердыя основы для воссозданія исторіи развитія идей Хельчицкаго въ предѣлахъ его личной жизни.

Нѣкоторые этюды заняты уясненіемъ той идейной общегуситской среды, въ которой сложились тѣ или другія мысли Хельчицкаго, нѣкоторые же — посвящены раскрытію частныхъ, отдѣльныхъ теоретическихъ вліяній на Хельчицкаго, чешскихъ и нечешскихъ.

Наконецъ, въ этюдахъ затронуть и вопросъ о воздѣйствіяхъ Хельчицкаго на другихъ гуситовъ.

I.

Вопросъ о войнѣ и смертной казни въ исторіи гуситской мысли за 1419 — 1434 годы.

- 1) Постановка вопроса о войнѣ, какъ примѣненіи физической силы въ христіанскомъ обществѣ, по официальной гуситской версіи, предназначенной для не-гуситовъ.

Гуситство—не только великолѣпная эпопея вооруженной борьбы Чехія съ папствомъ и германизмомъ, но и богатое содержаніемъ духовное движеніе какъ въ области религіозно-философской, такъ и въ социальномъ-политической. Вопросы чисто богословскіе играли, конечно, первенствующую роль въ этомъ движеніи, сообразно съ характеромъ эпохи; темы социальномъ-политическія разрабатывались въ это время подъ покровомъ вѣрученія, опираясь на его положенія. Но при всемъ томъ, изслѣдователь долженъ признать наличность въ гуситской мысли этого самостоятельнаго порядка социальномъ-политическихъ идей, прослѣдить ихъ жизнь и развитіе.

Если до сихъ поръ въ исторической наукѣ еще нѣтъ работы, посвященной гуситской богословской мысли во всемъ ея разнообразіи и на всемъ протяженіи ея развитія, то вполне понятной является скудость нашихъ представленій относительно социальномъ-политическаго міровоззрѣнія гуситства, со всеми его разновидностями и измѣненіями (см. введеііе).

Въ этомъ міровоззрѣніи, среди другихъ вопросовъ, привлекаетъ вниманіе изслѣдователя, между прочимъ, и принципиальный вопросъ о войнѣ, какъ о примѣненіи матеріальной силы—насилія въ христіанскомъ обществѣ, въ интересахъ какъ матеріальнаго благосостоянія этого общества, такъ и его высшаго духовнаго достоянія, вѣры.

Многочисленныя попытки рѣшенія этого вопроса являются существенной частью гуситской мысли; латинскіе и чешскіе тексты сохранившіе намъ эти попытки, оказываются поучительными страницами исторіи чешской гуситской литературы.

Въ европейской литературѣ, особенно нѣмецкой (наиболѣе ярко—у Лозерта), часто приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, что не только гуситская мысль и литература, но и само гуситство въ своемъ происхожденіи и развитіи—преимущественно результатъ чужихъ литературныхъ (виклифизмъ) и житейскихъ (вальденство) вліяній. Это мнѣніе изъ ученыхъ изслѣдованій перешло на страницы популярной и учебной литературы какъ Запада, такъ и Россіи; здѣсь гуситство излагается въ связи съ виклифизмомъ, какъ континентальное отраженіе (и продолженіе) англійскаго движенія. О мѣстныхъ, житейско-бытовыхъ корняхъ гуситства часто нѣтъ и помина.

Вопросъ о войнѣ въ гуситскомъ движеніи очень удачно опровергаетъ только что указанное мнѣніе: на его частномъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, какъ сама чешская жизнь ставила ея участникамъ равнообразные практическіе и теоретическіе вопросы, какъ она же опредѣляла тѣ или другіе отвѣты на нихъ, какъ уже потомъ для этихъ отвѣтовъ люди искали и находили чужія формулировки...

Чешскіе историческіе источники позволяютъ намъ довольно опредѣленно судить о тѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ, которыя поставили передъ соплеменниками-почитателями Гуса и его учениковъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли имъ взяться за оружіе въ защиту и самихъ себя и исповѣдуемой ими „правды Божіей“.

Николай Бискупецъ въ своей „Хроникѣ“¹⁾ такъ изображаетъ положеніе дѣлъ въ Чехіи послѣ смерти Я. Гуса. Множество „вѣрныхъ“ въ Моравіи и Чехіи было подвинуто къ добру твердостью чешскихъ мучениковъ—Гуса и Иеронима. Особенно заслуживаетъ вниманія сборище народа въ 1419 году на одной горѣ, куда въ опредѣленное время сходились люди изъ разныхъ округовъ и городовъ для того, чтобы слышать слово Божіе и причащаться, не исключая и дѣтей, подъ обоими видами. Простой народъ, уразумѣвъ изъ проповѣди слова Божія свое совращеніе духовенствомъ и видя тѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ въ приходахъ свободная проповѣдь священниками Слова Божія и причащеніе подъ обоими видами, сталъ собираться вмѣстѣ съ нѣкоторыми дворянами („militares homines“) по горамъ и округамъ ради хвалы Божіей, свободной проповѣди Его слова и свободного причащенія. Такимъ образомъ, люди, доселѣ невѣдавшіе закона Божія, должны

¹⁾ Höfler, II, 477—481.

были, покидая ложныхъ священниковъ, прибѣгнуть ко Христу и его апостоламъ, съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ силъ, пребывать и далѣе въ истинномъ христіанскомъ чинѣ. Бискупецъ отчасти передаетъ и содержаніе той проповѣди, которую слушалъ собравшійся на горахъ народъ. Она сводилась къ слѣдующему: священники не должны владѣть имуществомъ по гражданскому праву (*jure civili*); они должны жить той десятиной, которую обязаны платить имъ, въ случаѣ равностаго исполненія службы, ихъ пасомые, по заповѣди Христа и апостоловъ; что касается вѣрующей паствы, то она обязана избѣгать пастырей, пришедшихъ „отинуду“, и слушаться голоса истиннаго пастыря.

Руководясь однимъ только стремленіемъ—пробывая въ добрѣ и вѣрѣ, преумножаться присоединеніемъ и другихъ „вѣрныхъ“, народъ со своими священниками соединился съ пражанами (сборище въ Книжкахъ); такъ усилившись, гуситы и далѣе преслѣдовали одну лишь задачу—обезпечить свободу Слово Божію и очистить чешское королевство отъ худой славы, отъ обвиненія въ ереси. „Въ то время, утверждаетъ Бискупецъ, у народа не было намѣренія воевать“ (*propositum bellandi*) и „какъ бы то ни было вредить другимъ“ (*male nocendi*). Объединившіеся въ Прагѣ гуситы опубликовали во всеобщее свѣдѣніе не только Чехіи съ Моравіей, но и другихъ „провинцій“ тѣ 4 „артикула“, во имя которыхъ они соединились, т. е.: 1) свободную проповѣдь Слова Божія, 2) наказаніе и искорененіе смертныхъ грѣховъ, особенно публичныхъ, 3) причащеніе подъ обоими видами и 4) обязательность для священниковъ жизни по ученію Христа и апостоловъ, съ прекращеніемъ ихъ „свѣтскаго властвованія“ (*dominium seculare*).

При этомъ они заявляли о своей готовности защищать эти „артикулы“ писаніями Божьяго Закона, „безъ всякихъ воинскихъ средствъ“ (*sine omnibus bellicis difficultatibus*), если только имъ будетъ дана возможность сдѣлать это въ мирномъ, вселенскомъ и публичномъ собраніи (Соборѣ).

„Но, съ печалью замѣчаетъ Бискупецъ, дьяволъ, врагъ истины и человѣческаго спасенія, возбудилъ своихъ сочленовъ на претиводѣйствіе этому добру посредствомъ мощи, насилія и другихъ жестокостей—какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ людей, т. е. папу и остальныхъ прелатовъ, венгерскаго короля Сигизмунда, нѣмцевъ и другіе иностранные народы, равно какъ и домашнихъ чешскихъ ихъ пособниковъ“. Всѣ эти „орудія дьявола“ пытались

осудить, погубить, искоренить и добро въ его зачаткахъ и чешскій народъ. И вотъ только тогда, по словамъ Бискупца, чешскій народъ, не желая отступить отъ блага и вѣры подъ угрозой силы, насилія и жестокости, единодушно, съ согласія и совѣта пражскихъ магистровъ и руководившихъ народомъ священниковъ, началъ войну, не своей волей, а по необходимости, лишь для защиты вышеназванныхъ истинъ и для покровительства вѣрнымъ ихъ исповѣдникамъ; война имѣла еще и ту цѣль, чтобы была низложена ложь антихриста и воздвигнута вѣра Христова, чинъ, правда и истина, путемъ и средствами, согласными съ Закономъ Божиимъ, безъ какихъ-либо непорядковъ. Война была начата рачительно и обставлена подобающими доводами и условиями („*bellum circumstantionatum*“). Только уже потомъ, во время самой войны, проявились различные беспорядки, вопреки намѣреніямъ вѣрующихъ, изъ-за того, что въ среду ихъ коварно замѣшались люди совсѣмъ съ другими намѣреніями.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству Бискупца, выходитъ, что чехи-гуситы рѣшились на войну лишь тогда, когда вызваны были на это католической церковью, имп. Сигизмундомъ, нѣмцами и соотечественниками—католиками. Изъ разсказа Бискупца невозможно заключать точно, когда же именно принято было это рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, на примѣръ, по представленію его, у гуситовъ не было мысли о войнѣ даже во время сборища на Кшижвахъ, т.-е. 30 сентября 1419 года; не было у нихъ этой мысли еще и вскорѣ послѣ того, какъ были сформулированы гуситами ихъ знаменитые 4 „артикула“...

По указаніямъ Бискупца и по его фразеологій можно было бы подумать, что вопросъ о защитѣ себя и своего дѣла сталъ передъ гуситами только послѣ враждебныхъ гуситамъ патентовъ имп. Сигизмунда (напр., 10 февраля 1420 г.) ¹⁾, послѣ объявленія буллы Мартина V о крестовомъ походѣ противъ гуситовъ (1 марта 1420 г.) ²⁾ и т. п. Такъ представляется дѣло и по документальнымъ заявленіямъ гуситовъ. Въ посланіи пановъ и пражанъ (20 апр. 1420 г.) ³⁾ заявляется: „Мы стоимъ не за что-нибудь иное, какъ только за причащеніе тѣла и крови Божіихъ подъ обоими видами для всего народа; за упорядоченную и свободную проповѣдь

¹⁾ Palacký: „Urk. Beitr., I, 15.

²⁾ *ibid.*, 17.

³⁾ Arch. Český, III, 210—212.

слова Божія, за то, чтобы священники жили такъ же примѣрно, какъ повелѣлъ то Господь Христосъ, Его апостолы, а послѣ нихъ установили св. отцы, и за общее благо нашего чешскаго королевства и народа, за очищеніе ихъ отъ худой и лживой славы. И если бы въ этихъ пунктахъ было что-нибудь неправо, то мы не хотимъ и не думаемъ содержать и защищать этого, но готовы во всемъ послушаться совѣта и наставленія изъ св. писанія“. Такъ гуситы выражали готовность „защищать свои артикулы писаніями Божественнаго закона“ (ср. выше у Бискупца) въ томъ самомъ именно посланіи, гдѣ они выше говорили о враждебныхъ дѣйствіяхъ Сигизмунда и паны, домашнихъ враговъ (Кутныя Горы) и т. д. Единственное средство самозащиты, предлагаемое здѣсь, это непризнаніе Сигизмунда чешскимъ королемъ; о войнѣ нѣтъ еще и рѣчи...

Въ манифестѣ пражанъ-гуситовъ, изданномъ, повидимому, немного позднѣе ¹⁾, содержится уже жалоба на поведеніе римской церкви—„мачехи“, которая объявила крестовый походъ, „не исполнивъ божескаго и человѣческаго чина, не испытавъ на чехахъ силы увѣщанія, не давъ имъ возможности публичнаго обсужденія спорныхъ вопросовъ“; лишь потому предлагается чехамъ въ манифестѣ—и то въ общей, неопредѣленной формѣ—„вспомнить о мужественныхъ отцахъ, старыхъ чехахъ, стать противъ зла... совѣтомъ и помощью стать противъ каждаго человѣка, кто хотѣлъ бы дѣйствительно участвовать въ этомъ проклятомъ крестовомъ походѣ“.

И только въ публичномъ объявленіи „четырехъ артикуловъ“ (безъ даты, 3 июля 1420 г., по предположенію Палацкаго) ясно и рѣшительно заявляется, что „всѣ чехи (obec česká) намѣрены стать за эти артикулы всемъ своимъ имуществомъ, жизнью и смертью“, что они „должны противиться всякому, кто насиліемъ захочетъ гнать ихъ отъ блага, и защищать силой свѣтской власти (rukú svĕtskú-brachio seculari) и себя и правду отъ насилія“ ²⁾.

Такимъ образомъ, рассказъ Бискупца, въ связи съ показаніями официальныхъ актовъ пражанъ, уполномочивалъ бы насъ къ такому выводу: гуситы рѣшились на войну со своими противниками только тогда, когда вызваны были на то серьезными актами военнаго насилія противъ гуситовъ со стороны ихъ вра-

¹⁾ Arch. Český, III, 212—213.

²⁾ ibid., 213—216.

говъ, — въ первые мѣсяцы 1420 года; война у гуситовъ была самообороной...

Но этотъ выводъ нашъ былъ бы ошибочнымъ. Указанное представленіе дѣла грѣшитъ нѣкоторой неточностью: вопросъ о войнѣ былъ поставленъ и рѣшенъ гуситами ранѣе первыхъ военныхъ мѣропріятій ихъ враговъ, ранѣе начала 1420 года. Сообщенія и указанія Бискупца и пражанъ справедливы лишь относительно фактическаго обращенія къ оружію: гуситы взяли за оружіе послѣ того, какъ оно поднято было противъ нихъ врагами. Зато мысль о физической силѣ, какъ *ultima ratio* въ рѣшеніи гуситскаго вопроса, явилась, повидимому, у гуситовъ ранѣе этого времени.

Вполнѣ понятно стремленіе гуситовъ представить свои военныя дѣйствія въ защиту Закона Божія, какъ отвѣтъ на военныя же дѣйствія противниковъ этого Закона: такимъ образомъ за ними было болѣе выгодное въ моральномъ отношеніи положеніе, такимъ образомъ можно было легче оправдать рискованный актъ бунта противъ легитимнаго государя, имп. Сигизмунда, и церкви. Николой Бискупецъ писалъ I-ю часть своей „Хроники“ въ 1435 году, послѣ того какъ гуситамъ, особенно же таборитамъ, пришлось многократно защищаться противъ упрековъ за начатіе войны и за способъ ея веденія: тѣмъ болѣе естественно было ему представить возникновеніе войны въ свѣтѣ, наиболѣе благоприятномъ для гуситовъ... Наконецъ, едва ли даже возможно обвинять гуситовъ, въ частности Бискупца, въ сознательно-неправдивомъ представленіи дѣла: вопросъ о томъ, кому принадлежала инициатива войны, гуситамъ-ли или ихъ противникамъ, могъ рѣшаться и современниками въ различномъ смыслѣ, судя по тому, во-первыхъ, разумѣть-ли подъ именемъ войны настоящую войну или отдѣльные случаи массоваго насилія, и, во-вторыхъ, разумѣть-ли подъ рѣшеніемъ воевать воинственное настроеніе или же „декларацию“ о войнѣ.

Если имѣть въ виду настоящую организованную войну и торжественную декларацию о ней, то за гуситскими официальными заявленіями и за сообщеніями Бискупца придется признать правдивость.

Зато, признавая войной уже отдѣльные—хотя и часто происходящія, но все-таки еще неорганизованные—акты массоваго насилія, акты при томъ исходящія изъ воинственнаго настроенія, мы должны исправить показанія гуситскихъ заявленій и сообщеній Бискупца:

гуситы рѣшились воевать съ своими противниками уже въ концѣ 1419 года, до объявленія буллы Мартина V, до явныхъ обнаруженій враждебнаго къ нимъ настроенія имп. Сигизмунда; воинственная же настроенность явилась у нихъ еще раньше и сказалась въ дѣяніяхъ характера или полувоеннаго (безпорядки въ Прагѣ по смерти короля Вацлава IV 16 авг. 1419 года) или чисто-военнаго (борьба пражанъ съ гарнизономъ Вышеграда въ октябрѣ и съ гарнизономъ Градчанъ—въ ноябрѣ; борьба народныхъ массъ изъ окрестностей будущаго Тора и Жижики въ Пльни съ католическимъ панствомъ въ ноябрѣ 1419 г.).

Исправляя такимъ образомъ показанія Бискупца, мы однако не становимся на точку зрѣнія противниковъ гуситовъ и позднѣйшихъ защитниковъ этихъ противниковъ: Бискупецъ все-таки правъ въ томъ, что и воинственное настроеніе гуситовъ и даже самая рѣшимость воевать вызваны были поведеніемъ ихъ противниковъ, по крайней мѣрѣ, той ихъ части, которая обозначена у Бискупца, какъ „domestici indigenae eorum (т.-е. прочихъ „membra diaboli“) adjutores“...

Прослѣдить ростъ воинственнаго настроенія гуситовъ, выработку твердой рѣшимости воевать съ врагами, генезисъ тѣхъ формулъ, въ которыя вылилась эта рѣшимость, и наконецъ, дальнѣйшія судьбы этихъ формулъ въ ходѣ гуситскаго движенія—вотъ задача нашего послѣдующаго изслѣдованія.

2) Гуситство народныхъ массъ — хилиазмъ; вопросъ о войнѣ и насиліи въ эпоху хилиазма; реакція хилиазму.

Когда чешскій король Вацлавъ IV, подъ давленіемъ своего брата импер. Сигизмунда, началъ въ 1419 г. приводить въ исполненіе требованія Констанцкаго собора и папы Мартина V о восстановленіи въ земляхъ чешской Короны старыхъ церковныхъ ученій и порядковъ, въ значительной степени устранившихся движеніемъ послѣднихъ лѣтъ, католическое духовенство перешло въ наступленіе противъ „гуситовъ“. Гуситское духовенство было лишено приходовъ, отстранено отъ храмовъ, богослуженія и обычныхъ средствъ вліянія на народъ. Но, пользуясь благоприятнымъ моментомъ года — весной и лѣтомъ, гуситское духовенство сумѣло сохранить установившіяся связи съ народными массами: оно перенесло свою дѣятельность подъ открытое небо, собирая „вѣрую-

шихъ“ для проповѣди и совершенія таинствъ, особенно же причащенія подъ обоими видами, въ лѣсахъ, на поляхъ, лугахъ, главнымъ же образомъ „на горахъ“: позднѣйшемъ Таборѣ, Книжкахъ (на пути изъ Праги въ Бѣнешовъ), горѣ Оливетской (Зеленой) у Непомука и т. д.

Характеръ этихъ народныхъ „митинговъ“ отлично переданъ современникомъ, Лаврентіемъ изъ Бжезовой, въ его „Хроникѣ“, при описаніи собраній на горѣ Таборѣ въ Бехинскомъ краѣ, гдѣ такія собранія не были новостью уже со времени пребыванія въ этихъ мѣстахъ Я. Гуса, послѣ удаленія его изъ Праги въ 1413 г.

Когда враги „чаши“ изгнали ея сторонниковъ изъ всѣхъ костеловъ Бехинскаго края, то „чашники“ — духовные лица вмѣстѣ съ народомъ — начали собираться на одной горѣ около Бехини: они разбивали здѣсь полотняную палатку, совершали мессу, причащались — и расходились по домамъ. Потомъ на эту гору, названную Таборомъ, стали ходить процессіями въ праздничные дни, съ Тѣломъ и Кровью Христа, священники и народъ изъ другихъ ближайшихъ городовъ, мѣстечекъ и деревень; первоначальные „таборскіе братья и сестры“ выходили на встрѣчу этимъ процессіямъ. Праздничные дни проводились на горѣ въ дѣлахъ благочестія. Наиболѣе ученые и краснорѣчивые священники проповѣдывали противъ гордости, жадности, беспорядочной жизни духовенства — отдѣльно для мужчинъ, женщинъ и дѣтей, другіе священники исповѣдывали народъ, третьи причащали (до полудня). Въ день св. Маріи Магдалины, 22 іюля 1419 г., на Таборѣ было болѣе 42 тыс. причастниковъ. Послѣ полудня народъ отдыхалъ, подкрѣплялся пищей. Богатые дѣлились своими запасами съ бѣдными: всѣ называли другъ друга „братьями“ и „сестрами“. Не допускалось ни продажи вина, ни игръ, ни танцевъ, что было такъ обычно на храмовыхъ праздникахъ. Къ вечеру собравшіеся въ торжественной процессіи обходили гору и затѣмъ расходились домой, стараясь на пути не потоптать полей... Собранія на Таборѣ стали, наконецъ, привлекать людей не только со всей Чехіи (изъ городовъ: Писка, Воднянъ, Нетолицъ, Пльня, Прага, Домажлицъ, Кор. Градца), но и изъ Моравіи. Но на горѣ начали появляться и соглядатаи, которые потомъ разносили клеветы о собраніяхъ. Самъ король Вацлавъ и паны стали опасаться, что собранія окончатся избраніемъ новаго короля и архіепископа для защиты Закона Божія, что народъ приступитъ къ захвату дворянскихъ и церковныхъ имѣній. Путешествія на Таборъ были запрещены подѣ

угрозой участникамъ собраній смертной казнью и отобраніемъ имущества. Однако, угрозы не дѣйствовали... ¹⁾

Между тѣмъ собранія, дѣйствительно, уже стали утрачивать свой мирный, идиллическій характеръ; напримѣръ, на Книжкахъ было рѣшено собраться народу въ самой Прагѣ 10 ноября уже съ оружіемъ въ рукахъ. Настроеніе гуситовъ, подѣ влияніемъ репрессій со стороны правительства и католической церкви, становилось бурнымъ: 30 іюля въ Прагѣ были уличные беспорядки; смерть короля Вацлава 16 августа дала сигналъ къ нападеніямъ на костелы и монастыри, на католическихъ священниковъ и на монаховъ, какъ въ столицѣ, Прагѣ, такъ и въ другихъ городахъ: въ Пискѣ, въ Пльни, въ Кор. Градцѣ, въ Жатцѣ и въ Лоунахъ.

Къ ноябрю 1419 г., когда въ Прагѣ возникли первыя вооруженныя столкновенія съ представителями официальной власти—регентствомъ, гуситскія народныя массы уже были захвачены духовнымъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ „хилиазма“. „Пророками“ этого новаго ученія были тѣ самые священники, которые весной и раннимъ лѣтомъ устраивали мирныя народныя собранія; изъ нихъ особенно выдѣлялись: молодой и краснорѣчивый (отсюда и прозвище „Локвись-Говорунъ“) Мартинекъ ²⁾, Янъ изъ Ичина ³⁾, Марвольдъ ⁴⁾, Коранда ⁵⁾, Чапекъ ⁶⁾, „пророкъ Тома“ ⁷⁾ и, можетъ быть, еще другіе... ⁸⁾

Хилиастическія ученія распространялись въ народныхъ массахъ, главнымъ образомъ, устно; но нѣкоторые изъ вождей хилиазма издавали ихъ и въ видѣ трактатовъ, посланій и т. п. Къ сожалѣнію, изъ этой литературы хилиазма почти ничего не

¹⁾ Vavř. z Bžezové, Font. rer. boh., V, 400.

²⁾ Vavř. z Bžezové, Font. r. boh., V, 413 и „Repl. proti Mik.“, 464.

³⁾ Vavř., 413; Посланія Ичина, А. С., VI, 41—44; Посланія м. Якубка изъ Стшибра Ичину, Goll: „Quell. u. Unt.“, II, 57—60.

⁴⁾ Vavřines, 413.

⁵⁾ Vavřines, 413; Goll: „Quel. u. Unt.“, II, 51—53; Пшибрамъ въ „Život kn. tabor.“

⁶⁾ Пшибрамъ въ „Ž. kn. tabor.“, 59, 69, 95, (по копіи въ библ. Чешскаго Музея).

⁷⁾ Пшибрамъ въ „Ž. kn. tabor.“, 59.

⁸⁾ Пшибрамъ въ „Ž. kn. tabor.“, 59, огульно называетъ болѣе 20 боритскихъ „пророковъ“; но необходимо скептически относиться къ его показанію, ибо въ его списокѣ, на ряду съ Корандой, стоитъ, напримѣръ, и Николай Бискупецъ, взгляды котораго не совпадали со взглядами Коранды по очень существеннымъ пунктамъ хилиазма (см. далѣе)..

сохранилось до насъ въ первоначальномъ видѣ, если не считать двухъ посланій Яна изъ Ичина¹⁾.

Изъ „Život kneží taborských“ Яна Пшибрама мы узнаемъ, что, наиримѣрь, и Чапекъ писалъ „книжки для оправданія всѣхъ жестокостей“ (f. 69), „трактатъ, въ которомъ болѣе крови, чѣмъ воды въ рыбномъ прудѣ“ (f. 95); Пшибрамъ даетъ и кое-какія свѣдѣнія о самомъ содержаніи „книжекъ“ Чапка... Лаврентій изъ Бжезовой²⁾, изложивъ главнѣйшіе пункты хилиастическаго ученія (стр. 413—416), даетъ какія-то выписки изъ сочиненій хилиастовъ — цитаты изъ св. Писанія, встрѣчавшіяся въ этихъ сочиненіяхъ (вмѣстѣ съ объясненіями); на основаніи данныхъ Пшибрама въ „Život“ — цитатъ св. Писанія въ „книжкахъ“ Чапка — можно думать, что и Лаврентій въ своемъ изложеніи ученій хилиазма кое-что взялъ и изъ этихъ „книжекъ“ Чапка. Въ двухъ полемическихъ посланіяхъ м. Якуба изъ Стшибра Яну изъ Ичина³⁾ имѣются выписки изъ хилиастическихъ произведеній Ичина — можетъ быть, и изъ упомянутыхъ выше, а въ Отвѣтѣ Якуба изъ Стшибра на спорные между Николаемъ Бискупцемъ и Вац. Корандой вопросы⁴⁾ есть указанія на нѣкоторые хилиастическія мнѣнія Коранды. Въ свѣтѣ этихъ „оригинальных“, почти изъ первыхъ рукъ идущихъ извѣстій, можно пользоваться и свѣдѣніями о хилизмѣ, получаемыми отъ противниковъ его, т.-е. отъ умѣренныхъ гуситовъ. Мы имѣемъ въ виду двойную формулировку ученій хилиастовъ Лаврентіемъ изъ Бжезовой⁵⁾, передачу ученія хилиастовъ Пшибрамомъ въ его „Život kneží taborských“ и редакцію хилиастическихъ пунктовъ, напечатанную по Cod. XVII. A. 16 Пражской Унив. бібліотеки Фр. Прохаской (ср. съ ней формулировку въ рукописномъ „Tractatus contra 76 articulos Picardorum“ Пшибрама)⁶⁾.

Вторая формулировка Лаврентія, Пшибрамова въ „Život“ и у Прохаски въ „Miscellaneen“ — не что иное, какъ „артикулы“, прочитанные Петромъ изъ Младеновиць на диспутѣ пражанъ съ таборитами 24 дек. 1420 г. въ домѣ Змралика въ Прагѣ, составленные пражскими магистрами заблаговременно до диспута и имѣвшіе цѣлью посрамленіе таборитовъ.

1) A. Č., VI, 41—44.

2) Font. r. boh., V, 413—424.

3) Goll: „Quell. u. Unt.“, II, 57—60.

4) *ibid.*, 53.

5) Font. r. b., V, 413—416 и 454—462.

6) Prochaska: „Miscellaneen“, 1784—1785, 280—293.

Эти артикулы въ „Život“ Пшибрама переданы довольно „вольно“. Если же сравнить вторую передачу у Лаврентія съ формулировкой въ „Miscellaneen“ Прохаски, то полного совпаденія артикуловъ тоже не окажется: у Лаврентія мы не найдемъ слѣдующихъ артик. Прохаски: I — отрицаніе догмата о св. Троицѣ, II — отрицаніе богочеловѣчества І. Христа, III — признаніе евхаристійныхъ видовъ простымъ хлѣбомъ и виномъ, V — отрицаніе возможности одновременнаго присутствія Христа въ таинствѣ во многихъ мѣстахъ, IX — признаніе за мірянами силы къ совершенію таинства евхаристіи и X — допущеніе для мірянъ принимать евхаристійные виды въ руки; но, съ другой стороны, у Прохаски нѣтъ двухъ артик. Лаврентія: XXXV — обязательность разрушенія домовъ священниковъ и XXXVI — воспрещеніе священникамъ владѣнія имуществомъ по гражданскому праву, какъ причины уничтоженія въ нихъ силы къ совершенію таинствъ.

Пользованіе „артикулами“ 1420 г. для характеристики ученій хилиастовъ, особенно при контролѣ хилиастическихъ источниковъ, допустимо потому, что и табориты, устами своихъ представителей Хваля, Рогача, Мартинка и Маркольда, признали въ общемъ соотвѣтствіе этихъ артикуловъ дѣйствительности ¹⁾. Изложеніе Лаврентія, во 2-й его формулировкѣ, повидимому, точнѣе, чѣмъ Пшибрамово (или у Прохаски), будучи въ тоже время и систематичнѣе, сводя артикулы по близости ихъ содержанія, такъ что первая половина ихъ, дѣйствительно, относится къ хилиазму въ строгомъ смыслѣ слова, въ то время какъ вторая половина ихъ — не что иное, какъ первое по времени изложеніе таборитскихъ мнѣній по тѣмъ вопросамъ христіанскаго вѣроученія, по которымъ у нихъ шли споры съ пражскими магистрами въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій. Если мы примемъ во вниманіе и то обстоятельство, что первая половина артикуловъ у Лаврентія во второмъ ихъ изложеніи почти буквально воспроизведена у него, безъ второй половины, и выше (стр. 413—416) — послѣ разсказа о народныхъ собраніяхъ „на горахъ“ и непосредственно передъ выписками изъ трактатовъ хилиастовъ, — то для насъ станетъ ясною необходимость отказа отъ мысли видѣть и во второй части артикуловъ 1420 г. составную часть теоріи хилиазма.

Итакъ, что же такое былъ гуситскій хилиазмъ 1419—1420 гг.?

¹⁾ Vavřinec, 462.

Подъ вліяніемъ проповѣди „пророковъ“ на горахъ народныя массы проникаются вѣрой въ наступающій конецъ міра. Указывался и опредѣленный срокъ міровой катастрофы, именно въ посту 1420 г. (*in termino profixio in carnisprivio*)¹⁾, между днями св. Схоластики и св. Валентина (10—14 февр. — „*tempus carnisprivii inter tempus Scolasticae et Valentini*“)²⁾. Эта катастрофа мыслилась, какъ истребленіе всѣхъ злыхъ людей и усовершенствованіе добрыхъ³⁾, и связывалась съ тайнымъ пришествіемъ Христа для восстановленія того самого Царства, о которомъ люди молятся: „да прійдетъ Царствіе Твое..“⁴⁾

Моменты разрушенія стараго зла и созиданіе новаго добра на землѣ хронологически раздѣлялись: второе должно послѣдовать послѣ совершенія перваго. Картина разрушенія лежащаго во злѣ міра рисовалась не такъ опредѣленно, какъ образъ Новаго Вѣка, имѣвшаго существовать до самаго послѣдняго пришествія Христа и полного исчезновенія нашего міра. Средства и пути разрушенія представлялись какъ-будто различно. По одной версіи, самъ Христосъ произведетъ, придя „*occulte, sicut fur*“, это разрушеніе зла⁵⁾ „огнемъ, мечемъ, семью послѣдними ранами, указанными въ гл. XXIX Экклезіаста, т.-е. — огнемъ, мечемъ и голодомъ, зубами звѣрей, скорпіонами и звѣрями, градомъ, смертью“⁶⁾; по другой версіи, это дѣло должны выполнить вѣрующіе, а Христосъ придетъ, при томъ явно (*manifeste*)⁷⁾, уже въ концѣ (*in fine*) этого истребленія стараго злого міра, лишь для открытія „новаго царства“, относительно же разрушенія Онъ—самое большее—закончитъ дѣло вѣрующихъ: Онъ низвергнетъ „не имѣющихъ брачной одежды“ во тьму кромѣшную, — и огнемъ моментально (*in momento*) истребитъ всѣхъ злыхъ и всѣ соблазны Царствія⁸⁾. Трудно сказать, имѣемъ ли мы здѣсь два различныхъ, одновременно существовавшихъ, теченія въ хилиазмѣ или же двѣ послѣдовательно развившіяся фазы въ движеніи. Проф. Голль склоняется къ послѣднему мнѣнію, имѣя въ виду слова м. Якубка во 2-мъ

1) Письмо Якубка Ичину у Goll'я: „*Quell. u. Unt.*“, II, 58.

2) *ibid.*, 60.

3) „*Consummatio seculi appello bonorum in melius commutationem et malorum exterminationem*“—Vavř., 418.

4) Vavř., 413.

5) *ibid.*

6) *ibid.*, 454.

7) *ibid.*, 415.

8) *ibid.*, 415 и 456—457.

посл. Ичину¹⁾: „Не проповѣдывали-ли Вы ранѣ противъ убійства? какъ же теперь дѣло измѣнилось въ обратную сторону?“ Думается, что м. Якубекъ, говоря о болѣе раннемъ времени, имѣетъ въ виду, собственно, годы и мѣсяцы, предшествующіе появленію хилиазма вообще... Больше основанія для защиты мнѣнія Голля даетъ извѣстіе Я. Пшибрама, который сообщаетъ, будто пророки стали возбуждать народъ къ дѣятельному участию въ истребленіи зла лишь тогда, когда обѣщанное Божіе чудо не совершилось — и народъ увидѣлъ обманъ, потерявъ же имущество, сталъ терпѣть холодъ и голодъ и роптать противъ пророковъ²⁾. Но, даже принимая мнѣніе о двухъ фазахъ развитія хилиазма, мы все-же не имѣемъ данныхъ по вопросу о томъ, какъ же развивалась „пророками“ первая концепція — разрушеніе міра Божиимъ чудеснымъ дѣйствіемъ. Зато, какъ сейчасъ увидимъ, участіе людей въ этомъ дѣлѣ рисуется очень ярко.

Злымъ людямъ и противникамъ Закона Христова объявляется мечь безъ милости и пощады. Наступаетъ время, когда слѣдуетъ забыть о послѣдованіи кротости Христа, а помнить лишь о Его ревности, ярости (sic) и справедливомъ воздаяніи. Каждый вѣрующій долженъ омытъ свои руки въ крови враговъ Христовыхъ — и проклять тотъ, кто въ часъ наступающей мести удержитъ свой мечъ отъ собственноручнаго пролитія крови противниковъ Закона Божія...

Но обязанность обратиться къ оружію лежитъ не только на мірянахъ: во время этой мести каждый изъ священниковъ долженъ лично вести войну, наносить раны и убивать мечемъ, равно какъ и другимъ оружіемъ³⁾. Противятся Божіей Заповѣди тѣ, кто думаютъ, что не слѣдуетъ воевать тѣлеснымъ мечемъ противъ зла и мерзостей, противъ заблужденій и ересей⁴⁾. Истребительная война противъ злыхъ должна начаться удаленіемъ добрыхъ изъ общества злыхъ. Кто, прочитавъ или услышавъ проповѣдь словъ Христовыхъ: „Тогда, кто въ Іудеѣ, пусть бѣгутъ къ горамъ“, все-таки не уйдетъ изъ городовъ, замковъ, деревень въ горы, гдѣ соберутся вѣрующіе братья, тотъ совершитъ смертный грѣхъ противъ заповѣди Христовой и погибнетъ вмѣстѣ съ этими городами,

¹⁾ Quel. u. Unt., II, 60.

²⁾ Život, 59—64.

³⁾ Vavř., 413—414 и 454—455.

⁴⁾ Ичинъ въ „А. С.“, VI, 41.

замками и деревьями ¹⁾. Дѣло въ томъ, что во время этой мести всѣ города, мѣстечки, замки и деревни должны быть разрушены и сожжены, какъ Содомъ ²⁾. Въ числѣ ихъ будетъ сожжена, какъ Вавилонъ, и Прага: разрушать ее или вѣрныя ³⁾ или „царь вавилонскій“, т.-е. король Венгерскій (Сигизмундъ), который придетъ съ ложа своего ⁴⁾; впрочемъ, были и такіе пророки, которые утверждали, что этотъ „царь вавилонскій“ не придетъ въ Чехію и Прагу ⁵⁾. Всѣ вѣрующіе должны бѣжать въ горы и въ пещеры, гдѣ собравшись они только и могутъ спастись отъ Божьяго удара на міръ ⁶⁾,—горы около г. Писка (Таборъ) ⁷⁾. Другое мѣсто, куда могутъ укрыться вѣрующіе, это пять городовъ, которые сохраняются за эти дни мести во всемъ христіанствѣ ⁸⁾. Эти города—Плзень, Жатець, Лоуны, Клатовы и Слане ⁹⁾, изъ нихъ Плзень—городъ—„Солнце“ ¹⁰⁾. Если нѣкоторые люди говорятъ: „Зачѣмъ намъ бѣжать передъ Богомъ; вѣдь, гдѣ бы ни умеръ праведникъ, вездѣ онъ хорошо умретъ“, то это справедливо лишь иногда, но не всегда. Какъ Лоту было въ свое время приказано Богомъ удалиться изъ Содома, такъ повелѣваетъ Богъ сдѣлать и вѣрующимъ въ настоящее время: и теперь праведные люди, хотя они въ теченіе долгаго времени могли справедливо жить и умирать среди злыхъ людей, во время мести худо умрутъ, оставаясь въ ихъ обществѣ. Соблазняетъ вѣрующіихъ тотъ, кто говоритъ: „пусть чело­ловѣкъ бѣжитъ только отъ грѣха, и Христось будетъ милостивъ къ нему въ деревнѣ и въ городѣ“...; соблазняетъ и тотъ, кто горитъ: „не уходите отъ своего добра (имѣній), не поддавайтесь обману“. Тѣмъ же, кто возражаетъ: „но, вѣдь, въ городѣ больше грѣховъ, чѣмъ въ деревнѣ“, слѣдуетъ помнить повелѣніе Господа Іосифу съ Маріей уйти въ Египетъ, хотя въ Египтѣ было больше грѣховъ, чѣмъ въ Іудеѣ ¹¹⁾...

Нельзя ограничиться духовнымъ уходомъ изъ духовнаго

1) Vavř., 414 и 455.

2) *ibid.*

3) Vavř., 455 и Пшибрамъ, Život, 59.

4) Посланіе Якубка, Goll, II, 58.

5) *ibid.*

6) Vavř., 455.

7) Пшибрамъ, Život, 59.

8) Vavř., 414 и 455 и Посланіе Якубка, Goll, II, 58.

9) Vavř., 356 и Посл. Якубка, Goll, II, 58.

10) Vavř., 356 и Посл. Ичина, А. Č., VI, 44.

11) † посл. Ичина, А. Č., VI, 41—43.

Вавилона, отказомъ отъ грѣховъ. Вавилонъ—не только грѣшная душа, но и всѣ прелаты, живущіе по началамъ сего міра, начиная отъ папы до послѣдняго священника; Вавилонъ—всѣ отъ грѣшнаго царя до низайшаго мірянина... Вавилонъ, наконецъ, это—роскошныя, высокія, широкія и горделивыя зданія, роскошныя, излишія, золотыя одѣянія. Пророки повелѣваютъ вѣрующимъ выйти и изъ этого Вавилона ¹⁾...

Собравшись на горахъ и въ 5 городахъ, послѣ ухода изъ „Вавилона“, вѣрующіе, прежде всего, должны „поститься, скорбѣть о своихъ и чужихъ грѣхахъ, день и ночь молиться Господу, чтобы Онъ благоволилъ спасти ихъ во время наступающей величайшей скорби“ ²⁾. Но такое поведеніе, очевидно, указывалось не всѣми пророками и не за все время хилиастическаго движенія: оно было естественно при ожиданіи чудеснаго истребленія міра самимъ Богомъ, когда хилиасты, убѣгая въ горы и 5 городовъ, насѣхъ раздавали свое добро, кому попало, бросали его на улицахъ и площадяхъ, лишь по временамъ оглядываясь назадъ, чтобы узнать, стоятъ-ли еще ихъ старыя жилища или уже погибли; когда Коранда проповѣдывалъ въ Пльни: „вотъ мы встанемъ утромъ отъ сна, а люди лежатъ мертвые, носомъ кверху; въ Пльни окажется больше домовъ, чѣмъ злыхъ людей на свѣтѣ“ ³⁾. Новымъ святымъ въ хилиастическомъ движеніи обычно отводилась другая роль: борьба съ грѣшниками, съ „Вавилономъ“. Эта борьба начиналась уже съ момента ухода добрыхъ изъ ихъ прежняго мѣстожителства“. Нѣкоторые, создавъ сосѣдей, говорили: „Отодвиньте ваши дома отъ моего жилища, ибо я хочу сейчасъ съечь его и бѣжать, для спасенія своей души, на гору Таборъ или въ одинъ изъ пяти городовъ“. И отъ поджога одного дома иногда выгорала вся деревня“ ⁴⁾. Такимъ образомъ начинался пожаръ міра... Активная борьба съ міромъ злыхъ открывалась для вѣрующихъ и тогда, когда вступало въ жизнь требованіе, чтобы во время мести уходили въ горы и въ 5 городовъ отъ своихъ супруговъ, дѣтей и хозяйствъ мужа и жены, хотя бы и одинъ противъ воли другого ⁵⁾; особенно же это требованіе предъявлялось къ женамъ ⁶⁾, если мужья

¹⁾ 2 посл. Якубка, Goll, II, 59.

²⁾ 1 посл. Ичина, А. С., VI, 43.

³⁾ Пшибрамъ, Život, 61 и 64.

⁴⁾ Vavř., 426.

⁵⁾ Vavř., 414 и 458.

⁶⁾ О Прагѣ во 2 посл. м. Якубка; Goll, II, 50.

воспрещали имъ слушать слово Божіе и принимать св. Причастіе подѣ обоими видами ¹⁾). Задачи вѣрующіихъ, собравшихся на горахъ („братьевъ таборскихъ съ примыкающими къ нимъ“), въ дни мести уясняются въ свѣтѣ проповѣди о томъ, что они—„ангелы, посланные для вывода остальныхъ вѣрныхъ изъ городовъ, замковъ и деревень въ горы“, что они—„рать, посланная Богомъ по всему міру для осуществленія Божіей мести, уничтоженія соблазновъ въ царствѣ Христовомъ, для изверженія злыхъ изъ среды праведниковъ, для суда надъ противниками закона Христова изъ разныхъ народностей, надъ ихъ городами, замками, деревнями“ ²⁾).

Мы уже видѣли выше, что рать Божія—и міране и священники,—во-первыхъ, обязана убивать „злыхъ людей“. Во-вторыхъ, этой рати „вѣрующіихъ“ предписывается всячески нападать на владѣнія (*bona temporalia*) противниковъ Закона Христова, отнимать у нихъ имущества, опустошать и сожигать ³⁾). Истребленію и разоренію особенно подлежали люди богатые и знатные. Чапекъ училъ людей „на горахъ“, чтобы они ходили по всей странѣ, „пригибали къ землѣ высокопоставленныхъ“, „подрѣзывали ихъ, какъ стволы“, молотили-бы ихъ—пановъ, паношей и рыцарей,—какъ снопы“, „цѣдили-бы изъ нихъ кровь“ ⁴⁾). Третьей задачей „вѣрующіихъ“ въ дни обновленія церкви ставится разрушеніе и сожженіе всѣхъ храмовъ, алтарей, хотя бы и посвященныхъ почитанію Бога, но носящихъ имя какаго-нибудь, кромѣ Христа, святого и служащихъ симоніи ⁵⁾). Первые двѣ задачи „вѣрующіихъ“ страшно расширялись. Дѣло въ томъ, что они обязывались убивать, какъ діаволовъ (сатану) и драконовъ, даже всѣхъ тѣхъ людей—пановъ, паношей, горожанъ и крестьянъ—которые не применутъ къ нимъ, не смотря на призывъ къ освобожденію правды, къ защитѣ Закона Божія, къ попеченію о чело-вѣческомъ спасеніи и къ уничтоженію—но ихъ, братьевъ, собственному способу—грѣховъ; они обязаны уничтожать и имущество такихъ людей. Однимъ словомъ, пощады не должно быть и нейтральнымъ ⁶⁾)... Наконецъ, ту же участь должны испытать даже всѣ крестьяне и подданные, разъ они платятъ чинши противни-

¹⁾ „Мнѣніе“ Якубка, Goll, II, 53.

²⁾ Vavř., 414 и 455; тоже у Пшибрама въ „Život“.

³⁾ Vavř., 415 и 456; тоже въ „Život“ Пшибрама.

⁴⁾ Пшибрамъ, „Život“.

⁵⁾ Vavř., 458.

⁶⁾ Vavř., 455—456; тоже у Пшибрама въ „Život“.

камъ закона Христова, хотя-бы и вынужденно ¹⁾... Когда завершится это очищеніе міра отъ зла и злыхъ людей, послѣдуетъ первое воскресеніе—избранныхъ святыхъ, умершихъ во Христѣ; они, вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ „вѣрующими“, устремятся къ облакамъ, на встрѣчу Христу, который, съ сонмами ангеловъ, сойдетъ съ неба и устроитъ „на горахъ“ пиръ невѣстѣ своей, обновленной церкви ²⁾. Само очищеніе церкви будетъ продолжаться очень не долго—и начало новаго царства близко: все это станетъ въ теченіе немногихъ лѣтъ—и многіе, теперь живущіе, увидятъ воскресеніе святыхъ, въ числѣ ихъ м. Яна Гуса ³⁾, пана Бженка ⁴⁾ и другихъ знакомыхъ людей.

Какъ же рисовалось хиліастамъ близившееся обновленное царство Христово?

Оно будетъ существовать до послѣдняго пришествія Христова, до послѣдняго суда, въ теченіе тысячи лѣтъ ⁵⁾. Слава новаго царства будетъ больше, чѣмъ слава первоначальной церкви; „новый домъ“ будетъ богаче одаренъ, чѣмъ „домъ первый“, „первоначальная церковь“ ⁶⁾; возвратится состояніе райской невинности, Адама и Евы ⁷⁾. Человѣчеству будетъ возвращено безсмертіе, какъ нѣкогда Эноху и Илиіи ⁸⁾, люди воссіяютъ, какъ солнце ⁹⁾. Измѣнятся физическія и духовныя особенности человѣческой природы. Люди не будутъ знать ни голода, ни жажды, ни тѣлесныхъ страданій (persecutio, passio) ¹⁰⁾. Законъ благодати (Новый Заветъ) потеряетъ силу и будетъ отиѣненъ во всемъ, что касается преслѣдованій, несправедливостей, обмановъ, грѣха, лжи и соблазна ¹¹⁾.

¹⁾ Vavř., 456.

²⁾ Vavř., 416 и 456—457.

³⁾ Vavř., 416 и Пшибрамъ, „Život“, 79.

⁴⁾ Пшибрамъ, „Život“, 79; разумѣется панъ Бженекъ Швиговскій, одинъ изъ раннихъ вождей таборитовъ, павшій въ битвѣ со сторонниками имп. Сигизмунда при переходѣ Жижки изъ Пляня въ Таборъ, 25 марта 1420 г.; слѣдовательно, хиліазмъ жилъ еще и послѣ этой хронологической даты.

⁵⁾ Пшибрамъ, „Život“, 63.

⁶⁾ Vavř., 457.

⁷⁾ ibid., 416.

⁸⁾ ibid., 416.

⁹⁾ Пшибрамъ въ „Život“, 78.

¹⁰⁾ Vavř., 416 и 457.

¹¹⁾ Vavř., 458.

Мартинекъ Локвисъ училъ: „Будетъ на землѣ новое царство святыхъ, и добрые уже не будутъ страдать; если бы христіане должны были всегда такъ страдать, я не хотѣлъ бы и быть слугою Божиимъ“... ¹⁾). Правда, размноженіе рода человѣческаго будетъ совершаться и въ этомъ новомъ царствѣ: „женщины будутъ тѣлесно родить сыновей и дочерей, но безъ скорбей и болѣзней“. Процессъ размноженія видоизмѣнится даже по существу: „въ обновленной церкви супруги не должны „платить долга“ другъ другу—и „женщины будутъ рождать безъ тѣлеснаго сѣмени“ ²⁾). Будутъ „святой бракъ и ложе нескверное“, дѣторожденіе же—безъ первороднаго грѣха ³⁾). Обновится и духовная сторона человѣка, точнѣе—разумъ человѣка. „Солнце человѣческаго разумѣнія уже не будетъ свѣтить людямъ обновленнаго царства“, никто не будетъ нуждаться въ наставленіи, ибо всѣ окажутся способными къ учительству (*docibiles*). Это потому, что Законъ Христовъ будетъ написанъ въ сердцѣ каждаго человѣка ⁴⁾).

Въ такомъ случаѣ теряетъ въ новой церкви свою силу и писанный Законъ (Св. Писаніе), а библія будетъ уничтожена. Поэтому-то Коранда въ Пизни и проповѣдывалъ: „свою библію, за которую я заплатилъ много копѣ грошей (1 к. = 60 гр.), заложу уличной торговкѣ за 6 геллеровъ и не подумаю выкупать ее“ ⁵⁾). Если не нужно будетъ св. Писаніе, то излишними окажутся и всѣ пути и средства благодатнаго воздѣйствія на человѣка со стороны церкви: не будетъ храмовъ, ибо „Господь всемогущій—храмъ новой церкви“ ⁶⁾), не будетъ и таинствъ. Зачѣмъ крещеніе водой, если всѣ будутъ крещены св. Духомъ? ⁷⁾). Если въ обновленной церкви будетъ одухотворено и тѣлесное питаніе, если не будетъ душнаго мяса и пици кровавой („*cibi cum sanguine*“) ⁸⁾), то будетъ отмѣнено и духовное питаніе посредствомъ таинства евхаристіи: люди будутъ питаться по новому, ангельскому способу, въ воспоминаніе уже не мученій, а славы Христа ⁹⁾).

¹⁾ Хельчицкій: „*Rep. pr. Mik.*“, Сбор., LV, 464—465.

²⁾ *Vavř.*, 458 и Пшибрамъ, „*Život*“, 80.

³⁾ *Vavř.*, 416.

⁴⁾ *Vavř.*, 415 и 457—458 и у Пшибрама въ „*Život*“.

⁵⁾ Пшибрамъ, „*Život*“, 84.

⁶⁾ *Vavř.*, 416.

⁷⁾ *ibid.*

⁸⁾ *ibid.*, 462.

⁹⁾ *ibid.*, 416.

Обновится общественно-государственный строй. Исчезнет свѣтская, принудительная власть (*secularis dominatio*); такъ какъ міромъ и людьми будетъ править самъ Богъ, и власть будетъ передана Имъ самому народу, то не будетъ уже нужды въ государяхъ, хотя бы и изъ среды вѣрующихъ, для отмщенія злымъ и похвалы добрымъ ¹⁾. Всѣ права и законы—земскіе, городскіе, сельскіе—утрачаютъ всякую силу, какъ „человѣческое установленіе“. Не будетъ ни податей, ни ихъ сборщиковъ ²⁾. Избранники Божіи, „новые святые“, получаютъ имущества истребленныхъ злыхъ, будутъ свободно распоряжаться ими въ такой полнотѣ, что золото и серебро опротивѣютъ имъ. Пророки проповѣдывали крестьянамъ: „Вы не будете платить господамъ оброковъ по 5—6 разъ въ году, какъ теперь, не будете вынуждены скрываться отъ нихъ по домамъ, лѣсамъ, ямамъ подъ землей; не будутъ господа васъ драть и гнать: напротивъ, всѣ ихъ „дѣдины“ (вотчины), рыбники, луга и лѣса окажутся въ вашемъ распоряженіи“ ³⁾...

Среди лицъ, охваченныхъ хиліазмомъ, и ихъ вождей, священниковъ—„пророковъ“, распространялись еще и другіе взгляды и ученія, которыя отмѣчаютъ Вавжинецъ изъ Бжезовой и Пшибрамъ по случаю диспута въ домѣ Змрзлика. Но въ этихъ взглядахъ нѣтъ чего-либо специфически-хиліастическаго, за исключеніемъ кое-какихъ деталей въ вышензложенному, выводовъ изъ него. Большая часть этихъ взглядовъ входила въ систему ученія таборитовъ и въ тѣ годы, когда хиліазмъ уже исчезъ изъ гуситства. Правда, умѣренные гуситы, во главѣ съ пражскими магистрами, на первомъ же намъ извѣстномъ диспутѣ съ таборитами, въ домѣ Змрзлика, старались, для опороченія системы ученія своихъ противниковъ связать пункты нехиліастическіе съ хиліастическими въ одно цѣлое—и табориты, по существу, не возражали противъ этого приѣма. Но уже въ первую половину 1420-хъ годовъ хиліастическія теоріи почти совсѣмъ перестаютъ играть роль предмета споровъ между радикальнымъ и умѣреннымъ гуситствомъ; отзвуки стараго положенія дѣлъ сказываются лишь въ спорахъ о войнѣ, ея основаніяхъ и способѣ веденія,—въ

¹⁾ Vavř., 457.

²⁾ *ibid.*

³⁾ Пшибрамъ, „Život“, 64.

томъ пунктѣ, гдѣ табориты, освободившіея вообще отъ хилиазма, могли считаться болѣе близкими къ нему, чѣмъ умѣренныя „пражане“ и руководители ихъ — „магистры“.

Диспутъ въ домѣ Змрзлика не былъ первымъ актомъ борьбы умѣренныхъ гуситовъ съ хилиастическимъ настроеніемъ массъ. Борьба эта одновременна съ самимъ зарожденіемъ и первымъ буйнымъ ростомъ хилиазма. Понятно, что „магистровъ“, какъ идеологовъ умѣреннаго гуситства и общественныхъ слоевъ, стоявшихъ за это умѣренное гуситство, т.-е. дворянства, духовенства и состоятельныхъ горожанъ, задѣвалъ и волновалъ въ хилиазмѣ не столько положительный моментъ, концепція новаго міра, сколько моментъ отрицательный, ученіе объ истребленіи міра стараго — и это уже потому одному, что народныя массы спѣшили связать теорію съ жизнью, фактически приступали къ выполненію возложенной на нихъ Богомъ задачи, къ борьбѣ со зломъ и злыми людьми, противниками Закона Божія (въ толкованіи Гуса и — болѣе — его учениковъ).

Слѣдить за дѣйствіями народныхъ массъ въ проведеніи хилиазма въ жизнь не входитъ въ нашу задачу: это прекрасно выполнено еще Палацкимъ и Томкомъ, и сейчасъ едва ли возможно что-либо прибавить къ тому, что имѣется въ ихъ трудахъ.

Какъ только народъ началъ войну противъ „домашнихъ“ противниковъ Закона Божія, магистры поняли, что грозитъ опасность ихъ плану добиться торжества своего дѣла мирнымъ путемъ, войдя въ соглашеніе какъ съ „внутренними“, такъ и съ „внѣшними“ — импер. Сигизмундомъ и папствомъ — врагами. Задержать выступленіе народныхъ массъ — вотъ что было ближайшей цѣлью полемики магистровъ противъ хилиазма; это видно изъ сохранившихся до насъ полемическихъ произведеній м. Якубка изъ Стшибра противъ м. Я. Ичина и противъ его хилиастическихъ посланій „братьямъ и сестрамъ“¹⁾.

¹⁾ Два Посланія Якубка Ичину напечатаны проф. Голлемъ въ „*Quel. u. Unt.*“, II, 57—60; два Посланія Ичина (безъ указанія на его авторство) какимъ-то „братьямъ и сестрамъ“ — въ А. Ї., VI, 41—44.

Благодаря тому, что Якубекъ дѣлаетъ довольно точныя указанія на содержаніе „*scripta*“, „*petita*“ и „*epistola*“ Ичина, даже дѣлаетъ изъ нихъ выписки, мы можемъ утверждать, что посланія въ А. Ї. принадлежатъ именно Ичину. Вотъ сравненіе текстовъ: (см. стр. 53).

Противники хилиастовъ, въ лицѣ Якубка, возражали противъ проповѣди о сомнительномъ концѣ міра („plaga horribilissima“), противъ требованій къ вѣрующимъ физически удалиться изъ

1-е посл. Якубка (у Goll'я):

...Utcunque perstringens pro responso videtur mihi, quod illud Jeremie 51: fugite de medio Babilonis... et illud Isaie XIX: „in die illa erunt quinque civitates... (стр. 57).

...Sic unus spiritus prophetat, quod rex Babilonis, id est rex Ungarie, veniet de cubili suo et de terra sua et destruet Babilonem, id est Pragam... (стр. 58).

2-е посл. анонима въ „А. С.“:

...W kterémžto času prikazuje pán Bóh... skrze Isaie w 51 kapitole řka: Wyděte... etc. (43 стр.).

Wystúpil jest lew z lože swého...král Uherský ...vyšel jest z města swého, točž z Uher, aby položil zemi twú u pustotu.

Если Якубець и не имѣлъ въ виду опровергать то именно посланіе, изъ котораго только-что приведены выдержки, то все же оно столь близко къ произведенію Ичина, разбираемому Якубцомъ, что едва-ли можно здѣсь сомнѣваться въ авторствѣ Ичина.

2-е посл. Якубка (Goll.):

Non ...oportet, si Christus fugit in Egiptum cum Joseph et matre, quod ergo nunc fideles debeant in illam Egiptum descendere“ (стр. 60).

1-е посл. анонима въ „А. С.“:

...Jest Ježíš s Josefem a s Marií utekl do Egipta... když mu anjel boží prikázal. Též i nyní... (стр. 43).

Думается, что и этотъ анонимъ—все тотъ же м. Ичинъ.

Есть данныя для предположенія, что 1-е посл. анонима,—т.-е. Ичина, писано „братьямъ и сестрамъ“ послѣ 1-го посл. Якубца Ичину, ибо Ичинъ („анонимъ“) дѣлаетъ въ немъ намеки на содержаніе письма своего противника, Якуба.

1-е посл. Ичина (анонима):

„Neříkajtež tehdy: „co bychme utiekali? kdežkoli spravedliwy umře, tu dobře umře... Neroďte wěřiti, budú-li řéči: když by jedine z hřechów utekl, Kristus mu jest milostiwý we wsi neb w městě... (стр. 42).

1-е посл. Якубца:

Ex quibus patet, quod Christi fideles... in quacunqua civitate... salvabuntur... Ergo sive in Praga, sive in Pieska... iustus malo non consociens... dum moritur, salvabitur... Justus nec in Praga, nec alibi... debet timere dampnationem ex hoc solo, quod in Praga manet vel alibi... (стр. 58).

Если хилиастическія посланія Ичина самому Якубку и не дошли до насъ, то все же мы имѣемъ приблизительное понятіе о нихъ по сохранившимся посланіямъ къ „братьямъ и сестрамъ“; было, наконецъ, какое-то посланіе Ичина пражскимъ женщинамъ о необходимости имъ покинуть Прагу (см. 2-е посл. Якубка, Goll, II, 60).

среды злыхъ и собраться въ пяти городахъ, которые никому не открыты Богомъ; указывали на противорѣчія „пророковъ“, на опасность раздора въ семьяхъ и половой распущенности подъ предлогомъ требуемаго „пророками“ удаленія вѣрующихъ супруговъ отъ невѣрующихъ. Самую печальную сторону хилиазма противники его видѣли въ возбужденіи народа къ войнѣ: „Простой народъ, возбуждаемый священниками, хватается за тѣлесное и мірское оружіе противъ враговъ; но, вѣдь, тутъ и кроется опасность убійства и пролитія крови“, пишетъ Якубекъ въ 1-мъ посл. Ичину. Во 2-мъ посл. Ичину тонъ Якубка становится гнѣвнѣе: „Народъ отъ вашихъ проповѣдей и опасныхъ толкованій Писанія беретъ за военное оружіе, покидаетъ привычную работу своихъ рукъ: люди тунеядно начинаютъ жить за счетъ имущества и грабежа ближнихъ, убиваютъ и проливаютъ кровь... Не даромъ васъ зовутъ „кровавыми священниками“!....

Вмѣсто всего этого люди, подъ руководствомъ „евангелическихъ“ священниковъ, должны были бы думать о духовныхъ бояхъ, съ помощью духовнаго оружія, противъ грѣховъ своихъ и грѣховъ ближнихъ, по примѣру первоначальной апостольской церкви. Право вести матеріальную войну принадлежитъ только свѣтскимъ властямъ („*potestates sublimiores*“), но и онѣ, эти власти, подвергаютъ при этомъ свои души великой опасности.

Борьба съ хилиазмомъ, какъ преимущественно воинственнымъ настроеніемъ и поведеніемъ относительно „противниковъ Закона Божія“, облегчалась для „магистровъ“, становилась для нихъ прямо соблазнительною и въ виду реакціи противъ крайней воинственности въ рядахъ самихъ „хилиастовъ“ (таборитовъ). Магистры вмѣшались въ эту внутреннюю борьбу среди радикаловъ тактики, готовые поддержать складывавшуюся среди нихъ болѣе умѣренную группу. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда это произошло, когда умѣренныя, примирительныя теченія и группы въ гуситствѣ, какъ-будто бы, готовы были одержать верхъ, сила внѣшнихъ обстоятельствъ — упорство католиковъ, начиная съ импер. Сигизмунда и папы, кончая послѣднимъ патеромъ — не только помѣшала магистрамъ пойти дальше по пути той теоріи, которую они развивали устами м. Якубца, въ его посланіяхъ Ичину, но привила и имъ — по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время известную дозу воинственности, уже характеризовавшей — хотя бы и въ разной степени — отдѣльныя фракціи хилиастовъ-таборитовъ...

3) Вопросъ о войнѣ въ средѣ официальныхъ вождей гуситства — таборитскихъ священниковъ и пражскихъ магистровъ передъ началомъ войны съ императоромъ Сигизмундомъ и католической церковью: „Responsio“ магистровъ; трактаты „De bello“.

Итакъ, въ системѣ учений хилиазма-таборитства на первый планъ выдвигается вопросъ о войнѣ, именно о томъ, допустима ли вообще — и если допустима, то при какихъ условіяхъ и въ какой степени — война въ христіанскомъ обществѣ. Возникло разногласіе по этому вопросу между вождями таборитовъ: бакалавромъ и священникомъ, немного спустя — и епископомъ („бискупцемъ“), Николаемъ изъ Пельгржинова, и священникомъ Вацлавомъ Корандой, игравшимъ, какъ мы уже знаемъ, большую роль въ хилиастическомъ движеніи 1419 г., энергично дѣйствовавшимъ въ г. Пльзни.

Зная роль Коранды, зная и то, какъ „хилиасты“ горячо стояли за мѣры физической борьбы съ существующимъ въ христіанскомъ обществѣ зломъ, мы въ правѣ уже напередъ заключить, что В. Коранда высказывался за безусловную необходимость бороться оружіемъ въ пользу „Закона Божія“ и противъ враговъ этого Закона. Николай Бискупецъ, глава нозднѣйшаго, „ортодоксальнаго“ — если можно такъ выразиться — течения въ таборитствѣ, человекъ сравнительно умѣренныхъ взглядовъ и мягкаго характера, сколько возможно, ратовалъ если не за устраненіе, то за ограниченіе такой необходимости. Разногласіе между двумя таборитскими главарями должно было особенно ясно сказаться поздней осенью 1419 года, когда въ ноябрѣ, послѣ заключенія договора (13 ноября) между представительницей Сигизмунда, регентшей королевой — вдовой Софіей, оберъ-бургграфомъ Ченемомъ изъ Вартенберка и другими панами, съ одной стороны, и пражанами, съ другой, со взаимнымъ обязательствомъ защищать свободу причащенія подъ обоими видами, вопросъ о допустимости войны въ защиту Закона Божія практически, казалось, самъ собой снимался съ очереди, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время.

Но дѣло въ томъ, что народныя массы и ихъ вожди, переживая въ то время хилиастическое движеніе, иначе оцѣнивали сложившееся положеніе дѣлъ. Означенный выше договоръ представлялся имъ плохимъ обезпеченіемъ правды Закона Божія. Они слишкомъ хорошо знали императора Сигизмунда, чтобы довѣрять

неопредѣленнымъ обязательствамъ, принятымъ на себя его представителями; сомнительной была въ ихъ глазахъ и преданность Закону Божию другой договорившейся стороны, патриціата Праги, той самой Праги, уничтоженіе которой, какъ новаго Вавилона, только что предвѣщалось „пророками“.

По мнѣнію всѣхъ тѣхъ радикаловъ, съ которыми заодно шелъ и В. Коранда, „*domini seculares*“, т.-е. въ тотъ моментъ—и паны, и городскія власти пражескія—впали въ такую бездѣтельность, что уже не хотятъ защищать мечемъ правду Закона Божія („*tantum... desides, quod nolunt veritatem gladio accepto defendere*“). А если такъ, то самъ простой народъ (*communitates fideles subiectae*) и можетъ и долженъ встать за оружіе для защиты этой правды, для искорененія противниковъ ея. Конечно, пражескіе магистры, въ сущности, не раздѣляли, какъ мы увидимъ ниже, такого мнѣнія о возможности вооруженной защиты христіанской истины самими народными массами, безъ руководства властей и даже вопреки волѣ послѣднихъ; и это зналъ Коранда со своими единомышленниками. Но, повидимому, почти одинаковыхъ (или очень близкихъ) воззрѣній съ пражскими магистрами держался по этому вопросу и Николай Бискупецъ со своими приверженцами. Если же В. Коранда выразилъ готовность отдать спорный у самихъ таборитовъ-хиліастовъ вопросъ на рѣшеніе двухъ пражскихъ магистровъ, Христіана изъ Прахатиць и Якуба изъ Стшибра (Мисы), да еще съ обязательствомъ подчиняться этому рѣшенію, то едва-ли была у него здѣсь искренность: рассчитывая получить отрицательный отвѣтъ на вопросъ о томъ, могутъ-ли и должны-ли общины вѣрующихъ подданныхъ защищать мечемъ правду Закона Божія, т.-е. физически истреблять противниковъ этого закона, если свѣтскія власти (*domini seculares*) дошли въ своей бездѣтельности до нежеланія защищать мечемъ правду Закона, В. Коранда хотѣлъ лишь вызвать магистровъ на полное разъясненіе ихъ позиціи, вскрыть приверженность магистровъ къ участникамъ ноябрскаго договора и тѣмъ большую опасность отсюда для „правды Закона Божія“. Ожидаемый отвѣтъ долженъ былъ разъяснить и то, что взгляды умѣренныхъ таборитовъ, во главѣ съ Николаемъ Бискупцемъ, подозрительно приближаются къ мнѣніямъ магистровъ, союзниковъ „безбожной власти“, и такимъ образомъ ослабить роль этихъ умѣренныхъ въ таборитствѣ.

Понималъ ли или не понималъ Бискупецъ планы Коранды, все же онъ согласился на обращеніе къ третейскому суду пражскихъ

магистровъ, въ ошибочномъ разчетѣ на то, что голосъ университетскихъ ученыхъ поможетъ одержать верхъ среди таборитовъ его собственному мнѣнію... Вѣроятно, Бискупецъ въ то же время не вполне былъ увѣренъ въ твердости привязанности пражскихъ магистровъ къ Закону Божию, въ большой степени готовности магистровъ призвать свѣтскую власть въ защиту Закона Божія,—конечно, въ томъ случаѣ, когда этому Закону будетъ угрожать серьезная (а не мнимая, какъ у Коранды) опасность. Можетъ быть, опасался онъ, пражскіе магистры теперь уже совсѣмъ не считаютъ свѣтскую власть обязанной защищать мечемъ правду Закона Божія... Для вызова магистровъ на ясный отвѣтъ по этому вопросу и былъ имъ заданъ вопросъ: „обязаны ли свѣтскіе господа защищать матеріальнымъ мечемъ правду Закона Божія“? В. Коранда, конечно, ничего не имѣлъ противъ такого „испытанія“ магистровъ, если желалъ его Н. Бискупецъ.

Что же отвѣтили магистры Христіанъ и Ягубъ на обращенные къ нимъ вопросы? Какъ люди осторожные, вѣроятно, понявшіе опасность вопроса, они созвали общее собраніе всѣхъ магистровъ Пражскаго университета, разумѣется, тѣхъ, кто стоялъ на сторонѣ Яна Гуса и исповѣдывалъ „4 пражскихъ артикула“.

Вопрошавшимъ, Николаю Бискуцу и Вацлаву Корандѣ, былъ данъ такой отвѣтъ—„Responsio“, служившій выраженіемъ мнѣнія всего собранія магистровъ ¹⁾).

На вопросъ объ обязанности свѣтской власти защищать правду Закона Божія было отвѣчено утвердительно: это было легко для магистровъ, ибо утвердительный отвѣтъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ воспроизведеніемъ впитанной ими въ плоть и кровь старой средневѣковой теоріи о „двухъ мечахъ“ и двухъ держащихъ эти мечи властяхъ, при чемъ свѣтская власть должна защищать духовную власть и ея носителя—церковь (духовенство, папу). Правда—теперь дѣло шло не о защитѣ церкви, а о защитѣ Закона Божія да еще противъ этой самой церкви и ея охранителя, имп. Сигизмунда, и всѣхъ католиковъ, чешскихъ же—прежде всего. Поэтому и отвѣтъ былъ сухъ и коротокъ, безъ всякихъ слѣдовъ ученаго аппарата, которымъ обычно орудовала названная теорія; магистры сослались лишь на извѣстный текстъ ап. Павла о „князѣ, который не напрасно мечъ носить“...

¹⁾ Goll: „Quellen und Unters.“, II, 51—53 (латинскій текстъ отвѣта).

Иной характер имѣетъ отвѣтъ магистровъ на вопросъ о томъ, переходить-ли на простой народъ обязанность свѣтскихъ властей относительно защиты мечемъ правды Закона Божія, если власти „лѣнны“ (*desides*).

Магистры въ своемъ маленькомъ „Отвѣтъ—миѣни“ три раза отвѣчаютъ на поставленный имъ вопросъ: сначала—отрицательно, потомъ—утвердительно, наконецъ—снова отрицательно...

„Тяжко и опасно, говорятъ они, представляется совѣтовать общинамъ вѣзаться за тѣлесный бой“: предпочтительнѣе для христіанъ другой путь, „самый надежный и безопасный“—защищать истину христіанскую терпѣніемъ, а не дѣйствиємъ физической силы. Мы—послѣдователи Христа, а, вѣдь, Онъ заповѣдалъ терпѣніе, самъ страдалъ „даже до смерти“, училъ учениковъ терпѣнію (случай съ самаритянами, съ ап. Петромъ, обнажившимъ мечъ на Малха); тому же учили и словомъ и дѣломъ Его ученики и позднѣйшіе мученики. Это—аргументы „*ab auctoritate*“. Затѣмъ слѣдуютъ и доводы „*a ratione*“. Христіанинъ долженъ соблюдать во всемъ своемъ поведеніи любовь (*caritas*). А, вѣдь, изъ всѣхъ родовъ дѣйствиій (*artes*) война—самый трудный для соблюденія этой любви. Кромѣ того, если допустить инициативу войны для кого-либо изъ народа, то окажется трудно соблюсти всѣ условія, дѣлающія войну допустимой: т. е. праведное отомщеніе (*iusta vendicatio*), законную авторизацію (*licita auctorisatio*) и правильное намѣреніе (*rectra intentio*). Ибо изъ перваго условія вытекаетъ для воюющаго обязанность пребывать въ благодати (*esse in gratia*) и имѣть праведность (*habere iustitiam*); изъ второго явствуетъ, что слѣдуетъ сражаться только тогда, когда нѣтъ уже никакихъ другихъ средствъ для удовлетворенія справедливости, и когда при томъ еще можно сослаться на авторитетъ (полномочіе) „князя“ и на Божіе соизволеніе („*consulto Domino*“); третье условіе требуетъ, чтобы намѣренія воюющаго были чисты отъ гнили суетной славы, отъ страсти къ власти и отъ рвенія отомстить за личную обиду...

Какъ бы чувствуя, что всѣ эти условія дѣлають недопустимой войну не только для „*communitates subiectae*“, но даже и для „*domini secularis*“, магистры, желая спасти свой отвѣтъ на предыдущій вопросъ, неожиданно даютъ утвердительный отвѣтъ и на второй предложенный имъ вопросъ, хотя тоже съ оговорками. „Мы готовы признать, впрочемъ, что свѣтскіе господа могутъ столь противиться Богу и Его закону, что позволительно защищать евангельскую истину и общинамъ, если самъ Богъ отрѣ-

шилъ господь отъ власти и самъ же Онъ допустилъ общины къ дѣлу защиты своего Закона“. Но какъ, изъ какихъ источниковъ знать волю Божию? Изъ „божественнаго инстинкта“, вѣрнаго откровенія (revelatio) или изъ самоочевидности... И какъ бы вспомнивъ о томъ, что все это инстанція, на которыя столь охотно ссылаются „пророки“—хилиасты, какъ бы опасаясь, что отвѣтъ—на руку Корандѣ и его единомышленникамъ, а не Николаю Бискупцу, магистры предостерегаютъ отъ притязательнаго легкомыслія считать господь низложенными Богомъ въ каждомъ такомъ случаѣ, когда они не хотятъ немедленно же уступить любому „вѣтру ученія“. Тѣмъ недопустимѣе такое легкомысліе, когда народъ имѣетъ господь, у которыхъ нельзя усмотрѣть очевидной и несправимой неспособности выступить на защиту правды. И въ этомъ случаѣ (который, очевидно, разумѣется въ данный моментъ и для Чехіи) „общины могутъ и должны защищать правду... помогая своимъ господамъ“. Придя такимъ образомъ къ новому отрицанію права общинъ брать на себя обязанности господь по защитѣ правды Закона, авторы „мнѣнія“ приводятъ и новые, дополнительно къ прежнимъ, доводы противъ войны, при томъ снова такъ, что безсознательно отрицаютъ вообще войну въ христіанскомъ обществѣ.

Неожиданнымъ для насъ выходомъ (въ субъективномъ смыслѣ) изъ всѣхъ этихъ противорѣчій является для магистровъ раздражительная по тону сентенція, въ которой, конечно, не чувствовали нужды вопрошатели или точнѣе—одинъ изъ вопрошателей, Вацлавъ Коранда, по чьему адресу и была, собственно, направлена сентенція: „для каждаго евангельскаго священника безопаснѣе, какъ можно чаще, отклонять людей, по возможности, отъ столь опаснаго матеріальнаго способа войны“. Таково это „мнѣніе“, типичное для людей средневѣковой науки съ ея постоянными и одновременными „sic“ et „non“ едва-ли не по всѣмъ вопросамъ, но характерное и съ точки зрѣнія тѣхъ тяжелыхъ противорѣчій, которыя ставила современникамъ сама чешская жизнь въ нач. XV в.

Изложенное „мнѣніе“ пражскихъ магистровъ, во главѣ съ Якубомъ изъ Стшибра и Христіаномъ изъ Прахатиць, не оставалось одинокимъ въ литературѣ гуситовъ: оно вызвало цѣлый рядъ трактатовъ „De bello“, тѣмъ болѣе, что и дѣйствительность—фактически начавшаяся война чеховъ-гуситовъ съ чехами-католиками, съ Сигизмундомъ, князьями имперіи и католической церковью, война, принявшая крайне ожесточенный характеръ,—заставляла

современниковъ мыслить и спорить по вопросу, уже разъ разрѣшавшемуся магистрами.

Такое же колебаніе, хотя и не столь сильное, какъ „пражскіе магистры“, обнаруживаетъ неизвѣстный авторъ трактата: „Bellandi materiam concernit infra scriptum“¹⁾. Авторъ прежде всего излагаетъ условія, которыя оправдываютъ (rectificant) „справедливую войну“ (bellum iustum)—тѣ же самыя, что и во „мнѣніи“ пражскихъ магистровъ, даже выраженные въ той же самой словесной формѣ, въ виду очевиднаго знакомства автора съ текстомъ „мнѣнія“ (см.: „consilia hominum discretorum, quales indubie habent in proprio passione“, Goll, 55) или въ виду того, что авторы „мнѣнія“ и анонимъ одинаково эксцерпировали одинъ общій источникъ—Виклифа (см. ниже 1-й экскурсъ). Нашъ анонимъ настолько одобряетъ войну вообще, что даже высказываетъ такую мысль: „Et sic neminem licet suum fratrem invadere nisi propter amorem et commodum sic invasi, cum aliter ibi deesset intencio caritatis“—т. е. войну можно начинать изъ благоволенія и любви къ тому, противъ кого война ведется! Правда, авторъ вспоминаетъ объ евангельскомъ текстѣ (Матв., 5), гдѣ запрещается и „ira illicita contra fratrem, sicut verbum derisorium, irrationabile, opprobriosum, contumeliosum aut aliter irritativum“. Но мысли этого порядка лишь мимоходомъ затронуты въ трактатѣ—и тщетно было бы искать въ немъ того все же довольно богатаго запаса аргументовъ „contra bellum“, который заключался въ „Отвѣтъ—мнѣніи“ магистровъ. Онъ высказывается противъ войны не вообще, а противъ войны въ конкретныхъ условіяхъ момента, противъ современной чешской войны, которая страшно ослабляетъ чешскій народъ и служить на пользу лишь нѣмцамъ. Вотъ что говоритъ нашъ авторъ-патріотъ: „Очень тяжело чехамъ, желающимъ совершать нападеніе на людей своей народности, соблюсти благоволеніе и любовь къ ближнимъ, заповѣданную Христомъ“. Какъ-будто дѣло обстояло-бы иначе, если-бы пришлось нападать на нечеховъ. Авторъ еще яснѣ вскрываетъ свое міросозерцаніе, когда говоритъ: „Есть-ли что-нибудь болѣе глупое (stultitia), чѣмъ война противъ своего собственнаго чешскаго „рода“... Вслѣдъ за уничтоженіемъ своихъ ближнихъ надъ побѣдителями возьметъ власть... чужой народъ (нѣмцы), который, если-бы могъ, не только лишилъ бы чеховъ матеріальнаго благополучія, но, какъ правдоподобно, и растерзалъ бы (evisceraret) ихъ, безъ всякаго мило-

¹⁾ Goll: „Quel. u. Unters.“, II, 53—55 (текстъ).

сердія"... Негодованіе автора на непонимающихъ опасности соотечественниковъ во всей силѣ сказывается въ такой фразѣ: „Такъ-то чехи, у которыхъ нѣтъ недостатка во врагахъ, движимые, какъ явствуетъ, какимъ-то ослѣпленіемъ, къ радости своихъ враговъ, ожидающихъ благопріятнаго для себя результата, хотятъ нападать на своихъ сородичей, точно ненавидящія свѣтъ подземные кроты". И чехи дѣлаютъ это, „causa racionabili non habita"... Последнее замѣчаніе, довольно загадочное въ устахъ гусита, хотя-бы и умѣренного, все же едва-ли заставляеть насъ видѣть въ авторѣ трактата католика; вѣрнѣе, что это—умѣренный гуситъ, членъ партіи „пражанъ", единомышленникъ магистровъ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ чеховъ, которые готовы были за сравнительно небольшія уступки примириться и съ церковью и со старой властью (династіей). Безсмысленность и преступность войны въ Чехіи становятся для автора тѣмъ несомнѣннѣе, что люди „подвергаютъ себя опасности смерти въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ они не могутъ усмотрѣть Божіей правды,—только ради большого жалованья, движимые болѣе ненасытной жадностью, чѣмъ ревностью о правдѣ; „временная награда, при наличности вѣчнаго осужденія за совершенное преступленіе, принесетъ съ собой такимъ людямъ не пользу, а вредъ"... „Никто, думаетъ авторъ, не можетъ отдаваться войнѣ иначе, какъ только тогда, когда погибающій въ ней оказывается мученикомъ (martir)"... Это указаніе на участіе въ войнѣ наемниковъ нельзя относить къ гуситскимъ войскамъ въ самые первые годы войны; очевидно, авторъ имѣетъ въ виду наемные отряды чешскихъ католическихъ пановъ и еще болѣе—имп. Сигизмунда.

Почти въ томъ же самомъ кругѣ идей, что и авторы разсмотрѣнныхъ трактатовъ, вращается и авторъ трактата „De bello" ¹⁾. Обстановка, въ которой появился этотъ трактатъ, уже иная: войну предупредить нельзя, ибо она началась и разгорѣлась: „undique bella strepant et crassetur... gladius fratrum contra fratres et gentium contra gentes"...

Авторъ свободенъ отъ колебаній, характерныхъ для двухъ предыдущихъ произведеній чешской гуситской мысли, особенно для перваго. Мы не находимъ у него указаній на тѣ точки зрѣнія и мотивы, которые воспрещаютъ христіанамъ всякую вообще войну. Онъ утверждаетъ совсѣмъ обратное: есть, правда, „bella

¹⁾ Goll: „Quell. u. Unters.", II, 56—57 (текстъ).

iniusta“, по есть и „bella iusta“, какъ, на примѣръ, современная война чеховъ-гуситовъ; авторъ и хочетъ разъяснить тѣ условія, когда война становится „справедливой“. Христіанинъ обязанъ вести такую войну: „какъ священникъ обязанъ (debitor est) свободно проповѣдывать истину, которую онъ услышитъ отъ Бога, такъ и мірянинъ долженъ эту истину вѣрно защищать, и если онъ не дѣлаетъ этого, то предаётъ истину“. При какихъ же условіяхъ, по мнѣнію автора, война оказывается „справедливой“ и потому обязательной для христіанина? Эти условія тѣ же самыя, что и у авторовъ предыдущихъ трактатовъ, только перечисленіе ихъ подробнѣе, схоластичнѣе (доходя до восьми). Мы встрѣчаемъ уже знакомые намъ термины: „caritas“ и „gratia“, „legitima licentia“ (= auctorisatio), „Domini interrogatio“, „causa iusta“ (т.-е. causa Dei, causa fidei, causa legis et causa veritatis), „justus modus“ (intencio recta), „finis laudabilis“, „justus imperans“, „defensio veritatem tenentium et promotio innocentium“.

Любопытно, впрочемъ, нѣкоторое своеобразие и въ обоснова- ніяхъ законности „справедливой“ войны и въ подробностяхъ отдѣльных обоснованій. На-ряду съ приведенными уже 8 усло- віями имѣется девятое: „defensio patriae et fratrum iustorum com- patriotarum adversus exteros patriam destruere volentes“. Выдвигая, въ качествѣ оправданія войны, „защиту отечества и справедли- выхъ братьевъ соотечественниковъ противъ иноземцевъ (= нѣм- цевъ), стремящихся разорить отечество“, авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, противоположной воззрѣнію предыдущаго трактата.

Мы уже видѣли, что авторы „Отвѣта—мнѣнія“, Якубъ и Хри- стіанъ, допуская „legitima licentia“ войны и со стороны простого народа, безъ властей и даже вопреки имъ, дѣлали сейчасъ же и отрицающія это допущеніе оговорки; признавая, въ качествѣ источ- никовъ „auctorisatio“ для такихъ случаевъ, „divina instinctus“ и „revelatio“, они ограничивали ихъ новымъ признакомъ „откро- венія“: „non fallens“. Эти уступки популярнымъ въ народной средѣ взглядамъ дѣлались „вообще“ и не признавались подходя- щими къ конкретному моменту, ибо можно было опасаться, что проповѣдь „таборитскихъ пророковъ“ найдетъ въ этихъ уступ- кахъ човую поддержку и пищу. Мы видимъ, что, и по мнѣнію нашего автора, „legitima licentia“ войны наступаетъ „Deo auctore in bella cogente“, что неотдѣлимо отъ „assidua oratio usque ad revelationem“. Божіе внушеніе и „откро- веніе“ ставятся у автора даже ранѣе „повелѣнія лица началь-

ствующаго, съ законной властью“, не сопровождаются никакими ограничивающими оговорками. Нашъ авторъ высказываетъ революціонную (какъ у Виклифа) теорію народовластія: „Какъ люди церковные могутъ судить и осуждать папу, если онъ погрѣшилъ въ вѣрѣ, такъ и народъ, думать можно (*fortassis*), въ правѣ поступить со своими властями, которыя пытаются разорять христіанскую вѣру“.

Если авторы „Отвѣта—мнѣнія“ положительно не допускали законности возбужденія народа къ войнѣ священниками, то нашъ авторъ, какъ будто, держится иного мнѣнія: „мірянинъ, говоритъ онъ, долженъ быть вѣрнымъ защитникомъ истины, которую онъ услышалъ отъ священниковъ“.

Подъ всѣми этими расужденіями, особенно послѣдними, подписанъ бы любой „таборитскій пророкъ“,—въ томъ числѣ и Вацлавъ Коранда. Если бы не прибавка къ послѣднимъ приведеннымъ нами словамъ: „(истину), конечно, обоснованную въ священномъ писаніи“, мы, пожалуй, могли бы считать нашего анонима хиліастомъ-таборитомъ... Но это былъ не таборитъ, это былъ—какъ то ни страннымъ покажется—злѣйшій врагъ таборитовъ, вообще—и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—умѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ гуситовъ, магистръ Янъ Шибрамъ.

Принадлежность трактата Я. Шибраму засвидѣтельствована самимъ авторомъ въ его трактатѣ (1428 или 1430 г.) „*De professione fidei catholicae et errorum revocatione*“, напечатанномъ, вмѣстѣ съ другими текстами Шибрама, у Кохлая въ „*Historiae hussitarum libri duodecim*“ (1549) ¹⁾.

Шибрамъ сообщаетъ въ названномъ выше трактатѣ, что онъ когда-то (*quondam*) написалъ трактатъ объ условіяхъ „*justi belli*“ ²⁾, въ одномъ мѣстѣ ³⁾ ближе опредѣляя это „когда-то“ словами: „*motus in initio, ut ab iniustis bellis praesumptores revocarem et bella iusta propalarem*“.

Сравненіе приводимыхъ самимъ Шибрамомъ мыслей и выраженій изъ этого трактата съ только-что анализированнымъ трактатомъ „*De bello*“ и обнаруживаетъ, что этотъ послѣдній трактатъ принадлежитъ именно Шибраму.

„ <i>Tractatus de conditionibus</i> “ etc. (Cochlaeus, 537):	„ <i>De bello</i> “ (Goll: Quell. u. Unters., II, 56):
...(requiruntur a bellantibus haec	Primo... quod ad iustum bellum

¹⁾ Cochlaeus: „*Historiae hussitarum*“ (1549), 503—547.

²⁾ *ibid.*, 537, 538.

³⁾ *ibid.*, 537.

conditiones) ...Prima, quod persona debellatura, exclusa penitus a crimine, observet 16 conditiones charitatis... Nam ubi charitas non est, non potest esse iustitia...

Item, cum hoc sit persona modo supradicto ad bella legitimata...

Item, quod bella non incipiantur contra aliquem, nisi os Domini interroget, usque ad revelationem et agnitionem voluntatis Dei, per orationem vel Domini legem...

Item, ut bellum sit ex re petenda, hoc est, ut sit causa iusta.

Item, ut bellum sit iustum ex modo et hoc ex modo rectae intentionis...

Item, bellum iustificatur ex iusto imperante et exequente...

Item, ex intentione iusti finis et intentione promovendae, non destruendae veritatis aut iustitiae..

Item, ut sit pro aedificatione patriae in bono, non pro destructione.

hominum requiritur persona, que sit caritate et gracia dei regulariter disposita et ab omni crimine penitus absoluta...

Secundo... ut persona sit ad bella licenciata legitime...

Tercio... ne quis procedat ad bellum et os domini non interroget sine assidua oracione usque ad revellacionem sive in legis dei meditatione aut inquisitione usque ad informacionem...

Quarto... ut bellum sit ex re petenda, hoc est, ut sit causa iusta...

Quinto... quod (bellum) sit iustum ex modo. Et primo ex modo recte intentionis.

Septimo bellum rectificatur ex iusto imperante.

Sexto iustum bellum rectificatur ex fine laudabili...

Octavo... requiritur defendere veritatem tenentes et promovere innocentes...

Nono... ut non sit (bellum) ad iniustam destructionem, sed ad defensionem patriae...

Зная направление Пшибрама, мы вправѣ предполагать, что свой трактатъ онъ написалъ не для поддержки таборитовъ, а для борьбы съ ними. И дѣйствительно, Пшибрамъ заявляетъ, что онъ, написавъ этотъ трактатъ, предназначилъ его для „священниковъ, тиранствовавшихъ тогда“. „Но я скорблю оттого, что трактатъ этотъ у нихъ въ презрѣннн и посмѣянн“, прибавляетъ Пшибрамъ ¹⁾.

Пшибрамъ подробно развиваетъ мысль, затронутую уже во „мнѣнн“ пражскихъ магистровъ (въ собранн, среди нихъ, при

¹⁾ Cochlaeus: „Hist. huss.“, 538.

обсужденіи запроса Коранды и Бискупца, онъ, навѣрно, присутствовалъ) — мысль о томъ, что священники во всякомъ случаѣ не могутъ участвовать въ войнѣ. „Послѣднее условіе справедливой войны — оно особенно необходимо въ этомъ королевствѣ — требуетъ, чтобы никто изъ священниковъ или клириковъ не смѣлъ, вопреки божественному авторитету, руководить мірскимъ образомъ мірскими войнами. Если это случится, то все войско подвергнется опасности осужденія... Если іудейскимъ священникамъ и первосвященникамъ не приличествовало кого-либо убивать, то не будетъ это прилично и священникамъ Христовымъ, которые, принося всѣмъ миръ, а не войну, должны и говорить: „Миръ вамъ!“ Не приличествуетъ священникамъ благочестія эта варварская жестокость, говорю: варварская (*barbara*), такъ какъ подобно тому, какъ отъ бороды (*a barba*) является варварство (*barbaries*), т.-е. жестокость, такъ и теперь по винѣ бородатыхъ священниковъ („*a sacerdotibus barbatis*“, т.-е. отъ таборитскихъ священниковъ, которые, дѣйствительно, не брились, а носили бороды) людей охватили вся эта варварская и языческая жестокость, вздорность и недѣльность“ ¹⁾.....

Гнѣвъ на таборитскихъ священниковъ побуждаетъ Пшибрама сравнивать ихъ съ апокалиптическимъ двурогимъ „звѣремъ“ (*bestia*), который „всѣ свои самыя скверныя дѣла и слова всегда защищаетъ Закономъ Господнимъ, ветхимъ и новымъ. Современные воители въ своей тиранніи, обычной кровожадности войнѣ и свирѣпости побѣдъ осуществляютъ всю власть „великаго звѣря“...

Изложивъ ученіе Аристотеля о 6 видахъ государственнаго устройства, Пшибрамъ говоритъ: „Для всѣхъ, по свидѣтельству опыта, ясно, что въ этомъ (чешскомъ) королевствѣ господствуютъ самыя худшія понятія и управленіе, т.-е. олигархія и демократія, при томъ еще и тиранническія — со стороны какъ правящихъ, такъ и подданныхъ“. „О, сколько всякаго рода зла причинили тѣ, кто превратили это еще недавно благоустроеннѣйшее, славное среди другихъ королевство въ самую низкую олигархію и кровавую тираннію... кто обратили это королевство изъ чистаго золота въ грязь, изъ сада наслажденій въ садъ терновый... кто ниспровергли сверху до низу весь порядокъ, поставили къ низу то, что было на верху, и перебросили на верхъ то, что было внизу... Такъ

¹⁾ *ibid.*, 222.

исполнились и ежедневно исполняются слова бл. Августина: „Sublata iustitia, quid sunt regna, nisi magna latrocinia!“ съ отчаяніемъ восклицаетъ Пшибрамъ ¹⁾).

Среди всѣхъ отмѣченныхъ нами сторонниковъ—хотя-бы и съ разными оговорками—мысли о допустимости, иногда даже обязательности войны въ христіанскомъ обществѣ выдѣляется неизвѣстный авторъ еще одного трактата, напечатаннаго въ извлеченіи проф. Голлемъ ²⁾).

Онъ почти совсѣмъ и безусловно отрицаетъ войну въ христіанскомъ обществѣ. Исходный пунктъ разсужденій анонима—различеніе двухъ способовъ войны (*modi et viae bellandi*) ради дѣла Божія (*causa Dei*). Одинъ способъ—это способъ Христа, Его учениковъ, мучениковъ и послѣдователей, т. е. духовный бой (*spiritualia prelia*) противъ враговъ Божіихъ, грѣха и царства діавола; другой способъ—способъ „предержавшихъ властей“ („*sublimiores potestates*“, иначе—„*brachium seculare*“), т. е. бой матеріальнымъ оружіемъ ради дѣла Божія, для благоразумной защиты закона и установленія Христова, для наказанія злыхъ людей.

Этотъ второй способъ, правда, былъ одобренъ въ В. Завѣтѣ; но, вѣдь, этотъ Ветхій законъ былъ слишкомъ не совершеннымъ сравнительно съ Новымъ Завѣтомъ, закономъ любви и благодати. А если такъ, то гораздо совершеннѣе и свойственнѣе новому закону способъ евангельскаго боя (*via evangelice preliandi*). Этотъ способъ обязателенъ и для евангельскихъ священниковъ и для прочаго христіанскаго—болѣе совершеннаго и духовнаго—народа. Но что же путь несовершенный? абсолютно ли онъ недопустимъ въ Новомъ Завѣтѣ? Съ точки зрѣнія автора, казалось-бы, слѣдовало говорить именно о такой абсолютной недопустимости. Но авторъ здѣсь проявляетъ неожиданную непослѣдовательность: оказывается, что несовершенный путь разрѣшенъ и въ Новомъ завѣтѣ... для „предержавшихъ властей“. Впрочемъ, эта непослѣдовательность получаетъ своеобразное значеніе въ свѣтѣ данной авторомъ мотивировки: разрѣшеніе матеріальнаго боя для властей объясняется „ихъ несовершенствомъ“ („*propter eorum imperfectionem*“) въ противоположность „священникамъ и прочему совершенному и духовному христіанскому народу“. Нашъ авторъ опровергаетъ матеріальную войну, хотя люди часто оправдываютъ

¹⁾ *ibid.*, 227—228.

²⁾ Goll: „*Quell. u. Unters.*“, II, 55—56.

ее словами ап. Павла: „не самихъ себя защищая, возлюбленные“; наблюдая дѣйствительность, авторъ отмѣчаетъ, что „воюющіе, подъ предлогомъ боя за дѣло Божіе и въ отмщеніе чьего-либо грѣха (iniuria) передъ Богомъ, слишкомъ тяжело переносятъ собственныя обиды и легко возбуждаются несдержанной ревностью“. „Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, и нынѣ, опасаясь я, такъ именно поступать тѣ, кто, подъ предлогомъ дѣла Божія и грѣха передъ Богомъ, мстятъ за свои собственныя обиды и, защищая самихъ себя, говорятъ: „но мы защищаемъ не самихъ себя“...¹⁾

4) Вопросъ о войнѣ и смертной казни на „конвокаціяхъ“ и „аудиенціяхъ“ таборитовъ и пражскихъ магистровъ въ 1422—1424 г.г.

Вопросъ о войнѣ, который такъ горячо обсуждался гуситами въ 1419 и 1420 году, продолжалъ волновать умы ихъ и въ послѣдующіе годы. Если уже тогда это не былъ только „академическій“ вопросъ, то тѣмъ болѣе чувствительно затрогивалъ онъ всѣхъ чеховъ послѣ фактическаго начала войны, нападенія имп. Сигизмунда на Прагу въ 1420 году. Война сразу же приняла крайне жестокой характеръ. Способъ веденія войны гуситами, особенно таборитами, съ Яномъ Жижкой во главѣ, обнаружилъ, что въ Чехіи на практикѣ побѣдили воззрѣнія, выразителемъ которыхъ былъ въ 1419 г. Вацлавъ Коранда. Здѣсь не мѣсто вспоминать подробно о хорошо извѣстныхъ фактахъ сожженія монастырей, городовъ, мѣстечекъ и замковъ, объ истребленіи множества людей...

Война велась подъ звуки извѣстной пѣсни „божійхъ воителей“ („boží bojovníci“), съ ея ужаснымъ послѣднимъ стихомъ: „бейте, убивайте, никого не оставляйте въ живыхъ“, въ настроеніи, близкомъ къ проповѣди „пророковъ“ лѣтомъ и осенью 1419 года. Если жестоко краснорѣчивы уже слова этой боевой пѣсни, то, можетъ быть, еще ужаснѣе звучатъ слова „дѣловаго документа“, Военнаго Устава (Vojeuský řád) Я. Жижки: „Братъ Жижка и другіе паны, гетманы, рыцари, панюши, мѣщане, ремесленники и рабочий

¹⁾ Нѣкоторыя черты трактата, какъ-то: очень ясное, едва не полное отрицаніе всякой вообще войны и убійства, указаніе на большую ревность сторонниковъ войны въ мести за преступленія противъ нихъ самихъ, чѣмъ противъ Бога,—черты, характерныя для Ник. Бискупца (см. 3 экскурсъ), вызываютъ предположеніе объ авторствѣ Бискупца.

народъ—всѣ выше писанные и поименованные—, равно какъ и всѣ общины, съ Божьей и всѣхъ людей помощью, намѣреваются за всѣ непорядки (neřadové) наказывать и бить, гнать, сѣчь, убивать, снимать головы, вѣшать, топить, жечь и всѣми способами мстить, какъ это, согласно Божію Закону, слѣдуетъ дѣлать со „злыми людьми“¹⁾, т. е. врагами гуситовъ.

Нечего и говорить, что такой характеръ войны совсѣмъ не соответствовалъ воззрѣніямъ пражскихъ магистровъ и руководимыхъ ими умѣренныхъ гуситовъ. Но и среди таборитовъ, — по крайней мѣрѣ той ихъ части, вождемъ которой былъ Николай Бискупецъ, стала сказываться реакція противъ „deordinationes contra propositum atque intentionem fidelium“, противъ „безпорядковъ“, появленіе которыхъ Бискупцемъ поставлено въ вину „многимъ людямъ, коварно вмѣшавшимся въ войну съ совсѣмъ иными намѣреніями“²⁾.

Умѣренные табориты пытались, вмѣстѣ съ пражскими магистрами, бороться со зломъ путемъ выработки на своихъ „convocationes“ (синодахъ) и „audientiae“ (конференціяхъ и диспутахъ) такихъ нормъ, которыя уничтожили-бы зло. Но какъ въ 1419 г., такъ и въ этихъ новыхъ опытахъ первой половины 1420 годовъ и табориты и „пражане“ остановились на полдорогѣ, не рѣшаясь безусловно высказаться противъ всякой вообще войны. Если, къ тому же, принять во вниманіе еще и то, что между обѣими партіями не было, какъ и прежде, полного согласія во взглядахъ, то станетъ понятенъ и неудачный исходъ этихъ новыхъ попытокъ регулировать войну, устранить жестокость „крайнихъ“.

Повидимому, умѣренные табориты, во главѣ съ Бискупцемъ, первыми выступили на этотъ—не приведшій къ цѣли—путь. Уже въ декабрѣ 1420 года, на „аудиенціи“ съ пражскими магистрами въ домѣ Змрзлика (Старое Мѣсто Пражское), таборитамъ былъ брошенъ упрекъ въ приверженности ихъ ко всѣмъ ученіямъ „хилиазма“ (см. выше). Тогда табориты еще далеко не отвергли цѣликомъ этого обвиненія. Но крайности нѣкоторыхъ эпигоновъ „хилиазма“, какъ, напримѣръ, взглядъ свящ. Мартина Локвиса на евхаристію (простая „вечера любви“), безумія „адамитовъ“ на островѣ р. Нежарки,—всѣ эти явленія 1421 г. уже заставили не только Николая Бискупца, но и Яна изъ Ичина обратиться за совѣтомъ и духовной помощью къ пражскимъ магистрамъ Якубу изъ

¹⁾ Toman: „Husitské válečnictví“, 394 (въ приложеніи).

²⁾ Höfler, II: „Chron. tabor.“, 481.

Стшибра и Яну Пшибраму, повели, въ концѣ концовъ, къ жестокой расправѣ (Жижки) съ Локвисомъ и „адамитами“. Поддерживая Жижку въ борьбѣ съ этимъ отпрыскомъ „хилиастовъ“, фракція Бискупца, свободная теперь отъ необходимости считаться съ устраненными уже радикалами, созрѣла и для борьбы съ крайностями сторонниковъ безусловной войны, съ которыми, однако, шелъ заодно въ этомъ вопросѣ и Я. Жижка. Борьба происходила на таборитскихъ „конвокаціяхъ“ 1422—1424 г.г. и привела къ составленію на этихъ собраніяхъ и къ опубликованію дѣлаго ряда соотвѣтствующихъ постановленій, оказывающихся во многомъ отрицаніемъ формулированныхъ на диспутѣ въ домѣ Змрзлика соотвѣтствующихъ хилиастическихъ пунктовъ. Николай Бискупецъ даетъ намъ въ своей „Хроникѣ“ рассказъ обо всемъ этомъ ¹⁾. По его рассказу выходитъ, что вопросомъ о войнѣ занимались три таборитскихъ „конвокаціи“: въ Пискѣ (1422 г., февраль—„tempore carnisprivii“), въ Градищѣ-Таборѣ (1424 г., июнь—„infra octavas resurrectionis Domini“) и въ Клатовахъ (1424 г., ноябрь—„circa festum Martini“). Бискупецъ сообщаетъ, что на этихъ „конвокаціяхъ“ было выработано очень много постановленій („articuli quam plures“); но онъ приводитъ только важнѣйшіе („notabiliore“) изъ нихъ, числомъ 9 (върѣе—8, ибо 9-й—трактуетъ о таинствѣ причащенія).

Табориты, какъ бы отвѣчая на упрёки „пражанъ“ (въ домѣ Змрзлика) въ таборитской приверженности къ одному изъ основныхъ источниковъ „хилиазма“, къ полной свободѣ толкованія св. Писанія, признаютъ, что, дѣйствительно, нѣкоторые изъ ихъ среды допускаютъ крайности въ толкованіи Писанія для оправданія своей жестокости, алчности и другихъ пороковъ. Въ виду этого табориты и постановили, во-первыхъ, что впредь ихъ священники не должны толковать Писаніе по собственному разуму (поп *secundum propriam ingenii virtutem*) и примѣнять пророковъ неподходящимъ образомъ къ тѣмъ или другимъ мѣстностямъ и временамъ; пусть лучше священники извлекаютъ изъ самого Писанія его истинный смыслъ, при чемъ, съ одной стороны, не противорѣчатъ другимъ мѣстамъ того же Писанія, съ другой—сообразовываются съ ученіемъ и жизнью Христа и Его апостоловъ. Если же, вопреки этому указанію, кто нибудь изъ священниковъ и впредь будетъ въ своихъ проповѣдяхъ „чужеложствовать“ (*adulterare*) Писаніе, то слушатели обязываются наставлять и испра-

¹⁾ Höfler, II: „Chron. tabor.“, 482—486.

влять (даже публично) такого погрѣшившаго учителя. Здѣсь уже имѣлся, строго говоря, отказъ отъ хилиазма въ его теоретическомъ источникѣ.

Далѣе, табориты соглашались съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ священниковъ самовольно позволяютъ себѣ вмѣшиваться въ мірскія дѣла, преступая такимъ образомъ границы своей должности, къ соблазну вѣрующихъ. Поэтому отнынѣ—въ отличіе отъ періода хилиазма—они воспрещаютъ своимъ священникамъ убивать или ранить кого-либо, даже „невѣрнаго“, воевать самолично, руководить войной, возбуждать къ войнѣ или убійству, легкомысленно самимъ совершать жестокости или оправдывать жестокости мірянъ, произносить кровожадные рѣчи и возбуждать людей къ суровости. Но въ то же время табориты не рѣшаются сдѣлать шага, который робко былъ намѣченъ еще въ „Миѣніи“ пражскихъ магистровъ, т.-е. не требуютъ отъ своихъ священниковъ, чтобы они удерживали людей отъ всякой вообще войны: по миѣнію таборитовъ, священники должны имѣть извѣстное положительное участіе въ „справедливыхъ войнахъ за дѣло Божіе“, хотя-бы въ смыслѣ обязанности ихъ „убѣждать вонтелей вести себя на войнѣ справедливо и свято“.

Ясно, что табориты и теперь продолжаютъ считать войну въ христіанскомъ обществѣ явленіемъ допустимымъ для мірянъ: они говорятъ о войнѣ „справедливой“, „христіанской“. Но какова же именно эта война? при какихъ условіяхъ война дѣлается „справедливой“, „христіанской“?

Условія эти—тѣ же, что и въ разобранной выше гуситской литературѣ 1419—1420 годовъ, и формулированы они почти буквально такъ же, какъ и въ 1419—1420 г.г. (т.-е. какъ у Виклифа, см. I экскурсъ). Война допустима тогда, когда ее разрѣшаетъ Новый Заветъ, и когда на нее уполномочиваетъ законная власть (*potestate legitima auctorizante*); но если нѣтъ этой власти, то могутъ начинать войну и самъ народъ или отдѣльные люди, движимые духомъ Божіимъ и должнымъ образомъ исполняющіе роль власти ...(*populo christiano aut quocunque alio spiritu Dei agitato debite et meritorie vicem... supplente*; ср. выше). Конечно, требуется, чтобы дѣло, изъ-за котораго ведется война, было справедливымъ (*causa iusta*). Это общее требованіе детализируется въ указаніяхъ на то, что война должна вестись только противъ разрушителей вѣры, угнетателей невинныхъ, противъ людей, нападающихъ на страну или государство и опустошающихъ ихъ (война оборонительная), и

противъ упорныхъ и дерзкихъ нарушителей Закона Божія (война наступательная). Сила этихъ требованій умѣряется такими новыми ограничивающими условіями, какъ: 1) предварительное, до начала войны, обнаруженіе тщетности усилій удержать всѣхъ такихъ людей отъ ихъ закоренѣлаго упорства во злѣ съ помощью болѣе мягкихъ средствъ, 2) соблюденіе въ войнѣ—разъ уже она началась—того правила, что противникъ на войнѣ уничтожается по печальной необходимости, а не по добровольному желанію другой стороны, 3) отсутствіе въ воюющихъ страстнаго желанія вредить противнику, жестокости въ мести, намѣренія совершить нашествіе и грабежъ и т. п. („*exclusa prorsus a bellantibus procedendi cupiditate, ulciscendi crudelitate, implacato atque implacabili animo invadendi et amore rapiendi*“, ср. выше).

Въ отвѣтъ на упреки въ извѣстныхъ уже тенденціяхъ хилиазма табориты теперь особенно подчеркиваютъ безкорыстіе справедливой войны, требуя, чтобы даже въ „справедливой войнѣ“ чужое имущество (*res alienae*) не только не подвергалось нашествію, но даже не было предметомъ пожеланія („*res concupiscendae*“); нарочито слѣдуетъ щадить простой народъ, „вѣрующій и невинный“. Затѣмъ еще разъ разъяснивъ, словами Веклифа (см. 1 экскурсъ), условія „справедливой войны“, табориты заключаютъ свои сужденія такимъ признаніемъ: „Но такъ какъ этотъ способъ войны полонъ опасностей и трудно осуществимъ, то таборитскіе священники всегда говорили: болѣе надежный путь—война духовная, безъ сотрясенія воздуха матеріальнымъ мечемъ, съ мольбой Богу за враговъ, съ призывомъ ихъ къ согласію, съ принятіемъ и самимъ, если нужно, и смерти“.

Вспоминая предъявленныя къ нимъ магистрами на диспутѣ въ домѣ Змрзлика обвиненія вообще въ жестокости, табориты ставятъ на обсужденіе, въ связи съ вопросомъ о допустимости войны въ христіанскомъ обществѣ, и вопросъ о характерѣ наказаній преступниковъ, въ частности—вопросъ о примѣнимости къ преступникамъ смертной казни. Высказавшись за общее смягченіе уголовныхъ каръ, табориты тѣмъ не менѣе такъ же, какъ и въ вопросѣ о войнѣ, не рѣшаются стать на точку зрѣнія отрицанія физическаго возмездія преступникамъ, не рѣшаются отказаться отъ смертной казни. Вотъ что постановляютъ они: „Замѣчая излишества въ наказаніяхъ, мы опредѣлили, чтобы ни при осужденіи виновныхъ, ни при смертной казни Ветхій Заветъ не примѣнялся во всѣхъ своихъ судебныхъ постановленіяхъ (*judicialia*),

чтобы не примѣнялись и человѣческіе законы (*leges humanae*), противные евангелію, чтобы никогда, ни надъ кѣмъ, ни по какому дѣлу не исполнялись смертные приговоры, исключая тѣхъ случаевъ, когда и насколько разрѣшаетъ осуждать и убивать, въ виду крайней необходимости, Новый Заветъ (законъ), когда при томъ даютъ на то авторизацію законная власть или, въ случаѣ ея отсутствія, самъ народъ либо кто-нибудь, движимый Духомъ Божіимъ—такъ, еще разъ повторяютъ табориты, чтобы Ветхий Заветъ лишь постольку примѣнялся въ своихъ судебныхъ постановленіяхъ, поскольку допускаетъ его Христосъ, поскольку указываетъ и подтверждаетъ его своей практикой первоначальная церковь, съ соблюденіемъ во всемъ этомъ шестнадцати условій любви (въ 1-мъ посланіи ап. Павла къ Коринѣ. „Любы долготерпѣть“ и т. д.) и закона природы: чего не хочешь себѣ, разумно не дѣлай этого и другому“. Постановка вопроса о смертной казни почти та же самая, что и въ вопросѣ о войнѣ: та же нормировка св. Писаніемъ, при предварительномъ убѣжденіи въ общемъ согласіи войны и смертной казни съ требованіями Писанія; то же допущеніе инициативы не только „легитимной власти“, но и простого народа; то же самое признаніе Божьяго вдохновенія (откровенія)..

„*Circumstantiae*“ смертной казни не изложены столь подробно, какъ это сдѣлано относительно войны. Но подобно тому какъ условія дозволенной войны подробно изложены въ специальной литературѣ трактатовъ „*De bello*“ (см. выше), и условія допустимости смертной казни разработаны были въ специальныхъ трактатахъ о „*homicidium*“. Литература о „*homicidium*“ не подверглась еще регистраціи и обслѣдованію. Но одинъ изъ трактатовъ, повидимому, таборитскаго происхожденія, принадлежащій именно Бискупцу, разъясняетъ и обосновываетъ изложенное нами таборитское постановленіе (см. 3-й экскурсъ).

Извѣстно, впрочемъ, что и послѣ всѣхъ этихъ рѣшеній, принятыхъ, вѣроятно, на Писецкой „конвокаціи“ 1422 г. (см. 2 экскурсъ), табориты продолжали вести войну и судить „виновныхъ“ часто такъ, какъ будто-бы ничего изъ вышеизложеннаго ими и не признавалось и не постановлялось...

Но если такъ вели себя на войнѣ таборитскія военныя братства, то едва ли отличались отъ нихъ въ этомъ и войска ужѣренныхъ „празжанъ“. И это понятно: ихъ духовные вожди, пражскіе магистры, шли по тому же пути, что и вожди таборитовъ, т. е. продолжали въ 1-й половинѣ 1420-хъ лѣтъ развивать тѣ же

колеблющіеся взгляды на войну, что и в 1419 — 1420 гг. Что говорят, напимѣрь, пражскіе магистры в своихъ артикулахъ, предложенныхъ ими, со своей стороны, таборитамъ на „аудиенціи“ 16 октября 1424 г. в Прагѣ, на Градѣ (Градчаны—кремль)? ¹⁾

Можно было бы ожидать, что послѣ уборовъ таборитамъ на собраніи в домѣ Змрзлика и послѣ наступившей среди таборитовъ реакціи хилиазму магистры отойдутъ отъ воинственнаго настроенія не только 1419 г., но и 1420 г. много дальше, чѣмъ сдѣлали это табориты. Дѣйствительно, в 20 арт. постановленій „аудиенціи“ 1424 г. они, совершенно тождественно съ таборитами возставая противъ злоупотребленій в толкованіи Писанія для извлеченія изъ него (изъ „пророковъ“) хилиастическихъ мечтаній, идутъ в своей осторожности, какъ будто, дальше таборитовъ: они ограничиваютъ свободу толкованія Писанія традиціей „старѣйшихъ“ (majores), т. е. святыхъ докторовъ, признанныхъ универсальной (католической) церковью... Нельзя было-бы, такимъ образомъ, ожидать у нихъ уже никакихъ отзвуконъ „хилиастическаго“, пророческаго настроенія 1419—1420 годовъ...

Но только что указанный болѣе консервативный исходный пунктъ разсужденій магистровъ не приводитъ ихъ в дальнѣйшемъ къ какому-либо существенному отличію отъ таборитовъ, какъ это и видно хотя бы уже в арт. 16, гдѣ говорится о должномъ отношеніи къ войнѣ со стороны духовныхъ лицъ: этотъ §, буквально совпадая съ изложеннымъ выше постановленіемъ таборитскихъ „конвокацій“, не имѣетъ лишь слѣдующихъ заключительныхъ словъ таборитовъ: „однако онъ (священникъ) можетъ участвовать в справедливыхъ войнахъ за дѣло Божіе, увѣщевая воюющихъ поступать на войнѣ „справедливо и свято“. „Магистры“ какъ будто уже не обязываютъ свое духовенство даже къ смягченію воинственности своей собственной партіи...

Почти такую же принципиальную близость къ таборитамъ мы видимъ и во взглядахъ „магистровъ“ на войну, на условія, дѣлающія ее „справедливо“: § 12 ихъ пражскихъ постановленій 1424 г. почти буквально совпадаетъ съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ таборитовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного пункта. Именно, в предложеніи магистровъ нѣтъ словъ таборитовъ о томъ, что, в случаѣ отсутствія авторизаціи законной власти, и христіанскій

¹⁾ Procházka: „Miscell.“, 271 и слѣд.; отчасти, сжато, и в „Chron. Tabor.“, 589 и слѣд.

народъ или кто-либо изъ его среды, движимый духомъ Божиимъ, замѣняя подобающимъ образомъ законную власть, можетъ начать войну. Здѣсь магистры оказываются, во всякомъ случаѣ, болѣе осторожными, чѣмъ они были въ 1419 году, когда, разрѣшая въ своемъ „Мнѣніи“ споръ В. Коранды съ Н. Бискупцемъ, они давали при этомъ неопредѣленный отвѣтъ по вопросу объ условіяхъ допущенія почина народныхъ массъ въ дѣлѣ войны, вопреки волѣ законныхъ властей или, по крайней мѣрѣ, безъ воли этихъ властей. Умалчивая теперь о возможности такого почина, а, при существовавшихъ въ началѣ 1420-хъ лѣтъ отношеніяхъ и взглядахъ, ео ipso и отрицая ее, пражскіе магистры, какъ будто бы, уже и довольно значительно расходились съ таборитами; стремясь установить въ странѣ законную власть, хотя бы въ лицѣ Ягеллы или Витовта (отчасти и Сигизмунда-Корибута), они надѣялись прекратить войну за „правду Закона Божія“, съ помощью и при посредничествѣ будущей законной власти попытаться доставить „правдѣ“ хотя бы частичную побѣду, на почвѣ мирныхъ переговоровъ съ католической церковью и ея главой, на почвѣ компромисса съ ними.

По вопросу о наказаніяхъ преступниковъ, въ частности о смертной казни, пражскіе магистры высказываются очень похоже на таборитовъ—съ точки зрѣнія не только смысла, но даже и словесной формы. Впрочемъ, они, видимо, не признаютъ замѣны авторизации смертной казни законной властью авторизаціей народомъ или отдѣльнымъ' человекомъ, хотя-бы и при вдохновеніи Духомъ Божиимъ, ибо умалчиваютъ обо всемъ этомъ. Могло бы казаться, что міровоззрѣніе магистровъ, предупреждая народный самосудъ и сокращая такимъ образомъ примѣненіе смертной казни, отличается большей гуманностью, чѣмъ теоріи таборитовъ. Но въ опредѣленіи магистровъ есть такіа отступленія отъ соответствующаго постановленія таборитовъ, которыя заставляютъ серьезно сомнѣваться въ этомъ предположеніи. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, магистры совершенно умалчиваютъ о тѣхъ человѣческихъ законахъ, противныхъ евангелію, которые, по мнѣнію таборитовъ, при рѣшеніи вопроса о примѣнимости смертной казни должны допускаться столь же осмотрительно, какъ и Ветхій Завѣтъ: повидимому, магистры не рѣшаются ограничивать силу „человѣческихъ законовъ“, съ такою легкостью устанавливающихъ смертную казнь... Во-вторыхъ, въ то время какъ табориты говорятъ объ ограниченіи примѣненія смертной казни вообще, въ какихъ бы то ни

было дѣлахъ (in aliqua causa), магистры упоминаютъ лишь о личныхъ дѣлахъ (in propria causa ac vindicta): выходитъ такъ, что, по мнѣнію магистровъ, въ дѣлахъ, не затрагивающихъ личнаго интереса, напримѣръ, при преступленіяхъ какъ общественнаго, такъ и религіозно-церковнаго характера, нормировка Новымъ завѣтомъ, законными властями и требованіями любви къ ближнему и соотвѣтствующія этому ограниченія смертной казни должны отпадать...

Отмѣченныя выше расхожденія по вопросу о допустимости войны въ христіанскомъ обществѣ, важныя съ точки зрѣнія тактики и практической политики, все же не даютъ чего-нибудь существеннаго для различенія принципиальныхъ взглядовъ на войну у двухъ крупнѣйшихъ гуситскихъ партій. Съ этой принципиальной точки зрѣнія на войну не существенны и другія—сами по себѣ важныя—различія въ заявленіяхъ обѣихъ партій за время названныхъ выше „конвокацій“ и „аудиенцій“ по частнымъ вопросамъ, относящимся къ войнѣ. Мы разумѣемъ, съ одной стороны, заявленія магистровъ на пражской „аудиенціи“ въ октябрѣ 1424 г.: „великое святотатство—сжигать церкви, или базилики, разорять ихъ безъ неизбѣжной и безысходной необходимости или какъ-либо оскорблять ихъ и презрительно профанировать, ниспровергать святые алтари и какъ-либо осквернять“ (polluere) другія святыя мѣста“ (§ 14) или: „святотатство—захватывать церковныя и посвященные Богу предметы безъ неизбѣжной и благочестивой нужды и обращать ихъ на другое человѣческое употребленіе“ (§ 15) ¹⁾—съ другой стороны, противоположныя заявленія таборитской, вѣроятно, Клатовской (ноябрь 1424 г.) „конвокаціи“ (см. 2 экскурсъ): „Мы воспрещаемъ сжигать или разорять церкви, посвященные служенію Богу, но не хотимъ запрещать подобающаго обращенія съ освященными (consecratis), зараженными симоніей вертепами разбойниковъ, въ которыхъ не осуществляется Законъ Божій“ или: „Мы воспрещаемъ воровски или святотатственно забирать какіе-либо церковныя предметы, но не намѣрены запрещать употребленіе ихъ на нужды бѣдныхъ или на какія-либо иныя благочестивыя дѣла“ ²⁾.

Но если табориты и пражскіе магистры до полов. 1420-хъ лѣтъ по существу, принципиально, и не расходятся во взглядѣ на войну и смертную казнь, допуская ихъ подѣ тѣми или другими

¹⁾ Procháaska: „Miscellaneen“, 276.

²⁾ Трактатъ Пшибрама въ Cod. D. 49 Пражск. Капитульной библиотеки, f. f. 191b—192a.

условіями, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, то все же и у тѣхъ и у другихъ мы замѣчаемъ общій наклонъ въ сторону ограниченія указанной допустимости. Мы только что видѣли, какъ магистры проявили эту свою тенденцію въ частномъ вопросѣ о чинѣ войны.

Табориты на своихъ „конвокаціяхъ“ 1422—1424 гг. приходятъ къ тому же самому результату, къ ограниченіямъ „правъ войны“,—только нѣсколько инымъ путемъ, не въ „философій войны“, а въ нѣкоторыхъ практическихъ указаніяхъ относительно способовъ ея веденія. По свидѣтельству Н. Бискупца въ его „Chronicon taborigarum“, на „конвокаціяхъ“ таборитовъ, вѣроятно, именно на Таборской 1424 г. (см. 2 экскурсы), во-первыхъ, былъ констатированъ цѣлый рядъ „deordinationes“ войны и, во-вторыхъ, указана была настоятельность борьбы съ ними, и декретированы нѣкоторые способы ея ¹⁾.

Названныя „deordinationes“, которыя были осуществленіемъ теорій хилиазма, сводились въ пониманіи таборитовъ къ слѣдующему. Во-первыхъ, почти всѣ „общины“, служившія Закону Божию (таборитскія военныя братства), жестоко угнетали окружающее мирное населеніе, хотя бы оно было столь же „вѣрующимъ“, какъ и сами эти „общины“, хотя бы къ тому же подвергалось еще преслѣдованію со стороны противниковъ (католиковъ); главной формой угнетенія было взиманіе особой платы, такъ называемыхъ „holdy“, обычно—денежнаго выкупа съ отдавшихся на милость гуситовъ ихъ противниковъ. Во-вторыхъ, „бѣдные люди“ (pauperes=крестьяне), хотя бы и вѣрующіе, много терпѣли отъ „общинъ“ за то, что отдавали земельный чиншъ и оказывали помощь (subsidiū, т.-е. давали матеріальныя средства) своимъ господамъ, принадлежащимъ къ противной, католической партіи. Въ-третьихъ, „общины“ вслѣдствіи преслѣдовали „вѣрующихъ“ за одну только (крѣпостную) ихъ зависимость отъ людей противной стороны, женщинъ же, хотя бы и покровительницъ истины,—за мужей, борющихся въ рядахъ противниковъ, наконецъ, всѣхъ людей нейтральныхъ, но все же выражающихъ готовность дать въ своихъ владѣніяхъ свободу проповѣди слова Божія и искоренять смертные грѣхи, не оказывающихъ помощи противникамъ бойцовъ за правду и т. д.—за то только, что они не рѣшаются прямо перейти на сторону правды въ виду господствующей еще

¹⁾ Höfler, II: „Chron. tabor.“, 484 488.

пока спутанности понятій и отношеній. Въ-четвертыхъ, нѣкоторыя „общины“ настолько отвыкли жить трудами своихъ рукъ, что устраиваютъ нашествія на владѣнія и людей противной стороны—какъ въ предѣлахъ королевства (чешскаго), такъ и за его границами—ради одного лишь грабежа и полученія средствъ къ жизни, къ тому же еще понуждая отправляться съ собой въ эти походы и трудовыхъ (*laboriosi*) „вѣрущихъ“ людей.

По первому пункту „конвокація“ заявила, что взиманіе „голдовъ“—дѣло опасное для христіанъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда „вѣрные“ крестьяне (*villani*) вынуждены платить чиншъ и противной сторонѣ, а свои „вѣрные“ же, сборщики не могутъ охранить ихъ отъ этого; взиманіе „голдовъ“ терпимо лишь тогда, когда, въ крайнихъ случаяхъ, крестьяне сами, добровольно, предложатъ свою помощь, а сборщики, по мѣрѣ возможности, дадутъ имъ защиту отъ противниковъ; кромѣ того, собранныя средства должны идти отнюдь не въ пользу самихъ сборщиковъ, а на общее благо, для защиты истины. Что касается второго „непорядка“, то и онъ, по опредѣленію „конвокаціи“, долженъ быть устраненъ: нѣтъ никакой вины въ уплатѣ—къ тому же еще вынужденной—чинша своимъ господамъ, хотя бы и противникамъ истины, особенно, если такой цѣной покупается свобода въ дѣлахъ вѣры и спасенія; впрочемъ, съ другой стороны, вѣрующіе должны отказывать противникамъ Закона Божія въ какой-либо матеріальной помощи, если такимъ путемъ можно повредить тиранніи и не повредить истинѣ. Относительно „непорядковъ“ третьяго рода на „конвокаціи“ точно также было сдѣлано постановленіе въ томъ смыслѣ, что нельзя грабить „подданныхъ“ за негодность ихъ господъ, что слѣдуетъ путемъ благочестія стремиться къ превращенію недруговъ въ друзей—если уже не къ обращенію ихъ на сторону правды, то, по крайней мѣрѣ, къ терпимости ими этой правды, слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія съ женами противниковъ Закона Божія, если онѣ не только не помогаютъ послѣднимъ, а, напротивъ, и сами оказываютъ правдѣ поддержку и своимъ подданнымъ не мѣшаютъ въ томъ же самомъ дѣлѣ. Послѣдній, четвертый „непорядокъ“ тоже былъ осужденъ на „конвокаціи“: чтобы преступный характеръ самовольныхъ походовъ въ границахъ страны и за ея предѣлами съ цѣлью грабежа и наживы обнаруживался для „вѣрущихъ“ съ полной ясностью, священники отнынѣ не должны ни отправляться въ такіе походы со св. Причастіемъ, ни встрѣчать съ Причастіемъ возвращающихся съ этихъ походовъ.

Б) Вопросъ о войнѣ и смертной казни за время гегемоніи таборитовъ и ихъ вождя Прокопа Голаго—до окончанія гуситскихъ войнъ (1426—1434 гг.).

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы пражскіе магистры чѣмъ-нибудь отозвались со своей стороны на только-что изложенныя — практическаго характера — постановленія таборитскихъ конвокацій ¹⁾.

Теоретическія же разсужденія о войнѣ, между тѣмъ, какъ-будто уже и совсѣмъ потеряли свой интересъ для гуситовъ—пражанъ: напримѣръ, мы видимъ, что пражскій Синодъ духовенства въ іюнѣ 1426 года ограничивается лишь тѣмъ, что принимаетъ въ свои постановленія (§§ 12 и 13) ²⁾, въ буквальной видѣ, только тѣ пункты пражской „аудиенціи“ 1424 г., которые воспрещали, съ одной стороны, разрушеніе и оскорбленіе церквей и ихъ святынь, съ другой—какое-либо активное участіе священниковъ въ военныхъ дѣйствіяхъ...

Нѣсколько иначе обстояло дѣло у таборитовъ. На происшедшемъ въ томъ же 1426 г., 6 февраля, таборитскомъ съѣздѣ въ г. Пискѣ вопросъ о войнѣ снова принципиально подвергается обсужденію ³⁾, въ духѣ прежнихъ заявленій. Табориты завѣряютъ, что они готовы защищать свое дѣло, „святая истины“, особенно 4 пражскихъ „артикула“, „прежде всего (in primis, pariter) евангеліемъ Господа І. Христа и Его закономъ, равно какъ и писаніями св. докторовъ первоначальной св. Церкви“; что съ этой цѣлью они домогаются, какъ и прежде, предоставленія имъ церковью мирной „аудиенціи“ и потому отрицаютъ всякіе тѣлесные бои, насиліе, жестокость, безчинныя тягости и всякаго рода угнетеніе. Но, заявляя въ то же время о намѣреніи твердо, по мѣрѣ силъ и помощи Божіей, отстаивать свою правду, табориты оговариваются: „Но мы намѣрены пользоваться и упорядоченной, христіанской войной, обоснованной въ святомъ евангельскомъ законѣ,

¹⁾ Такъ приходится судить по тексту артикуловъ „аудиенціи“ 16 окт. 1424 г.; къ сожалѣнію, не сохранился текстъ „артикуловъ“ второй пражской (въ „Collegium Carolinum“) „аудиенціи“ 1424 г., черезъ нѣсколько недѣль послѣ первой „аудиенціи“ и немного спустя послѣ Клатовской „конвокаціи“ таборитовъ...

²⁾ Procházka: „Miscellaneen“, 319.

³⁾ Palacky: „Urk. Beitr.“, II, 509—511 и А. С., III, 256—259.

впрочемъ, не по своей волѣ, а по нуждѣ, т.-е., если бы кто-нибудь хотѣлъ насильно мѣшать намъ въ нашемъ благомъ дѣлѣ, и если бы нельзя было какимъ-либо инымъ, болѣе мягкимъ способомъ отклонить противника отъ этого насилія“. Такимъ образомъ, не сомнѣваясь въ допустимости войны въ христіанскомъ обществѣ, табориты, попрежнему, возвѣщаютъ только оборонительную войну, при томъ какъ „ultima ratio“. Поэтому-то они тотчасъ же и прибавляютъ: „Но мы намѣрены и хотимъ остерегаться безчинныхъ, не-христіанскихъ и необоснованныхъ въ Новомъ Завѣтѣ войнъ, равно какъ не желаемъ помогать и другимъ въ такихъ войнахъ“. Какъ бы воспроизводя одно изъ постановленій своихъ „convocationes“ 1422—1424 гг., направленныхъ къ устраненію разнаго рода „deordinationes“, табориты и теперь говорятъ: „Мы намѣрены въ духѣ мира и покорности, терпимо относиться и къ такимъ людямъ, которые перестанутъ насильно и жестоко притѣснять насъ и болѣе не будутъ препятствовать намъ и всѣмъ, кто захочетъ пребывать съ нами въ добрѣ; которые дадутъ свободу этому благу въ своихъ владѣніяхъ и для своихъ подданныхъ, не будутъ осуждать его и объявлять ересью, которые и сами откажутся отъ явныхъ грѣховъ и будутъ бороться съ ними въ своихъ владѣніяхъ; которые будутъ помогать въ защитѣ родины и въ борьбѣ съ беспорядками, которые, наконецъ, будутъ вмѣстѣ съ нами хлопотать объ устройствѣ „аудиенціи“ (Собора).. Объявляя о своихъ мирныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ тѣмъ, кто будетъ держаться благопріятнаго для гуситовъ нейтралитета, табориты снова завѣряютъ, что они будутъ помогать родной Чехіи, защищать и хранить ее противъ чужеземцевъ и прочихъ безчинныхъ насильниковъ и разорителей, враговъ Бога и вѣры, вплоть до потери имущества и жизни...

Табориты отправили эти пункты на обсужденіе пражскимъ магистрамъ, но, судя по постановленіямъ указаннаго выше іюньскаго синода 1426 г. въ Прагѣ, магистры не откликнулись на этотъ призывъ, а ограничились подчеркиваніемъ своихъ прежнихъ требованій о неприкосновенности на войнѣ храмовъ и о воздержаніи священниковъ отъ какого-либо участія въ войнахъ (направлено специально противъ Прокোпа Голаго). Дѣло въ томъ, что воинственное настроеніе должно было поддерживаться во всемъ народѣ рядомъ шумныхъ успѣховъ гуситскихъ, преимущественно таборитскихъ войскъ: мы разумѣемъ блестящія побѣды надъ имп. Сигизмундомъ и его германскими „крестоносцами“ при Устьѣ

(16 июня 1426 г.), у Тахова (июль 1427 г.), у Домажилиц (август 1431 г.) и побѣдоносные походы на Австрію, Силезію, Лужицы, Венгрію, Баварію, Саксонію и Франконію, гдѣ такъ обнаружались военные таланты замѣстителя † Я. Жижки, свящ. Провопа Голаго (Веливаго). Ученія таборитовъ о войнѣ нашли себѣ какъ-будто лучшее подтвержденіе и въ попыткахъ имп. Сигизмунда и нѣмецкихъ князей кончить борьбу съ гуситской Чехіей путемъ мирнаго соглашенія (переговоры въ Прессбургѣ въ апрѣлѣ 1429 г., договоръ съ Фридрихомъ Бранденбургскимъ въ февралѣ 1430 г., посольство Сигизмунда въ Прагу въ апр. 1431 г.), къ которому склонилась, наконецъ, и римская церковь въ лицѣ Базельскаго Собора, посланіемъ отъ 10 октября 1431 г. приглашавшаго чеховъ для мирнаго обсужденія спорныхъ вопросовъ.

Но именно эта надежда на благополучный, при томъ мирный, исходъ давняго вооруженнаго спора еще разъ осмѣлила партію пражанъ, среди которой снова (съ 1429 г.) стали играть видную роль умѣренные элементы (фракція Пшибрама), устраненные— было вмѣстѣ съ литовскимъ княземъ Сигизмундомъ Корибутомъ въ апрѣлѣ 1427 г., выступить противъ таборитской воинственности на пражскомъ съѣздѣ въ концѣ апрѣля 1431 г.—новой „аудиенціи“ пражскихъ магистровъ и таборитскихъ священниковъ, имѣвшей цѣлью соглашеніе обѣихъ партій по многочисленнымъ спорнымъ между ними вопросамъ въ виду предстоящихъ на Соборѣ переговоровъ съ церковью ¹⁾.

Съѣздъ превратился въ диспутъ, полный взаимныхъ упрековъ. Пражане, въ лицѣ маг. Яна Рокицаны, выставили противъ таборитовъ, въ числѣ прочихъ ихъ „прегрѣшеній“ (culpaе), и такое обвиненіе (b): „таборитскіе священники или нѣкоторые изъ нихъ не порицаютъ передъ людьми современныхъ войнъ (bella moderna), не умѣютъ и не могутъ обосновать эти войны—въ томъ видѣ, какъ онѣ ведутся (cum his circumstantiis et conditionibus)—Божіимъ закономъ и писаніями святыхъ“ ²⁾. Въ отвѣтъ на это табориты напоминаютъ противникамъ событія 1419—1420 гг., когда война, при извѣстныхъ условіяхъ, была признана допустимой и объявлена таковой народу по единогласному—и таборитовъ и пражскихъ магистровъ—согласію (ex magistrorum et nostro simultaneo consilio), послѣ многочисленныхъ совѣщаній (mutua simul cum magistris in Praga habentes consilia). Послѣ этой „исторической

¹⁾ Höfler, II: „Chron. tabor.“, 596 и слѣд.

²⁾ ibid., 687.

справки“, полемического выпада противъ магистровъ, которые теперь, какъ будто-бы, высказывались уже противъ всякой войны, табориты откровенно замѣчаютъ, что они не „смѣютъ порицать войны“, когда онѣ ведутся съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій (формулировка ихъ взята изъ нунетовъ таборитскихъ конвокацій 1422—1424 гг. и имѣетъ въ виду войну оборонительную, за вѣру и отечество); это заявленіе смягчается преклоненіемъ передъ превосходствомъ духовной войны (*pugnare spiritualiter*) и увѣреніемъ въ готовности прекратить тѣлесный бой, „если враги истинны захотятъ искренне (*fideliter*) принять путь правды и справедливости“. Что касается современныхъ способовъ веденія войны, то табориты не только не оправдываютъ ихъ, но и осуждаютъ такъ же, какъ они дѣлали это уже на своихъ „конвокаціяхъ“ 1422—1424 гг.: поэтому то они и чувствуютъ себя столь же мало ответственными за „безпорядки“ войны, какъ, вѣроятно, и магистры за такія же злоупотребленія войной со стороны людей своей партіи...

Но блестящій усиліемъ подъ Домашлицами, разгромъ „крестоносцевъ“ Прокопомъ, еще разъ соблазняетъ таборитовъ къ недѣльному воинственному настроенію, какъ можно судить объ этомъ по замѣчательному—съ точки зрѣнія и мысли и выраженія ихъ—посланію таборитовъ („манифестъ“) жителямъ г. Базеля въ концѣ ноября 1431 года ¹⁾. Правда, табориты заявляютъ, что они стоятъ за войну лишь тогда, когда врагъ вынуждаетъ къ ней. „Знайте, нишуть они базельцамъ, что много нелѣпой лжи распространяють о насъ, будто мы убиваемъ всякаго человѣка, женщины и дѣтей: это не правда; напротивъ, мы дѣлаемъ это вынужденно, только тогда, когда люди хотятъ силой защищаться (?) отъ насъ и когда приходятъ къ намъ съ намѣреніемъ разгромить насъ: тогда, дѣйствительно, мы защищаемся“ (стр. 170). „Увы, сожалѣють табориты, и съ вашей и съ нашей стороны много—и знатныхъ и незнатныхъ—мужей суетно погубили жизнь свою... ибо вы были подвигнуты и вызваны (*provocati*) воевать съ нами и уничтожать насъ“ (стр. 153). Во всемъ этомъ виноваты только короли, князья, господа и герцога: „нѣтъ сомнѣнія, что они убѣждаютъ васъ воевать съ нами не для защиты христіанской вѣры, а скорѣе изъ боязни, что отерются и станутъ извѣстны вамъ ихъ тайные грѣхи и нечестіе“ (стр. 154). Табориты предпочитаютъ войнѣ любовное соглашеніе: „Изъ чистой любви къ Богу мы только объ одномъ просимъ и убѣждаемъ королей, князей, господа и города имперіи, чтобы вы списались

¹⁾ Monum. concil. s. XV, I, 153—170.

другъ съ другомъ и удумали, какъ-бы намъ сойтись съ вами. Заставьте придти съ вами вмѣстѣ и папу, его кардиналовъ и епископовъ, прелатовъ и болѣе мудрыхъ докторовъ, а мы приведемъ съ собой нашихъ докторовъ: дадимъ имъ сражаться словомъ Божиимъ; мы выслушаемъ васъ, а вы насъ, и пусть одинъ побѣждаетъ другого не силой или хитростями, а только словомъ Божиимъ". Кто будетъ побѣжденъ въ этой борьбѣ, тотъ пусть и принесетъ покаяніе (стр. 155).

Впрочемъ, очевидно, табориты сами плохо вѣрятъ въ возможность этого: они предвидятъ все ту же прежнюю вооруженную борьбу, и предчувствіе ея зажигаетъ гнѣвомъ и мстью сердца и умы ихъ. „А если ваши епископы и прелаты скажутъ вамъ, что не можете быть никакой „аудиенціи" съ нами, то дайте папѣ и его кардиналамъ, епископамъ и прелатамъ однимъ, собственной особой, придти къ намъ изъ Рима... тогда мы, призвавъ къ себѣ въ помощники Всемогущаго Бога, предоставимъ имъ достаточно благодати и индульгенцій, сколько имъ нужно"... (стр. 155—156; намекъ на обычное привлеченіе крестоносцевъ къ войнѣ обѣщаніемъ Божіей милости и прощенія грѣховъ)¹⁾. Если же и міряне придутъ съ духовенствомъ на борьбу съ гуситами, то та же участь постигнетъ и ихъ: „Мы уповаемъ на Всемогущаго Бога и вѣримъ, что чѣмъ больше изъ вашихъ придетъ въ нашу землю для разоренія ея и истребленія христіанской вѣры, тѣмъ болѣе возрастетъ и умножится въ насъ католическая вѣра" (стр. 156). Вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ цитаты изъ Исхода (гл. 14), Второзаконія (гл. 28) и Левита (гл. 26)—тѣ же великолѣпныя картины побѣдъ Израиля надъ врагами, которыми „пророки" хилиастическаго 1419 года возбуждали воинственное настроеніе чешскихъ народныхъ массъ. Но этотъ воинственный паѳосъ смягчается прекрасными словами о вѣрѣ, какъ источникѣ увѣренности въ побѣдѣ добра и истины: „Такова природа вѣры, что чѣмъ больше ее запрещаютъ, тѣмъ больше она возгорается. Поэтому-то чада Божіи не могутъ быть побѣждены въ искушеніи, ибо чѣмъ больше ихъ наказываютъ, тѣмъ сильнѣе они возгораются и укрѣпляются, а мощь вѣры крѣпка въ противодѣйствіи ей или въ нападеніи на нее—и ни-

¹⁾ Ср. въ манифестѣ всѣхъ гуситовъ „цѣлому христіанству (21 іюля 1431 г.). „Et si illi, ut proponunt, cum exercitibus suis validissimis regnum nostrum invaserint, usque ad interuiccionem prout asseritur demoliri cupientes: nos in altissimi virtute, cuius causam prosequimur, habentes fiduciam, vim vi cogemur repellere, quemadmodum omnes leges et omnia iura permittunt", Urk. Beitr., II, 231.

коимъ образомъ нельзя помѣшать тому, чему благоволилъ быть Богъ, какъ говорить о томъ Премудрый: „нѣтъ мудрости, нѣтъ совѣта противъ Господа!“ (156).

Въ то время какъ табориты заявляли такую горячую вѣру въ успѣхъ своей войны за правду Божію, въ кругахъ ихъ противниковъ все болѣе одерживало верхъ мирное настроеніе, предпочитавшее войнѣ переговоры съ католической церковью, съ ея соборомъ. Къ этому настроенію приближались и стоявшіе между таборитами и пражанами „сиротки“, ближайшіе послѣдователи † Я. Жижки. Сближеніе пражанъ съ „сиротками“ сказалось уже въ началѣ 1432 года, когда „сиротки“ приняли постановленія собранія магистровъ и священниковъ Стараго Мѣста Пражскаго и священниковъ Новаго Мѣста Пражскаго въ началѣ января мѣсяца ¹⁾ этого

¹⁾ Эти постановленія напечатаны въ „Mon. conc. s. XV“, I, 182—184, съ датой: „in festo purificationis 1432“.

Сравненіе съ этимъ латинскимъ текстомъ тѣхъ „Artikulové kněží Pražských“, которые были напечатаны Палацкимъ въ „А. С.“, III, 268—270, безъ даты, но почему-то относились Палацкимъ къ 1428 или 1429 г., обнаруживаетъ тожество обоихъ текстовъ, за исключеніемъ того, что 1) въ чешскомъ текстѣ отсутствуетъ пунктъ лат. текста о постахъ (item, vigiliae sanctorum...) и 2) въ заключеніи постановленій по латинскому тексту отсутствуютъ послѣднія слова заключенія по тексту чешскому (послѣ: „lidu nám poddaného“—poruli nobis subiecti—слѣдуютъ еще слова: „tak však.. aby držali“, А. С., 270), гдѣ говорится о возможности измѣненія принятыхъ постановленій лишь послѣ новаго общаго обсуждения ихъ магистрами и священниками обоихъ Пражскихъ Мѣстъ и тѣми, кто примкнулъ къ нимъ—слова, которыя имѣются, по сообщенію Томка—въ „Dějepis m. Prahy“, IV, 506, примѣч. 95,—въ текстѣ постановленій собранія 1432 г. по рукописи пражск. универс. бібліотеки V, G. 15, fol. 1—11. Тѣ же самыя постановленія напечатаны въ „Waldensia“ (изд. 1616 г.) Лидія, 304—315, подъ заглавіемъ: „Articuli magistrorum et sacerdotum antiquae civitatis Pragensis per regnum Bohemiae sub anno MCDXXXII evulgati“, въ заключеніи которыхъ стоятъ слова: „Actum sub anno Domini 1432 infra octavo circumcissionis“. Этотъ латинскій текстъ у Лидія отличается отъ двухъ предыдущихъ текстовъ тѣмъ, что въ немъ отсутствуетъ пунктъ о готовности явиться на „audientia“ съ католической церковью („Item, ad nos pertinet hoc, o sacerdotes“... въ „Mon. Conc.“ и „It., na nás kněží že toto slušie“... въ „А. С.“), и имѣется лишній пунктъ о церковныхъ праздникахъ; зато этотъ текстъ въ заключеніи своемъ имѣетъ полное сходство съ чешскимъ текстомъ у Палацкаго въ „А. С.“ и съ текстомъ въ пражск. университетской рукописи V. G. 15 (послѣднія слова: „...sic tamen, quod non prius aliquid immutetur... teneant“).—Изученіе „артикуловъ“ Epilogatio въ „Chron. tabor.“ Н. Бискупца (изд. Гёфлера, 711—724), гдѣ сопоставлены 23 противоположныхъ другъ другу пунктовъ ученія пражскихъ магистровъ и таборитовъ, обна-

1432 г. Среди этих (13) постановлений есть и касающиеся войны. Правда, в них уже не трактуется вопрос о допустимости войны вообще, об условиях, ее оправдывающих; нет речи и об участии или неучастии в войнах духовных лиц: может быть, союзники не хотѣли затрогивать эти вопросы, чтобы не задѣть таборитов и ихъ вождя, свящ. Прокона, которыхъ все же жедательно было привлечь къ общему дѣлу—переговорамъ съ Базельскимъ Соборомъ... Поэтому союзники ограничиваются постановленіемъ о неприкосновенности чужой, особенно „Christi fidelium“, собственности (§ 8—въ „А. С.“, „Monum. Concil.“ и „Waldensia“, § 12-й—въ „Epilogatio“), почти совпадающимъ съ соответствующимъ постановленіемъ „аудиенціи“ 1424 г. (§ 13); они почему-то не повторяютъ даже §§ 14 и 15 „аудиенціи“ 1424 г. о неприкосновенности церкви и священнхъ предметовъ. Изъ всѣхъ соответствующихъ постановленій 1424 г. они воспроизводятъ въ своемъ § 7 еще § 11—о наказаніяхъ вообще и смертной казни (occisio) въ частности, тотъ §, который такъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ о допустимости войны... Даже „сиротки“ въ своихъ специальныхъ постановленіяхъ, относящихся къ войнѣ¹⁾, лишь регулируютъ тѣ же „deordinationes“ и въ томъ же духѣ, что и какъ регулировали табориты на своихъ „конвокаціяхъ“ 1424 г. (легитимность военныхъ походовъ, охрана имущества „бѣдныхъ“, реквизиція только по распоряженію властей, воспрещеніе реквизицій въ пользу частныхъ лицъ).....

Но извѣстная дипломатичность „пражанъ“ и „сиротокъ“ не обманула таборитовъ. Они отвѣтили на ихъ постановленія протестомъ и

руживааетъ, что 13 изъ магистерскихъ пунктовъ, именно 1, 2, 3, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17, не что иное, какъ постановленія упомянутого пражск. собранія магистровъ и священниковъ въ январѣ 1432 г. Поэтому, мы признаемъ ошибочнымъ утверждение проф. Я. Голля (С. С. Н., 1899, 154), будто „изъ 23 артикуловъ пражскихъ магистровъ большая часть, именно 18, была принята Бискупцемъ въ 3-ю часть его Хроники (въ „Epilogatio“) въ томъ самомъ видѣ, какъ они были изложены магистрами на Пражскомъ Градѣ въ октябрѣ 1424 г.“. Наше самое аккуратное обследованіе текстовъ обнаружило, что только артикулы 4, 6, 7, 8, 18, 19 и 23 „Epilogatio“, т.-е. всего лишь 7, взяты изъ постановленій пражской „аудиенціи“ 1424 г. (арт. 4, 6, 7, 8, 14, 15 и 21), при чемъ арт. 18 одинаково могъ быть взятъ и изъ постановленій—§ 12—пражскаго Синода 1426 г. (см. Procházka: „Miscellaneen“, 315 — 324), принявшаго соответствующій (14) артикулъ „аудиенціи“ 1424 г.

¹⁾ „Mon. Concil. s. XV“, I, 184—185.

публикаціей своихъ контръ-артикуловъ ¹⁾). „Магистры, говорятъ табориты, распубликовали свои артикулы въ осужденіе соглашенія, заключеннаго между общинами (1431 г.?) и для возбужденія новыхъ распрей, съ нарушеніемъ компромисса, по которому общинами были избраны авторитетные люди для установленія общаго и средняго для насъ и магистровъ воззрѣнія... Теперь мы, вмѣстѣ съ нашими общинами, желая избѣгнуть всякихъ подозрѣній, постановили опубликовать и наши артикулы... Нельзя молчать въ такомъ случаѣ: пусть народъ пойметъ и насъ и ихъ, магистровъ“ ²⁾).

Свое вѣроисповѣданіе табориты кончаютъ заявленіями о готовности защищать его передъ вселенскимъ и помѣстнымъ соборомъ или передъ третейскими судьями (auditores), избранными со стороны общинъ, и о своей вѣрѣ въ побѣду, ибо „veritas super omnia vincit“ ³⁾! Среди этихъ таборитскихъ 13 контръ-артикуловъ ⁴⁾

¹⁾ Lidius: „Waldensia“, 316—332.

²⁾ ibid., 316—317.

³⁾ ibid., 331.

⁴⁾ Изученіе „Epilogatio“ у Бискупца въ его „Chron. tabor.“ (Höfler, 711—724) убѣждаетъ насъ въ томъ, что для 23 „юкстапозицій“ таборитовъ Бискупецъ дѣялькомъ взялъ всѣ 13 таборитскихъ артикула 1432 г. („юкстапозиція“ 1, 2, 3, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17). Что касается использованія Бискупцемъ для „Epilogatio“ постановленій таборитскихъ „конвокацій“ 1422—1424 гг. (ср. соображенія о томъ Голля въ „С. С. Н.“, 1899, 154, примѣчаніе 2), то наше изслѣдованіе обнаружило использование для „Epilogatio“ (арт. 4, 6, 7, 18 и 19) только 5 артик. (8, 10, 11, 12 и 13) Клатовской конвокаціи 1424 г. Для характеристики работы Бискупца въ „Chronicon“ и для критики текста послѣдней намъ представляется не лишнимъ интереса сдѣланное нами наблюденіе, что Бискупецъ включаетъ въ „Epilogatio“ артикулы Клатовской конвокаціи не въ первоначальномъ видѣ, а въ переборкѣ. Вотъ примѣръ.

„Chron. tabor.“, 713:

арт. 4. „Item, manuum impositionem, quam nunc vocant confirmationem, si episcopus canonice electus per se reservaverit, illam exerceat ecclesiae ad profectam, cujus licet in apostolis sanctis habemus exemplum, nullibi tamen in scriptura invenimus de faciendo ipsam ex obligatione praescriptum, intentione tamen ac ritu Apostolico factam, caeteris paribus, salubrem fore et utilem confitemur“.

Клат. постановленія (Cod. D. 49. Капит. библ., f. 192):

арт. 8. Item, confirmationes licet in apostolis sanctis habentes exemplum, nullibi tamen in scriptura invenimus de faciendo ex obligatione praescriptum“.

имѣются два, служащіе отвѣтомъ на заявленія магистровъ о неприкосновенности чужой собственности и о наказаніяхъ преступниковъ (въ томъ числѣ, прежде всего, о смертной казни). Эти таборитскіе артикулы воспроизводятъ соотвѣтствующія постановленія ихъ „конвокацій“ 1424 г., только въ пунктѣ о наказаніи смертной казнью уже нѣтъ авторизаціи этой казни, на случай отсутствія легитимной власти, самимъ народомъ или какимъ-либо частнымъ человѣкомъ, по побужденію Духа Божія. Это признакъ реакціи въ воззрѣніяхъ таборитовъ, можетъ быть, и результатъ умѣряющаго вліянія Николая Бискупца, который лично былъ вообще противъ смертной казни (см. 3-й экскурсъ).

Ник. Бискупецъ развилъ свои—кажется, давніе—и общегуситскіе—новые—отрицательные взгляды на смертную казнь въ застѣданіяхъ (20—21 января и 16—18 марта 1433 г.) Базельскаго Собора, въ которыхъ онъ, въ качествѣ одного изъ уполномоченныхъ гуситовъ, произносилъ свои рѣчи въ защиту одного изъ знаменитыхъ „4 пражскихъ артикуловъ“, именно артикула о наказаніи грѣховъ (преимущественно публичныхъ). Къ сожалѣнію, первая рѣчь Бискупца неизвѣстна намъ: хотя текстъ ея былъ врученъ имъ своему оппоненту, члену Собора, Ю. Карлье, но въ изданіяхъ матеріаловъ, посвященныхъ Собору, ея не имѣется; неизвѣстна и судьба самой рукописи (не была ли она уничтожена? вѣдь, во время ея произнесенія отцы Собора едва сохраняли спокойствіе, слушая обличеніе Бискупцемъ грѣховъ церкви и ея руководителей). До тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ,—можетъ быть, въ Чехіи,—текстъ этой рѣчи, мы должны довольствоваться тѣми указаніями на ея содержаніе, которыя имѣются въ отвѣтной рѣчи Ю. Карлье¹⁾. То, что говорилъ Бискупецъ въ этой рѣчи о смертной казни, онъ развивалъ потомъ и во 2-й своей рѣчи²⁾—возраженіи на отвѣтную рѣчь Карлье.

Разсужденія о смертной казни были эпизодомъ въ спорѣ по цѣлому ряду вопросовъ, связанныхъ съ выставленнымъ гуситами артикуломъ: „Всѣ смертные грѣхи публичные и, поскольку это разумно возможно, частные и другіе безпорядки, противные Закону Божію, въ общинахъ христіанъ и въ любомъ ихъ состояніи должны быть сдерживаемы, исправляемы, наказываемы и, по возможности, изгоняемы должнымъ образомъ (debite), по повелѣнію

¹⁾ Mansi: „Amplis. collectio conc.“, XXIX, 871 и слѣд.

²⁾ *ibid.*, XXX, 337 и слѣд.

Закона Божія, Христовыми вѣрующими—какъ духовными, такъ и мірянами, подходящимъ для тѣхъ и другихъ способомъ“¹⁾.

Споръ этотъ очень интересенъ съ точки зрѣнія исторіи гуситской мысли; но здѣсь не мѣсто излагать и анализировать его во всей широтѣ. Довольно сказать, что противники расходились въ воззрѣніяхъ на кругъ дѣяній, подлежащихъ наказанію (у Бискупца всѣ „смертныя грѣхи“, т. е. дѣйствія, воспрещаемыя Закономъ Божиимъ, у Карлье—только та часть ихъ, гдѣ, въ виду нарушенія общественнаго мира, наказуемость диктуется и „человѣческими законами“), на характеръ наказаній (болѣе суровый у Карлье), на кругъ лицъ, подлежащихъ наказанію (у Бискупца—безъ изъятій, у Карлье—съ ограниченіями въ пользу духовныхъ и свѣтскихъ властей), на субъекта карающей власти (у Бискупца—и широкіе слои народа, у Карлье—только традиціонныя власти).

Для насъ специально интересенъ здѣсь споръ о характерѣ наказаній, стоящій въ связи со споромъ относительно объема дѣяній, подлежащихъ карѣ, ибо оба вопроса рѣшались противниками различно въ зависимости отъ различія исходной точки ихъ разсужденій, отъ различія нормъ и масштабовъ въ оцѣнѣ вещей.

Карлье исходилъ изъ мысли о нормативной силѣ двухъ не всегда совпадающихъ другъ съ другомъ законовъ—не только божественнаго, но и человѣческаго. По его мнѣнію, дѣянія, осуждаемыя, за ихъ грѣховность, Закономъ Божиимъ, не всегда, однако, подлежатъ наказанію на основаніи законовъ человѣческихъ: по несовершенству человѣческой природы, для предупрежденія еще болѣшей грѣховности—преступности, эти дѣянія остаются терпимыми въ „*militans ecclesia*“—и судъ по нимъ предоставляется самому Богу, въ этой-ли или въ будущей жизни. Но человѣческіе законы (*leges humanae*), сокращая такимъ образомъ кругъ наказуемыхъ

¹⁾ *ibid.*, XXIX, 871.—Формулировка артикула нѣсколько отличается отъ другихъ, болѣе раннихъ (1419 г., 1420 г., 1421 г.—см. „*Chron. tabor.*“, 480, Vavřinec: „*Kronika*“, 394, А. С. III, 215—или даже 1417 г., какъ думаетъ Dvorský: „*Roč. kalicha a art. pražské*“, 1907, 38): въ ней наказаніе грѣховъ регулируется „*dictamen divinae legis*“, чего нѣтъ въ иныхъ формулировкахъ; въ ней дѣло наказанія передается вообще въ руки христіанъ—духовныхъ и мірянъ, въ то время какъ прочія формулировки содержатъ ограниченія такого общаго опредѣленія: „*per eos, ad quos spectat*“ (Вавжинецъ), „*per eos, quorum interest*“ (*Chron. tabor.*), „*od těch, jenž úřad k tomu mají*“ (А. С., III). Указанныя особенности формулировки 1433 г. вызвали, конечно, больше возраженій со стороны католической церкви, чѣмъ вызвали-бы болѣе раннія формулировки.

человѣческихъ поступковъ, не ограничиваютъ, впрочемъ, степени наказанія: „за нѣкоторые преступленія челоуѣческій законъ можетъ по праву наказыывать и смертною казнью, не противорѣча при этомъ евангельскому закону“¹⁾.

Совсѣмъ иначе рассуждаетъ Ник. Бискупецъ: онъ признаетъ единый—единственный и общеобязательный для всѣхъ членовъ „ecclesia militans“ (а не только для „совершенныхъ“ членовъ ея, какъ полагаетъ Карль) „Законъ Божій“, „Законъ евангельскій“, при наличности котораго наличны всѣ челоуѣческіе законы,—развѣ что они „оказываются средствомъ, облегчающимъ соблюдение Закона Христова“²⁾. Вовсе нѣтъ нужды—такъ приблизительно говорить Бискупецъ—полагать, сверхъ закона божественнаго, вѣчнаго (*lex divina, aeterna*) и закона природы (*lex naturae*), еще законы челоуѣческіе, нужные, будто-бы, для воспріятія челоуѣкомъ божественной директивы (*directionis*). Отъ законовъ вѣчнаго и естественнаго непосредственно произведены и законы Моисея и послѣдовавшій за ними Законъ благодати, или евангельскій; оба они, каждый въ свое время, сами по себѣ, безъ приданныхъ потомъ челоуѣческихъ законовъ (*leges humanae*), долѣютъ для управленія „воинствующей церковью“. Особенно же Законъ Христовъ, евангельскій, превышая законъ ветхій (Моисеевъ) и другіе законы своей краткостью, немногочисленностью средствъ и легкостью выполненія, является общимъ, единственнымъ изъ всѣхъ правящихъ (*regula*), закономъ совершенной свободы, какой и подобало дать намъ І. Христу. Законъ Христовъ—образецъ, которымъ должны руководиться и вся церковь и каждый членъ ея: въ немъ можемъ мы найти безъ обмана все, во что должны мы вѣрить, на что уповать, и то, какъ должны мы устроить и самихъ себя и общество (*republicam*). Такимъ образомъ, челоуѣческіе законы совершенно излишни при наличности Закона Христова³⁾.

Въ виду всего этого евангельскій законъ превосходитъ законъ Моисея и всякій другой законъ (челоуѣческій) и въ уничтоженіи пороковъ: онъ, будучи самъ по себѣ совершеннымъ, не допускаетъ никакого зла, но исключаетъ его и повелѣваетъ за него наказывать⁴⁾. Каждый христіанинъ долженъ бороться со смертными публичными грѣхами,—кто чѣмъ можетъ: проповѣдники—Словомъ Божиимъ, люди совершительной жизни—съ помощіемъ молитвъ Богу

¹⁾ Mansi: „Amplis. collectio conil.“, XXIX, 878.

²⁾ *ibid.*, XXX, 342.

³⁾ *ibid.*, 340—341.

⁴⁾ *ibid.*, 339.

или другихъ добрыхъ дѣлъ, мірскихъ власти—путемъ принудительныхъ мѣръ; кто не дѣлаетъ этого, тотъ грѣшитъ противъ Бога и ближнихъ ¹⁾.

Впрочемъ, преслѣдуя грѣхи, христіане должны быть самыми ревностными мстителами за неправду передъ Богомъ и самыми мягкими и терпимыми—за обиду самимъ себѣ; какъ любовь къ Богу должна быть превыше всего для христіанина, такъ точно и месть за неправду передъ Богомъ ²⁾.

Высказываясь за какъ можно большую мягкость наказаній преступленій противъ людей (сравнительно съ преступленіями противъ Бога), Бискупецъ во всякомъ случаѣ отрицалъ примѣненіе къ виновнымъ (rei) смертной казни на основаніи судебныхъ постановленій ветхаго завіта или на основаніи законовъ человѣческихъ, несогласныхъ съ закономъ евангельскимъ ³⁾.

Въ своей отвѣтной рѣчи Юлію Карлье онъ заявилъ: „Имѣя въ виду настоящее время, когда явились благодать и человеколюбіе Господа Нашего Иисуса Христа относительно всѣхъ кающихся грѣшниковъ, дабы они получили въ избытокъ жизнь, имѣя въ виду, что Спаситель пришелъ въ міръ не погубить, а спасти души; принимая во вниманіе и то, какъ всѣ болѣе выдающіеся доктора (ссылки на Кипріана, Златоуста) допускали для времени благодати меньшія, чѣмъ смерть, наказанія виновныхъ—я желаю, чтобы судьи, наказывая виновныхъ, поступали, какъ отцы, а не какъ тиранны, руководились не судебными установленіями (judicialia) Ветхаго завіта и не человѣческими законами, несогласными съ закономъ евангельскимъ, а примѣромъ Христа в первоначальной церкви“. „Признаюсь, заканчиваетъ Бискупецъ эту часть своего отвѣта Карлье, что, не имѣя возможности возстановить жизнь убитому, я не буду радоваться убійствамъ, и не дамъ легко согласія на чью-либо смерть“ ⁴⁾.

Отрицаніе таборитами, и вообще гуситами, смертной казни не было пустой фразой: напримѣръ, Я. Ролицана на Бавельскомъ Соборѣ сообщалъ, что въ Прагѣ за послѣдніе годы не было ни одного случая смертной казни.

Но, вѣдь отрицаніе смертной казни было отрицаніемъ всякаго вообще убійства, слѣдовательно, и войны.

¹⁾ *ibid.*, XXIX, 948.

²⁾ *ibid.*, XXX, 340.

³⁾ *ibid.*, XXIX, 881.

⁴⁾ *ibid.*, XXX, 356.

Дѣйствительно, мы видимъ, что въ это время замѣтно исчезалъ и интересъ къ разнаго рода вопросамъ, связаннымъ съ войной. Чехигуситы уже твердо рѣшились идти на мирное соглашеніе съ церковью, постановивъ еще въ февралѣ 1432 г. послать своихъ уполномоченныхъ въ г. Хѣбъ (Эгеръ) для выработки предварительныхъ условій—основъ для дебатовъ на Базельскомъ соборѣ, которыя и были выработаны въ маѣ. Правда, война еще тянулась въ теченіе 1433 г. и части 1434 г., но уже, такъ сказать, по инерціи и лишь съ цѣлью сдѣлать соборъ болѣе сговорчивымъ. Уже на своемъ пражскомъ собраніи 1432 г. магистры заявляли: „Мы намѣрены согласиться на „аудиенцію“ (съ церковью), во-первыхъ, чтобы не отбросить того, чего мы столь долго желали, именно въ тотъ моментъ, когда оно, наконецъ, явилось, чтобы не подвергнуться осмѣянію и соблазну; во-вторыхъ, чтобы раздоры въ вѣрѣ уже были закончены съ помощью вселенскихъ соборовъ... Богъ дастъ, кончатся наши тяготы“. Но и табориты, какъ мы уже отмѣтили, выражаютъ такую же готовность отдать свое дѣло на обсужденіе вселенскаго собора ¹⁾.

Отсюда становится понятнымъ и то обстоятельство, что на Пражскомъ синодѣ 25 іюля 1434 г. магистры среди другихъ пунктовъ ни словомъ не касаются войны, ограничиваясь формулировкой своей „конфессіи“, съ окраской, очень близкой къ католической (хотя „компактаты“ еще не были ратифицированы, но предварительное согласіе на нихъ было дано чешскими представителями въ Базелѣ еще 30 ноября 1433 г.). Отсюда понятно, что и табориты въ своемъ возраженіи на постановленія Синода 1434 г. ²⁾ тоже не касаются вопросовъ о войнѣ. Это умолчаніе еще понятнѣе въ виду понесеннаго таборитами пораженія въ битвѣ при Липанахъ (30 мая 1434 г.). Лебединой пѣснью долготлѣтныхъ споровъ о войнѣ было „Responsio“ Прокопа Голаго, данное имъ нѣсколько ранѣе, 18 іюня 1433 г., въ засѣданіи Пражскаго сейма одному изъ делегатовъ Базельскаго собора Паломару, высказавшему въ своей рѣчи мысль о бесполезности гуситскихъ войнъ. Заявивъ о неодобреніи имъ, какъ и всѣми гуситами, „deordinationes“ войны и указавъ на католическую церковь (pars vestra), какъ на виновника поднявшейся войны, Прокопъ, тѣмъ не менѣе, одобрилъ ее съ точки зрѣнія достигнутыхъ ею резуль-

¹⁾ Waldensia, 331.

²⁾ ibid., 342—353.

татовъ. Мы узнаёмъ, что Прокопъ видитъ въ войнѣ хорошее средство самозащиты вѣрующихъ отъ „*saevitia hostilis*“: только благодаря войнѣ, „безчисленное множество вѣрующихъ получило защиту; иначе они были бы вынуждены отклониться отъ соблюденія спасительныхъ истинъ, а, пожалуй, и выступить противъ нихъ и такимъ образомъ согрѣшить противъ Св. Духа“. Но этого мало: Прокопъ идетъ дальше обычнаго гуситскаго оправданія войны: онъ защищаетъ и войну наступательную, съ цѣлью заставить и противниковъ признать и принять истину. „Противники (упорные) были вынуждены устами и дѣлами исповѣдать истину... стать ея охранителями и пребыть въ ней до конца“. „*Grandis inquietudo bellorum*“ заставила римскую церковь собрать Базельскій Соборъ,—и такимъ образомъ, благодаря чехамъ, „спасительныя истины обнаружилась всѣмъ народамъ“. Упоенный видимой моральной побѣдой гуситовъ надъ церковью, которую войны заставили пойти на переговоры съ „еретиками“, Прокопъ видитъ оправданіе войны въ имѣющихъ наступить „*ecclesiae unitas*“, „*fraterna dilectio*, *reformatio morum et reliqua optanda*“¹⁾..

Не только табориты, но и умѣренные гуситы и магистры, во главѣ съ Рокицаной, скоро убѣдились въ ошибочности этихъ ожиданій Прокopa (впрочемъ, и ихъ самихъ). Торжественное принатіе гуситами мира съ церковью (компактаты) и короля Сигизмунда было „началомъ конца“ для гуситства. Война, какъ средство борьбы за матеріальныя и духовныя блага въ христіанскомъ обществѣ, въ концѣ концовъ, оказалась безплодной, болѣе того—губительной...

Но если на ложномъ пути стояли въ теченіе десятилѣтій и гуситскія народныя массы и ихъ вожди, безъ различія партій, не соглашавшихся между собой, какъ мы выше видѣли, только въ деталяхъ вопроса о войнѣ и смертной казни, то были въ Чехіи гуситской эпохи люди—правда, не многіе,—отлично понявшіе безплодность и губительность принятаго народомъ пути уже при самыхъ первыхъ шагахъ по нему, не утеравшіе ясности и прозорливости своей мысли при наиболѣе, казалось бы, соблазнительныхъ даваемыхъ самой жизнью доказательствахъ правильности этого пути. Самымъ крупнымъ изъ такихъ людей былъ скромный по своему общественному положенію и вліянію „*sedlak*“—„мужикъ“, Петръ Хельчидквй.

¹⁾ Palacký: „*Urk. Beitr.*“, II, 863—864.

Экскурсъ I.

Вліяніе Викифа на гуситовъ въ вопросъ о допустимости войны между христіанами.

Магистры въ своихъ „Мнѣніяхъ“ и трактатахъ „De bello“ пользуются при установленіи условій „справедливой“ войны формулировкой ученій Викифа въ его трактатѣ: „De civili dominio“¹⁾.

„De civili dominio“²⁾:

... „Tres condiciones necessarie rectificans iustum bellum, scilicet iusta vendicacio, licita auctorisacio et recta intencio, patet quod nonnisi cum illis licet cuiquam proximum debellare. Oportet enim iuxta primam condicionem bellantem esse in gracia et habere iusticiam ad dominium vel iniuriam vindicandam...

.. Ex quo patet, quod causa, pro qua quis pugnare debeat, oportet esse Dei iusticia, non civile dominium. Nemo namque debet se bello quod est periculum mortis exponere nisi in causa qua mortuus foret martir.

...Et quoad secundam conclusionem patet quod

„Мнѣніе Христіана изъ Прахатичъ и Якуба“³⁾:

„Ad belli namque rectificationem videntur tria esse necessaria, videlicet iusta vendicacio, licita auctorisacio et recta intencio. Ex primo patet, quod oportet bellantem esse in gracia et habere iusticiam...

...Ex qua sententia patet, quod non cul-

„Bellandi materiam concernit infra scriptum“⁴⁾:

...Prima enim condicio: rectificans bellum iustum est iusta vendicacio, iuxta quam condicionem oportet bellantem esse in gracia et habere iusticiam ad damnum vel iniuriam vindicandam.

...Oportet causam, pro qua quis pugnare debeat, esse dei misteria et non bona temporalia. Nemo namque debet se bello exponere, quod est periculum mortis, nisi in causa, qua mortuus foret martir.

...Secunda est licita auctorisacio, propter

¹⁾ I. Wyklif. „De civili dominio“, II, ред. I. Лозерта, London, 1900.

²⁾ cap. XVII, p. 240—241.

³⁾ Goll: „Quell. u. Unt.“, II, 51—52.

⁴⁾ ibid., 53—54.

non licet cuilibet persone de populo bella suscitare, ymmo nulli cui adest facultas secundum legem humanam vel divinam habere aliunde iusticie complementum. Quando enim deficit iuris suffragium, tunc ex auctoritate principis consulto domino est bellandum.

.. „Tercia condicio principaliter et finaliter rectificat bellum sicut quodlibet opus iustum... Oportet ergo intentionem cuiuscunque bellantis purgari a putredine vane fame, a libidine dominandi et zelo propriam iniuriam vindicandi et iura (ira?) postposita a cupiditate temporalium perquirendi“.

libet de populo licet bella suscitare. imo nulli, cui adest facultas habendi aliunde secundum legem divinam vel humanam iusticie complementum. ...Ex secundo patet, quod deficiente iuris suffragio, sic videlicet quod aliunde non posset haberi iusticie complementum, tunc ex auctoritate principis consulto domino esset bellandum.

Ex tercio claret, quod oportet intentionem cuiuscunque bellantis purgari a putredine vane fame, a libidine dominandi et zelo propriam iniuriam vindicandi“.

quam condicionem patet, quod nulli persone licet bellum suscitare, cui aliunde adest facultas habendi iusticie complementum. Sed quando deficit iuris suffragium, tunc ex auctoritate principis consulto domino est bellandum...

...„Necesse est ergo intentionem bellantis purgari a putredine vane fame, a libidine dominandi et zelo propriam iniuriam vindicandi et culpabili, postposita autem cupiditate temporalia perquirendi“.

Приводя доводы противъ допустимости войны среди христіанъ, магистры повторяютъ слова Веклифа.

„De civili dominio“: 1)

„Non licet catholicum dubitare, quin debet sub pena peccati mortalis servare mandata Domini nunquam persequendo fratrem per se vel per alium, nisi propter caritatem fraternam, diligendo ipsum plus quam omne bonum fortune pro quo prosequitur. Sed in bellis impossibile est hoc servare, ergo in bellis impossibile est non peccare et per con-

„Bellandi materiam concernit infra scriptum“: 2)

„Nulli... christiano licet dubitare, quin debeat sub pena peccati mortalis servare mandata domini nunquam persequendo fratrem per se vel per alium, nisi propter caritatem fraternam, diligendo ipsum plus quam omne bonum fortune, pro quo prosequitur. Scribitur namque Mat. 5... Ubi communiter in textu ira illicita erga fratrem est prohibita,

1) Wyklif: „De civili dominio“, II, p. 236—237.

2) Goll: „Quell. u. Unt.“, II, 54.

sequens non licet catholico sic bellare. Minor patet primo per illud Maht. V, 22... ubi patet quod iramentis, verbum derisorium et omne irrationabile vel opprobriosum, contumeliosum vel aliter irritativum sunt prohibita non sub quacunque pena dampnationis perpetue...

Nullus debet fratrem suum invadere nisi propter amorem et commodum sic invasi; patet ex tertia condicione premissa, nam si desit illa intencio, deest caritas"... 1)

sicut verbum derisorium, irrationabile, opprobriosum, contumeliosum aut aliter irritativum non sub quacunque pena, sed sub pena dampnationis perpetue.

Et sic neminem licet suum fratrem invadere nisi propter amorem et commodum sic invasi, cum aliter ibi deesset intencio caritatis".

Даже авторъ того трактата, гдѣ допустимость войны между христианами почти совсѣмъ отрицается, тоже пользовался мыслями и словами Виклифа.

„De civili dominio“: 2)

...(послѣ указанія на то, что ссылка на „patres“ ветхаго завета, въ томъ числѣ на „Machabei“, для оправданія войны, не имѣетъ силы для людей, живущихъ „tempore legis gracie“)... „Erant enim bella patrum veteris testamenti figura bellogum spiritualium in novo“...

Трактатъ „С“ у Голля: 3)

(послѣ заявленія, что ссылка на „gesta Machabeorum“ терлеть свое значеніе въ виду „lex nova gracie“)... „Illa carnalia bella fuerunt figure spiritualium preliorum sacerdotum Christi et ecclesie sue legis futurorum“...

Такими же, какъ магистры, почитателями и подражателями Виклифа оказываются и табориты въ формулировкѣ ими своихъ взглядовъ на войну.

Вся вторая половина 3 пункта постановленій таборитской „конвокаціи“ 1422 г. въ Пискѣ (по крайней мѣрѣ, въ передачѣ „Chron. tabor.“) оказывается почти буквальной выпиской изъ „Sermo“ XIII на XII, 16 Посл. ап. Павла къ Римлянамъ.

Виклифъ: 4)

„Ad primum videtur michi quod licet brachio seculari defensivo pug-

Chron. taborit.: 5)

(„Quamvis autem praedicti sacerdotes hanc circa materiam belli ex-

1) Wyklif: „De civili dominio“, II, p. 242.

2) ibid, 247.

3) Goll: „Quell. u. Unt.“, II, 55.

4) Wykl. Society: Ioh. Wyklif Sermones, vol. III, стр. 101, ред. I. Лозерта, London, 1889.

5) Hötler, II, 484.

nare cum hostibus invadentibus. Sed ars ista est periculosa atque difficilis, quia oportet ad causam, ad formam, ad finem attendere: ad causam, cum sit pro defensione fidei non pro stercore temporalium; ad modum, id est, ut sit cum moderatione, pugnando primo cum ratione trahente ad concordiam, si potest fieri. Sed impossibilitate homine ad istud, oportet finem, qui est caritas, modum agendi et patiendi discretius mensurare, sic videlicet quod pugnans caritative diligat hominem, quem impugnat et semper sit paratus istam viam dimittere, dum hostis vult viam rationis accipere; via tamen securior foret pugnare spiritualiter non cum gladio aereum verberando sed Deum orando, sic in tractu hostes ad concordiam obsecrando, et in illa reputata vecordia mortem si oporteat paciendi. (Et istam viam videtur Paulum innuere, quando dicit: non vos defendentes karissimi¹⁾).

presserant sententiam, admittentes), quod licet saecularibus pugnare cum hostibus ad causam, ad finem et ad modum attendendo. Ad causam, ut sit pro defensione fidei, non pro stercore temporalium; ad modum, ut sit cum moderatione cum ratione trahente ad concordiam, si fieri potest regula praemissa in bellis observata. Impossibilitate autem hostem ad concordiam (movendi) oportet—(sic!) et finem, qui est caritas, modum agendi et patiendi mensurare; sic videlicet, quod pugnans caritative diligat hominem, quem impugnat et semper sit paratus istam viam dimittere, dum hostis velit viam veritatis vere suscipere. Tamen quia ista ars est periculosa atque difficilis, dicere semper solebant dicti sacerdotes, quod via securior foret pugnare spiritualiter, non cum gladio materiali aërem verberando, sed Deum pro hostibus rogando ac hostes in tractatu ad concordiam obsecrando et in illa reputata vecordia mortem, si oporteat, patiendi¹⁾.

Эккурсь II.

Къ вопросу о взаимоотношении таборитскихъ „конвокацій“ 1422 и 1424 и 1-й пражской „аудиенціи“ 1424 г. въ развитіи споровъ о войнѣ и смертной казни.

Въ наукѣ существуетъ споръ объ отношеніи постановленій пражскихъ магистровъ на „аудиенціи“ 16 октября 1424 г. къ постановленіямъ таборитскихъ конвокацій 1422—1424 гг. и о степени участія каждой изъ этихъ таборитскихъ конвокацій въ составленіи изложенныхъ выше (см. стр. 69 и слѣд.) ихъ постановленій о войнѣ и смертной казни.

Еще В. Томекъ утверждалъ, что всѣ эти таборитскія постановленія приняты на одной только клатовской конвокаціи 1424 г.¹⁾

¹⁾ Tomek: „Dějepis. m. Prahy“, IV, 312—313.

То же мнѣніе было высказано и проф. Голлемъ ¹⁾ въ полемикѣ противъ воззрѣнія г. Томана ²⁾, доказывавшаго, что первые четыре артикула (въ изложеніи Бискупца, Chron. tabor., 482—484) были приняты таборитами еще на ихъ конвокаціи 1422 г. въ Пискѣ, а четыре слѣдующихъ артикула, практическіе выводы изъ четырехъ первыхъ, и артикулъ (9-й) о причащеніи—на ихъ конвокаціяхъ 1424 г. въ г. Таборѣ и въ Клатовахъ, что, такимъ образомъ, всѣ таборитскія постановленія—кромѣ 9-го, клатовскаго, предшествуютъ соотвѣтствующимъ артикуламъ „магистровъ“ на пражской аудіенціи 16 октября 1424 г. (Томанъ, однако, не дѣлалъ отсюда вывода о зависимости пражскихъ постановленій отъ таборитскихъ, предполагая одну общую основу для тѣхъ и другихъ). Проф. Голль дополняетъ мнѣніе Томка еще утверженіемъ зависимости первой части (4 артикула) этихъ, будто-бы, клатовскихъ таборитскихъ постановленій о войнѣ и смертной казни отъ соотвѣтствующихъ пражскихъ артикуловъ 1424 г.: эти послѣдніе были-де предложены магистрами на обсужденіе таборитовъ, которые и сформулировали въ Клатовахъ свои на нихъ—и по образцу ихъ—отвѣты, вмѣстѣ съ отвѣтами на всѣ вообще (23) предложенія „аудіенціи“ въ Прагѣ 16 октября 1424 г.

Мы не можемъ принять этихъ мнѣній Томка и Голля.

Во-первыхъ, они противорѣчатъ ясному свидѣтельству самого Бискупца, дѣятеля всѣхъ конвокацій, утверждающаго участие въ составленіи приводимыхъ имъ артикуловъ не только клатовской конвокаціи, но и писецкой 1422 г. и таборской 1424 г. (предшествовавшей пражской аудіенціи 16 октября 1424 г.), причемъ свидѣтельство Бискупца относительно писецкой конвокаціи подтверждается и словами Н. Хельципкаго въ трактатѣ: „O trogiem lidu“: „Proti mně tu y gine rozumu u w a s n a P i s k u mluwili su kniezii (таборитскіе)... chtice tim mocz, yako skrze wiru, sobie ugistiti“ ³⁾.

Во-вторыхъ, мнѣнія Томка и Голля невозможно принять въ виду характера каждой изъ двухъ группъ (по 4 арт. въ каждой) постановленій, являющихся предметомъ научнаго спора: вторая группа (кстати—она не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго въ арт. пражанъ)—практическое развитіе первой группы, точнѣе—2 части 3 арт. ея, и могла появиться лишь тогда, когда обнаружилось без-

¹⁾ Goll въ „Č. Č. H.“, 1899, 151—158.

²⁾ Toman: „Husitské válečnictví“, 1898, 49—58.

³⁾ Сбор. Отд. руск. яз. И. А. Н., LXXVII, 16.

силіе постановлений первой группы въ борьбѣ со зломъ, а не вмѣстѣ съ ней; а съ точки зрѣнія редакціонной—одновременность (предполагается 1424 г.) обѣихъ группъ постановлений требовала бы сліянія 2 и 3 артик. первой группы съ артик. группы второй.

Въ-третьихъ—что особенно важно—эти мнѣнія не находятъ себѣ подтвержденія въ текстѣ сохранившихся полностью, но находящихся еще въ рукописи (Cod. D. 49 пражской Капит. библиотеки, f. f. 191b—192b) постановлений Клатовской конвокаціи 1424 г.: среди нихъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ приводимыхъ Бискупцемъ постановлений о войнѣ и смертной казни, которыя Томеъ и Голль объявляютъ составленными въ Клатовахъ.

Такимъ образомъ, мы присоединяемся къ мнѣнію Томана о томъ, что всѣ приведенныя Бискупцемъ постановленія были приняты таборитами до пражской аудіенціи 16 октября 1424 г.,—при чемъ, по нашему мнѣнію, первые 4 артикула возникли на конвокаціи Писецкой 1422 г., а вторые 4—на Таборской конвокаціи въ іюнѣ 1424 г.

Передъ лицомъ фактовъ, завѣряющихъ справедливость этого мнѣнія, теряютъ свою силу доводы Голля въ пользу своего мнѣнія. Устраняя соображенія Голля о перенесеніи Бискупцемъ въ его „Epilogatio“ 18 артикуловъ изъ 23 арт. пражской аудіенціи 1424 г. (см. объ этомъ выше примѣч. на стр. 84), мы остановимся на указаніи Голля, что самъ Бискупецъ говоритъ о „предложеніи“ магистрами таборитамъ на аудіенціи 16 октября 1424 г. извѣстныхъ пунктовъ („oblatis per magistros certis articulis“)¹⁾, т.-е. тѣхъ самыхъ 23 арт., въ числѣ которыхъ были и пункты о войнѣ и смертной казни, и такимъ образомъ самъ же наводитъ на мысль, что эти пункты должны были обсуждаться въ Клатовахъ для подготовки отвѣта магистрамъ на предстоящей („in spatio aliquot septimanarum“) второй пражской аудіенціи 1424 г.

Голль правъ въ общей своей догадкѣ относительно обсужденія таборитами въ Клатовахъ артикуловъ, предложенныхъ имъ магистрами на октябрьской Пражской аудіенціи. Но дѣло въ томъ, что въ Клатовахъ обсуждались и получили отвѣтъ не всѣ предложенные магистрами артикулы, что какъ разъ не обсуждались именно тѣ пункты о войнѣ и смертной казни, на которыхъ остановился проф. Голль.

¹⁾ Höfler, II: „Chron. tabor.“, 589—590.

Въ 23 артикулахъ Клатовской конвокаціи (то же число, что и на Пражской конвокаціи!) остались безъ отвѣта слѣдующіе артикулы пражской аудіенціи: 1 (тайнства вообще), 3 (крещеніе), 8 (бракъ), 10 (соблюденіе 10 заповѣдей и остальныхъ еванг. пунктовъ), 11 (смертная казнь), 12 (условія допустимости войны), 13 (пощада на войнѣ чужой собственности), 14 (отношеніе священниковъ къ войнѣ), 20 (приемы толкованія св. Писанія), 21 (повиновеніе власти епископовъ); вмѣсто всего этого табориты сдѣлали рядъ постановленій объ обрядности, праздникахъ и постахъ, на которыя ихъ вовсе не вызывали магистры своими предложенными на обсужденіе артикулами.

Обращаясь къ тѣмъ клатовскимъ постановленіямъ, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть отвѣтъ на соответствующіе артикулы—предложенія пражской аудіенціи (магистровъ) 16 октября 1424 г., мы, однако, находимъ среди нихъ и пункты о войнѣ, только не тѣ, которые приведены Бискупцемъ въ его „Chron. tabor.“. Вотъ эти пункты-отвѣты вмѣстѣ съ вызвавшими ихъ артикулами-предложеніями магистровъ:

Пражскіе артикулы ¹⁾:

Арт. 14. „Tenendum est et diligenter observandum, quod ecclesias seu basilicas exurere, sive destruere absque inevitabili et stricta necessitate, aut ipsas quomodolibet violare et contemptibiliter prophanare, altaria sacra subvertere ac loca alia consecrata quovis modo polluere est grande sacrilegium et nephas, a cunctis fidelibus execrandum“.

Арт. 15. „Tenendum est et firmiter observandum, quod ecclesiae res et Deo dedicatas, ut sunt ornamenta, pallae, vasa sacra, in ministerium Domini deputata, et alia caetera eiusmodi auferre, absque inevitabili et pia necessitate, et illa in alios usus humanos convertere et commutare, est sacrilegium et prophanum“.

Клатовскіе артикулы ²⁾.

Арт. 12. „Ecclesias divino cultu mancipatas exurere seu destruere prohibemus, speluncas vero latronum execratas et symonia infectas, in quibus legis Domini praxis non exercetur, fideliter tractare, ut tales, prohibere nolumus“.

Арт. 13. „Res ecclesiae quasunque furto vel sacrilegio auferre interdiximus, sed in usus pauperum aut in alios quoscunque convertere pios usus non intendimus prohibere“.

¹⁾ Procháska: „Miscellaneen“, 272—279.

²⁾ Cod. D. 49 пражск. Капит. библ., ff. 191b—192b.

Приведенные пункты клатовских постановлений не были включены Бискупцем во 2-ю главу его „Chronicon“, ибо онъ, очевидно, не считалъ ихъ „notabiliores“, хотя они и являлись дополненіемъ къ 4—8 арт., принятымъ таборитами на своей Таборской конвокаціи въ іюнь 1424 г.—дополненіемъ, которое было вызвано починомъ—„предложеніемъ“ магистровъ. Не эта ли причина—починъ магистровъ—и помѣшала Бискупцу счесть 12 и 13 клатовскія постановления „notabiliores“ и поставить ихъ въ „Хроникѣ“ рядомъ съ писецкими и габорскими артикулами? не она ли побудила Бискупца, общавшаго привести „notabiliores“ постановления противъ „deordinationes belli“ конвокаціи какъ Писецкой и Таборской, такъ и Клатовской, дать изъ постановленій этой послѣдней... пунктъ (9-й въ „Хроникѣ“) о таинствѣ евхаристіи?

Но, отвергнувъ мнѣніе Томка и Голля о принятіи таборитами своихъ первыхъ 4 артикуловъ о войнѣ и смертной казни именно на клатовской конвокаціи и подъ вліяніемъ соответствующихъ артикуловъ пражской аудіенціи 16 октября 1424 г., выяснивъ, вмѣсто этого, фактъ принятія таборитами въ Клатовахъ, подъ вліяніемъ пражской аудіенціи, двухъ другихъ, не приведенныхъ, однако, Бискупцемъ въ „Хроникѣ“ артикуловъ о войнѣ, мы еще не разрѣшили всѣхъ темныхъ пунктовъ спорнаго вопроса.

Несомнѣнное родство (сходство) таборитскихъ первыхъ 4-хъ артикуловъ съ соответствующими пражскими—не только по содержанию, но и по редакціи—все же ставитъ вопросъ объ ихъ генетическомъ отношеніи.

Къ сожалѣнію, матеріалъ для рѣшенія этого вопроса очень скуденъ и не надеженъ.

Прежде всего, подлежащіе сравненію таборитскіе и пражскіе артикулы неодинаково надежно засвидѣтельствованы въ своей точности. Въ то время какъ артикулы пражанъ дошли до насъ въ цѣликомъ сохранившемся текстѣ постановленій „аудіенціи“ 16 октября 1424 г., таборитскіе артикулы имѣются у насъ не въ составѣ такихъ же цѣликомъ сохранившихся текстовъ постановленій таборитскихъ конвокацій (1422 г. въ Пискѣ и въ іюнь 1424 г. въ Таборѣ), а въ извлеченіи у Бискупца (въ его „Chronicon“). Вчитываясь въ текстъ Бискупца и изучая его, мы замѣчаемъ, что имѣемъ передъ собой даже не точное извлеченіе, а пересказъ: 1) въ каждомъ артикулѣ-постановленіи имѣется его подробнѣйшая мотивировка, чего въ подлинныхъ постановленіяхъ

того времени—судя по сохранившимся—никогда не бывало, 2) въ нѣкоторыхъ артикулахъ слито по нѣскольку постановленій (напримѣръ, въ „tertio“ имѣются, собственно, два постановленія: 1) „bella christiana non sunt a quoquam...“ и 2) „in bellis quantumcumque justis“; въ „sexto“ можно отмѣтить слияніе тоже нѣсколькихъ постановленій), 3) нѣкоторые артикулы обнаруживаютъ завѣдомое, точно доказуемое измѣненіе оригинальнаго текста ¹⁾).

¹⁾ Это измѣненіе очевидно въ „articulus ponus“ (Chron. tabor., 487—488), который—онъ, впрочемъ не касается вопроса о войнѣ—мы можемъ провѣрить, благодаря сохранившемуся тексту клатовскихъ постановленій. Вотъ что даетъ сравненіе („plus“ каждой редакціи отмѣченъ „разрядкой“).

Chron. tabor., 487—8:

„Nono... statuerunt, quod in materia sacramenti praedicti saepius notabilis ponenda est differentia inter panem communem, panem sacramentalem et panem vivum aeternalem ac coelestem, caventes ne scriptura, quae convenit quoad effectum tantum pani vivo, coelesti ac aeterno, applicetur pani sacramentali identice, ne ex hoc populus in idolatriam prolabatur, honorem soli Christo debitum pani sacramentali, tamquam sibi materialiter identificato tribuendo; etiam ne scriptura sonans de pane sacramentali ad panem communem retorqueatur, et quod singulariter intellectus circa verba Christi, dicentis de pane sacramentali: Accipite et comedite, hoc est corpus meum; et de vino: Hic est sanguis meus, sunt populo declarandi, ne videlicet ille panis corpori Christi materialiter identificetur, nec corporaliter, situalter, hoc est cum omnibus proprietatibus tam essentialibus, quam accidentalibus consequen-

„Апология“ Пшибрама (Cod. D. 49
Кап. библ., f. 191b):

„In materia sacramenti saepius ponenda est differentia inter panem communem, panem vivum de coelo descendentem et panem cenae dominicae, quem monstrando frangimus, cavendo ne scriptura, quae convenit tantum pani vivo, coelesti ac eterno, applicetur pani sacramentali ne ex hoc populus in idolatriam prolabatur, honorem soli Christo debitum soli pani sacramentali tribuendo, etiam ne scriptura sonans de pane sacramentali ad panem communem retorqueatur.

Item, falsi sensus circa verba Christi, dicentis: Hoc est corpus meum, hoc est sanguis meus sunt populo declarandi, ut non panis ille corpori Christi idempficetur nec Christus corporaliter, situalter in pane illo affirmetur vel per haec demonstrativa: hec et hoc aliud, quam panis et vinum demonstrari reputetur. Item, locutiones grossae et temerariae dictiones seu verba extra sacram scripturam, quae sonant in idempfitionem, in exhortationibus sunt vitandi, ut: mini-

Но какъ бы то ни было, нѣтъ серьезныхъ основаній думать, что магистры формулировали свои артикулы-предложенія о войнѣ на аудіенціи 16 октября 1424 г., основываясь на 4-хъ артикулахъ таборитовъ, выработанныхъ послѣдними на своей Писецкой конвокаціи 1422 г. Артикулы магистровъ не могутъ быть отвѣтомъ на писецкія постановленія таборитовъ уже по одному тому, что тѣ и другія раздѣлены слишкомъ значительнымъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго происходили, вѣдь, еще двѣ „аудіенціи“-диспуты противниковъ, у Конопшита и въ Конопшйтѣ—обѣ въ 1423 г., когда, собственно, и естественно было бы отвѣтить магистрамъ на писецкія постановленія таборитовъ (можетъ быть, таковой отвѣтъ и былъ данъ; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ относительно „аудіенцій“ 1423 г. такого матеріала, какимъ располагаемъ относительно октябрьской „аудіенціи“ 1424 г., т.-е. не имѣемъ артикуловъ „магистровъ“). Кромѣ того, самъ текстъ пражскихъ артикуловъ не обнаруживаетъ слѣдовъ работы надъ измѣненіемъ магистрами именно таборитскихъ писецкихъ формулъ.

tibus ipsum idem corpus Christi in coelo, in pane illo sacramentali fore affirmetur, vel carnaliter secundum conceptum Christi discipulorum retroabeuntium manducari credatur vel per haec demonstrativa: hic et hoc aliud quam panis et vinum demonstrari reputetur; vel quod tanta vino plenitudinis divinitatis ad sacramentum, quanta ad Christum credatur, hoc signanter adjicentes, quod in separando praedictos singulos intellectus cavendum est, ne detur populo occasio sacramentum parvipendendi, aut quomodolibet blasphemandi. Magis autem exhortetur etc suam pigritiam excitando“.

stro corpus Christi et sanguinem, item: praeparo corpus et sanguinem Christi benedico corpus et sanguinem Christi, porto corpus et sanguinem Christi, transeo cum corpore Christi.

Item, instruatur populus, ut a praedictis cavens sibi locutionibus, non petat a sacerdote sibi Deum, corpus, vel sanguinem Christi, quamvis bene possit dicere: opto corpus et sanguinem Christi“ (ср. передачу этихъ постановленій у Шибрама въ „Zivot kn. tabor.“, f. 135).

Приведенное нами сравненіе даетъ вообще матеріалъ и для сужденія о способѣ работы Бискупца при изготовленіи имъ своей „Chronicon“ и, можетъ быть, пригодится для предстоящаго переизданія ея въ „Font. rer. bohém.“.

Въ такомъ случаѣ не являются ли, наоборотъ, таборитскія формулы переработкой артикуловъ пражанъ, только произведенной не въ 1424 г., въ Клатовахъ (это мнѣнiе Томка и Голля мы уже опровергли выше), а въ 1422 г., въ Пискѣ? Но тогда возникаетъ вопросъ о времени и мѣстѣ выработке и предложенiя пражанами таборитамъ тѣхъ пунктовъ, которые дошли до насъ въ составѣ постановленiй „аудиенци“ 16 октября 1424 г. Между тѣмъ мы ничего не знаемъ о какой-либо иной „аудиенци“—диспутѣ пражанъ съ таборитами, которая предшествовала бы таборитской писецкой конвокаци въ февралѣ 1422 г. и могла бы вызвать появленiе занимающихъ насъ артикуловъ, кромѣ диспута въ домѣ Змрзливка въ декабрѣ 1420 г.; однако этотъ диспутъ слишкомъ отдаленъ по времени отъ писецкой конвокаци, да и магистры „предложили“ на немъ таборитамъ артикулы, какъ мы знаемъ, совсѣмъ иного характера... Но что важнѣе, мы не находимъ въ текстѣ таборитскихъ писецкихъ постановленiй переработки — какъ доказывалъ Голль — магистерскихъ артикуловъ, дошедшихъ до насъ, правда, въ постановленiяхъ аудиенци 1424 года, но имѣвшихъ, какъ мы уже на всякiй случай допустили, большую давность (до февраля 1422 г.).

Обращаясь къ тексту служащихъ предметомъ научнаго спора артикуловъ таборитовъ и пражанъ, мы видимъ, что только одинъ пунктъ таборитовъ, именно о воспрещенiи священникамъ участвовать въ войнѣ („secundo“ у Бискупца)¹⁾, производитъ впечатлѣнiе повторенiя соответствующаго пункта пражанъ (16-го)²⁾ съ характерной для таборитовъ оговоркой въ концѣ: „bellis tamen (ср. выше: „vreluncas vero latronum“... или: „sed in usus“... арт. 12 и 13 конвокаци въ Клатовахъ) justis in causa Dei licite potest (sacerdos) interesse bellantes ut juste et sancte faciant exhortando“. Редакциа остальныхъ таборитскихъ артикуловъ у Бискупца въ „Хроникѣ“ обнаруживаетъ, думается намъ, переработку въ нихъ какого-то текста путемъ его дополненiй, нарушающихъ стройность первоначальной фразы, загромождающихъ и сильно удлинняющихъ оригинальный текстъ, который однако, благодаря именно этой нечистотѣ „редакционнoй“ работы, легко можетъ быть вскрытымъ въ основныхъ своихъ чертахъ.

¹⁾ Höfler, II: „Chron. tabor.“, 483.

²⁾ Procházka: „Miscell.“, 276.

Такъ, въ текстѣ перваго артикула („primo“) — о приемахъ толкованія св. Писанія — ясны: 1) вставка: „aut impertinenter prophetas ad loca et tempora applicare“, въ виду конструктивной странности ея (содержаніе ея предосудительная дѣятельность) при сказуемомъ „debent“, на ряду съ естественными при этомъ „debent“ обозначеніями похвальныхъ дѣйствій: „legere, explanare (legem divinam) et alios docere“, и 2) прибавка на концѣ: „cum diligentia reprehendendo etc.“, въ виду слишкомъ большого удлиненія ею всего текста артикула.

Въ текстѣ третьяго артикула („tertio“) — объ условіяхъ „христіанской“ войны — мы замѣчаемъ вставку: „aut ex illius deficiente... vicem ejusdem supplente“, ибо весь этотъ оборотъ съ „supplente“ не долженъ стоять, какъ онъ стоитъ, въ качествѣ равносильнаго члена съ 1) „nova lege licentiate“; 2) „potestate legitima auctorisante“ и 3) „causa justa impellente“, гдѣ указаны дѣйствія трехъ началъ (lex, potestas, causa), создающихъ „христіанскую войну“; вставка, по мысли являющаяся составной частью члена 2, конечно, занимала бы мѣсто между словами: „legitima“ и „auctorisante“, если бы она не была сдѣлана уже въ готовомъ, данномъ, текстѣ... Вторая половина третьяго артикула, оказывающаяся, собственно, самостоятельнымъ артикуломъ — о пощадѣ на войнѣ чужой собственности, — не обнаруживаетъ характерныхъ слѣдовъ вторичной работы надъ текстомъ¹⁾.

Четвертый артикулъ — о примѣненіи смертной казни — наиболѣе ярко свидѣтельствуетъ о двойной работѣ надъ его текстомъ. Вторичной работой — вставкой, являются, по нашему мнѣнію, слѣдующія два мѣста: 1) „neque leges humanae... et allegandae“, ибо, при единствѣ редакціи, не было бы нужды выдѣлять мысль о „leges humanae“ въ особое предложеніе и ставить послѣ сказуемаго: „est exequenda“ (при lex vetus) еще и „sequendae sunt“ (при leges humanae) и 2) „aut illa deficiente... et ostendit“, ибо — кромѣ соображенія, указаннаго по поводу такой же вставки въ третьемъ артикулѣ — совершенно излишне повторяется оборотъ, уже употребленный въ началѣ артикула („et sic, quod lex vetus de tanto in iudicialiis sit sequenda“), и вообще разрывается оче-

¹⁾ Конечъ этого артикула, являющійся, какъ мы уже видѣли, выпиской изъ „Sermones“ Вильяма, едва ли постановлялся когда-нибудь таборитами и, вѣроятно, былъ приписанъ Бискупцемъ при составленіи имъ „Chronicon tabog.“.

видная связь предшествующих вставкѣ и послѣдующих за ней мыслей и выражений („suadet et auctorisat... ita tamen“ etc).

Но что же такое тотъ остовъ, на которомъ работали табориты? что это за первоначальная редакція артикуловъ, въ которой они производили желательныя имъ измѣненія? Во всякомъ случаѣ это не редакція пражанъ, дошедшая до насъ въ составѣ постановлений „аудиенціи“ 16 октября 1424 г.

Дѣло въ томъ, что и эти пражскіе артикулы обнаруживаютъ такую же вторичную, какъ у таборитовъ, работу по готовой канвѣ. Въ арт. 20—о толкованіи св. Писанія—есть и вставка въ срединѣ и [прибавка въ концѣ: первая („quia multa... applicans“) замѣтна и по произведенному ею разрыву въ ходѣ мыслей всего артикула и по неудачной синтактической конструкціи; вторая—по неудачной склейкѣ ея съ оригинальнымъ (первоначальнымъ) текстомъ: („sensum carere veritatis) secundum veritatem“ etc.

Въ арт. 11—о примѣненіи смертной казни—ясны, кромѣ другихъ, мелкихъ, слѣдовъ переработки, еще: 1) вставка: „nec in quemquam... nec unquam aliter“, ибо слѣдующія слова: „nisi ubi urgente necessitate“ etc. имѣютъ больше связи съ текстомъ, предшествующимъ вставкѣ (какъ это ясно и изъ таборитской редакціи), а сама вставка получила конструкцію, плохо согласованную съ конструкціей окружающаго ее текста, въ срединѣ же самой вставки оказались не-связанныя съ остальной частью ея слова: „et magna compassione exergenda“, 2) измѣненіе текста—съ грѣхомъ противъ грамматики—въ предшествующей вставкѣ фразѣ, именно замѣна союза „nec“ союзомъ „ut“, ради того, чтобы, при вставкѣ, начинающейся ниже съ „nec“, и при паличности въ оригиналѣ и безъ того уже рядомъ стоящихъ двухъ nec (ср. редакцію таборитовъ), избѣжать тройного „nec“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и таборитскіе и пражскіе артикулы обнаруживаютъ свое происхождение (редакціонное) путемъ исправленія какого-то общаго для нихъ образца, главнымъ образомъ, путемъ дополненій этого общаго образца, произведенныхъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ его, съ грѣхами противъ латинскаго синтаксиса и стилистики. Что же такое, наконецъ, этотъ общій для пражанъ и таборитовъ образецъ и исходный пунктъ для формулировки спорныхъ вопросовъ въ партійномъ духѣ?

Мы думаемъ, что это была та редакція артикуловъ о войнѣ, которая объявлена была народу въ 1419—1420 г.г., передъ началомъ гуситскихъ войнъ, совмѣстно пражанами („магистрами“)

и таборитами, на что указывает Бискупецъ въ своей „Хроникѣ“ („totus videlicet ille populus... unitus, una voluntate et unanimi assensu et cum consilio magistrorum Pragensium et aliorum sacerdotum... bellum... erexerunt... Mutua simul cum magistris in Praga habentes consilia, bella cum debitis circumstantis... simul asserimus esse licita... Bellum erectum est ex magistrorum et nostro simultaneo consilio“)¹⁾. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ текстъ этого общаго—магистровъ и таборитовъ—объявленія народу (конечно, его нельзя отождествлять съ разобраннымъ нами выше „Responsio“ Якубка и Хр. изъ Прахатицъ на частный запросъ раскодившихся въ нѣкоторыхъ взглядахъ двухъ таборитскихъ вождей—Бискупца и Вацл. Коранды).

Всячески, чтобы исходить отъ имени далеко вообще несогласныхъ партій, чтобы объединить „весь народъ“, это общее объявленіе о „справедливой“, „христіанской“ войнѣ, объ ея условіяхъ должно было оказаться и „общимъ“ по содержанию, не могло выдвигать ни готовности магистровъ къ соглашенію съ церковью и имп. Сигизмундомъ, ни хилиастически окрашенной ответственности таборитовъ.

Въ сравнительно безразличныя, холодныя и сдержанныя формулы ясно дипломатическаго документа каждая партія могла молчаливо вкладывать свой собственный смыслъ.

Когда же цѣль этого документа была достигнута, а врагъ потерялъ первоначальную опасность, тогда вынужденное единеніе партій начало пропадать, и принятыя формулы стали объясняться каждой партіей по своему: табориты (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые) начали вводить въ нихъ извѣстныя черты хилиазма, пражане—если не держались строго прежнихъ согласительныхъ формулъ—развивали ихъ въ направленіи еще большей осторожности; продѣлывая эту работу надъ формулами на своихъ партійныхъ „конвокаціяхъ“, табориты и пражане старались потомъ навязать другъ другу результаты своей партійной работы, пользуясь „аудиенціями“ (диспутами).

Въ виду скудости источниковъ, мы не можемъ съ полной ясностью и увѣренностью представить детали этого партійнаго расхожденія. Все же мы склоняемся къ мысли, что начало было сдѣлано таборитами на конвокаціи 1422 г. въ Пискѣ: магистратъ

¹⁾ Höffler, II: „Chron. tabor.“, 687—688.

не было особой нужды мѣнять первоначальныя и безъ того очень осторожныя формулы; между тѣмъ табориты вынуждались въ ихъ переработкѣ желаніемъ заставить колеблющагося и ненадежнаго союзника—празжанъ занять болѣе опредѣленныя позиціи и стремленіемъ сдержать ту фракцію въ своей собственной средѣ, въ которой слишкомъ сильно еще сказывались переживанія хилиастическаго періода (отсюда и измѣненія, сдѣланныя таборитами въ первоначальныхъ формулахъ, придерживаются текста „Responsio“ Якуба и Христ. изъ Прахатиць).

Ходъ дѣла въ дальнѣйшемъ можно представить себѣ такъ: на „аудиенціяхъ“ 1423 г. у Конопшита и въ Конопшитѣ пражане въ отвѣтъ на таборитскую писецкую редакцію артикуловъ о войнѣ и смертной казни, выставили свою редакцію,—ту, которую они продолжали выставлять и потомъ, на Пражской „аудиенціи“ 1424 г.; табориты не приняли ее и ограничились тѣмъ, что на слѣдующей своей, Таборской „конвокаціи“ въ іюнь 1424 г. опубликовали новыхъ 4 арт., практически, въ интересахъ населенія развивавшихъ артикулы писецкіе; тогда пражане на послѣдующей „аудиенціи“ 16 окт. 1424 г. въ Прагѣ предложили таборитамъ два новыхъ артикула, которые должны были являться дополненіемъ—примѣнительно къ церквамъ и ихъ подвижности—только-что появившихся таборскихъ постановленій, но продолжали настаивать и на томъ, что они предложили еще въ Конопшитѣ; однако табориты на своей новой, Клатовской конвокаціи 1424 г. совсѣмъ уже не вошли въ обсужденіе старыхъ „магистерскихъ“ предложеній и ограничились принятіемъ, съ сильнымъ измѣненіемъ, только двухъ новыхъ предложеній пражанъ (объ отношеніи на войнѣ къ церквамъ и ихъ подвижности).

Такъ какъ промежуточные моменты въ развитіи формулъ таборитовъ и пражанъ, за потерей постановленій ряда конвокацій и аудиенцій, представляются не вполне ясными, то мы не рѣшаемся по сохранившимся текстамъ реконструировать первоначальную редакцію общаго — „магистровъ“ и таборитовъ — объявленія объ условіяхъ допустимости войны и вообще убійства въ христіанскомъ обществѣ и вводить ее въ основной текстъ нашего изслѣдованія.

Эккурсеъ III.

„Tractatus de homicidio“ Николая Бискупца.

Издаваемый ниже въ извлеченіи „Tractatus de homicidio“ представляет собой, несомнѣнно, остатокъ погибшей en masse таборитской литературы и стоитъ въ связи со спорами 1420-хъ годовъ по вопросу о смертной казни.

Конечно, большія выписки въ немъ изъ сочиненій Викилфа (см. ниже текстъ) могли бы указывать — особенно для первыхъ 1420-хъ лѣтъ — только на гуситское вообще (необязательно таборитское) происхождение трактата.

Зато характерно именно для таборитовъ противопоставленіе въ трактатѣ „закона евангельскаго“ (*lex ewangelica*), характеризуемаго, какъ „законъ любви“ (*amoris*, а также — *caritatis*, *clementiae*), какъ „*lex securissima et sufficientissima ad regendum omnis status*, и „ветхому закону“ (*lex vetus*), который „*quoad sua ceremonialia et legalia et iudicialia est iam abolita*“, и „законамъ человѣческимъ“ (*leges humanae*) и „измышленіямъ человѣческимъ“ (*adinventiones humanae*), которые называются и „*gentiles*“ и „*aethnicae*“, которые „*interdum... impediunt observantiam ewangelicam et contradicunt ewangelio*“.

Этими же противопоставленіями и характеристиками, направленными противъ „пражскихъ магистровъ“, полна „Хроника таборитовъ“ Ник. Бискупца. Тотъ же Николай Бискупецъ, полемизируя на Базельскомъ Соборѣ съ представителемъ католической церкви, Ю. Карлье, оперировалъ тѣми же самыми (взятыми у Викилфа) понятіями: „*lex ewangelica excellit legem Moysi et aliam omnem legem humanam*“¹⁾; „*lex ewangelica legi Moysi succedens, pro suo tempore est per se sufficiens ad regimen ecclesiae militantis sine legibus humanis post adiectis*“²⁾, Тѣ же самыя противопоставленія („*ewangelium*“, „*lex vetus in suis iudiciariis*“, „*leges humanae ewangelio contrariae*“), встрѣчаемъ мы и въ постановленіяхъ Писецкой „конвокаціи“ таборитовъ³⁾. Важно то, что

¹⁾ Mansi: „Coll. amplis. conc.“, (изд. 1903), XXX, 339.

²⁾ *ibid.*, 341: ср. еще „*iudicialia legis veteris*“ и „*leges humanae legi ewangelicae dissonae*“, *ibid.*, XXIX, 881.

³⁾ Höfler, II: „Chron. tabor.“, 484.

во всѣхъ трехъ случаяхъ это предпосылки для разрѣшенія одного и того же вопроса о допустимости смертной казни въ христіанскомъ обществѣ.

Анонимный авторъ нашего трактата рекомендуетъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ (*reges, principes, milites, clientes, iudices, pastores, episcopi, praedicatores*) руководиться въ дѣлѣ наказанія преступниковъ (*in corrigiendo et puniendo delinquentes et maleficos*) закономъ евангельскимъ и отвергать (*dimittere*) другіе законы, поскольку они разрѣшаютъ убійство (смертную казнь). Точно также и Бискупецъ въ спорѣ съ Карлье настаиваетъ на томъ, чтобы судьи (*iudices*) въ наказаніяхъ преступниковъ („*in punitione reorum*“¹⁾, „*in peccatorum castigando aut corrigendo*“²⁾), не принимали (*non accipientes*) другихъ законовъ, не искали въ нихъ повода (*occasionem*) для наказанія смертной казнью (*mortis supplicio puniendi*); наконецъ, точно также и въ постановленіи Писецкой конвокаціи таборитовъ говорится, что другіе законы, кромѣ евангельскаго, не должны быть примѣняемы (*exequenda, sequendae et allegandae*) въ наказаніи и убійствѣ преступниковъ (*in condemnatione reorum vel in occisione*)³⁾. Если авторство одного и того же лица, Бискупца, становится для насъ довольно вѣроятнымъ во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, то для двухъ случаевъ—писецкихъ постановленій и заявленія въ Базелѣ—оно дѣлается вполне уже достовѣрнымъ, какъ это видно изъ характерныхъ стилистическихъ совпадений:

Бискупецъ въ Базелѣ:

„*Cupio, quatenus iudices in punitione reorum habeant se tanquam patres... non judicialia legis veteris, ut huiusmodi, nec leges humanas legi ewangelicae dissonas accipientes, sed processum Christi et praxim ecclesiae primitivae*“⁴⁾.

Писецкія постановленія:

...„*nec in condemnatione reorum nec in occisione reorum lex vetus, ut huiusmodi, in singulis suis iudiciariis... neque leges ewangelio contrariae sequendae sunt... de quanto... Christus licentiat et ecclesia primitiva praxi declarat*“...⁵⁾.

Но въ то время какъ въ Базелѣ Ник. Бискупецъ, повидимому, доказывалъ, что „*lex ewangelica*“, этотъ единственно обязательный

¹⁾ Mansi, XXX, 357.

²⁾ *ibid.*, XXIX, 881.

³⁾ Höfler, II, 484.

⁴⁾ Mansi, XXX, 357.

⁵⁾ Höfler, II, 484.

для христіанъ авторитетъ, вовсе не допускаетъ смертной казни въ христіанскомъ обществѣ, авторъ нашего трактата (предположительно Н. Бискупецъ) еще не рѣшается сдѣлать этого вывода и допускаетъ— правда, очень ограниченное—примѣненіе смертной казни среди христіанъ, совпадая въ воззрѣніяхъ и, отчасти, въ выраженіяхъ съ авторами (авторомъ) писецкаго постановленія.

Нашъ авторъ (Бискупецъ) заявляетъ въ издаваемомъ трактатѣ: „Я не говорю и не дерзаю говорить, чтобы въ церкви Христовой, въ христіанскомъ народѣ, никто изъ облеченныхъ властью людей никогда не могъ законно убивать“. Онъ утверждаетъ, что убійство (смертная казнь) допустимо, когда и почему указываетъ и разрѣшаетъ (*ostendit et praecipit*) ее „евангельскій законъ“, или когда имѣется на нее Божіе „откровеніе“ у чадъ Божіихъ, движимыхъ духомъ Божіимъ (*si ex revelatione habent... filii Dei, qui spiritu Dei aguntur*). Это—то же самое, что мы читаемъ въ писецкомъ постановленіи 1422 г., гдѣ говорится, что убійство (*occisio*) допустимо, если его разрѣшаетъ (*licentiat*) и подтверждаетъ (*auctorisat*) „евангельскій законъ“, если его осуществляетъ—кромѣ легитимныхъ властей—народъ или частный человекъ, движимые Духомъ Божіимъ („*populus aut quisunque spiritu Dei agitatus*“) ¹⁾.

Совпаденіе здѣсь нашего трактата съ Писецкой конвокаціей, еще разъ подтверждая (взаимно) авторство Бискупца въ обоихъ случаяхъ, обнаруживаетъ и хронологическую связь трактата съ названной конвокаціей, для одного изъ постановленій которой трактатъ служилъ и обоснованіемъ и разъясненіемъ. Мы знаемъ, что черезъ 10 лѣтъ, въ Базелѣ, Бискупецъ уже болѣе рѣшительно отрицалъ смертную казнь; трактатъ былъ уступкой и духу сильной еще хилиастической фракціи въ таборитствѣ и направленію военнаго вождя таборитовъ Я. Жижки, „Военный Уставъ“ котораго (въ 1423 г.) полонъ угрозъ смертной казнью (со ссылкой на З. Божій) за самыя разнообразныя преступленія ²⁾. Въ эпоху Базельскаго Собора этихъ условій уже не существовало.

Сдѣлавъ уступку духу времени, Бискупецъ въ своемъ трактатѣ стремится, однако, сколько возможно, ограничить практическіе выводы изъ допустимости смертной казни рядомъ замѣчаній, находящихся потомъ отзываки въ диспутѣ его съ Карлье на Базельскомъ Соборѣ, въ 1433 г.

¹⁾ Höfler, II, 484.

²⁾ „Žižkův řád“ въ „Husitské válečnictví“ Томана, 392—394.

Онъ признаетъ, что люди въ указаніи на позволительность убійства даже въ ограниченныхъ размѣрахъ (*modis sanctorum et spiritus sancti*) находятъ поводъ практиковать убійство (смертную казнь) тамъ, гдѣ ей ни въ какомъ случаѣ не должно быть мѣста; онъ жалуется на то, что и свѣтскія и церковныя власти часто наказываютъ смертной казнью за преступленія противъ людей (*iniuriae personales, humanae*), особенно за воровство (*furta*) и снисходительно относятся къ совершающимся въ общинахъ („*communitates*“) преступленіямъ противъ Бога и Его евангелія, какъ-то: богохульству, симоніи, ереси, любодѣянію—т.-е. допускаютъ то, чего не допускали даже люди Ветхаго завета.

Въ концѣ трактата Бискупецъ какъ-будто уже совсѣмъ отрицаетъ убійство и смертную казнь: „Если, говоритъ онъ, по Златоусту нельзя убивать даже еретиковъ, то тѣмъ болѣе тѣхъ, вина которыхъ меньше и легче“. Во всякомъ случаѣ онъ предупреждаетъ братьевъ священниковъ, чтобы они своими поученіями не соблазняли свѣтскихъ властей къ убійствамъ.

Черезъ 10 лѣтъ, на Базельскомъ диспутѣ съ Ю. Карлье, Бискупецъ развивалъ тѣ же мысли. Онъ доказывалъ, что каждый „христіанинъ долженъ быть самымъ ревностнымъ мстителемъ преступленій противъ Бога и самымъ мягкимъ—преступленій противъ самого себя“¹⁾; онъ съ горечью свидѣтельствовалъ: „Увы, теперь мало такихъ (мстителей преступленій противъ Закона Божія); гораздо больше людей, которые ревнуютъ по своимъ дѣламъ, въ дѣлѣ же Господа слишкомъ мягки (*nimium vecordes*)“²⁾. Возражая противъ смертной казни, онъ ссылается и на авторитетъ Златоуста: „Если уже и есть какой-либо грѣхъ, за который слѣдуетъ убивать человѣка подѣ Закономъ благодати, то это всего болѣе позорнѣйшій и вреднѣйшій грѣхъ ереси; однако даже и объ еретикахъ Златоустъ говоритъ, чтобы ихъ не убивали“³⁾. „Я признаюсь, заключаетъ Бискупецъ, что, не имѣя возможности возстановить убитому жизнь, не буду радоваться такимъ убійствомъ и не соглашусь съ легкостью на чью-либо смерть“⁴⁾...

Если же за 10 лѣтъ передъ тѣмъ, въ настоящемъ трактатѣ, Бискупецъ даетъ своимъ собратьямъ-священникамъ дипломати-

¹⁾ Mansi, XXX, 340.

²⁾ *ibid.*, 344.

³⁾ *ibid.*, 357.

⁴⁾ *ibid.*

чешскій совѣтъ: „Такъ какъ священники Христовы посланы въ среду волковъ, то имъ подобаетъ въ этомъ вопросѣ (какъ и въ любомъ другомъ) быть мудрыми, какъ змѣи, и простыми, какъ голуби“, если въ самомъ трактатѣ онъ проявилъ больше свойствъ мудрой змѣи, чѣмъ голубя, то уже въ писецкомъ постановленіи 1422 г. о смертной казни ему все-же удалось, не смотря на „среду волковъ“, обнаружить и голубиную кротость, смягчивъ, по мѣрѣ силъ, жестокость грозныхъ „божійхъ воителей“ Жижки...

(Cod. D. 53 Пражск. Капит. библиотеки, ff. 380—395) ¹⁾.

„Tractatus de homicidio“.

Notare debemus, quod... in veteri testamento populus Israheliticus gubernabatur secundum legem Mosaicam, eis a Deo traditam et non secundum leges gentiles, et seniores in populo constituti, iudices, duces, principes et sacerdotes et alii praepositi debebant et se ipsos et populum dirigere secundum illam legem, et ideo maleficos, adulteros, blasphematores contra legem Dei, ubi lex ostendebat eos occidere, occidebant, et ubi lex non ostendebat occidere, non occiderunt; aliter peccantes—minoribus delictis contra proximos—non occidebant, sed aliis poenis citra mortem mitius puniebant, ut pro furto communiter non puniebant supplitio mortis, sed minori poena. (Ссылка на Исходъ, XXII, 1)... Proprias iniurias personales non sic puniebat lex Moisi, sed quae de directo contemptum Dei expriment, valde lex Moisi decreverat punienda <esse>, ut est de violatione Sabbati diei vel blasphemia, adulterio aut hujusmodi. Quando autem lex eis non ostendebat nec praecipiebat occidere, tunc nequaquam debebant occidere, immo, tunc ex praecepto debebant non occidere dicente Domino: „Non occides“, nisi praeter communem legem aliquando alias occidebatur ex revelatione Dei (Примѣры

¹⁾ Трактатъ издается въ извлеченіи, при чемъ опущены — хотя и отмѣчены — почти исключительно лишь выдержки изъ св. Писанія и изъ писателей. Издатель принялъ наше современное правописаніе и далъ интерпункцію. Знакъ < > обозначаетъ издательскія „addidi“, а знакъ [] — „seclusi“ въ недостаточно вообще исправномъ текстѣ. Разрядкой напечатаны наиболѣе интересныя, по мнѣнію издателя, мѣста.

Давида и I. Навина)... Alias autem, dum non habuerunt ex revelatione spirituali Dei neque expresse lex eis praecipiebat, non debebant secundum alias quascunque humanas traditiones occidere, dicente et praecipiente Domino: „Non occides“. Et ergo, quando reges, principes, duces, iudices, sacerdotes regebant se et populum subditum secundum alias leges humanas gentiles sive quascunque adinventiones hominum, legem Dei postponentes, tunc Dominum ad iracundiam contra se provocaverunt.

Sic, ut mihi videtur, reges, principes, milites, clientes, iudices, scabini, pastores, episcopi animarum, praedicatores caeterique superiores praepositi in ecclesia Christianorum tempore legis gratiae debent se et populum subditum <dirigere> secundum legem ewangelicam sufficientissimam et securissimam et perfectissimam iuxta ordinationem ewangelicam et regimen ecclesiae primitivae in omnibus agendis et per consequens in corripiendo et puniendo delinquentes et maleficos, omittendo alias gentiles et ethnicas leges et adinventiones hominum incertas, quae interdum non possunt fundari in ewangelio, sed impediunt observantiam ewangelicam et contradicunt ewangelio, quod est lex amoris et clementiae et non crudelitatis. Et ergo, ubi, quando et propter quod talibus superioribus, praepositis lex perfectissima et securissima ostendit et praecipit communiter occidere delinquentes et maleficos, occidant in nomine Domini, vel si aliquando habent ex revelatione Dei sic esse faciendum, faciant. Alias <ne occidant>, si eis hoc lex ewangelica, lex amoris et clementiae, non ostendit, nec praecipit, sed verisimiliter magis interdum prohibet, et lex vetus, quoad sua ceremonialia et legalia et iudicialia, est jam abolita vel saltem ad minimum in iudicialibus mitigata. Et ergo christianorum praepositis impimendo delinquentes non est ita securum se et subditos regere secundum veterem legem, quoad eius iudicialia, sicut secundum legem ewangelicam amoris et caritatis; et per consequens tunc omnino non est securum christianorum praepositis sive saecularibus, sive spiritualibus regere se et populos imprimendo et occidendo delinquentes secundum alias leges gentiles et ethnicas vel alias secundum sapientiam huius mundi humanitus et non divinitus adinven-

tas, cum tales multae leges hominum sunt iniquae ...quae aut impediunt legem Christi perfectae libertatis aut in pluribus contradicunt. Et non dico nec audeo dicere, quod in ecclesia Dei in populo christiano nullus unquam superiorum posset licite occidere; sed iudices caeterique superiores, cuiuscunque status sint et conditionis, regant se et populum subditum in omnibus et sic <in> imprimendo delinquentes secundum suam perfectam legem ewangelicam... a Christo et per Christum traditam, sufficientissimam et securissimam omni statui fidelium ad regimen, et quando et propter quid lex ewangelica eis ostendit, ut dixi, et praecipit occidere, sive mortificare, sive iudicare ad mortem, vel si ex revelatione habent, sicut David, Josue et alii, cum hoc sit adhuc possibile, sicut et olim, quia manus Domini non est adhuc abbreviata, nam adhuc, qui sunt filii Dei, spiritu Dei aguntur, aut si habent aliquas certas alias leges, fundantes (sic!) in ewangelio et emanatas (sic!) certudinaliter de fonte ewangelicae sapientiae, quae ostenderent eis maleficos vel alios occidendos <esse>. Alias, dico, principibus et caeteris superioribus in regendo se et subditos dimittere securissimam et sufficientissimam legem Christi ad regendum omnis status et convertere se et effundere ad leges hominum ethnicas et gentiles et traditiones humanitas et non divinitus adinventas, secundum sapientiam huius saeculi et non secundum sapientiam ewangelii, est nimis incertum et insecurem...

...Non occidas ergo secundum aliam legem quamcunque, in ewangelio non fundatam, vel impediendam vel contradicentem ewangelio vel magis proprias personales iniurias vindicando, vel alias humanas personales, inconsulto Domino. Et sicut olim superiores, reges, principes et iudices secundum legem veterem mitius premebant iniurias humanas personales communiter et non supplicio mortis, sic principes et iudices superiores iam in ecclesia christianorum secundum legem Christi sufficientissimam ewangelicam et securissimam, secundum legem, inquam, caritatis et amoris, mitius premant et corrigant confratres fideles de iniuriis humanis et personalibus a proprietate et gravius et rigorosius premant et vindicent secundum legem ewangelicam, quae sunt principaliter et ex directo contra Deum et suum ewangelium, ut furta et alia similia mitius, et blasphemiam, symoniam, heresim, adulterium et alia similia rigorosius. Sed, heu, et in clero

et in statu saeculari communiter potentes vindicant suas iniurias humanas personales durius et gravius, quam iniuriam Dei, immo communiter omnes contra Deum iniurias admittunt in communitatibus, ut adulterium, homicidium, symoniam, fornicationem, sodomiam, blasphemiam et alia hujusmodi—et furta et humanas alias iniurias crudelissime contra legem Christi vindicant per mortem. Ideo, sicut olim in populo Iudaico superiores, principes et iudices, relinquentes legem Mosaicam, humanas suas iniurias crudeliter vindicantes et Dei iniurias non vindicantes, graviter peccaverunt contra Dominum,—sic a fortiori <peccant> principes et iudices superiores in populo Christiano, <dum>, relinquentes sufficientissimam et securissimam legem Christi ad omnes status, secundum leges incertas humanitas, non divinitus adinventas, contrarias Christi ewangelio, puniunt subditos graviter supplicio mortis pro iniuriis personalibus [et] Dei iniurias punire omnino omittendo...

... Sed ne supradicta sententia videatur ex phantasia propria emanare, restat nunc eam auctoritatibus legis Dei et aliorum sanctorum firmare.

(Цитата изъ бл. Августина: „De civitate Dei“)... Ex quo patet, quod quos vel lex iusta generaliter conformans se ewangelicae iustitiae vel ipse fons iustitiae Deus spiritualiter occidi jubet, licet occidere tales, sed hiis exceptis quisquis hominem vel se ipsum vel quemcunque alium occiderit, homicidii crimen incurrit contra illud praeeceptum divinum: „Non occides“. Et qui, Deo auctore, bella gesserunt aut personam gerentes publicae potestatis secundum Dei legem, hoc est iustissimae rationis imperium, sceleratos morte premerunt, olim et adhuc sic possunt licite punire. Aliter secundum Augnstinum non videtur esse iustum. (Цитаты изъ св. Иоанна Златоуста: „De opere perfecto“, Дж. Вильфа—doctor Ewangelicus:—„Sermones“¹⁾), Ремигя толкований на книги св. Писания, св. Киприана, бл. Августина: „Liber de abusionibus“, „Litterae ad Marcellinum comitem“, „Litterae Donato“, „Litterae ad Publi-

¹⁾ Joh. Wyklif: „Sermones“, изд. Лозерта, 1887—1889, т. I, 118—121 и III, 101—102.

colam*, бл. Іеронима толкованій на прор. Іону, Исаію и Езекиіла, св. Іоанна Златоуста толков. на еванг. Матѣя, Ник. Лирѣ толков. на Исходъ, гдѣ цитата изъ „De libero arbitrio“ бл. Августина).

Ex quibus omnibus patet, quod principes, iudices secundum scripturam ewangelii se non regentes, sine timore Dei viventes, innitentes plus consuetudinibus mundi et iuribus saeculi, in multis divinae voluntati et suo ewangelio contrariis, quam iuri et legi Christi, periculose sine caritate occidunt homines plus humanas a proprietate vindicantes iniurias, quam Dei. Isto tamen non obstante, dico, quod habentes auctoritatem possunt licite occidere hominem secundum Deum... quod concedi potest et solet filiis Dei, qui spiritu Dei aguntur. Non, igitur, nos sacerdotes principibus et iudicibus saeculi debemus laxare frenum ultra ewangelicam regulam ad occidendum [per] christianos fratres nostros, cum sint ad inordinatam vindictam crudelem nimis proni... Si sicundum Chrisostomum... heretici prohibentur occidi, quanto magis alii, qui sunt minoris culpaе et levioris...

...Dum autem dicitur, quod licet occidere, scilicet modis sanctorum et spiritus sancti, saeculares... occasionem capiunt occidendi, ubi non debent, sicut clerus ex hoc, quod ewangelium dicit, clericos esse licitum sumere necessaria, dum ewangelisant, et fideliter ad populum, exequitur officium sacerdotale, excedit... ad superflue possidendum et civiliter et proprietarie et dominative, non tam iure ewangelico Christi, quam mundano et gentili. Quia ergo sacerdotes Christi immittuntur in medio luporum, debent in ista materia, sicut in quacunque alia, prudentes esse, sicut serpentes, et simplices, sicut columbae, quia maxime in talibus requiritur consilium Spiritus Sancti.

II.

Трактаты П. Хельчицкаго, стоящіе въ связи съ развитіемъ споровъ о войнѣ среди гуситовъ.

И пражане и табориты, какъ мы видѣли (см. выше), такъ или иначе признавали допустимость войны и смертной казни—вообще убійства—въ христіанскомъ обществѣ; нѣкоторыя оговорки и ограниченія имѣли у нихъ не принципиальное, а лишь тактическое значеніе. Но скромный „земанъ“ (мелкій землевладѣлецъ) изъ южной Чехіи, изъ дер. Хельчиць (недалеко отъ гор. Воднянъ), Петръ Хельчицкій рѣшительно—всегда и при всякихъ условіяхъ—отрицалъ пролитіе человѣческой крови среди христіанъ, какъ на войнѣ, такъ и въ судопроизводствѣ ¹⁾.

П. Хельчицкій, повидимому, затронуть былъ спорнымъ у таборитовъ и пражанъ вопросомъ о войнѣ еще въ самомъ началѣ гуситскаго движенія. Онъ самъ слышалъ воинственную проповѣдь хилиастическихъ пророковъ и, если активно не боролся съ ней (объ этомъ мы ничего не знаемъ), то во всякомъ случаѣ не былъ увлеченъ ею (см. ниже, стр. 132). Далѣе, онъ, находясь въ Прагѣ въ концѣ 1419—нач. 1420 года, живо принималъ къ сердцу обсужденіе пражскими магистрами и таборитскими священниками вопроса о томъ, воевать-ли или не воевать чехамъ-гуситамъ въ защиту Закона Божія противъ враговъ правды этого Закона,—волновался изъ-за принятыхъ рѣшеній и осуждалъ ихъ. Уже въ 1430-хъ годахъ Хельчицкій въ посланіи къ Я. Рокицанѣ такъ вспоминалъ о своемъ спорѣ съ м. Якубкомъ изъ Стшибра: „Когда твой (учитель и другъ Рокицаны) мистръ Якубъ въ своемъ покоѣ (комнатѣ) въ Бетлемѣ (Виелеемской часовнѣ, гдѣ Якубъ былъ проповѣдникомъ) объявлялъ меня изъ-за свѣтской власти еретикомъ, я сказалъ ему: „Если эта власть по твоимъ словамъ истинно основывается на вѣрѣ Христовой, то имѣеть-ли она въ Писаніи наставленіе къ своимъ дѣламъ, къ боямъ и

¹⁾ Отрицаніе смертной казни въ Чехіи засвидѣтельствовано, впрочемъ, уже въ 1418 г.; вотъ что постановляетъ, между прочимъ, собраніе пражскихъ магистровъ въ сентябрѣ 1418 г.: „Nemo audeat dicere et tenere, quod malefici magni, si aliter mitius nec induci possunt nec corrigi, licite nullo modo possunt Deo auctorisante per brachium seculare interdum occidi“, Documenta mag. I. Hus, 679.

другимъ жестокостямъ?“ Онъ (Якубъ) отвѣтилъ мнѣ: „Нѣтъ; но древніе святые такъ говорятъ!“¹⁾ Такъ Хельчицкій явился противникомъ мнѣній, только-что формулированныхъ Якубомъ изъ Стшибра и Христіаномъ изъ Прахатиць въ ихъ „Responsio“ 1419 года, выраженныхъ въ литературѣ „De bello“. Мнѣнія Хельчицкаго утвердились еще больше подѣ впечатлѣніями начавшейся войны, въ которой Хельчицкій видѣлъ результатъ между прочимъ, и взглядовъ Якубка. Мы узнаемъ, что „послѣ ухода короля (Сигизмунда) отъ Праги, когда съ обѣихъ сторонъ было перебито много народа“²⁾, Хельчицкій снова высказалъ Якубку свои сомнѣнія въ правильности принятаго рѣшенія воевать; „но Якубекъ оправдывалъ убійць, говоря: „Я не могу обвинять ихъ въ этихъ убійствахъ, ибо такимъ образомъ было бы опозорено рыцарское сословіе“³⁾.

Хельчицкій не безъ сарказма передаетъ тѣ доводы, которыми защищались противъ его укоровъ и Якубекъ и его единомышленники: „Когда былъ разговоръ съ магистрами о томъ, какъ они относятся къ убійцамъ въ бояхъ, то они сказали, что не могутъ обвинять ихъ за это. А о грабежахъ, когда забираютъ на войнѣ добро, мистры говорятъ, что такимъ образомъ враги ослабляются и вынуждаются къ болѣе скорой сдачѣ“⁴⁾. Черезъ 20 лѣтъ послѣ этихъ споровъ съ пражскими магистрами, въ началѣ 1440-хъ гг., Хельчицкій, разбирая ученіе „мистровъ“ о томъ, что всѣ христіане должны признавать обоснованіе свѣтской (принудительной) власти въ христіанскомъ обществѣ на словахъ ап. Павла о повиненіи предержащимъ властямъ, припоминаетъ: „Такъ сказалъ мнѣ одинъ мистръ Пражскаго Университета (очевидно, Якубъ), будто бы я обязанъ содержать это ученіе; если же не буду вѣрить ему, то окажусь еретикомъ“⁵⁾. Но Хельчицкій спорилъ не только съ „пражскими магистрами“... Воинственность таборитовъ еще болѣе противорѣчила воззрѣніямъ Хельчицкаго и, можетъ быть, тѣмъ сильнѣе беспокоила его, что онъ въ большинствѣ вопросовъ, которые были предметомъ распри пражанъ и таборитовъ, примывалъ именно къ таборитамъ (см.

1) „Repl. pr. Rokusanovi“, Listy Filol., 1898, 390.

2) Разумѣется попытка имп. Сигизмунда, вмѣстѣ съ крестоносцами, овладѣть Прагой въ іюлѣ 1420 г. и удаленіе его изъ подѣ Праги 30 іюля 1420 г., послѣ неудачи на Витковой (Жижковой) горѣ 14 іюля.

3) „Repl. pr. Rokus.“, L. F., 1898, 390.

4) Анонимн. посланіе, L. F., 1898, 466—467.

5) „Sit' viry“, Сборн. II Отд. И. А. Н., LV, 120.

объ этомъ ниже). И вотъ мы видимъ Хельчицкаго на одномъ изъ таборитскихъ собраній, гдѣ онъ опровергаетъ ученіе о необходимости защиты вѣры мечемъ свѣтской власти, даже о необходимости вообще самой этой власти въ христіанскомъ обществѣ. Въ посланіи къ одному табориту—трактатѣ: „O trogiem lidu“ Хельчицкій говоритъ: „Когда первый годъ (první leto) началась война, тогда у васъ въ Пискѣ нѣкоторые изъ вашихъ священниковъ приводили противъ меня тѣ и другіе доводы, желая такимъ образомъ обезпечить за собой, съ помощью вѣры, свѣтскую (принудительную) власть“¹⁾.

Хельчицкій велъ борьбу съ воззрѣніями „магистровъ“ и таборитовъ по вопросу о допустимости войны и смертной казни въ христіанскомъ обществѣ, объ отношеніи церкви и государства вообще, основываясь не только на созерцаніи печальной чешской дѣйствительности, но и на глубокомъ изученіи воззрѣній своихъ противниковъ по ихъ сочиненіямъ: „Я, говоритъ онъ, съ самаго начала войны старательно знакомился съ сочиненіями всѣхъ таборитскихъ священниковъ и пражскихъ магистровъ и размышлялъ, что и какъ они доказываютъ относительно этой свѣтской (принудительной) власти“²⁾. Изъ этой литературы „De bello“ Хельчицкій зналъ, судя по его сочиненіямъ, не только анализированные нами выше трактаты, но и такіе, которые остаются неизвѣстными для современнаго изслѣдователя; впрочемъ, Хельчицкій ясно ссылается³⁾ только на одинъ изъ изученныхъ имъ трактатовъ, именно на переведенный м. Якубомъ трактатъ Виклифа, подъ заглавіемъ: „O padani kniezskeho“, т.-е. „Dialogus“⁴⁾.

¹⁾ Сборн. II Отд. И. А. Н., LXXVII, 16; очень вѣроятно, что Хельчицкій разумѣетъ извѣстную таборитскую „convocatio“ 1422 г. (см. выше стр. 69 и 96); если же буквально понимать его хронологическое опредѣленіе: „kdyz první leto bog se poczel“, тогда придется предположить какое-то неизвѣстное изъ другихъ источниковъ таборитское собраніе 1419—1420 гг.

²⁾ *ibid.*, 1.

³⁾ „O tr. lidu“, Сборн., LXXVII, 15.

⁴⁾ Проф. Г о л ъ (Quell. u. Unters., II, 36, прим. 2) думаетъ, что здѣсь разумѣется трактатъ В и к л и ф а: „De Christo et suo adversario Antichristo“ (изд. Буддензига, 1880). Въ этомъ трактатѣ, въ гл. 1, дѣйствительно, имѣется слѣдующее мѣсто: „Ecclesia autem militantium. . . dicitur communiter tripartita, scilicet ecclesia clericorum, qui debent esse propinquissimi ecclesiae triumphanti et juvare residuum ecclesiae militantis. Secunda pars militantis ecclesiae dicitur esse militum ita, quod sicut prima pars istius ecclesiae dicitur instrumentum oratorum, ita secunda pars ecclesiae dicitur corporaliū defensorum. Tertia vero pars ecclesiae dicitur vulgarium vel

Своимъ знакомствомъ съ литературой таборитовъ и пражанъ о войнѣ, критикой на основѣ наблюденій надъ дѣйствительностью и самостоятельнаго размышленія, П. Хельчицкій воспользовался не только для устныхъ споровъ съ отдѣльными сво-

laboratorum". Но, не говоря уже о несоотвѣтствіи заглавія чешскаго перевода и заглавію этого латинскаго трактата (полемика противъ папства), изложеніе ученія о тройномъ составѣ церкви въ „De Christo“ дается иное, чѣмъ въ передачѣ Хельчицкаго (O. t. I., 15). Заглавіе перевода Якуба наиболѣе подходитъ къ заглавію трактата Виклифа: „Supplementum trialogi sive De dotatione ecclesiae“ (изд. Лехлера, 1869). Въ этомъ трактатѣ имѣется ученіе о дѣленіи церкви на три части, но не „въ началѣ“ его и не въ тѣхъ выраженіяхъ, что передаетъ Хельчицкій.

Всего больше подходятъ цитаты Хельчицкаго изъ переведеннаго Якубомъ „O padani kniezskeho“ къ выраженіямъ Виклифа въ его: „Dialogus sive speculum ecclesiae militantis“ (изд. Поллардомъ въ издаваемой „Wyklif Society“ коллекціи: „Wyklif's Latin Works“, 1886), въ самомъ началѣ трактата (ср. „tu na rozczatku“ Хельчицкаго).

Хельчицкій:

„mocъ swietsku trzieti stranku cyrkwe swate nazywa a namiestka bozstwi, kteraz mocъ ma zakona boziho hageti dwu ginu stranku, kniezskeho a obecneho lidu“, O t. I., 15.

„ale kniezy wykłada, zie su namiestkowe czlowiecenstwi Krystowa a zie magi Krysta nasledowati w chudobie, w pracy a w trpielivosti a ucziti dwie gine strance“... ibid.

„Ale o lidu obecznem, yakozto o trzieti stranie toho tiela Krystova... ktery lid gest w te stranie robotneho, a zie woracy, rzemeslnicy rozliczni, kupcy a kramarzi a rozliczni nagemnicy—ti magi dielati a tiezieti a na to tielo chowatie tielestnu potrebieu panstwo a kniezswo“. O t. I., 28—29.

О раздѣленіи церкви на три части по ученію Виклифа см. Fürstenau: „J. v. Wiclifs Lehren von der Einteilung der Kirche“, 1900, стр. 14—16, 24 и слѣд.

Виклифъ:

„Secunda pars meae militantis ecclesiae forent domini temporales, qui debent esse vicarii deitatis... debent hii domini virtuose defendere legem dei... Media autem pars, que est domini temporales, debet quadam austeritate modesta juvare partes alterutras extremales“... Dial., 2—3.

„... prima foret clerus meus, qui vocantur sacerdotes... Sacerdos autem, qui secundum humilitatem et pauperiem debet procedere, est vicarius humanitatis domini Ihu Christi... Clerus autem debet... tam vita, quam verbis docere eos“... ibid.

„Tertia pars militantis ecclesiae sunt vulgares, qui in operarios, mercantes et iconomos multipliciter sunt divisi. Ista autem tertia pars et infima, ut fundamentum, sustinet duas partes alias in corporalibus necessariis vite“, ibid.

ими противниками или съ цѣлыми собраніями ихъ—результатомъ сложной душевной работы Хельчицкаго были его литературныя произведенія 1420-хъ годовъ, въ такой хронологической послѣдовательности: 1) Разсужденіе „о духовномъ боѣ“, 2) небольшой трактатъ „О св. церкви“, и 3) „Рѣчь о троюкомъ народѣ“.

Вопросы, которые ставилъ и разрѣшалъ Хельчицкій въ этихъ сочиненіяхъ, правда, волновали его и позднѣе, обсуждались въ произведеніяхъ и пол. 1430-хъ (Repl. pr. Rokusanovi“) и нач. 1440-хъ гг. („Sít' víry“).

Но въ трактатахъ 1430-хъ и 1440-хъ годовъ эти вопросы уже не концентрировались около спеціального вопроса о войнѣ, который обсуждался въ нихъ „между прочимъ“. Конечно, постановка вопроса о войнѣ въ трактатахъ 1420-хъ годовъ, становясь все глубже, связываясь съ болѣе общимъ вопросомъ объ отношеніи церкви и государства, дѣлаетъ позднѣйшія сочиненія Хельчицкаго, особенно „Sít' víry“, гдѣ произведена безпощадная критика всего такъ называемаго „христіанскаго (церковнаго) міровоззрѣнія“ (и не только XV в.), послѣднимъ звеномъ въ цѣлостномъ развитіи воззрѣній автора и по вопросу о войнѣ и смертной казни, какъ видахъ примѣненія физической силы—насилія въ христіанскомъ обществѣ.

Однако, соблюдая въ своемъ изслѣдованіи до извѣстной степени и хронологическія перспективы, помня, что въ годы появленія „Sít' víry“ вопросъ о войнѣ уже пересталъ быть для гуситовъ злободневнымъ, мы въ настоящемъ этюдѣ оставляемъ безъ вниманія это крупнѣйшее произведеніе Хельчицкаго, какъ и его „Replika proti Rokusanovi“. И „Sít' víry“—по богатству своего содержанія, и „Replika“—по сложности возбуждаемыхъ ею историко-литературныхъ вопросовъ—должны быть предметомъ особыхъ этюдовъ.

1) Разсужденіе: „O duchovniem boji“.

Разсужденіе „О духовномъ боѣ“ есть не что иное, какъ толкованіе на 10—20 ст. VI гл. посланія ап. Павла къ Ефесянамъ: „Прочее же, братіе моя, возмогайте во Господѣ... да въ немъ державо, якоже подобаетъ ми глаголати“¹⁾).

¹⁾ Вотъ весь этотъ текстъ по русскому синодальному переводу Новаго Завѣта: „Наконецъ, братья мои, укрѣпляйтесь Господомъ и могуществомъ силы Его; облечитесь во всеоружіе Божіе, дабы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ, потому что наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальства, противъ властей, противъ міроправи-

Проф. Голль, которому былъ извѣстенъ текстъ этого разсужденія (Cod. D. 82 пражской Капит. библ., f.f. 337 — 414), говорить, что „онъ, вѣжета, не принадлежитъ П. Хельчицкому, хотя и написанъ въ его духѣ“¹⁾.

Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ изслѣдователь Хельчицкаго погрѣшилъ излишнимъ скептицизмомъ: внимательное знакомство съ текстомъ разсужденія и сравненіе его съ другими, несомнѣнно принадлежащими Хельчицкому сочиненіями обнаруживаетъ принадлежность Хельчицкому и этого сочиненія.

Наставленіе ап. Павла о духовномъ боѣ челоуѣка противъ „козней діавольскихъ“, въ противоположность бою тѣлесному съ подобными себѣ людьми, было развито и самымъ первымъ, чтимымъ учителемъ Хельчицкаго, Я. Гусомъ въ его „Výklad desatera“²⁾, слѣды знакомства съ которыми могутъ быть прослѣжены въ сочиненіяхъ Хельчицкаго; „spiritualia proelia“ робко рекомендуются даже и въ гуситской литературѣ „De bello“ (см. выше). Наставленіе это особенно повелительно звучало для Хельчицкаго въ эпоху грозныхъ гуситскихъ боевъ, столь ненавистныхъ для него. Хельчицкій и потомъ, въ своихъ болѣе позднихъ сочиненіяхъ, охотно ссылался на текстъ ап. Павла. Такъ, въ трактатѣ: „O třetání srdce“ Хельчицкій говоритъ: „Антихристъ побѣдитъ великихъ витязей, почитающихъ себя силачами въ борьбѣ противъ зла... Поэтому-то ап. Павелъ, указавъ великій и тяжкій бой противъ силъ тьмы и діавола, напоминаетъ вѣрующимъ о томъ, чтобы они укрѣплялись Господомъ и могуществомъ силы Его, облеклись во всеоружіе Божіе, дабы могли противостать въ день злой. Ибо безъ боя духовнаго противъ искушеній въ вѣрѣ чело-

телей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ. Для сего примите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противостать въ день злой и, все преодолѣвши, устоять. Итакъ, станьте, препоясавши чресла ваши истинною и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ; а паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть Слово Божіе; всякой молитвой и прошеніемъ молитесь во всякое время духомъ, и старайтесь о семъ самомъ со всякимъ постоянствомъ и моленіемъ о всѣхъ святыхъ и о мнѣ, дабы мнѣ дано было слово устами моими открыто съ дерзновеніемъ возвѣщать тайну благовѣствованія, для котораго я исполняю посольство въ узахъ“.

¹⁾ Č. Č. M., 1881, 30, прим. 11.

²⁾ Erben: „Sebr. Spisy J. Husi“, 178.

вѣкъ, побѣжденный ими, столь нагрѣшить, что будетъ подобенъ вереду, къ которому нельзя прикоснуться¹⁾.

Эти слова Хельчицкаго — какъ бы résumé мыслей, высказанныхъ имъ въ специальномъ трактатѣ, насъ здѣсь занимающемъ.

Обращаясь къ содержанію разсужденія: „О духовномъ боѣ“, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мыслей, излюбленныхъ у Хельчицкаго, — въ той же связи и почти въ томъ же выраженіи, что обычны у Хельчицкаго.

1) Авторъ нашего разсужденія возмущается часто наблюдаемыми имъ случаями, когда религиозно-пастырскія отношенія католическихъ духовныхъ къ женщинамъ служатъ покровомъ для отношеній совсѣмъ другого порядка: „Почтенное одѣяніе (дѣвола) — слово Божіе, совѣты, исповѣди, бесѣды о Богѣ, о духовныхъ предметахъ, ревностныя вопрошанія о добрыхъ вещахъ: дѣвола, одѣвшись во все это, поразилъ блудомъ (smilstwim), тѣлесной любовью, алчностью и сластолюбіемъ множество дѣвицъ и вдовъ, мужнихъ женъ и священниковъ, проповѣдниковъ и другихъ набожныхъ людей... Опутанные любовью, будутъ они (проповѣдникъ и женщина) сходиться въ костелѣ, чтобы повидаться тамъ и наговориться подѣ видомъ исповѣди, и скоро послѣ того впадутъ въ блудъ“²⁾.

А вотъ что говорить объ исповѣди Хельчицкій въ своей „Postilla“: „(священники) своимъ долгимъ шепотомъ на исповѣди соблазнили много дѣвицъ, вдовъ и другихъ женщинъ“³⁾.

Въ отдѣлѣ объ исповѣди своего трактата „О 7 таинствахъ“ Хельчицкій жалуется на то, что „священники подѣ покровомъ долгаго шепота въ уши совратили въ блудъ много женщинъ и дѣвицъ“⁴⁾. Мысль неизвѣстнаго автора „О духовномъ боѣ“, что дѣвола прикрываетъ грѣхъ возвышеннымъ одѣяніемъ, высказана очень похоже у Хельчицкаго въ „Zpráva o 7 svátostech“: „Эти мерзости (блудъ) дѣвола одѣнетъ духовной любовью“⁵⁾.

2) Авторъ разсужденія „О духовномъ боѣ“, говоря о томъ оружій, которымъ располагають дѣвола и грѣхъ въ борьбѣ противъ человѣка, останавливается на роли органовъ нашего тѣла, какъ орудія грѣховъ („Tež udowe tiela nasseho su odienie

¹⁾ Cod. D. 82, f. 233b.

²⁾ ibid., f. 355.

³⁾ „Postilla“, I, 226b (по изданію XVI в.).

⁴⁾ Cod. D. 82, f. 154b.

⁵⁾ ibid., 174b.

hřziecha“...). „Само по себѣ еще вовсе не зло—видѣть, слышать и говорить; сила въ томъ, что среди членовъ тѣла находится злое сердце, а передъ нимъ—суетный свѣтъ; члены тѣла—послы этого сердца и ворота, черезъ которыя переселяется этотъ свѣтъ въ наше сердце“¹⁾. Авторъ иллюстрируетъ свое положеніе и примѣрами: „Женщины посредствомъ созерцанія мужчинъ тяжело пораниваютъ себя, равно какъ обратно—и мужчины; прикасаясь къ женскому тѣлу, они тотчасъ поранятся худыми мыслями...“²⁾ Допустить до себя мірскія вещи—это все равно, что въ войнѣ съ неприятелемъ имѣть у себя дома непріятельскіе гарнизоны („z tiech wieszy zemskych nadielatí rosa dek proti sobie doma“)³⁾, думаетъ нашъ анонимъ.

Всѣ эти мысли развиваются—только еще подробнѣе—у Хельчицкаго въ его „Řeč o starém člověku“, при толкованіи словъ ап. Павла: „ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху“ (Римл., VI, 13). „Члены тѣла, говоритъ, Хельчицкій, могутъ быть силой грѣховъ и служить къ ихъ размноженію, когда они служатъ грѣху, коренящемуся въ тѣлѣ“⁴⁾.

Эту мысль онъ разъясняетъ на примѣрахъ относительно различныхъ органовъ: глазъ, ушей, ногъ и т. д. „Много суеты, лжи, хвастовства находится въ сердцѣ, но не можетъ проявиться, пока языкъ не объявитъ всего этого. Точно также глаза—быстрый посолъ сердца, въ которомъ заключены блудныя и сластолюбивыя пожеланія“...⁵⁾ „Глазъ замѣтитъ пожеланіе женщины и красоту ея, а женщина—мужскую—и вотъ падетъ это въ сердце, изъ сердца же въ тѣло: тогда возбудятся пожеланія и потребуютъ своего осуществленія“...

Когда женщина прикоснется рукой къ мужчинѣ, или, наоборотъ, мужчина къ женщинѣ, является возбужденіе къ нечистотѣ⁶⁾. По выраженію Хельчицкаго, человекъ, собирающійся воевать съ грѣхомъ и дающій при томъ полную свободу членамъ своего тѣла—„устраиваетъ для грѣха гарнизоны въ членахъ своего тѣла“ („z děláv rosadky svému hřiechu na údech svých“)⁷⁾.

¹⁾ Cod. D. 82, ff. 384b—385.

²⁾ ibid.

³⁾ ibid., 380.

⁴⁾ Comenium, II, 42.

⁵⁾ ibid.

⁶⁾ ibid., 43—44.

⁷⁾ ibid., 44.

3) Объясняя наставление ап. Павла о необходимости „обуть ноги“ для духовнаго боя (Ефес., VI, 15), авторъ разсужденія „О духовномъ боѣ“ развиваетъ цѣлый рядъ мыслей о наготѣ—распушенности ногъ, т.-е. страстныхъ вожделѣній (žadostí), и о необходимости „обуть“ — усмирить ихъ. „Когда мы съ вѣрой подумаемъ о томъ, что возвѣщаетъ намъ евангеліе о нашемъ Спасителѣ и о насъ самихъ, то должны будемъ обуть, или смирить, наши вожделѣнія... по примѣру нашего Господа, который вочеловѣчившись презрѣлъ міръ...¹⁾ ...О, какъ обоссѣли среди христіанъ и явно обнажились духовныя ноги, ибо христіане живутъ для тѣла и безстыдно исполняютъ тѣлесныя вожделѣнія“.

А вотъ что говоритъ Хельчицкій въ своемъ трактатѣ „О блудномъ сынѣ“ („О synu marnotratném“) по поводу обуванья блуднаго сына при возвращеніи въ отчій домъ: „Ап. Павелъ, говоря о духовномъ боѣ, тоже велитъ обуть ноги... Люди обуваются для того, чтобы охранить ноги отъ ушибовъ; въ духовномъ смыслѣ здѣсь разумѣются вожделѣнія (žadostí), на которыхъ первоначально и появляются духовныя раны; апостолъ хочетъ, чтобы эти вождѣленія были обуты въ истину евангелія“...²⁾

Разсужденіе о грѣховныхъ вожделѣніяхъ дополняется въ нашемъ трактатѣ характеристивою нравственнаго состоянія чловѣка, отдавашагося во власть ихъ—этихъ „необутыхъ духовныхъ ногъ“.

Характеристика эта почти вполнѣ совпадаетъ съ той картиною господства грѣха въ чловѣкѣ, которую даетъ намъ Хельчицкій въ „Řeč o starém člověku“ и въ „Řeč o synu marnotratném“:

„O duchovním boji“³⁾:

...„A czie žadosti neysu obuty, nemaly nepokoy magie, nemohucze niczehoz na swietie mieti toho, w czem by se upokogyly... Nebo gych ne-

„Řeč o st. člov.“⁴⁾: Řeč o synu marnotr.⁵⁾:

...„Žádost hříecha nemož ničímž ukrocena býti v tom člověku, kterýž se jí poddá, nenasytít' lakomého člověka penězy, ač jich mnoho

...„Nižadny twor ne- mož gemu toho dati, aby geho libosti nebo dobrotu hladu geho upokogiti a tak dati ani welike panowanie ani powyssienie w swietie

¹⁾ Cod. D. 82, f. 392b.

²⁾ Cod. D. 82, f. 40b.

³⁾ Cod. D. 82, f. 395.

⁴⁾ Com., II, 51.

⁵⁾ Cod. D. 82, f. 23.

nasyti mnohe zbozie ani mnohe ženy nasytie smilstwie muzowa, ani muzie žen w gegych žádosti smilne. Nenasytie barwy sukna ani bielost ktera, ani miekkost rucha, ani wuonie, ani chut kterych wiecey drahyh, ani chwala, ani powyssenie—to wsieczko nenasyti zadosci nassyh tielestnych ani gych upokogy, ale wiecze popudie a rozdrazdie, w nepokoy uwede“...

shromáždí, tiem větši žádost v něm roznieti, aby gich wiece dobýval; nenasytie oka barvy mnohotvárné sukna, ani pěkné ukásanie v ty barevné sukně, ani krasa žen milosti horúcie, keru jest měl Salomún k ženám, a jeho smilstwie nemohlo nasytiti tisíce žen, aby se v něm mohl upokojiti v žádosti... nemóž okúšenie mnohych krmí chut' ukojiti“ и т. д.

toho da ani mnohe bohatstwie ani slawa, ani rozkossi wssiech libosti a chuti ani hodowanie ustawiczna w rozkossnych pokrmiech a napogich mohu toho dati, ani ssiroka smilstwi, ani krasa zienzka, ani drahe wiecey zlata, ani rucha wymyslene drahoty, ani wysypalni lepoty, ani wesele mnoha ani tančy, ani pisnie, ani truba, ani husle—niziadny z tiech nedawa se mlata sweho, aby brzih ziadosti nenasycene mohlo se naplniti“...

4) Разсужденіе нашего автора о „добрыхъ дѣлахъ“, а именно, съ одной стороны, о тѣхъ мотивахъ, которыя даютъ дѣйствіямъ признакъ христіанской „доброты“, съ другой—о степени обязательности и спасительности для христіанина „добрыхъ дѣлъ“ очень похожи на аналогичныя разсужденія въ трактатахъ Хельчицкаго—даже съ точки зрѣнія словесной формы.

а) Авторъ интересующаго насъ трактата, разсуждая о рекомендуемой апостоламъ для успѣшности духовнаго боя „бронѣ правды—праведности“ („sprawedlnost“), между прочимъ, отличаетъ людей, которые не руководствуются въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ самоотверженной любовью, по заповѣди Спасителя. „Люди привыкли во всемъ дѣйствовать согласно немилости сего свѣта и соображеніямъ алчныхъ людей, рыночнымъ и долговымъ обязательствамъ; надъ кѣмъ они возымѣютъ власть посредствомъ найма, надъ бременемъ того не сжалятся, напротивъ—вытянуть изъ него за день или за годъ столько работы, сколько смогутъ, дабы онъ заплатилъ съ излишкомъ за ихъ деньги“¹⁾. „Человѣкъ дол-

¹⁾ Cod. D. 82, f. 38v.

женъ быть полезенъ другимъ, съ добрымъ умысломъ, по любви (laska), сколько есть у него на то силы и умѣнья. Я говорю: по любви, ибо иначе это не будетъ имѣть значенія, такъ какъ то же самое дѣлаютъ и тѣ люди, которые не имѣютъ любви, однако же жертвуютъ собой для другихъ—не по любви къ Богу, а по самолюбію... Божественная любовь коренится въ Богѣ—и не такова она, чтобы человѣкъ, только напередъ дождавшись чего-нибудь добраго для себя отъ другого и тронувшись этимъ, сдѣлалъ тогда уже и самъ добро другому („A ne tak ma byti to milowanie, kdzby prwe czlowiek doczekal od niego nietczo dobreho a sa hnuc tiem dobrym y chtiel gemu zase dobrze czyniti“) ¹⁾ и т. п.

Въ „Řeč o starém člověku“ Хельчицкаго мы, между тѣмъ, читаемъ слѣдующія слова: „...Люди только по привычѣ, глядя одинъ на другого, исполняютъ это (внѣшнюю „sprawednost“), а вовсе не по божественной любви; между ближними соблюдается спокойствіе изъ-за выгоды и ради дружбы; когда кто-нибудь ждетъ отъ другого того же самаго или чего-нибудь бѣльшаго, тогда только и услужить ему, поможетъ и ссудить, еще больше ожидая себѣ обратно. Такъ слуги все дѣлаютъ только для вида и сдерутъ какъ можно бѣльшую плату, а господа, въ свою очередь, отягчаютъ слугъ, сколько только будетъ возможно. Такимъ образомъ, всѣ дѣла у этихъ испорченныхъ христіанъ совершаются не по любви (milost), а по обычаю, по принужденію властей, посредствомъ судовъ, присягъ; рѣдко найдется среди нихъ, кто бы поступалъ по любви... Люди ни во что не ставятъ то, чтобы любовь Христова побуждала ихъ къ добротѣ: они ведутъ себя, какъ наемщики и наймиты, руководясь только выгодой, ничтожной, переходящей и суетно-грѣховной похвалою“... ²⁾

б) О значеніи и обязательности для христіанина „добрыхъ дѣлъ“ нашъ авторъ высказывается въ такомъ смыслѣ: „Богъ по Своему изволенію и благодати спасетъ насъ и безъ дѣлъ, если кто не будетъ въ состояніи имѣть ихъ... Ибо ничьи (добрыя) дѣла не бываютъ достаточными для воспріятія вѣчной жизни; лишь великое богатство Божіе достаточно для нашего спасенія—и съ тѣми дѣлами, которыя мы можемъ имѣть, и безъ этихъ дѣлъ. Но упованіе не можетъ пребывать въ насъ безъ тѣхъ дѣлъ,

¹⁾ Cod. D. 82, f. 390.

²⁾ Com., II, 52.

къ которымъ мы способны“... „Добрыя дѣла—свидѣтельство нашей любви къ Богу... Поэтому намъ необходимо имѣть добрыя дѣла, имѣть, сколько можно, больше; возложивши упованіе на всемогущаго Бога и Его безмѣрное милосердіе, мы должны дополнить это упованіе и оправдать его ревностью въ добрыхъ дѣлахъ“¹⁾).

Всѣ эти мысли находятъ свой отзвукъ и развитіе въ „Řeč o starém člověku“ Хельчицаго. „Мы знаемъ, говоритъ Хельчицкій, что Богъ ни спасетъ, ни осудитъ насъ изъ-за добрыхъ дѣлъ: если ихъ будетъ и много, не превозмогутъ они Бога въ такой степени, чтобы Онъ даровалъ намъ за нихъ спасеніе, какъ нѣчто обязательное, заслуженное; если не будетъ ихъ, не сократитъ это Божьяго милосердія до того, чтобы Онъ изъ-за этого не спасъ человѣка... Но, говоря это, мы не можемъ пренебрегать добрыми дѣлами, ибо хотя Богъ можетъ спасти человѣка и безъ добрыхъ дѣлъ, все же не того, кто, имѣя въ виду благодѣтельство Божію, тунеядствовалъ бы за счетъ ея, опаздывая дѣлать добрыя дѣла и имѣя при томъ время, силу, разумъ и даръ Божій. Если бы кто-нибудь по нерадѣнію запоздалъ съ добрыми дѣлами, то онъ поругалъ бы въ себѣ даръ Божій“²⁾).

б) Уничтожающіе отзывы нашего автора о современномъ ему духовенствѣ—характерныя отзывы Хельчицаго. Духовенство „сидитъ на подушкахъ“, „проповѣдуетъ евангеліе на перинахъ“, „надъ печеными курами“, „запершись въ укрѣпленныхъ замкахъ, за рвами“; священники „ведутъ войны одни противъ другихъ вмѣстѣ съ тѣмъ людомъ, съ которымъ они заперлись тамъ“³⁾. Хельчицкій въ „Репликѣ противъ Рокицаны“ говоритъ о „богатыхъ священникахъ, поселившихся въ замкахъ и городахъ, выбивающихъ пыль изъ перинъ“⁴⁾; въ „Sít vřgu“ указываетъ на проповѣдниковъ, которые говорятъ горожанамъ: „Если вы не построите вокругъ города второй стѣны, я не останусь съ вами“⁵⁾; въ „O trogiem lidu“ негодуетъ на „духовенство, безболѣзненно порожденное блудницей на римскомъ престолѣ, сидящее на тканевыхъ подушкахъ, засѣвшее въ замкахъ и городахъ“⁶⁾ и т. п.

б) Наконецъ, обратимъ вниманіе на своеобразное ученіе автора

1) Cod. D. 82, f.f. 403—404.

2) Com., II, 89.

3) Cod. D. 82, f. 413b.

4) Listy Filol., 1898, 398.

5) Сборникъ II Отд. И. А. Н., LV, 280.

6) Сборникъ II Отд. И. А. Н., LXXVII, 28.

трактата о свѣтской власти и объ убійствѣхъ — войнѣхъ, позволяющее намъ узнать въ авторѣ П. Хельчицкаго.

„Діаволь (антихристъ) захватилъ все при посредствѣ сильныхъ людей, устроивъ свое мощное и сильное государство на свѣтѣ, замѣстивъ въ немъ должности своими членами, людьми гордыми, сластолюбивыми, тѣлесными и слѣпыми, которые не боятся Бога и не радятъ о людяхъ; они, эти люди, не заботятся о простомъ народѣ, какъ пастухи о стадѣ, — напротивъ, простой народъ существуетъ какъ бы для нихъ, дабы служить ихъ чреву и работать на ихъ гордыню... бѣдность — пастбище богатыхъ, а богачи видятъ въ ней источникъ своего достатка и лѣниво возлежатъ на ней“¹⁾. Занятіе должностей представляется автору предосудительнымъ для добраго христіанипа: „чиновники принуждены жить среди другихъ людей, быть какъ бы внѣ себя, а не дома, въ сердцѣ своемъ“²⁾. Авторъ отрицаетъ существо свѣтской власти — принудительную силу ея, особенно въ случаяхъ, когда она распоряжается жизнью и смертью людей — въ убійствѣхъ и па войнѣхъ. Онъ говоритъ: „Апостоль не учитъ тѣлеснымъ боямъ, ибо только кровавые люди умѣютъ вести ихъ, ибо, вѣдь, человѣческія души гибнутъ въ нихъ“³⁾. „Вѣдь, если бы кто-нибудь вооружившись поборолъ равнаго себѣ человѣка и умертвилъ его, то онъ не сталъ бы праведнымъ и невиннымъ и не имѣлъ бы спокойствія въ душѣ изъ-за своей побѣды“⁴⁾. То же самое примѣнимо и къ войнѣхъ. „Но если люди изъ-за потемнѣнія своего разума едва соглашаются съ тѣмъ, что грѣхъ — убивать человѣка, то какъ же могутъ они признать зломъ то и увидѣть діавола въ томъ, что восхвалено“⁵⁾ (т. е. войну, которую, какъ извѣстно, одобрили пражскіе магистры вмѣстѣ съ таборитами, единодушные въ этомъ случаѣ съ авторитетами римской церкви).

Возражая противъ принятыхъ доводовъ въ пользу принудительной власти въ христіанскомъ обществѣ, анонимъ говоритъ: „Апостоль не подготавливаетъ людей къ тѣлеснымъ боямъ; апостоль учитъ римлянъ быть подданными римскаго язычника-цезаря и говорить о его мечѣ, что онъ не напрасно носитьъ этотъ мечъ, напротивъ — иногда исполнить при его помощи волю Божію,

¹⁾ Cod. D. 82, f. 369.

²⁾ *ibid.*, 384.

³⁾ *ibid.*, 341.

⁴⁾ *ibid.*, 341.

⁵⁾ *ibid.*, 352.

иногда отсѣчетъ имъ много головъ святымъ людямъ, какъ, напримеръ, и самого апостола Павла этотъ мечъ лишилъ головы... Но когда апостоль говоритъ: „не напрасно мечъ носить“, то это— не слова вѣчной жизни... Цезарь и язычникъ римскій можетъ при помощи меча умерить живыхъ людей и послать ихъ въ адъ“¹⁾).

Кажется, не требуется особыхъ доказательствъ для утверждения, что въ приведенныхъ разсужденіяхъ и словахъ заключается зародышъ тѣхъ мыслей, которыя такъ подробно и рѣзко развиты въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Хельчицкаго, каковы: „O syrkwi swate“, „O trogiem lidu“, „Replika proti Rokusanovi“ и „Sít' víry“²⁾. Мы еще встрѣтимся съ ними ниже....

Наконецъ, отмѣтимъ и характерныя образныя выраженія нашего анонима, которыя позволяютъ намъ угадывать въ немъ Хельчицкаго.

(„Антихристъ“) „dosti piessie chodi mezy tiem lidem“³⁾, по словамъ анонима; Хельчицкій въ „Rozeznani duchuow“ говоритъ о „пѣши хъ“ антихристахъ⁴⁾).

Мы уже ранѣе указывали на встрѣчающійся и у анонима и Хельчицкаго образъ: „rosadku“ для выраженія мысли объ опасности для человѣка допустить возбужденія грѣха въ органы своего тѣла. Неосмотрительный относительно грѣховъ человѣкъ, говоритъ анонимъ, такъ же ведетъ себя, „какъ волкъ, который лезетъ на косу“ („leze yako wlk na kosu“⁵⁾); въ „Сѣти вѣры“ обманываемые духовенствомъ люди напоминаютъ Хельчицкому „волка, котораго гонятъ на косу“ („možete gich nahnati yako wlka na kosu“⁶⁾). Люди, запутавшіеся въ мірскихъ дѣлахъ, по словамъ анонима,— „yako pletenie mezi kolim“⁷⁾; тотъ же образъ мы встрѣчаемъ у Хельчицкаго въ „Sít' víry“⁸⁾; въ „Постилѣ“⁹⁾ и т. д. Люди, заблуждающіеся въ вѣрѣ, для анонима все равно, что „слѣпые, которые перебираются по стѣнѣ“ („yako slepi podle stieny ssamagiesce se“¹⁰⁾); выраженіе „ssamati se, yako slepy (podle stěny)“, примѣни-

¹⁾ *ibid.*, f. 409.

²⁾ *ibid.*, f. 359.

³⁾ *Cod. D.* 82, f. 215 и 231b.

⁴⁾ *ibid.*, f. 378.

⁵⁾ Сборн. II Отд., LV, стр. 497.

⁶⁾ *Cod. D.* 82, f. 381b.

⁷⁾ Сборн. II отд., LV, 86, 147 и 184.

⁸⁾ II, 175b—176b.

⁹⁾ *Cod. D.* 82, fol. 413.

тельно къ людямъ заблуждающимся, является излюбленнымъ въ устахъ Хельчицкаго ¹⁾.

Достойны вниманія съ интересующей насъ точки зрѣнія нѣкоторые реторическіе обороты анонима, находящіе себѣ параллели въ сочиненіяхъ Хельчицкаго. Ср.: „Protoz gyz trzebali, klekaу przed swu żenu kto pro milost, tohot newazie lide“ ²⁾ со словами: „A tak ženam klanějí se pro smilstwie“ ³⁾; равно: „Ale kto gest byl hrdinu takowym, gesstoby miel odienie bożie mudrosti a wiery, aby se protiwie tem bluduom w tom dni zlem?“ ⁴⁾ со словами: Welike hrdiny przemuoz (антихристъ), gessto se domniewagie obrowe syly byti proti zlym wieszem“ ⁵⁾.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы отождествляемъ анонимнаго автора трактата „О духовномъ боѣ“ съ П. Хельчицкимъ.

Теперь возникаетъ вопросъ о томъ, когда же написанъ Хельчицкимъ этотъ трактатъ?

Въ самомъ трактатѣ имѣются разнаго рода указанія, позволяющія намъ довольно точно отвѣтить на этотъ вопросъ, ибо Хельчицкій отмѣчаетъ въ трактатѣ нѣкоторыя конкретныя черты современности.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія слѣдующее явленіе. Въ трактатѣ о духовномъ боѣ мы естественно встрѣчаемъ довольно много чертъ, признаковъ и терминовъ изъ области военнаго дѣла; апостольскій текстъ, его „соріа verborum“, особенно располагалъ въ тому автора трактата. Но чрезвычайное богатство красокъ и пластичность „батальнаго“—sit venia verbo—письма нашего автора невольно возбуждаетъ предположеніе о томъ, что письмо это вдохновлялось картинами живой дѣйствительности. „Діаволь возмутитъ злыхъ людей посредствомъ сваръ, боевъ и убійствъ, какъ это явно теперь совершается“, говоритъ Хельчицкій. Авторъ говоритъ объ охранительной отъ дѣйствія оружія силѣ такихъ одѣяній, какъ „kabat a plat zelezny“, „kytle“ ⁶⁾; о необходимости для успѣшности боя подобрать длинную одежду („se kas-

¹⁾ См. Siet' viery, 185; Реплика противъ Рокицаны, L. F. 1898, 263 Comen., II, 168; Cod. D. 82, fol. 227 („O rozezn. duch.“) и т. д.

²⁾ Cod. D. 82, f. 362.

³⁾ Com., II, 27.

⁴⁾ Cod. D. 82, f. 374b.

⁵⁾ „O roz. duch“, Cod. D. 82, 233b.

⁶⁾ Cod. D. 82, f. 372.

sieti¹⁾), освободиться от излишней тяжести²⁾; о военных хитростях в родѣ стрѣльбы по неприкрытымъ или слабо прикрытымъ частямъ тѣла, особенно в ноги, чтобы помѣшать раненому встать на ноги и убѣжать или держать поги в стремежах³⁾; о стрѣльбѣ изъ самострѣловъ огненными шипами съ цѣлью поджечь избы⁴⁾ и т. п.

Авторъ писалъ во время гуситскихъ войнъ. Но этого мало: онъ писалъ въ начальной періодъ этихъ войнъ, въ годину упоенія гуситовъ-воителей хилиастическими мечтаніями о задачахъ войны. „Напрасно люди думаютъ те перь, замѣчаетъ Хельчицкій, что, подготовившись съ такой силой сего свѣта и съ оружіемъ, они смогутъ сокрушить діавола. Ибо, когда они приступятъ съ стѣнобитными орудіями къ стѣнамъ, желая ихъ разрушить, ибо за ними обитаетъ въ злыхъ людяхъ самъ діаволь, то діаволь не обратитъ на это никакого вниманія: онъ, выйдя изъ-за этихъ стѣнъ, которыя они разрушаютъ вмѣстѣ съ заключившимися въ нихъ людьми, войдетъ въ осаждающихъ и будетъ обитать въ ихъ жестокомъ и лишенномъ всякой любви сердцѣ... Діаволу, при его хитрости, очень легко устроить такъ, чтобы всѣ, желающіе или мнящіе губить его господство съ помощью силы и мощи сего свѣта, такимъ путемъ стали на его сторону, послужили ему и вознесли его еще болѣе, чѣмъ онъ былъ ранѣе превознесенъ въ своемъ владычествѣ⁵⁾).

Очевидно, Хельчицкій разумѣетъ здѣсь тѣ же мнѣнія, которыя были формулированы пражскими магистрами противъ таборитовъ для диспута въ домѣ пана Змрзлика въ дек. 1420 года, специально—проповѣдь вооруженной борьбы противъ враговъ закона Божія, разрушенія городовъ, замковъ, гдѣ обитаютъ эти враги (см. выше, стр. 46).

Хельчицкій возражаетъ противъ всѣхъ этихъ ученій точно такъ же, какъ, на примѣръ, возражалъ въ 1419—1420 г.г. маг. Якубъ изъ Стшибра противъ теорій маг. Яна изъ Ичина о матеріальной борьбѣ вѣрующихъ съ „Вавилономъ“ (см. выше, стр. 47 и 53).

На тѣ же начальные годы (1419—20 г.г.) гуситскихъ войнъ указываютъ и другія черты современности въ „Духовномъ боѣ“.

1) *ibid.*, 376b.

2) *ibid.*, 380b.

3) *ibid.*, 394b.

4) *ibid.*, 397, 400b.

5) *ibid.*, 347.

Хельчицкій говоритъ о „лжеученіи (zly gozim) нѣкоторыхъ людей, которые совращаютъ другихъ такъ: когда апостоль говоритъ: „нѣсть наша брань къ крови и плоти“ (Еф. VI, 12), то, значить люди не должны воевать со своей плотью и кровью, напротивъ— должны свободно жить, пользуясь тѣломъ своимъ въ его вождѣніяхъ... Другіе люди говорятъ, что нѣкогда люди будутъ жить да и теперь тѣлесно живутъ здѣсь безъ боевъ, понимая это въ томъ смыслѣ, что люди, благодаря святости новой жизни, не будутъ имѣть возбужденія и наклонности въ своемъ тѣлѣ къ блуду, гнѣву, гордости и другимъ грѣхамъ“ ¹⁾.

Возражаетъ Хельчицкій и противъ мысли о томъ, будто-бы Богъ возвѣстилъ о скоромъ наступленіи такого времени, когда „люди будутъ родиться безъ грѣха и пребывать здѣсь безъ искушеній“ ²⁾. Ту же характеристику „новой жизни“ по представленію хилиастовъ-гуситовъ мы читаемъ и въ артикулахъ, формулированныхъ для диспута въ домѣ Змрлика въ 1420 году (см. выше, стр. 49—50).

А вотъ еще характеристика Хельчицкимъ хилиастическаго движенія, изъ которой видно, что онъ самъ одно время — притомъ и недавно — стоялъ довольно близко къ вождямъ этого движенія.

...„Въ великому своему стыду и скорби мы должны признать о нашихъ братьяхъ, какъ хитро они уловлены сатаной и удалились отъ Писанія къ дивнымъ и неслыханнымъ разсужденіямъ и дѣламъ. Когда сатана персонально приступилъ къ нимъ, то явился къ нимъ не съ оголеннымъ лицомъ, какъ діаволь, а въ сіяющемъ одѣяніи добровольной бѣдности, заповѣданной Христомъ священникамъ, ревностныхъ трудовъ въ проповѣди людямъ и въ раздаваніи имъ Его святого тѣла и крови. И это продолжалось такъ долго, пока не присоединился къ нимъ многочисленный людъ. Потомъ діаволь приступилъ къ нимъ еще иначе— одѣвшись въ пророковъ и ветхій завѣтъ. Отъ этого они хотѣли на спѣхъ сочинить судный день, доказывая, что они сами—ангелы, долженствующіе очистить Царство Христово отъ всѣхъ соблазновъ и судить міръ. Тутъ-то они понадѣлали множество убійць; множество людей обѣдѣло, но свѣта не приговорили они къ суду своими рѣчами, ибо минули ихъ сроки, которыми они пугали лю-

¹⁾ Cod. D. 82, f. 341b—342.

²⁾ ibid., 342.

дей, говоря имъ дивныя вещи и собравъ о томъ множество пророческихъ словъ¹⁾).

Характеристика эта довольно точно схватываетъ основные моменты въ исторіи народнаго религіознаго движенія и главные признаки каждаго момента, совпадая съ извѣстіями другихъ одновременныхъ (современныхъ) свидѣтелей. Вавжинецъ изъ Бжезовой, рассказывая въ своей „Хроникѣ“²⁾ о мирныхъ собраніяхъ народа, вмѣстѣ со священниками, на горахъ (см. выше, стр. 40), изображаетъ тотъ самый періодъ движенія, который характеризуется, по словамъ Хельчицкаго, „сіяющимъ одѣяніемъ“.

Свидѣтельство Хельчицкаго подтверждается во всѣхъ подробностяхъ показаніями умѣренныхъ гуситовъ—„пражанъ“.

Такъ, Вавжинецъ, продолжая свой рассказъ о горѣ Бланикѣ, говоритъ: „Діаволь, врагъ спасенія рода человѣческаго, насыляя при помощи нѣкоторыхъ лживыхъ братьевъ—священниковъ плевелъ различныхъ заблужденій и ересей среди чистой пшеницы закона Божія... Многіе изъ таборитскихъ священниковъ... стали объяснять ветхій и новый Завѣтъ, руководствуясь собственнымъ остроуміемъ, примѣшивая къ истинѣ много жи и заблужденій³⁾“. Вавжинецъ затѣмъ подробно перечисляетъ заблужденія (см. о нихъ выше, стр. 44), въ основѣ которыхъ лежало неправильное толкованіе писаній пророческихъ и евангелій („scripturas prophetarum et evangelia ad suum infatuatum sensum retorquentes“)⁴⁾, и даже приводитъ главнѣйшія цитаты изъ писаній (пророковъ), на которыя опирались табориты-хилиасты. По свидѣтельству Вавжинца, многіе простецы повѣрили пророкамъ; бросивши свои имущества и семьи или продавши свое наслѣдіе, собирались они къ священникамъ со всѣхъ сторонъ, съ женами и дѣтьми, и полагали свои деньги къ ногамъ ихъ. „А съ той минуты и по сію пору надѣлали изъ нихъ священники мерзкихъ лакомцевъ и идолопоклонниковъ, симонистовъ и святопродавцевъ“⁵⁾.

Недостающія у Вавжинца (сравнительно съ Хельчицкимъ) черточки въ изображеніи хилиазма дополняются извѣстіями Я. Пшибрама въ его „Život kněží taborských“, гдѣ рассказано о томъ, что послѣдовало послѣ проповѣди таборитскихъ священниковъ:

¹⁾ *ibid.*, 352b.

²⁾ *Font. rer. bohem.*, V, 400—403.

³⁾ *ibid.*, 402—3.

⁴⁾ *ibid.*, 413; ср. 355—356.

⁵⁾ *ibid.*, 356.

„Такъ разорили пророки жалкую бѣдноту и привели бѣдняковъ съ дѣтьми къ достойной плача нищетѣ; они призывали народъ къ себѣ въ Писекъ, гдѣ братья складывали все приносимое въ двѣ кады; надсмотрщикомъ надъ этими кадами былъ Матвѣй Лауда изъ Писка; онъ и другіе хозяева этихъ кадей не пострадали отъ нихъ“¹⁾...

Сдѣланный анализъ нѣкоторыхъ мѣстъ трактата „О духовномъ боѣ“, въ свѣтѣ современныхъ источниковъ, обнаруживаетъ, что Хельчицкій писалъ свой трактатъ если и не одновременно съ хилиастическимъ движеніемъ въ гуситствѣ, то вскорѣ послѣ его завершения.

Въ трактатѣ есть, кажется, и еще болѣе точныя указанія на время его появленія. Говоря о необходимости имѣть въ духовномъ бою цѣлый и настоящій панцырь (справедливость-праведность), Хельчицкій прибавляетъ: „ибо будетъ стрѣлять не хитрый воинъ Ж и ж к а, а сатана, который въ бою хитрѣе Ж и ж к и съ однимъ глазомъ, ибо видитъ дальше“²⁾...

Изъ этихъ словъ можно заключить, что разсужденіе „О духовномъ боѣ“ написано Хельчицкимъ не только ранѣ смерти Жижки, 11-го окт. 1424 г.³⁾, но и ранѣ потери Жижкой своего единственнаго зрачлага глаза въ іюль-августъ 1421 года⁴⁾. Имѣются въ трактатѣ еще и другіе, повидимому, мелкіе, но очень важные признаки для опредѣленія времени его появленія.

Развивая мысль о необходимомъ для успѣшности боя съ грѣхомъ и діаволомъ сосредоточеніи человѣка въ самомъ себѣ, отсутствіи разсѣянности мысли и интересовъ, Хельчицкій иллюстрируетъ эту мысль нагляднымъ, понятнымъ для современниковъ-читателей примѣромъ. „Когда панъ изъ Рожмберга сидитъ у себя въ Крумловѣ, жгутъ у него въ 15 миляхъ; онъ защищается и въ Мытѣ и въ Крумловѣ; двойное горе имѣетъ онъ, желая и дома защищаться и послать помощь въ Мыто, а между тѣмъ не можетъ сдѣлать ни того, ни другого. Поэтому, великій у него гнѣвъ и разстройство и изъ-за того, что далеко, и изъ-за того, что близко. И чѣмъ далѣе расширился онъ по Чехіи⁵⁾, тѣмъ далѣе самъ отъ себя⁶⁾).

¹⁾ Živ. kn. tabor., 63.

²⁾ Cod. D. 82, f. 391.

³⁾ Tomek: „Dějepis m. Prahy“, IV, 307.

⁴⁾ ibid., 193.

⁵⁾ См. объ этомъ расширеніи Рожмберковъ Lippert, J.: „Socialgeschichte Böhmens“, I, 257—259.

⁶⁾ Cod. D. 82, ff. 378b—379.

Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о близкомъ—по м. Хельчицамъ—сосѣдѣ Хельчицкаго, знаменитомъ союзникѣ имп. Сигизмунда и врагѣ таборитовъ, богатомъ чешскомъ панѣ Ольдржихѣ (Ульрихѣ) Розенбергѣ (Рожмбергѣ), и о его борьбѣ съ таборитами (Жижкой). Борьба эта была довольно продолжительна, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, хотя и съ перерывами. Начавшись въ іюнѣ 1420 года, она продолжалась до 18 ноября того же года, когда было заключено перемиріе¹⁾; борьба возобновилась во 2-й пол. 1421 года²⁾ и продолжалась въ 1422 году. Хотя извѣстны довольно значительныя подробности этой борьбы, но, кажется, невозможно совершенно точно опредѣлить хронологически тотъ моментъ, который имѣетъ въ виду Хельчицкій. Трудно сказать, прежде всего, какое Мыто разумѣется у Хельчицкаго („въ 15 миляхъ отъ Крумлова“). Можетъ быть, это и „Высокое Мыто“, взятое гуситами въ апрѣлѣ 1421 года³⁾. Что касается Крумлова, то извѣстно⁴⁾, что опасность грозила ему въ маѣ 1422 года, когда табориты сожгли мѣстеч. Пшидоли (Придолье), вблизи самого Крумлова; но и ранѣе положеніе Крумлова могло быть опаснымъ. Особенно тяжело приходилось Розенбергу отъ таборитовъ именно съ возобновленіемъ борьбы во 2-й пол. 1421 года и въ 1422 году: это видно изъ корреспонденціи О. Розенберга⁵⁾.

Говора о духовной подобранности (podkassení), какъ условіи успѣшности боя—въ томъ смыслѣ, чтобы человекъ былъ скромнѣе, „у себя дома“, такъ чтобы діаволъ не могъ забраться въ его сердце при помощи окружающихъ предметовъ,—Хельчицкій приводитъ такой примѣръ: „На Писка, приготовляясь къ бою, прежде всего сожгли все предмѣстье, чтобы непріатели, явившись для осады, не могли бы ни за чѣмъ обороняться и укрываться; такъ защитники Писка могутъ лучше защищаться со стѣнъ, уничтоживъ силу своихъ враговъ“⁶⁾.

Какой случай имѣетъ Хельчицкій здѣсь въ виду?

Можетъ быть, онъ передаетъ здѣсь эпизодъ изъ исторіи г. Писка—одного изъ центровъ таборитства (въ южн. Чехіи).

Мы знаемъ, что еще въ 1419 году таборитскій вождь Ни-

¹⁾ Tomek, IV, 67 и 118.

²⁾ *ibid.*, 205.

³⁾ *ibid.*, 147.

⁴⁾ *ibid.*, 253.

⁵⁾ Archiv český, I, 16; III, 6—7.

⁶⁾ Cod. D. 82, f. 380.

колай изъ Гуси занялъ Писекъ, гдѣ гуситы уже были въ большинствѣ ¹⁾). Въ мартѣ 1420 года городъ былъ захваченъ католиками—панами, вѣрными имп. Сигизмунду ²⁾), но въ апрѣлѣ былъ снова возвращенъ Жишкой таборитамъ ³⁾) и съ тѣхъ поръ, сколько мы знаемъ, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ непрерывно оставался въ ихъ рукахъ. Подробнѣе, указываемая Хельчицкимъ, можетъ относиться, слѣдовательно, къ марту или апрѣлю 1420 года.

Впрочемъ, возможно, что Хельчицкій имѣлъ въ виду событія, происходившія въ Прагѣ, борьбу пражанъ съ гарнизономъ имп. Сигизмунда на Градчанахъ въ 1420 году: борьба эта велась на Малой Стронѣ и ея предмѣстьяхъ, изъ которыхъ одно называлось именно Пискомъ. Вавжинець рассказываетъ о сожженіи монастырей и домовъ тамъ, о вырубкѣ сада архіепископа, чтобы непріатели не могли укрываться въ немъ ⁴⁾).

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Хельчицкій писалъ трактатъ „О духовномъ боѣ“ вскорѣ послѣ указанныхъ событій 1420 года.

Предыдущее разсужденіе уполномочиваетъ насъ утверждать, что трактатъ „О духовномъ боѣ“ появился въ предѣлахъ 1420—1422 годовъ.

Выше мы уже отмѣтили все то, что даетъ трактатъ для характеристики взглядовъ Хельчицкаго на войну и убійство вообще, на воинственное настроеніе гуситовъ въ періодъ увлеченія хилиазмомъ. Критицизмъ Хельчицкаго покоится въ нашемъ трактатѣ на извѣстномъ положительномъ фундаментѣ—на ученіи о „духовномъ боѣ“ человѣка съ грѣхомъ, коренящимся и въ природѣ человѣка, и въ окружающемъ внѣшнемъ мірѣ, и особенно—въ діаволѣ. Если человѣкъ удачно поведетъ этотъ „духовный бой“, то неминуемо отпадутъ обычная война и всѣ другія формы убійства—такова основная мысль Хельчицкаго. Въ своемъ трактатѣ Хельчицкій отводитъ особенно много мѣста „духовному бою“ съ діаволомъ. Хельчицкій выступаетъ здѣсь передъ нами, какъ истинный человѣкъ средневѣковья: онъ не только вѣритъ въ наличность діавола,—онъ ощущаетъ его, видитъ его въ мірѣ на каждомъ шагу. Но реализмъ Хельчицкаго въ значительной степени ослабляетъ эту „демонію“. Вѣдь, діаволъ не могъ-бы такъ ужасно дѣйстви-

¹⁾ Tomek, IV, 22.

²⁾ ibid., 32.

³⁾ ibid., 44.

⁴⁾ Font. rer. boh., V, 347 и 379; см. и Tomek, IV, 65.

вать на человекъ, если бы не находилъ благопріятной для себя почвы въ его природѣ. Анализъ отрицательныхъ, злыхъ сторонъ человеческой природы, „грѣха въ человекѣ“, мастерски дѣлается Хельчицкимъ въ нашемъ трактатѣ—и мы видимъ, что главныя причины объективнаго зла, съ которымъ борется здѣсь Хельчицкий,—войнъ и убійствъ, коренятся въ извѣстныхъ свойствахъ человека-индивида. Но Хельчицкий вовсе не односторонній моралистъ-индивидуалистъ. Онъ уже въ нашемъ трактатѣ отмѣчаетъ, что источникомъ зла—войнъ и убійствъ, какъ, впрочемъ, и другихъ грѣховъ, является и общественная организація. Но критика существующей общественной организаціи лишь слегка затронута въ нашемъ трактатѣ. Анализу этой организаціи, доказательствамъ ея негодности посвященъ трактатъ „O cyrkwі swate“.

2) Трактатъ „O cyrkwі swate“.

Небольшой трактатъ, подъ заглавіемъ: „O cyrkwі swate“, который мы считаемъ принадлежащимъ П. Хельчицкому, сохранился въ Cod. 32 Пражской Митрополичьей бібліотеки, на ff. 312—319.

Познакомимъ, прежде всего, съ содержаніемъ этого трактата.

Трактатъ начинается общимъ опредѣленіемъ понятія „св. церкви“: „св. церковь—собраніе всѣхъ избранныхъ ко спасенію“ („cyrkew swata gsu zbor wywolenych k spraseni¹⁾). Слѣдуетъ строго держаться этого опредѣленія, ибо имъ правильно—безъ придатка и безъ ущерба—устанавливается составъ церкви—„избранные ко спасенію“. Далѣе, необходимо признать рядъ существенныхъ свойствъ и принадлежностей этой церкви. Такъ, для церкви необходимы дары св. Духа, благодаря которымъ отдѣльные члены церкви могутъ служить на пользу всего тѣла церкви. Потомъ, церкви свойственны разнаго рода дѣятельности и служенія, опредѣленныя Богомъ для спасенія людей праведныхъ, для полученія ими вѣчной жизни. Однако, не всегда можно говорить о части церкви святой или о членахъ ея, хотя бы большое или малое количество людей и присвоило себѣ указанные роды дѣятельности и служенія: вѣдь, и негодные люди могутъ присвоить ихъ,—на время или до конца жизни,—только, конечно, безъ всякой искренности²⁾. Руководящимъ началомъ для насъ въ различеніи истин-

¹⁾ Cod. 32, f. 312.

²⁾ *ibid.*, 312b.

ныхъ и лицемѣрныхъ членовъ церкви можетъ быть только любовь къ Богу, которая всего яснѣе сказывается въ прощеніи обидъ, нанесенныхъ человѣку другими, въ любви къ врагамъ, въ равнодушіи къ житейскимъ благамъ и неприятностямъ, все на основаніи заповѣдей Божіихъ... Поэтому, только тѣ, кто обладаетъ указанными чертами, какъ проявленіемъ любви къ Богу, и могутъ быть признаны истинными членами св. церкви; человѣкъ лицемѣрный никогда не усвоитъ ихъ...

Наконецъ, принадлежностью св. церкви считаются чины и должности („stawowe nebo uřadowe“); но на основаніи ихъ всего менѣе можно говорить съ достовѣрностью о св. церкви. Напримѣръ, чинъ священства со своей должностью считается принадлежностью св. церкви ¹⁾. Соглашаясь съ этимъ, нельзя, однако, признать членами св. церкви всѣхъ, кто только вступаетъ въ этотъ чинъ, ибо это могутъ быть и злые люди, члены царства діавола, изъ-за корысти соблазняющіе людей. Но если въ чинѣ священства состоятъ люди справедливые, совершающіе свое служеніе согласно съ Писаніемъ, то чинъ этотъ—принадлежность св. церкви, ибо такимъ образомъ размножается благо церкви. Говорятъ, что и дѣвство, вдовство и супружество—тоже чины (stawowe) св. церкви. Но эти вещи всего менѣе могутъ быть надежнымъ признакомъ церкви: онѣ признаются въ церкви лишь для того, чтобы прекратился блудъ (smilstwie). Дѣвство и вдовство исключаютъ всякій блудъ; супружество же—только прелюбодѣяніе и беспорядочный блудъ въ самомъ бракѣ... Поэтому, всѣ эти чины признаются въ церкви лишь для предупрежденія горшаго зла. Но для того, чтобы они стали принадлежностью св. церкви и въ другомъ, высшемъ смыслѣ, необходимы соответствующія добродѣтели, именно истинная вѣра и нелицемѣрная любовь—въ мѣру достиженія ихъ каждымъ по дару свыше. Сами по себѣ, безъ духовныхъ даровъ, указанные чины не могутъ быть приписаны св. церкви, ибо они могутъ существовать среди язычниковъ и евреевъ. Вѣдь, дѣвицей и вдовой могутъ быть одинаково хорошо не только христіанка, но и еврейка и язычница; съ другой стороны, и среди христіанъ дѣвушка можетъ оказаться еретичкой и со смертными грѣхами ²⁾, что такъ несовмѣстимо съ принадлежностью ко св. церкви. Точно такъ же и супруги имѣются гдѣ, угодно, не только въ св. церкви.

¹⁾ ibid., 313.

²⁾ ibid., 314.

Поэтому, всё названные чины могут быть названы чинами св. церкви только в томъ случаѣ, если имѣется на лицо ихъ внутренняя правда, если въ нихъ осуществляется избраніе ко спасенію или та праведность, которая неразлучна съ избраніемъ и послѣдуетъ за послѣднимъ. Правда, иногда избраніе ко спасенію на нѣкоторое время и не соединяется съ дѣйствительной праведностью; но обычно праведность святыхъ людей все же неотдѣлима отъ избранія. Такимъ образомъ, если кто-нибудь въ указанныхъ чинахъ соблюдаетъ заповѣданную Богомъ праведность, то такой человекъ—членъ св. церкви; если такихъ людей наберется много, то они составятъ часть св. церкви. Вообще, нельзя построить церкви на матеріальныхъ цѣляхъ и основахъ, устанавливая въ ней тѣ или другія различія людей по матеріальнымъ дѣйствіямъ ихъ, обходящимся безъ добродѣтели и безъ вѣры. Тотъ или другой чинъ входить въ св. церковь лишь тогда, когда они соединены съ избраніемъ ко спасенію.

Слѣдуетъ знать это особенно потому, что обычно св. церковь называютъ именно всѣхъ этихъ уклонившихся отъ Бога людей, сообразно ихъ различнымъ внѣшнимъ признакамъ. Духовенство же не разбираетъ чистаго отъ нечистаго, а руководится тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь, на землѣ, должно быть смѣшеніе добрыхъ людей со злыми. Но церковь изъ чиновъ духовнаго, рыцарскаго и рабочаго—скроенная церковь! И эта церковь признаетъ для себя закономъ все, что постановитъ какой-либо римскій докторъ...

Священники ¹⁾, находясь какъ бы въ тенѣтахъ, глѣзутъ по всему міру и своей службой умножаютъ его заблужденія, находя вездѣ св. церковь: кто шатается съ оружіемъ, тѣ чинъ рыцарей; кто родитъ дѣтей, тѣ чинъ супружества; мужики-пахари—чинъ рабочихъ... а всё вмѣстѣ—св. церковь! Хотя при извѣстныхъ условіяхъ служба всѣхъ этихъ чиновъ и состояній и можетъ быть полезной для св. церкви и ея членовъ, однако, чины эти, нужные и для язычниковъ, сами по себѣ не могутъ быть относимы ко св. церкви, въ томъ именно смыслѣ, чтобы она, при ихъ помощи, осуществляла свое назначеніе.

Богъ черезъ апостоловъ не устанавливалъ королей въ св. церкви, чтобы они на своемъ мечѣ переносили ея испытанія, воевали за нее противъ враговъ ея и силой побуждали самое церковь къ служенію Ему; не учреждалъ Онъ судей и консуловъ, чтобы цер-

¹⁾ *ibid.*, 315.

ковъ судилась у нихъ; не назначалъ бирючей и палачей, чтобы члены церкви изъ-за матеріальныхъ выгодъ вѣшали другъ друга и мучили на дыбахъ... Все это предоставлено язычникамъ и міру сему.

Апостолъ Павелъ, говоря о чинахъ св. церкви, устанавливаетъ въ ней девять различій: „А иныхъ Богъ поставилъ въ церкви, во-первыхъ, апостолами, во-вторыхъ, пророками“ и т. д. (1 Кор. XII, 28). Онъ не называетъ чиновниковъ со свѣтской властью и не упоминаетъ о матеріальныхъ повинностяхъ, а говоритъ только о дарахъ св. Духа, ибо св. церковь, вся сила которой заключается въ духовныхъ дѣлахъ, нуждается именно въ духовныхъ руководителяхъ ¹⁾. Если и приходится ей дѣлать что-либо матеріальное, то все же въ духовномъ значеніи.

Нѣтъ и слѣда того, чтобы апостолы, раздѣливъ св. церковь на три части, одной изъ нихъ приказали работать, содержать и поддерживать двѣ другія, которыя будутъ лежать на ней въ праздности. Ап. Павелъ говоритъ о себѣ и о другихъ апостолахъ: „Ибо вы сами знаете, какъ должны вы подражать намъ; ибо мы не безчинствовали у васъ, ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого-либо изъ васъ... Ибо когда мы были у васъ, то завѣщевали вамъ сіе: если кто не хочетъ трудиться, тотъ пусть и не ѣстъ. Но слышимъ, что нѣкоторые у васъ безчинствуютъ въ пути, ничего не дѣлаютъ, а ведутъ себя по-господски“ (II Солун. III, 7—8, 10—11).

Въ словахъ апостола нельзя найти наставленія о церкви, разбитой на три части, въ которой священники, ставъ панами, пребывали бы въ праздности, а мужики и другіе рабочіе люди со стономъ держали бы ихъ на себѣ... Напротивъ, онъ говоритъ о духовныхъ, что они трудились днемъ и ночью. Почему? Во-первыхъ, потому, что не хотѣли обременить другихъ; во-вторыхъ, потому, что желали на себѣ показать примѣръ другимъ (ibid., ст. 9).

Апостолъ ²⁾ явно осуждаетъ нынѣшнихъ священниковъ и господъ (пановъ), которые, объявивъ себя двумя первыми частями св. церкви, выслали Истину лгать за нихъ, будто мужики и другіе рабочіе должны, какъ основаніе, поддерживать господъ и священниковъ.

Увы, кажется, нынѣ и нѣтъ для священниковъ другого основанія въ св. церкви, какъ только рощеніе чрева за счетъ труда рабо-

¹⁾ ibid., 316.

²⁾ ibid., 317.

чихъ людей... Въ противность имъ, апостолы сами работали днемъ и ночью, а бездѣльниковъ избличали. Какъ же могъ бы апостоль, обличая лѣнь, установить въ общинахъ такихъ баръ? Нѣтъ, онъ повелѣлъ не сообщаться съ ними, въ случаѣ ихъ неисправимости! Воспрещая общеніе въ вѣрѣ съ такими бездѣльниками, могъ ли апостоль установить ихъ господами и назвать частью св. церкви, когда они пожираютъ добытое другими съ тяжкимъ трудомъ?

Апостоль заповѣдуетъ всѣмъ, кто входитъ въ составъ св. церкви, соблюдать такое же равенство, какое существуетъ въ природѣ между членами одного тѣла; онъ говоритъ, чтобы не было раздора въ тѣлѣ, но чтобы члены его заботились одинъ о другомъ: что терпитъ одинъ членъ, то терпятъ съ нимъ и другіе; если радуется одинъ членъ, радуются съ нимъ и другіе (1 Кор. XII, 21 и дал.). Пусть какой-либо мудрецъ ухитрится найти въ рѣчи апостола языческое властвованіе и всунетъ его въ св. церковь, назвавши его третьей частью ея!...

Апостоль усматриваетъ въ приведенномъ имъ примѣрѣ полное равенство членовъ тѣла: одни служатъ другимъ безъ зависти вмѣстѣ заботятся другъ о другѣ, всѣмъ дѣлятся, въ случаѣ счастливомъ вмѣстѣ радуются, въ случаѣ неприятности вмѣстѣ горюють, болѣе почтенные не гордятся предъ ничтожными, а съ еще болѣшимъ уваженіемъ охраняютъ ихъ.

А если бы и члены св. церкви поступали такъ, то не могли бы одни изъ нихъ возлагать на другихъ [большихъ оброковъ и различной барщины; не могли бы, сидя въ тѣни, подсмѣиваться надъ „холопами“ и „филинами“, которые мучатся на зноѣ, не могли бы, сидя въ тенѣ, выгонять ихъ на зайцевъ въ страшную службу въ однихъ кафтанахъ (kitlicze).

Поэтому ¹⁾, далеко это язычество отъ церкви святой, понимаемой въ смыслѣ апостола... Если же кому-нибудь эти люди представляются св. церковью, то представленіе это можетъ возникнуть лишь оттого, что міръ кажется св. церковью, а заблужденія его—христіанской вѣрой.

Это ложное представленіе совершенно укоренилось среди людей. Если Богъ не пошлетъ такихъ священниковъ, которые сумѣютъ отлучить отъ вѣры и открыто объявить явное язычество, то евангеліе не будетъ проповѣдуемо до конца міра. Какъ священники могутъ, не отступивъ предварительно отъ свѣта, истинно

¹⁾ *ibid.*, 318.

проповѣдывать Христа? Какъ могутъ они вести эту проповѣдь, благословляя, какъ вѣру, язычество, съ его насиліемъ, жестокостью, гордостью, роскошной жизнью и оскорбленіемъ всѣхъ добродѣтелей?

Пока все это благословляется вѣрою и удостоивается участіи во Христѣ, кому на свѣтѣ могутъ священники отказать въ этомъ участіи? Ни въ комъ другомъ не замѣтенъ такъ міръ, какъ въ нихъ самихъ. Каждый мірской человѣкъ добивается, какъ своего права, участія въ вѣрѣ, когда язычество называется преуспѣяніемъ вѣры.

Все это говорится потому, что возникаетъ величайшій вредъ, когда вѣрующіе люди отданы въ подчиненіе властямъ и несутъ бремя ихъ. Апостолъ по серьезнымъ причинамъ приказалъ вѣрующимъ подчиняться язычникамъ, но не соединилъ ихъ въ вѣрѣ съ язычниками. Величайшее зло и состоитъ въ томъ, что язычество принято въ вѣру, соединено съ нею и извратило ее.

Если признавать, что ересь—ложное ученіе, противное св. Писанію, то именно здѣсь и слѣдовало бы указать на явную ересь. „Но когда эта ересь является уже преуспѣяніемъ вѣры, то, говорить авторъ, на меня же и возведутъ обвиненіе въ ереси, будто я разрушаю великое преуспѣяніе св. церкви ¹⁾, для которой власть, точно холодокъ отъ жары, и которая во всемъ преуспѣваетъ, опираясь на власть міра сего, а безъ этой власти остается, какъ сирая вдова“.

Всѣ основныя мысли трактата „O cyrkwi swate“, ихъ доказательства, связи и формы словеснаго выраженія отмѣчены въ такой степени своеобразіемъ личности Хельчицкаго, что принадлежность трактата Хельчицкому не можетъ подлежать сомнѣнію.

Мы укажемъ наиболѣе яркіе случаи совпаденія нашего трактата съ несомнѣнными произведеніями П. Хельчицкаго.

Если авторъ трактата въ своемъ ученіи о церкви, въ критикѣ господствовавшаго пониманія церкви, исходитъ изъ понятія объ „избраніи ко спасенію“, то указанная постановка вопроса обычна именно у Хельчицкаго.

Отвергая „чины“ и состоянія, въ родѣ священства и брака, въ качествѣ самодовлѣющихъ и самоочевидныхъ принадлежностей церкви и признавая ихъ таковыми лишь подъ условіемъ со-

¹⁾ *ibid.*, 319.

единенія съ ними божественныхъ даровъ — добродѣтелей вѣры и любви, авторъ нашего трактата поступаетъ такъ же, какъ Хельчицкій.

Приведемъ параллели изъ сочиненій Хельчицкаго къ текстамъ нашего трактата о духовенствѣ и супружествѣ.

„О суркwi swate“:

„Ten staw (священства), kdyz prawi lide w niem stogie czinicze sluzebnost skrze czenie w niem czerkwy swate, tehdy muoz rzeszen byti staw cerkwy swate, sluze gye a rozmahage gi w dobrem, a tak s prziczinu hodnu gest staw cerkwy swate, kdyz ma sluzebniky hodne w sobie ¹⁾. ...Aby ti stawowe (panenstwie, wdowstwie a manzelstwie) ginak prawiegie byli czrkwi swate prziczteny, protoz musy miti cztnosti sobie przislussugicze, jako gest wira prawa a laska neomilna. ...Proto naywicze gim prizdano ma byti, ze su stawowe cerkwi swate, ze ma w nich miesto wywoleni k spaseni anebo sprawednost ta, gessto se prizdrzi nebo nasleduge wywoleni“ ²⁾.

„Zpráva o 7 swatostech“:

„Ale k tomu, aby kto byl prawym biskupem nebo kniezem a nebo jahnem, k tomu tak potrebne gest bozie wywolenie, ze neprzeydely to, nebude prawy biskup... ³⁾ ...Nebo tie dwie wieczy potrebne gista kniezy k geho stawu: swatost zywota (...a mudrost bozij ⁴⁾). ...Kdyz su takowi od Boga wywoleni knieze, gestit rozmnozenie daruow bozich skrze nie lidu... ⁵⁾ ...Manzelstwie .. swatost nenie w sobie sama dostateczna ku poswieczeni czerkwe swate gedine snad mohu byti manzele z pocztu czerkwe swate (cp. „Postilla“: „Nicz k spaseni nemagi (bracyumieca), lecz su z tiech wywolenych, a ze gich dusse su w prawdie choti Kristowy, oddane gemu skrze žiwu wieru a lasku. ...Nebo nižadnemu stawu... nemuoz prziczitano a slibowano byti spasenie ...pro nižadne znamenie... ale pro wieru toliko a pro prawdu žiwota... podle zprawy przikazani božijch“ ⁶⁾).

¹⁾ ibid., 313.

²⁾ ibid., 314.

³⁾ Cod. D. 82, f. 160.

⁴⁾ ibid., 161b.

⁵⁾ ibid., 162b.

⁶⁾ „Postilla“, I, 117.

Авторъ нашего трактата, подобно Хельчицкому, отказывается признать указанные „чины“ принадлежностью св. церкви, если нѣтъ въ нихъ даровъ Божіихъ: тогда они столь же свойственны христіанству, сколь и язычеству, а иногда даже вредятъ христіанству.

Если въ нашемъ трактатѣ говорится о названныхъ чинахъ, что они „sami o sobie bez tiech daruow nemohu tak prziczteni byti czrkwy swate, neb takowi stawowe mohu byti mezy pohany, nebo mezy židy, neb muž byti panna, wdowa tielesna některa zidowka, nebo pohanka“¹⁾ („takež manžele wssudy“ — *ibid.*), то почти то же самое говорится о бракѣ и въ „Zprawa o 7 sv.“ Хельчицкаго: „А potom trwa to znamenie (бракъ) we wssech lidech, nebo wssiczkni wzdy se tak pogimagie muž a žena—pohane, žide y krzestiane; a kdyz mezy wssemi lidmi gest to pogimanie tielestne muze a zeny, tehdy ta swatost tak dobrze u zidow y u pohanow stogi, yako u krzestianow“²⁾.

Если въ нашемъ трактатѣ говорится, что въ чинѣ священства „mohu byti zli, gessto su udowe diabelssti a toliko samemu diablu paganiegiczi k zisku dusse skrze swody swe“, то и въ „Zprawách“ Хельчицкаго признается, что „tak sylnie diabel nizadnu stranu nemuoz powstati proti czierkwi swate, yako skrze ten rzad kniezsky“³⁾, а въ „Sít' víry“ говорится, что „bez těch úřednikuov (духовенства) nemohl by tak antikrist velike moci mieti“⁴⁾.

Главная мысль нашего трактата, опроверженіе общепринятаго ученія о составѣ церкви изъ трехъ частей, т.-е. духовенства, мірскихъ властей и рабочаго люда, составляетъ содержаніе цѣлаго трактата П. Хельчицкаго „O trogiem lidu rzecz“ и значительныхъ частей его же произведеній „Replika proti Rokycanovi“ и „Sít' víry“. Все изложеніе общепринятаго ученія, и осужденіе его и мотивировка этого осужденія, въ нашемъ трактатѣ обнаруживають, что авторъ его тотъ же, что и авторъ только-что названныхъ произведеній, т.-е. П. Хельчицкій.

Авторъ нашего трактата говоритъ, что „przidati staw kniezsky, řitiřsky a robotny... tot skragena czerkew swata“⁵⁾; онъ полемизируетъ противъ взгляда „by aposstole na tre čerkew swatu rozdil-

¹⁾ Cod. 32, f. 314.

²⁾ Cod. D. 82, f. 172.

³⁾ *ibid.*, 159.

⁴⁾ Сборн. II отд., 268—269.

⁵⁾ Cod. 32, f. 314b.

ecze kazali gedne strane dielati, aby tiem usilim dve gine drzala a byla gim jako zalozenie, aby lezala na nie prazdnicze“¹⁾; protestуеть протѣвъ утверждения о „te czrkwy na tre roztiete“, будто апостолъ Павелъ „tu panuow s kniezy nadielage y казал gim prazdniti a polozil gim w zalozenie sedlaky a gine dielniky, aby ge na sobie drziely, iako zalozenie, stonice pod nimi“²⁾, будто, по наставленію ап. Павла, „sedlaczy a ginij dielniczy magi swym usilim drzėti rany a knieże yako zalozenie“³⁾; наконецъ, онъ возмущается тѣмъ, что одни члены церкви налагаютъ на другихъ великіе оброки („úroky“) и придумываютъ разную барщину („roboty“), „aby sedicze w chladu posmiawali sie oniem chlapom a wyrom, gessto sie na horcze reku“, и выгоняютъ ихъ „u weliku zymu w kitlicziech na zagicze a sami w teple sedie“⁴⁾.

Авторъ трактата не признаетъ богоустановленности въ церкви короля, „aby na swem meci nesl pokusseni gegie a bogowal za ni proti neprzatelom gegim a pudil moczi tu čerkew k sluzbie geho“; Богъ „ani gi gest ustawil richtarzuow, ani consseluow, aby cerkew swata przichazegie před nie sudila se o zbozi tohoto swieta, ani gest gi ustawil bifriczuow a katuow, aby udowe čerkwy swate gedni druhe wiesily, nebo sie spolu na skrzipcziech muczily pro tielesne wieszcy“, продолжаетъ авторъ⁵⁾. Авторъ иронически замѣчаетъ, что для такой церкви свѣтская власть, „yako chladek przed wedrem; a we wssem prospiewa (церковь), ocż sie pokusy skrze mocż tohoto swieta, ale bez moczi ostala by yako syra wdowa“⁶⁾.

Все это—сужденія и выраженія, обычныя въ вышеназванныхъ сочиненіяхъ Хельчицкаго.

Хельчицкій въ „O tr. lidu“ очень подробно опровергаетъ ученіе о тройномъ составѣ церкви („troj lid krziestansky“), какъ оно содержалось гуситами вслѣдъ за Виллифомъ⁷⁾. Это „roczeni tiela Krystowa z take trogice“⁸⁾ сводится, по мнѣнію Хельчицкаго, къ тому, что „ti udowe hrbowati, gessto mecz drzi, gine mennsie udy dawí, zarmuczugi, teru, sazegi do wiezeni, obtiezugi robotami, uroky a ginymi zamysly... a kniezy yako o[t]czy ostrzie w tom tiele hle-

¹⁾ ibid., 316.

²⁾ ibid., 316b.

³⁾ ibid., 317.

⁴⁾ ibid., 318.

⁵⁾ ibid., 318b.

⁶⁾ ibid., 319.

⁷⁾ „O 3 lidu“, Сборн. II Отд., LXXVII, 15.

⁸⁾ ibid., 22.

dita na obie strane tiela, hledagice, kterak by zbozii odrzili s nich... a obogi spolu, pani y kniezie, wozy se na robotnem lidu"...¹⁾ Хельчицкий возмущается, что въ церкви „tim hlawatym lidem sprostni a potupeni lide gsu, jako psy przied ocuma..... oni—wyr..... oni—chlap“²⁾).

Въ „Sít' víry“ Хельчицкий указывает на противорѣчье вѣрѣ этого „shodenie i rozsúzení těla Kristowa..... aneb cierkwe římské... kdež to se ta cierkew na tré děli, mající pány, krále, kniežata—stránku prvnie, ješto bránie, tepe a hájí; druhú stránku má duchovnie kněžstvo, ješto se modli; třetie stránku má robotné dělnky, a ti mají chovati tělesnú potřebú této dvě“. При этомъ „dvěma stranoma chutno jest... nebo jako u velké vedro žádají pocestní odpočinutie pod střechú v chladu“... „V tom těle třeohém, продолжаетъ Хельчицкий, jední se rmúti plačiece, a druzí se jim posmievají; jední se potie v těžkých robotách (ср.: „nechcešli jeti do lesa v čas metelice zpívaje, ale musíš pláče jeti, ant' po hlavě tepe)³⁾, a druzí v prázdnoti leží v chladu“⁴⁾ (ср.: „Páni aby bránili a bili a pálili a věsili, aby nižadný věře nepřekážel; knězie aby se modlili a sedláci aby dělali a krmili“...)⁵⁾. Хельчицкий негодуеть на то, что знатные люди не стыдятся „pohrdati jinými, aby všecho chlapové a výrové... byli, jako psi potupeni na oči“⁶⁾ (ср.: „výrové nesú a vezú a stojé zapalující se“⁷⁾ и „bolest' a pot chlapuov a výruov“⁸⁾).

Въ „Sít' víry“ Хельчицкий пронизируетъ надъ строемъ церкви: „Protož sluhý božího s mečem netreskci nižadný... nebo meč sluhý božího jestit' život pokojný té cierkve“ (ср. „Rep. pr. Rokyc.“: „...aby pan swietsky ohaniel duchovnieho, nosie zan pokussenie na meczy“)⁹⁾. Netreskci nižadný množstvie oděncuo, neb sú k dobrému cierkve; netreskci nižadný rychtáruov, konšeluov, biřicuov, katuov, rathúzuov... skřipcuov, neb sú to vše nástrojové sluhý božího, aby tiem a skrze to Bohu slúžil k dobrému cierkve“¹⁰⁾.

1) *ibid.*, 24, 29.

2) *ibid.*, 25; ср.: „chlapy a wyrú sprostnym lidem dawati“, 29.

3) S. V., Сббпр. II Отд., LV, 141.

4) *ibid.*, 41—42.

5) *ibid.*, 87.

6) *ibid.*, 225.

7) *ibid.*, 204.

8) *ibid.*, 220.

9) L. F., 1898, 394.

10) „Sít' víry“, Сббпр. II Отд., LV, 154.

Но не только приведенныя характеристики господствующаго ученія о церкви и соответствующаго ему строя церкви въ сочиненіяхъ Хельчицкаго доказываютъ авторство Хельчицкаго въ трактатѣ „О суркwi swate“;—то же доказываютъ и совпаденія другихъ сочиненій Хельчицкаго и нашего трактата въ мотивахъ осужденія принятаго ученія и строя церкви.

Критикуемое ученіе и строй противорѣчатъ опредѣленнымъ свидѣтельствамъ св. Писанія о существѣ и устройствѣ св. церкви. И эти свидѣтельства въ „О суркwi swate“ тѣ же самыя, что и въ извѣстныхъ произведеніяхъ Хельчицкаго, а именно: 1) наставленіе ап. Павла въ 1 Кор., XII о различіи даровъ св. Духа и духовныхъ служеній въ церкви—духовномъ тѣлѣ Христовомъ и о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ этого тѣла, подобныхъ отношеніямъ членовъ человѣческаго тѣла¹⁾ и 2) заповѣдь ап. Павла II Солун., III, 7—11 о необходимости труда²⁾.

Въ виду этихъ свидѣтельствъ Писанія, авторъ трактата „О суркwi swate“, созерпая печальную дѣйствительность, замѣчаетъ объ этой дѣйствительности: „A tak cerkew swata nemuož mieřena byti tielesnymi czili anebo zaklady, aby ony y ony rozdiely lidu bylo poloziti a przidati gim skutečnosti tielesne, gessto gsu nebo stati mohu bez cztnosti y bez wiry“. Это сужденіе—почти то же самое, что говорится у Хельчицкаго въ „О tr. lidu“: „Ale rozdiele nie na tre lidu krzestianskeho podle diel tielestnych... a urzaduow tielestnych nemuoz w prawdie rzieceno byti tielo Krystowo, neb pod takowym rozdielenym lidem muoz byti swiet a mohu byti pod takowym rozdlenenim na tre wssiczki pekelnicy, neprzitele welicy Bohu“³⁾; ср. и „Repl. proti Rokyc.“: „A ze nenie (пользованіе властью) samo w sobie ctnost, to sie w tom ukazuge, ze lide zli, porusseni a hrziessnicy najwietczy mocy poziwagi“⁴⁾.

Если авторъ „О суркwi swate“ говоритъ о „чинахъ“ церкви, что „gich pro same pohane potrebugi“⁵⁾, если называетъ строй церкви „pohanstwie“⁶⁾, тѣмъ горше, что оно „u wiru przigato a spogeno s ni a giz gest zkazilo wiru a samo giz stogi, iako prospiech wiry“⁷⁾; то все это—взгляды, обычныя у Хельчицкаго:

¹⁾ „О сурк. sw.“, f. 315 и 317 и „О tr. lidu“, 20, 23; „Sit' wiry“, 42.

²⁾ „О сурк. sw.“, f. 316 и „О tr. lidu“, 30—31; „Sit' wiry“, 29.

³⁾ Сборн. II Отд., LXXVII, 21.

⁴⁾ L. F., 1898, 453.

⁵⁾ Cod. 32, f. 315.

⁶⁾ ibid., 318.

⁷⁾ ibid., 318b.

напримѣръ, въ „Sít' víry“ у него имѣются жалобы на „osobenie zvláštností rohánských, jako víery“¹⁾ и ин. др.; таже паганизация церкви отъ ея союза съ властью отмѣчается имъ въ „Repl. pr. Rokyc.“²⁾ и въ „O tr. lid.“³⁾.

Доказавъ, что трактатъ „O sугkwí swate“ принадлежать П. Хельчицкому, мы теперь попытаемся опредѣлить время его происхожденія. Ни въ самомъ трактатѣ, ни въ какихъ-либо другихъ литературныхъ произведеніяхъ эпохи нѣтъ прямыхъ указаній на время написанія трактата.

Опредѣленіе этого времени возможно лишь на основаніи общаго содержанія трактата въ связи съ упоминаемыми выше родственными ему по содержанию сочиненіями Хельчицкаго.

Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе, такъ сказать, элементарность трактата сравнительно и съ „O trogiem lidu“, и „Repl. proti Rokycanovi“, и „Sít' víry“.

Хельчицкій совершенно не разбираетъ въ „O sугkwí swate“ доводовъ сторонниковъ отвергаемаго имъ ученія о церкви и не развиваетъ подробно основъ своего собственнаго ученія о церкви, между тѣмъ какъ и то и другое имѣется въ нинхъ произведеніяхъ его. Конечно, это само по себѣ могло бы одинаково говорить и за сравнительно-раннее и за сравнительно-позднее возникновеніе нашего трактата: въ первомъ случаѣ онъ былъ бы предварительнымъ опытомъ, проспектомъ болѣе позднихъ произведеній Хельчицкаго, во второмъ—сокращеніемъ прежнихъ произведеній.

Но дѣло въ томъ, что нашъ трактатъ отличается отъ родственныхъ ему произведеній Хельчицкаго не только краткостью, но и извѣстнымъ разногласіемъ съ ними въ оцѣнкѣ авторомъ критикуемаго ученія о церкви и строя ея.

Хотя Хельчицкій до конца дней своихъ сохранялъ убѣжденіе въ томъ, что свѣтская принудительная власть въ христіанскомъ обществѣ—зло, все же у него замѣчается постепенное смягченіе этой основной точки зрѣнія: въ „O tr. lidu“ онъ признавалъ неизбежность и необходимость этой власти только для злыхъ людей, въ „Replika proti Rokyc.“ онъ, сверхъ того, видитъ въ ней орудіе гнѣва Божія надъ грѣшниками, наконецъ, въ „Sít' víry“ считаетъ ее полезной для практики терпѣнія и мученичества вѣрующихъ.

¹⁾ S. V., Сборн. II Отд., LV, 199.

²⁾ L. F., 1898, 453 и сл.

³⁾ Сборн. II Отд., LXXVII, 21.

Между тѣмъ „O sьrkwi swate“ не знаетъ вовсе этихъ уступокъ злу и компромиссовъ съ нимъ.

Хельцицкій рѣшительно объявляетъ свѣтскую власть среди христiанъ „язичествомъ“ и заявляетъ: „Aniz tiechto wieczy mluwil sem, gedine pro to, mage za nauwietczy sskodu to, ze wierni lide poddani su tiem mocem a brzime gich nesu; nicz to nenie“¹⁾.

Если въ „Sьt' vьгу“ Хельцицкій главное зло свѣтской власти усматриваетъ не столько въ матеріальномъ властвованiи надъ народомъ, сколько въ гнетѣ надъ совѣстью людей, то приведенныя слова изъ нашего трактата свидѣтельствуютъ о томъ, что для нихъ автора главное зло власти заключается въ „обременительности“ ея для подданныхъ.....

Ясно вообще, что „O sьrkwi swate“—самое раннее изъ всѣхъ произведенiй Хельцицкаго, посвященныхъ обсужденiю существующихъ общественно-политическихъ отношенiй. Такъ какъ „O trogiem lidu“ было написано Хельцицкимъ около 1424—1425 годовъ (см. ниже), то появленiе „O sьrkwi swate“ придется относить къ времени предшествующему—повидимому, однако, не далекому отъ 1424—1425 г.г. Чтѣ было коротко изложено Хельцицкимъ вообще по поводу общепринятаго ученiя о троякомъ составѣ церкви въ трактатѣ „O sьrkwi swate“, то развито имъ подробнѣе, особенно относительно свѣтской власти, въ трактатѣ „O trogiem lidu“.

Выше, доказывая принадлежность „O sьrkwi swate“ Хельцицкому, мы установили цѣлый рядъ текстуально близкихъ другъ къ другу мѣстъ изъ названнаго трактата и изъ „O trogiem lidu“. Здѣсь мы укажемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ „O trogiem lidu“, напоминающихъ по своей формулировкѣ мѣста „O sьrkwi swate“ и говорящихъ о генетической связи обоихъ трактатовъ Хельцицкаго.

„O sьrkwi swate“:

„O tr. lidu“:

1) „...Trzecie gsu wieczy prawe a gistie cerkwi te, a to su skuteczności rozliczne“...²⁾.

2) „...A kdyz kto wywoleny w tiech stawiech drzi sprawednost prikazanu od Boha, tehdy gest

1) „...neb gmenuge (аностолъ) mnohe udy toho tiela a skutecznost gich“³⁾.

2) „...ti, kterzi su prawi udowe tiela Krystowa, ugissteni skrze dary Duchu swateho a

1) Cod. 32, f. 318b.

2) ibid., 312.

3) Сборн. II Отд., LXXVII, 21.

ud čerkwe swate; pakli weliky zastup takowych bude, tehdy stranka czerkwy swate gest“¹⁾.

3) „...Kniezie... lezice w tom zapleteni (o 3 частяхъ церк-ви)“ etc.²⁾.

skrze zgewnu sprawedlnost wydanu w zakonie Krystowie“...³⁾

„A když takowych s rozlicznymi dary Ducha swateho mnoho bude, takowi budu tielo Krystowo“⁴⁾.

3) „...takoweho zapleteni o tielu Krystowu ya neminim“ etc.⁵⁾.

Своимъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ въ отрицаніи принятаго ученія о церкви и о свѣтской власти въ ней Хельчицкій выдаетъ намъ то обстоятельство, что „О сугкwi swate“ написано было вскорѣ послѣ первыхъ устныхъ столкновений Хельчицкаго съ защитниками этого ученія среди обѣихъ партій гуситскихъ—таборитовъ и „празанъ“ (см. выше, стр. 116—118). Отзвукъ подробностей этихъ столкновений остался, какъ сейчасъ увидимъ, въ одной детали трактата.

Мы уже знаемъ, что разногласіе Хельчицкаго съ магистрами, особенно съ Якубомъ, не было спокойнымъ обмѣномъ мысли: по крайней мѣрѣ, Якубъ тогда же въ Бетлемѣ, по словамъ Хельчицкаго, объявилъ его изъ-за свѣтской власти еретикомъ (см. выше, стр. 117; вѣроятно, это именно столкновение имѣлъ въ виду Хельчицкій и тогда, когда написалъ въ „Сѣти вѣры“: „доктора еще говорятъ, что, если бы кто-нибудь думалъ иначе о свѣтской власти или даже сталъ бы говорить противъ нея, то оказался бы еретикомъ и отщепенцемъ отъ вѣры“⁶⁾).

Всѣ эти столкновения происходили въ 1420 году — и за давностью времени Хельчицкій могъ спокойно рассказывать въ пол. 1430-хъ (Replika pr. Rokus.)—нач. 1440-хъ (Sít' víry) лѣтъ о томъ, какъ его въ свое время объявили (обозвали) еретикомъ...

Между тѣмъ въ „О сугкwi swate“ Хельчицкій, называя критикуемое имъ ученіе „ересью“, не безъ раздраженія высказываетъ слѣдующее предположеніе: „Но если вся эта ересь оказывается уже преуспѣяніемъ вѣры, такъ на меня и возведутъ („свезутъ“) обвиненіе въ ереси“...

¹⁾ Cod. 32, 314.

²⁾ *ibid.*, 315.

³⁾ Сборн. II Отд., LXXVII, 31.

⁴⁾ *ibid.*, 26.

⁵⁾ *ibid.*, 30.

⁶⁾ Сборн. II Отд., LV, 79.

Очевидно, эти слова написаны еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ устнаго, можетъ быть, съ глазу на глазъ, обвиненія его въ ереси со стороны Якуба или, можетъ быть, въ виду уже раздававшихся громко и письменно обвиненій Хельчицеаго въ ереси среди болѣе широкихъ гуситскихъ круговъ, съ легкой руки м. Якуба.

Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что „O sугkwí swate“ написано въ началѣ 1420-хъ лѣтъ, послѣ трактата о „Духовномъ боѣ“ (1420—22) и до трактата „O trogiem lidu“ (около 1425 г.).

Въ трактатѣ: „O sугkwí swate“ Хельчицкій даетъ намъ первоначальный эскизъ своей критики современной общественной организаціи.

Въ своемъ послѣдующемъ произведеніи: „O trogiem lidu“ Хельчицкій подробно останавливается на государствѣ, какъ организаціи силы, принужденія, со всѣми производными отъ нихъ— войнами, смертными казнями, пытками и т. п., и обнаруживаетъ противорѣчіе этой государственной организаціи христіанству. Здѣсь Хельчицкій уже предстаетъ передъ нами, какъ одинъ изъ крупныхъ представителей такъ называемаго „христіанскаго (евангельскаго) анархизма“.

3) Трактатъ „O trogiem lidu“.

Трактатъ: „O trogiem lidu rzec—o duchownych a o swietskych“ еще въ 1881 году былъ отмѣченъ проф. Я. Голлемъ¹⁾ въ составѣ рукописи Пражскаго Капитула sig. D. 82, f. f. 77—106 и приписанъ Петру Хельчицкому, хотя и безъ всякихъ доводовъ въ пользу этого мнѣнія (проф. Голль напечаталъ и небольшое извлеченіе изъ трактата). † о. Ленцъ въ своей работѣ о Хельчицкомъ²⁾ принялъ мысль Голля о принадлежности Хельчицкому нашего трактата, пользуясь имъ при изложеніи ученія Хельчицеаго. Трактатъ, по нашему убѣжденію, несомнѣнно принадлежитъ П. Хельчицкому, какъ это можно видѣть изъ сравненія его съ другими сочиненіями этого интереснаго писателя-гусита.

Прежде всего, стиль автора нашего трактата— характерный стиль Хельчицеаго: цѣлый рядъ оборотовъ, выраженій и образовъ трактата: „O trogiem lidu“ встрѣчается въ несомнѣнныхъ произведеніяхъ Хельчицеаго.

¹⁾ J. Goll: „P. Chelčický a spisy jeho“, Č. Č. M., 1881, 25—27.

²⁾ Ant. Lenz: „Soustava učení P. Chelčického na základě pramenů“, Sbor. hist. krouž., 1900, 138.

Вотъ нѣкоторыя сопоставленія.

- „O trogiem lidu“, стр. 4: „(власть) — „(паны) odrut' chlара, jako lipu“,
 ve lituge czlowieka wod- Sít' víry, 111;
 rzitie, jako lipu“.
- стр. 5: „(силыиѣише) z chalup — „(люди) pro moc svѣtskou ne-
 by ge (слабыхъ) wywłacz- włácie sebe z chalup“, Comenium,
 eli“ II, 52.
- „ 9: „toto jest velmi malo — „jediné rychtáři a kládami k něk-
 skrze mocz kdyz opilce teraké zevnitřní spravedlnosti
 pripravii do klady“... bude připuzen (человѣкъ)“, Com.,
 II, 52; или: „necht jeho rychtář
 připraví kládu, at' přivoli Ježí-
 šovi“, S. V., 100.
- „ 11: „(священникъ) pustil — „lotrovstvo děrami vešlé (въ
 czezarzie dieru (въ вѣру)“, S. V., 184.
 вѣру“
- „ 19: „(нѣчто) wydogiti nasu — „Pisma dogiti neuprzziemnie“.
 lum z Pisma“ Rep. proti Rokyc., L. F., 1898,
 457.
- „ 24: „(паны и священники) — „(они же), jako koni obročni“, S.
 jako koni obroczni“ V., 259 и „O rozezn. duchuov“,
 Cod. D. 82, f. 223.
- „ 27: „(духовные), jako na — „jeliž jím (человѣкомъ) prve na
 rziessietie prosati su řešeto vrlhú a přesejí jeho sem i
 skrze Pisma“ tam“, Com., II, 95.
- „ 29: „(паны и духовенство по — „druce ge (простої народъ)
 работали простої на- jako howada bez litosti“, Post-
 родъ), jako howada, illa, II, 204b ¹); „jako
 gichato przietrhnuti ne howada k zabiti“, S. V., 121.
 wazii“.
- „ 29 — 30: ... „mnichuow mno — „mnichové mnohotvárného kroje
 hotwarnie perziestych“... a pefestiny“, S. V., 39.
- „ 30: „pani aby na robotnych — „(священники) jako trupi wczel-
 lezielie, iako trupi mezy lam nicz nenosucze, ale hotowe
 wcelami neuziteczni, ge gim žeruce“, Postil, I, 369.
 duce a pigicze gich usi-
 lee“...

¹) Цитаты изъ „Постиллы“ — по изданію XVI вѣка (экземпляръ Праж. унив. библ).

Не только стиль, но и содержание трактата: „O trogiem lidu“ подтверждает авторство Хельчицкаго: почти всё основныя мысли трактата, ихъ группировка, развитіе, даже словесное выраженіе ихъ въ нашемъ трактатѣ встрѣчаются въ другихъ, безспорныхъ произведеніяхъ Хельчицкаго ¹⁾).

Разсказъ о происхожденіи царской власти у евреевъ въ подтвержденіе грѣховнаго вообще происхожденія свѣтской власти (O t. l., 2: „ale Izrahel... ziadage krale nad sebu“) повторяется— съ большими подробностями — въ „Sít' víry“, 77 („Protoz jakož někdy Žide“... и т. д.) и въ „Replika proti Rokycanovi (Listy Filol., 1898, 402: „Ale pro ty wssecky wiesci neustawil gim krale“ и т. д.). Мысль о согласіи свѣтской власти съ духомъ Ветхаго Завѣта (O t. l., 2—3: „Jesse ma wiadomo byti... skrze moez mielo dokonano byti“) проведена въ S. V., 105 („To jest sakon dobrý... mohl jest král ku polepšení požievati toho zákona“) и— почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ— въ „Rep. proti Rokyc.“, 402 („Zakon stary miel gest takowa przikazanie“...). Необходимость свѣтской принудительной власти для людей, не знающихъ ига Закона Христова (O t. l., 4—5: „Druhy rzad... aby se nemohla (земля) nawratiti z miesta sweho“), доказывается и въ S. V., 75 („Než toliko z přiečiny množ... k časným věcem dobrým užitečna jest) и— особенно похоже— въ „Rep. proti Rokyc.“, 404 („A ze pro sprawedlnost, pro pokoju“...). Исключительно эгонстическіе мотивы свѣтской власти (O t. l., 5: „To wsse moez czini... o pokoju stogi“) указываются въ S. V., 94 („Nebo to již musí král“...), 125 („Ale páni pohané takové sprawedlnosti“...) и 135 („Kralové zemští, chcece kralovati“...); необходимость же единства власти (O t. l., 6: „A to gestie dim... a nic porzadneho neostane“) — въ „S. V.“, 40 („A poněvadž panování zemské“...). Характеристика евангельскаго строя (O t. l., 6—7: „Ale giz o tom rzadu, který gest Krystus uwedl“... , особенно стр. 7: „tento rzad rodi se z serdce dobre wuole“) дана и въ „S. V.“, 74 (skutkóm viery, jenž... nemohu děláni býti... ale tolikož z dobre a z svobodné wuole“). Разсказъ о соглашеніи папы Симлвестра съ имп. Константиномъ (Донадія Константина), какъ источникъ порчи церкви (O t. l., 10—11: „Gesťtie wice dim... pamiestek Lucifera ruzeného“...), встрѣчаемъ мы въ „S. V.“, 23, 33, 47 и въ „Rep. proti Rokyc.“, 403 („A tak trwalo gest... az do Kon-

¹⁾ Привожу только начальныя и конечныя слова сравниваемыхъ мѣстъ.

stantyna“...), 455—6 („а... az gest upokogil... Sylwester“...; ср. и 456: „Luciper takowe puchu neukazal gest“). Сарказмы по поводу союза церкви съ богатыми грѣшниками („O t. l.“, 11: „Lichewnicy a kurcu“...) въ очень сходной формѣ читаются въ „Postilla“, II, 207 („Protož se klamagi bohatic“...) Толкованіе словъ ап. Павла въ посл. къ Римл. XIII, 1—2 (O t. l., 12—14), въ связи съ объясненіемъ отношеній первыхъ христіанъ къ языческой римской имперіи, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ дано Хельчицкимъ въ „S. V.“, 120—121 („Protož rozdiel veliky jest mezi tiem: učiti tomu věrné křest'any“—и „O t. l.“, 13: „Protož... daleky gest rozdil o tom mocz uczeni... a mezy tim—swate lidi tomu uczeni“...), 163 („... swoboda....aby jimi nehýbala od poslušenství“ и т. д.—и „O t. l.“, 13: „A zie ti lide wierni“ и т. д.), 57 („Nebo poněvadž ti křest'ane byli jsu v jeho panství a drzeli jeho zbožie“...—и „O t. l.“, 13: „A kdyz wierni lide su we spolce... a na zbožii, panství tiech mocy pohanskych“...), 197 („Jedno die: pro hněv“... и т. д.—и „O t. l.“, 14: „Protož die ap. tiem wiernym lidem: netoliko pro hněv“...), 135 („A na to muož rozum býti“ и т. д.—и „O t. l.“, 14: „Ale knizata“... и т. д.), 20 („A ten lid věřcie“ и т. д.—и „O t. l.“, 14—15: „A zie zwlasťtie weli gim apostoł“...), равно какъ и въ „Repl. proti Rokyc.“, 453—4 (Tu musy napřed rozumieno byti, komu gest psana Epištola“ и т. д.—и „O t. l.“, 12—13: „Ale wssak potrzebno srozumieti, kterak a komu gi pissie“ и т. д.). Ненужность свѣтской власти для вѣрующихъ („O tr. l.“, 15: „Ale kdyzby wierni“...) разъяснена одинаково въ „S. V.“, 162 („Ale by ti lidé byli v zemi sľibené“...). Изложеніе ученія Вильифа о трехъ частяхъ церкви — свѣтской власти (и господахъ), духовенствѣ и простомъ народѣ („O t. l.“, 15: „Tu na początku dieli troy lid“...) имѣется въ „S. V.“, 41—42 („Protož i to shodení i rozsúzení těla Kristova“...) и 87 („A dělé ty strany“...), равно и—хотя въ видѣ намека—въ „Repl. proti Rok.“, 455 („Okrašľugi gi písmu iako namiestka bozství“...). Противорѣчіе задачъ и способовъ дѣйствія у свѣтской власти и у духовенства („O t. l.“, 17—18: „Opíet, když kniez“ и т. д.) почти въ тѣхъ же выраженіяхъ отмѣчено въ „S. V.“, 184—185 („A když by sluha kostelni“... и т. д.). Указаніе на чисто-языческій характеръ различенія въ церкви трехъ вышеназванныхъ частей („O t. l.“, 21: „Ale rozdielene na tri lidu krziestanskeho“...) встрѣчается въ неизданномъ ¹⁾ еще трактатѣ Хельчицкаго: „O

¹⁾ См. о немъ выше, стр. 137—151.

cyrkwi swate" (Cod. 32, fol. 314: „Nebo takowi stawowe mohu byti mezu pohanu“....), а замѣчанія объ извѣстномъ превосходствѣ язычниковъ надъ христіанами въ этомъ отношеніи („O t. l.“, 22: „Protož rokoу a spravedlnost zemska lepe stogi skrze kniziata pohanska“....) имѣются и въ „S. V.“, 40 („Protož zjevno jest, že mezi pohanu lépe stoje královstvie“....). Опредѣленіе идеальныхъ отношеній членовъ Христовой церкви, на основаніи 1 Кор. XII, 21—26 („O t. l.“, 23: „A gesstie wice mluvi S. Pawel“... и т. д.) дается и въ трактатѣ „O cyrkwi swate“, (f. 317b: „Protož on rownost uczi zachowati“....) и въ Cod. D. 82, f. 71 („Mame znamenati, kteraky lid gest ustawen s poczatku na uczeni Krystowie“....). Разительный контрастъ идеала церкви и фактическихъ отношеній высшихъ членовъ общества къ низшимъ („O t. l.“, 24: „tehdy ti udowe hrbowati“....), пановъ къ крестьянамъ („O t. l.“, 25: „Neb tim hlawatym lidem sprostni a potupeni lide“...) очень похоже нарисованъ въ „S. V.“, 41—42 („Dvěma stranoma chutno jest“....), 204 („Nyniet' jest sladko právo královo“....), въ „Postilla“, II, 194b („Aniž odpusstieno bude panom a wladarzom“....) и въ „O cyrk. sw.“, 317b—318 („tehdy nemohliby welikich urokuow gedny na druhe položiti“....). Нестыжательность и трудолюбіе апостольской церкви по II Солун. III, 7—12 („O t. l.“, 30—31: „Protož acz od hodnych kazatelow neodgima wziti potrebných wiescu“....) выставляется, какъ идеаль для современности, въ „S. V.“, 29: („Též mluwie o zahalecích“...) и—почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ—въ „O cyrk. sw.“, 316—318: („Mluwi o tom s. Pawel, poczinaге od sebe“....).

Не столь несомнѣнно разрѣшается другой вопросъ, возникающій при изученіи нашего трактата: когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ написанъ?

Самъ трактатъ „O trogiem lidu“ даетъ довольно скудныя свѣдѣнія о своемъ происхожденіи. Онъ—часть корреспонденціи, завязавшейся между авторомъ и неизвѣстнымъ. Этотъ неизвѣстный имѣлъ въ рукахъ какой-то трактатъ Хельчицкаго, гдѣ послѣдній высказывалъ свои сомнѣнія относительно правильности принятаго гусистами ученія Виклифа о раздѣленіи церкви на три части¹⁾;

¹⁾ Табориты, напримѣръ, принимали указанное выше (стр. 118—119, примѣч.) ученіе Виклифа о 3 частяхъ церкви и формулировали его въ словахъ своего англійскаго учителя. Въ торжественномъ манифестѣ таборитовъ, обращенномъ къ цѣлой католической Европѣ (ноябрь 1431 года), читается, между прочимъ, такое мѣсто: „Ecclesia

онъ, видимо, отправилъ Хельчицкому посланіе съ просьбой еще нѣчто написать ему о томъ же предметѣ, при томъ въ краткомъ видѣ ¹⁾. Корреспондентъ Хельчицкаго защищалъ правильность критикуемаго Хельчицимъ ученія о церкви („Neb poniewadz drzisz, zie ten troy lid, prwe gmenowanu, gest tielo Krystowo“ ²⁾...). Въ отвѣтъ Хельчицкаго приводятся и возраженія — возможные и дѣйствительныя — неизвѣстнаго корреспондента противъ критики: „Можетъ быть, ты скажешь: „Хорошо было-бы, если бы всѣ были такими (истинными) христіанами; но когда этого нѣтъ, необходима свѣтская власть, чтобы при ея помощи принудить злыхъ въ справедливости“ ³⁾; ... „можетъ быть, ты не снесешь меня и скажешь противъ меня: „Однако св. Павелъ, который зналъ вѣру лучше тебя, заповѣдуетъ христіанамъ подчиняться властямъ“ ⁴⁾ и т. д. „Ты говоришь: „Свѣтская власть имѣетъ свое мѣсто въ христіанствѣ“ ⁵⁾ и т. д. „Но, можетъ быть,

enim militans Christi posita est solum in tribus partibus: prima pars sunt presbyteri, qui imitari debent Deum, sicut nuntii, in moribus magis propinque, vivere in humilitate de elemosyna sicut Christus; secunda pars militantis ecclesiae sunt temporales domini, qui debent esse in loco deitatis et presbyter, qui vivit in humilitate et paupertate, est in loco humanitatis Jesu Christi, et domini debent defendere testamentum Dei secundum potestatem rectam ratione, propterea enim servitium ipsi tenent a Christo, tamquam a supremo domino, quidquid habent; tertia pars militantis ecclesiae est communis populus, qui est divisus in plura manualia artificia. Haec est infima pars et fundamentum, et sustentat duas alias partes in necessitatibus corporalibus. Et amor, qui est tertia persona in deitate, debet connectere istas tres partes, ut se mutuo juvent et utantur: clerus deberet religiosius vivere et purius in moribus, quam aliae duae, et eas docere verbis et operibus viam salutis; media pars, quae est domini temporales, debent cum una moderata honorificentia juvare alias duas partes secundum ordinationem Dei in his rebus, quae praestant subsidium in comprehensionem beatitudinis; tertia pars voluntarie debet secundum testamentum Dei servire aliis duabus partibus. Et haec tres partes debent esse unum corpus ecclesiae, ordinate in caritate currentis ad comprehendam beatitudinem paternae patriae“, „Monumenta conciliorum s. XV“, 1857, I, 157.—Сравненіе приведеннаго текста съ 1-й гл. „Dialogus“ Виклифа (отъ словъ: „Dividebam autem meam militantem ecclesiam“.... до конца главы) обнаруживаетъ, что составитель манифеста не выписалъ буквально латинскій текстъ Виклифа, а сдѣлалъ, по-видимому, обратный переводъ на латинскій языкъ чешскаго перевода (Якуба) „Dialogus“ Виклифа.

¹⁾ Сборн. II Отд. И. А. Н., LXXVII, 1.

²⁾ *ibid.*, 3.

³⁾ *ibid.*, 8.

⁴⁾ *ibid.*, 12.

⁵⁾ *ibid.*, 19.

ты снажешь: „Это (жестокость пановъ въ крестьянамъ) происходитъ оттого, что нѣтъ у нихъ разумѣнія; если-бы они были наставлены, то могли-бы смилостивиться надъ другими“ ¹⁾.... Корреспондентъ Хельчицкаго былъ священникъ („а vas kniezi“ ²⁾), при томъ таборитъ, ибо Хельчицкѣй, вспоминая свои споры со священниками о свѣтской власти, говоритъ о мѣстѣ споровъ: „у васъ, въ Писекъ“ ³⁾— а Писекъ былъ во власти таборитовъ (см. выше, стр. 136). Но трудно увѣренно сказать, кто именно изъ видныхъ таборитскихъ священниковъ вступилъ въ полемику съ Хельчицкимъ. Мы рѣшаемся предположительно видѣть въ анонимномъ корреспондентѣ Хельчицкаго священника Маркольда († 1434) ⁴⁾, на нижеслѣдующихъ основанiяхъ. Хельчицкѣй говоритъ о нашемъ анонимѣ: „Я несомнѣнно знаю, что ты и безъ моего писанiя можешь довольно разумѣть въ томъ, что касается священниковъ“ ⁵⁾.... „Ты самъ давно свидѣтельствуешь о священникахъ, что дѣла ихъ неподобны;.... какъ на рѣшетѣ просѣяны они Писанiями, докторами и вами“.... ⁶⁾ „Но все, что я повѣдалъ о священникахъ (а это не что иное, какъ разсужденiе „o kniezich dobrzich y o zlych“....) ⁷⁾, ты самъ это знаешь“... Эта характеристика корреспондента наиболее подходитъ именно къ священнику Маркольду, противъ котораго магистръ Янъ Пшибрамъ на „аудиенци“ пражскихъ магистровъ съ таборитами въ концѣ 1424 года въ Carolinum (Пражское „Старое мѣсто“) возбудилъ обвиненiе въ утверждени, „quod mali sacerdotes non conficiant“ (евхаристию и другiя таинства). Николай Бискупецъ въ „Chronicon Taboritarum“ ⁸⁾ сохранилъ намъ отвѣтъ Маркольда по вопросу: „Utrum mali sacerdotes conficiunt“, гдѣ данъ такой отвѣтъ объ этихъ „mali sacerdotes“ („kniezi zli“ Хельчицкаго), который объясняетъ слова Хельчицкаго о „просѣянii“ злыхъ священниковъ.... Сдѣлавъ это предположенiе о личности корреспондента, мы позволимъ себѣ и

¹⁾ *ibid.*, 24.

²⁾ *ibid.*, 29.

³⁾ *ibid.*, 16.

⁴⁾ Убитъ въ битвѣ у Липанъ, см. Томек.: „Dějepis m. Prahy“ (II vyd.), IV, 646.

⁵⁾ Собрн. II Отд., LXXVII, 1.

⁶⁾ *ibid.*, 27.

⁷⁾ *ibid.*, 28.

⁸⁾ Нѣшер., II, 590—593.

другое предположеніе: едва-ли начальнымъ моментомъ полемики было посланіе Хельчицкаго Маркольду.

Маркольдъ, по нашему мнѣнію, отвѣтилъ на одинъ трактатъ Хельчицкаго, какъ-то попавшій въ его руки; и этотъ трактатъ — думаемъ мы — есть не что иное, какъ изученное нами выше небольшое сочиненіе „O syrkwi swate“. Это маленькое сочиненіе, совпаденія котораго съ трактатомъ „O trogiem lidu“ были уже указаны нами выше, является, какъ мы уже знаемъ (см. выше, стр. 137—142), краткимъ опроверженіемъ ученія о составѣ церкви изъ господъ, священниковъ и простолюди, такъ что трактатъ „O trogiem lidu“ оказывается, какъ разъ, развитіемъ его именно въ части, посвященной свѣтской власти (и господамъ). „O syrkwi swate“ отличается юной рѣзкостью мысли и является, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Хельчицкаго (см. выше, стр. 148—151).

Если мы отнесли появленіе трактата „O syrkwi swate“ къ самымъ первымъ годамъ гуситскихъ войнъ (см. выше, стр. 151), то къ какому позднѣйшему времени нужно относить написаніе трактата „O trogiem lidu“? Во всякомъ случаѣ, трактатъ о „Trogiem lidu“ написанъ до окончанія этихъ войнъ, т.-е. до 1434 года, ибо Хельчицкій говоритъ въ немъ: „излишнее множество жрущихъ людей въ Прагѣ, ибо вѣдутъ войну за правду Божью; точно также и въ другихъ городахъ много несправедливости, ибо всюду вѣдутъ войну“¹⁾. Картина военнаго положенія Праги (стр. 32—33) представлена, какъ современность; въ такомъ же видѣ представлены и грабежи, совершаемые военнымъ сбродомъ въ мирныхъ деревняхъ²⁾. Такъ какъ военныя дѣйствія, судя по трактату, сосредоточиваются около Праги, касаются и другихъ городовъ, но, видимо, еще не перенесены своей тяжестью за предѣлы Чехіи, то очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первымъ періодомъ гуситскихъ войнъ, когда гуситамъ приходилось у себя дома защищаться отъ Сигизмунда и своихъ чешскихъ католиковъ, — съ временемъ не позднѣе приблизительно 1425—1427 годовъ. То обстоятельство, что гуситы представлены какъ бы защищающимися въ стѣнахъ Праги, при чемъ нѣтъ „дѣдинъ и деревень“ на разстояніи 3 миль отъ Праги, какъ будто указываетъ на 1420 годъ, на военныя дѣйствія Сигизмунда у Праги, когда, по изслѣдованію Томка³⁾, „все ближайшіе города

¹⁾ Сборн. II Отд., LXXVII, 33.

²⁾ *ibid.*, 29.

³⁾ „Dějiny m. Prahy“, IV., 113.

въ 3 или 4 миляхъ отъ Праги были въ рукахъ короля и полагали поэтому пражанамъ узкія границы для свободнаго сообщенія“. Но этому предположенію противорѣчатъ несомнѣнныя указанія Хельчицаго: „начало войны“, когда появились первыя сочиненія таборитовъ и пражанъ о свѣтской власти (стр. 1), „первый годъ войны“, когда Хельчицкій спорилъ въ Пискѣ съ таборитами о грѣховности защиты Закона Божія мечемъ (стр. 16)—все это представляется у Хельчицаго, какъ нѣчто минувшее: что доказывали тогда противники Хельчицаго о свѣтской власти, то они, по словамъ Хельчицаго, „еще и теперь доказываютъ“ (стр. 1). Вспоминая о начатой таборитами и пражанами войнѣ въ защиту Закона Божія—на основѣ ученія относительно обязанности свѣтской власти оборонять мечемъ церковь,—Хельчицей рекомендуетъ (иронически) своимъ противникамъ и теперь не смущаться передъ послѣдствіями („ani se ma toho lekati“,—стр. 16). Это—намекъ на замѣчавшуюся уже среди гуситовъ реакцію противъ войны и всѣхъ ея ужасовъ. Реакція же эта очевидна изъ постановленій таборитскихъ съѣздовъ-конвокацій 1422 года—въ Пискѣ, 1424—въ Таборѣ и Клатовахъ и изъ тезисовъ диспута таборитовъ и пражанъ въ Carolinum („Старое мѣсто“ пражское) въ 1424 году¹⁾. Вѣроятно, трактатъ Хельчицаго „O trogiem lidu“ появился послѣ наиболѣе яркаго выраженія этой реакціи въ концѣ 1424 года, т.-е. написанъ около 1425 года. Въ это именно время воспоминанія Хельчицаго о блокированной императоромъ Сигизмундомъ и его союзниками Прагѣ 1420—1421 г.г. не утратили еще своей свѣжести и, являясь какъ будто образомъ современности, не представлялись анахронизмомъ.

Въ трактатѣ „O trogiem lidu“ своеобразныя соціально-политическія воззрѣнія Хельчицаго, столь отличавшія его отъ окружающей культурной среды, выступаютъ съ большей ясностью, чѣмъ въ предыдущихъ его сочиненіяхъ. Поэтому мы остановимся на содержаніи изслѣдуемаго трактата.

Гуситскіе мыслители, высказывавшіе мысль о допустимости или даже объ обязательности защиты средствами свѣтской власти, силой оружія, правды Закона Божія, стояли, въ сущности, на одной почвѣ съ той католической церковью, противъ которой они боролись. Этой общей почвой было вѣками сложившееся историческое

¹⁾ Hötter, II. 482—487 и 716—717. См. о томъ выше, стр. 67—77 и 95—106, а также J. Goll: „Synody Taborské r. 1422 и 1424“, въ „С. С. Н.“, 1899, 151.

христіанское, церковное міровоззрѣніе, по которому христіанская вѣра и принудительная власть, церковь и государство находятся въ тѣсной, неразрывной связи, взаимно пополняютъ другъ друга и черпаютъ другъ въ другѣ свою силу и преуспѣяніе.

Хельчицкій въ своей „Reč o trogiem lidu“ критикуетъ это міровоззрѣніе и рѣшительно отвергаетъ его, вмѣстѣ со всѣми выводами изъ него.

Онъ разъясняетъ глубокое различіе, болѣе того—противорѣчіе природы принудительной власти и вѣры, государства и церкви.

Прежде всего, онъ ставитъ вопросъ о томъ, какова природа, каковы отличительные признаки свѣтской власти? По мнѣнію Хельчицкаго, отъ этой власти рождается страхъ, ибо она жестока, грозитъ, поноситъ, беретъ, насильно связываетъ, бьетъ и убиваетъ. Эта власть изначала установлена Богомъ ради порядка, въ которомъ нуждается вся земля,—ради внѣшняго земного порядка среди тѣхъ народовъ, которыхъ Богъ не поставилъ подъ руководство своего Закона. Вѣдь, въ Израилѣ, своемъ жребіи, Богъ не установилъ ни пановъ, ни короля—и такъ было отъ пришествія Израиля въ землю обѣтованную до Саула. Лишь когда Израиль презрѣлъ Бога и пожелалъ имѣть царя, Богъ черезъ Самуила далъ ему царя. Когда же Самуилъ разъяснилъ Израилю грѣховность его поступка, то и самъ Израиль со страхомъ призналъ свой грѣхъ (1 Цар., VII, 5—8). Такимъ образомъ изъ Писанія мы видимъ, что Богъ установилъ грозную принудительную власть съ мечемъ только надъ тѣми народами, которые не находятся подъ непосредственной властью самого Бога. Если же и надъ Израилемъ въ концѣ концовъ была установлена царская власть, то это сдѣлано въ согласіи съ духомъ еврейскаго Закона: еврейскій Законъ разрѣшалъ тѣлесные бои противъ непріятелей, смертную казнь и меньшія, чѣмъ смерть, наказанія преступниковъ, разрѣшалъ и суды; а всѣ эти дѣла могли получить свое довершеніе и преуспѣяніе лишь при наличности царской принудительной власти. Такимъ образомъ, если бы и Христосъ въ своемъ Законѣ повелѣлъ нѣчто такое, что необходимо было вершить силой и принудительной властью, то для исполненія этого Закона потребовалась бы королевская власть. Но такъ какъ благодатью Господа І. Христа мы освобождены отъ Вѣтнаго закона смерти и поставлены подъ Законъ милости (любви, благодати), то чѣмъ же мы будемъ обосновывать свѣтскую власть въ вѣрѣ Христовой?

Правда, священники всячески стараются обосновать закон-

ность и необходимость свѣтской власти среди христіанъ. Но все это тщетно. Вѣдь, если власть съ неотъемлемыми отъ нея боями и наказаніями должна управляться вѣрой Христовой и принести послѣдней преуспѣаніе, то для чего же разрушилъ Христосъ еврейскій Законъ и установилъ иной, духовный? Если бы Онъ хотѣлъ, чтобы изъ-за Его закона устранивали сѣчи, вѣшали, топили жгли и другими способами цѣдили изъ людей кровь, то старыи Законъ стоялъ бы по прежнему, непогнувшись, со всѣми своими кровавыми дѣлами, безъ которыхъ никакая свѣтская власть не можетъ существовать.

По мнѣнію Хельчицаго, слѣдуетъ строго отличать порядокъ свѣтской власти—подчиненныхъ ему и его свойства—отъ того порядка, въ который устроятся Богомъ, при посредствѣ Сына Божія, лишь нѣкоторые люди.

Каковъ же порядокъ свѣтской власти? Онъ осуществляется въ людяхъ, лишенныхъ мудрости, не вѣдающихъ Бога. Вѣдь, вся земля нуждается хотя въ какой-нибудь справедливости и въ покоѣ: если бы ихъ не было, люди не могли бы и существовать на землѣ. А такъ какъ на землѣ много народовъ, которые не имѣютъ никакой добродѣтели и знанія о Богѣ, не соблюдаютъ справедливости къ другимъ, то Богъ, желая все-таки долгого существованія людей на землѣ, устанавливаетъ надъ ними королей и князей, чтобы съ помощью ихъ соблюсти эти народы въ покоѣ, чтобы прекратились безправіе и жалобы, чтобы никто не смѣлъ чинить другимъ обиды, насильничать, красть, нарушать межи...

Всякая власть, желая спокойно господствовать надъ многими людьми, съ цѣлью увеличенія своей чести и богатства, должна мстить за любое беззаконіе: чѣмъ спокойнѣе захочетъ она властвовать, тѣмъ грознѣе должна мстить за преступленія. Тогда всѣ будутъ жить въ мирѣ между собой... Иначе одни извели бы другихъ, сбродъ возсталъ бы противъ сброда, сильнѣйшіе пригнали бы слабыхъ, выволокли бы ихъ изъ избеюкъ, одни захватили бы у другихъ отчины, дома, имѣнія и женъ.

Свѣтская власть потому именно и называется свѣтской, что отъ нея зависитъ теченіе и преуспѣаніе этого свѣта. Отсюда она бываетъ въ рукахъ и у самыхъ худшихъ людей—безъ вѣры, безъ добродѣтели и проявляетъ себя лишь ради своей собственной пользы; она ревностно мститъ и за самаго малаго человѣка, ибо отъ всѣхъ хочетъ имѣть выгоду.

Да и самъ безбожный и неправедный народъ только изъ страха подчиняется властямъ.

Но даже и для охраны временнаго блага власть должна быть непремѣнно единою и согласною; если же будетъ много властей, при томъ несогласныхъ, то онѣ нарушатъ и такое временное благо: тогда не останется на землѣ среди людей ни покоя, ни порядка.

Иными свойствами отличается тотъ порядокъ, который введенъ на землѣ Христомъ. Христосъ—царь оставилъ свой народъ—вѣрующихъ—подъ закономъ любви, подчинилъ этотъ народъ духовному порядку, гдѣ царить миръ неразрывной связи, какъ у многихъ членовъ одного тѣла, гдѣ господствуетъ праведность, далеко превышающая справедливость власти князей на землѣ и справедливость стараго Закона. Въ основаніи этой высокой праведности лежитъ любовь ко всѣмъ, любовь, отъ сердца желающая всѣмъ добра, и не только желающая, но и творящая каждому добро по мѣрѣ умѣнія, силы, имущества, разума, — однимъ словомъ, та любовь, о которой говоритъ ап. Павелъ (I Кор. XIII, 4—7). Люди, обладающіе такой любовью, уничтожаютъ жалобы съ двухъ сторонъ—и тѣмъ, что не чинять обидъ другимъ, и тѣмъ, что терпѣливо переносятъ обиды, учиненныя имъ другими. Такому духовному порядку не можетъ научить никакая мірская мудрость; не можетъ принудить къ нему и свѣтская власть, ибо онъ рождается изъ доброй воли, которая находится не подъ принужденіемъ, какъ рабъ, а подъ милостью, какъ сынъ.

Но если столь велико различіе между порядкомъ мірскимъ, съ помощью свѣтской принудительной власти, и порядкомъ Христовымъ, съ помощью любви, то, очевидно, доказываетъ Хельчицкій, что оба эти порядка не могутъ совмѣстно существовать подъ именованіемъ единой вѣры Христовой. Какъ власть не управляется вѣрой, такъ и вѣра не нуждается во власти. Если полнота власти заключается во множествѣ имуществъ и въ великихъ сонмахъ латниковъ, въ замкахъ и крѣпкихъ городахъ, то полнота и преуспѣяніе вѣры состоятъ съ Божьей мудрости и въ силѣ Духа Святого.

Только тѣ, кто подчиняются духовному порядку, и составляютъ духовное тѣло Христово, т.е. Церковь Христову.

Конечно, все-таки на свѣтѣ есть злые люди, которые только подъ принужденіемъ способны проявить хотя какую-нибудь спра-

ведливость въ ближнихъ. Ради такихъ людей и нужна свѣтская принудительная власть, говорятъ священники, защитники этой власти. Пусть такъ... Но не странно ли слышать такую защиту отъ священниковъ, которыхъ Христосъ именно затѣмъ и послалъ на проповѣдь, чтобы принять, какъ вѣрующихъ, только тѣхъ, кто добровольно усвоить ихъ проповѣдь. Жалко безсильна проповѣдь того священника Христова, который не можетъ привести людей къ Христовой праведности своей проповѣдью и взываетъ о помощи къ власти, объявляетъ въ костелѣ о чужеложствѣ, пьянствѣ и другихъ грѣхахъ людей, побуждаетъ власть отомстить за это и мнить еще при томъ себя преуспѣвающимъ въ проповѣди. Такому священнику, вмѣстѣ съ властью, далеко и до язычниковъ, ибо языческіе князья безъ всякой священнической проповѣди успѣшно прекращаютъ чужеложства, убійства, кражи...

Никто еще не могъ указать большей пользы отъ власти для вѣры Христовой, какъ то, что священники, захвативъ въ свои руки власть, пользуются ею для боевъ и отмщений, доказывая ихъ справедливость Закономъ еврейскимъ. А когда люди послушаютъ ихъ въ совершеініи такой мести, тогда они вичатся, какъ ревностѣйшіе въ вѣрѣ Христовой. На самомъ же дѣлѣ, если бы священники не путали этой власти въ вѣру Христову, то болѣе преуспѣвала бы вѣра, которая одна, безъ свѣтской власти, совершенно устрояетъ человѣка—его совѣсть и всю жизнь его.

Какъ же произошло наличное соединеніе вѣры Христовой съ принудительной властью? Конечно, апостолы и позднѣйшіе святые могли принять въ вѣру Христову много мощныхъ свѣтскихъ людей. Но ни одинъ христіанскій народъ не установилъ короля или князя господиномъ надъ собой, пока папа Сильвестръ не принялъ въ вѣру римскаго импер. Константина, который такъ и остался въ вѣрѣ со всѣми особенностями языческой власти; только уже потомъ и въ другихъ земляхъ власти такимъ же образомъ были приняты въ вѣру Христову. И вотъ, благодаря именно свѣтской власти, антихристъ получилъ всю свою силу надъ вѣрой Христовой, а великая блудница, сидящая на римскомъ престолѣ, распространила въ мірѣ всѣ свои отравы. Эта власть, принятая въ вѣру съ той же почестью, имуществомъ и правами, какими и прежде пользовалась у язычниковъ, въ свою очередь даровала священникамъ имущество; она и сама живо вкралась въ вѣру и священниковъ лишила вѣры своимъ имуществомъ. Послѣ столь живаго сліянія свѣтской власти со священствомъ это послѣднее потомъ все

болѣе возрастало въ богатствѣ и въ чести сего свѣта, таща имущества отъ власти и отъ другихъ мірянъ. А когда разузрашенная блудница, римская церковь, получила отъ свѣтской власти всю свою силу и полноту, тогда она, какъ и подобаетъ ея безстыжей наглости, принялась лобзать эту власть, любить и обнимать ее, благословляя, подольщаясь, все прощая власти и дѣлая ее участницей всей своей святости, объявляя ее частью церкви святой и намѣстникомъ Божества.

Вслѣдъ за языческой властью и весь свѣтъ вкрался въ вѣру; ибо если уже этимъ головоастымъ и гордымъ людямъ удалось проникнуть въ среду вѣрующихъ, то можетъ ли быть хоть одинъ человекъ на свѣтѣ, котораго священники не приняли бы въ вѣру? Вѣдь, лихоимцы и торгаши—для нихъ наилучшіе въ вѣрѣ! Они наиболѣе обогатили костелы и надарили священникамъ „орнаменты“ и денежныхъ платежей; они легко вылихоимствовали и выторговали это богатство, а священники все покрыли своимъ благословеніемъ.

Однимъ словомъ, Христосъ не установилъ и не повелѣлъ въ Законѣ Своемъ поставить короля господиномъ надъ Своей церковью, для преуспѣянія ея въ вѣрѣ. Произошло нѣчто другое: обманутый священникъ принялъ цезаря въ вѣру Христову и сдѣлалъ его господиномъ надъ людьми Христовыми...

Отсюда и пошло замѣшательство въ вѣрѣ. Съ тѣхъ поръ дѣла власти въ народахъ, находящихся внѣ вѣры и Божьяго Закона, причитаются власти, какъ полнота вѣры Христовой; съ тѣхъ поръ власть, пребывая въ вѣрѣ, проливаетъ много крови въ бояхъ, творить, по наущенію священниковъ, много отщепеній согласно съ Закономъ еврейскимъ, чинить по законамъ языческимъ много убійствъ, вѣшаетъ, топить, сожигаетъ, казнить, колесуетъ, умерщвляетъ въ тюрьмахъ, грабить и вообще разнообразно мучить, насилуетъ и поработачаетъ простой народъ. Выходитъ такъ, что Христосъ, проливъ Свою кровь за грѣшниковъ, былъ обогащенъ священникомъ (папой) Сильвестромъ еще и свѣтской властью, съ ея насиліями.

Защитники свѣтской принудительной власти въ христіанскомъ обществѣ обыкновенно ссылаются на повелѣніе ап. Павла подчиняться богоустановленнымъ предержавшимъ властямъ (Рим. XIII, 1—2). Хельчицкій разрушаетъ силу этого довода.

Слѣдуетъ вдуматься въ то, кому и что именно пишетъ апостоль. Апостоль въ посланіи напоминаетъ новообращеннымъ вѣр-

онимъ, чѣмъ они подчинялись языческой власти, римскому цезарю, ибо еще и потому долгое время римская имперія пребывала безъ вѣры, а римскіе цезари пролили много крови святыхъ, прежде чѣмъ живо были приняты въ вѣру Христову. Большая разница, съ одной стороны, учить свѣтскую власть или учить общину установленію надъ собой такой власти для преуспѣянія вѣры, и, съ другой стороны, учить вѣрныхъ людей подчиненію власти языческаго цезаря. Послѣднее было необходимо, ибо вѣрные люди, освобожденные благодатію Господа нашего І. Христа отъ власти діавола и отъ бремени стараго Закона, могли счесть себя освобожденными и отъ бремени свѣтской власти... А между тѣмъ власть имѣеть нѣкоторыя нины, чѣмъ діаволь и старый Законъ, свойства, ради которыхъ апостоль не освобождаетъ вѣрующихъ отъ бремени власти, но велитъ имъ быть подданными ея. Однако самъ отъ себя апостоль не устанавливаетъ надъ вѣрующими во Христа свѣтской власти съ мечемъ, не представляетъ къ горлу ихъ, при помощи Закона Христова, страшилища въ видѣ власти съ мечемъ. Ибо если Христосъ искупилъ вѣрныхъ людей отъ закона страха, то неподобно, чтобы Онъ черезъ апостола снова взвалилъ на нихъ страхъ меча. Но разъ власть существуетъ для всѣхъ и охватываетъ всѣхъ, кто виѣ Божьяго Закона, кому единственный законъ — мечъ, передъ которымъ они трясутся; разъ вѣрующіе живутъ въ обществѣ этихъ людей, во владѣніяхъ языческихъ властей: то апостоль и приказываетъ вѣрующимъ быть подданными свѣтской власти въ подобающихъ вещахъ, во-первыхъ, изъ покорности, какъ и слѣдуетъ слугамъ Христовымъ, во-вторыхъ, потому, что власть установлена повелѣніемъ Божиимъ. Если бы христіанинъ презрѣлъ все то, что ведетъ къ справедливости и покою, только изъ-за того, что все это повелѣваетъ языческая власть, то онъ презрѣлъ бы Бога и погубилъ бы свою добрую совѣсть, противясь Божьему установленію. Но каковъ бы ни былъ умыселъ власти въ ея повелѣніяхъ касательно виѣшней справедливости (личная выгода), какъ бы ни былъ онъ отличенъ отъ умысла Божьяго (любовь), однако нѣтъ различія относительно обиды ближнему: обижая ближняго, вѣрующій разгнѣваетъ и князя и Бога, хотя въ обоихъ случаяхъ различно...

Апостоль повелѣваетъ христіанамъ слушаться властей въ дозволенныхъ Богомъ дѣлахъ еще и для того, чтобы власти, въ случаѣ неповиновенія христіанъ, не сочли христіанской вѣры мошенни-

чествомъ, чтобы изъ-за пустяковъ не покусились на вѣру. Но если бы вѣрующіе не жили во владѣніяхъ этихъ властей и посреди злыхъ язычниковъ, то апостолъ, конечно, не давалъ бы имъ всѣхъ этихъ наставленій.

Ученіе о допустимости свѣтской принудительной власти въ христіанскомъ обществѣ нашло себѣ выраженіе и въ теоріи о тройномъ составѣ церкви—изъ свѣтской власти, духовенства и рабочаго люда. Эта теорія, въ изложеніи ея Виклифомъ, стала особенно популярной въ Чехіи, благодаря переводу м. Якубомъ изъ Стпибра соответствующаго трактата Виклифа: „Dialogus“ на чешскій языкъ, подъ заглавіемъ: „O padaní kněžském“. Хельчицкій критически излагаетъ и отвергаетъ теорію Виклифа.

Виклифъ различаетъ троякій христіанскій народъ, съ особыми дѣлами: свѣтскую власть онъ называетъ третьей частью св. церкви и намѣстникомъ Божества, съ обязанностью защищать мечемъ Законъ Божій и двѣ другія части церкви—священниковъ и простой народъ; о священникахъ онъ толкуетъ, что они—намѣстники челоуѣчества Христова и должны подражать Христу въ нищетѣ, трудѣ и терпѣливости и учить двѣ другія части. Положеніе Виклифа относительно обязанности свѣтской власти защищать мечемъ Законъ Божій стало у гуситовъ основаніемъ и оправданіемъ ихъ войнъ въ защиту Закона Божія.

Но ученіе Виклифа, по мнѣнію Хельчицкаго, полно противорѣчій и разрушаетъ само себя.

Въ самомъ дѣлѣ.... Если свѣтская власть—намѣстникъ Божества въ защитѣ мечемъ Закона Божія и двухъ другихъ частей, такъ, вѣдь, всего ближе можетъ она защищать Законъ Божій въ особѣ священника, обязаннаго проповѣдывать этотъ Законъ, идя по всему свѣту. Но, съ другой стороны, священникъ—намѣстникъ челоуѣчества Христова и обязанъ послѣдовать Ему въ трудѣ и въ терпѣливости. И вотъ, если намѣстникъ Божества, будучи на-готовѣ съ мечемъ, никому не позволитъ обидѣть священника, когда, напримѣръ, во время проповѣди злые люди захотятъ его избить, схватить или вообще причинить вредъ, то гдѣ же и какъ будетъ священникъ послѣдовать Христу въ терпѣливости? Тоже самое можно сказать и о каждомъ челоуѣкѣ изъ простонародья, обязанномъ, по повелѣнію Христа, въ случаѣ удара въ лицо, подставить и другую свою щеку и, по приказанію апостола, не защищать себя: если власть по своей должности обязана услужить ему, защитить его отъ обиды, то, вѣдь, онъ такимъ образомъ тоже

не выполнить Заповѣди Христовой. Имѣя на своей сторонѣ власть, по долгу защищающую его отъ обиды, христіанинъ можетъ защититься отъ многихъ людей и особенно легко уклониться отъ заповѣди терпѣнія. Но, не желать ничего стерпѣть, защищаться при каждой обидѣ, собираться изъ-за того въ сброды и искать защиты у свѣтской власти—все это путь изыческой и сего свѣта, далекой отъ ига Христова.

Что это за тѣло Христово, когда одни члены его, по должности своей служа другимъ, нарушаютъ то, что послѣдніе должны дѣлать по заповѣди Божіей? Если священникъ—одна часть этого тѣла, обязанная по должности учить двѣ другія части—учить власть ревностно вступаться за двѣ другія части противъ насилій и обидъ со стороны злыхъ людей, а другихъ христіанъ общины учить идти по стезямъ Христовымъ, послѣдуя Его терпѣнію, что же тогда дѣлаетъ этотъ священникъ, уча однихъ бороться со зломъ, а другихъ—терпѣть зло? Онъ поступаетъ подобно тому, кто запретилъ бы пекарямъ печь хлѣбъ, а другимъ людямъ приказалъ бы ѣсть хлѣбъ. Далѣе, священникъ долженъ стоять на мѣстѣ апостольскомъ, возвѣщая людямъ прощеніе грѣховъ въ крови Сына Божія, если они обратятся къ Богу и покаются. А намѣстникъ Божества, не напрасно—а для мести злымъ—нося мечъ, ничего иного и не можетъ дѣлать, какъ только мстить злымъ людямъ. И вотъ, если священникъ приметъ злыхъ въ милость, призвавъ ихъ къ покаянію, то надъ кѣмъ же будетъ мстить тотъ, кто держитъ мечъ? Если онъ все же перебьетъ мечемъ злыхъ людей, то кого же тогда приведетъ къ покаянію и приметъ въ милость священникъ? Такимъ образомъ, въ чемъ одинъ преуспѣетъ по своей должности, въ томъ другой потерпитъ ущербъ по такой же своей собственной должности. Что же это за члены одного тѣла, когда они препятствуютъ другъ другу въ работѣ?!

Въ защиту свѣтской власти приводятъ еще того римскаго центуріона, слугу котораго исцѣлилъ Христосъ. Но изъ Писанія видно, что Христосъ хвалилъ центуріона не за его должность, а за вѣру, ради которой и исцѣлилъ его слугу. А если такъ, то нельзя видѣть здѣсь обоснованія Христомъ свѣтской власти въ вѣрѣ Своей.

Свѣтскую власть, какъ необходимую составную часть церкви, подтверждаютъ еще словами св. Павла о духовномъ тѣлѣ Христовомъ и членахъ его.

Но апостолъ описываетъ (1 Кор., XII, 4—12) части тѣла Христова со стороны духовныхъ дѣлъ и вовсе не упоминаетъ о тѣлѣ.

согнутомъ второе, съ тѣлесными должностями. Онъ перечисляетъ различные милости и дары Духа Святого, которые даруются святымъ людямъ для служенія другъ другу, какъ служатъ другъ другу естественные члены человѣческаго тѣла. Иное дѣло—раздѣленіе христіанскаго народа на три части, сообразно тѣлеснымъ дѣламъ, свѣтской власти и другимъ тѣлеснымъ должностямъ: здѣсь вовсе нѣтъ тѣла Христова, ибо такое раздѣленіе на три части можетъ окхватывать и тѣхъ, кто достоинъ пекла (ада), т.-е. явныхъ враговъ Божиихъ. Лишь люди, обладающіе дарами Духа Святого, являются настоящими членами тѣла Христова, которые всѣ вмѣстѣ и составляютъ единое тѣло Христово (церковь).

Жизнь Духа Святого, пребывая въ каждомъ членѣ этого тѣла, сообразно отдѣльнымъ дарамъ, собирается въ единую волю, въ единый разумъ. Тѣло и кровь не могутъ создать согласія и готовности къ служенію даже въ двухъ людяхъ, которые руководятся собственной волей и гордыней сердца. Тѣмъ болѣе не имѣетъ и во вѣки не будетъ имѣть такого единенія и всеобщей любви весь этотъ троякій яко бы христіанскій народъ. Вѣдь, дѣленіе народа на три части есть и у язычниковъ. У нихъ имѣются князья, которые ревностнѣе наблюдаютъ за внѣшней справедливостію въ народѣ, чѣмъ здѣшніе христіанскіе лѣнтыя, пренебрегающіе справедливостію изъ-за подарковъ и просьбъ. Среди язычниковъ имѣется и рабочій людъ, который пашетъ и дѣлаетъ другія дѣла. Есть среди нихъ и священники, отвращающіе ихъ отъ единого Бога-Творца посредствомъ многихъ боговъ,—какъ и среди насъ имѣются великіе совратители, которые отвлекаютъ людей отъ Бога не только деревянными идолами, но и словами Божиими, и вѣрой, и пекломъ, и небомъ, и святыми въ небѣ. И если у язычниковъ такое дѣленіе народа на три части не составляетъ еще тѣла Христова, то тѣмъ болѣе у насъ, христіанъ. Мечъ пановъ-господъ не приведетъ мужиковъ къ единенію мысли, хотя и поработитъ ихъ, какъ невольниковъ; а роскошный столъ пана только развеселитъ глупца-священника, который сочтетъ пріязнь пана за пріуспѣяніе вѣры...

Еще больше того говоритъ св. Павелъ о членахъ тѣла Христова (1 Кор. XII, 21—26). Ап. Павелъ говоритъ, что, хотя въ естественномъ тѣлѣ человѣка много членовъ, но они не презираютъ другъ друга, а заботятся одни о другихъ. Особенное вниманіе обращаетъ апостолъ на то, что въ тѣлѣ нѣтъ пренебреженія и презрѣнія со стороны болѣе важныхъ членовъ къ членамъ меньшимъ и менѣе почтеннымъ.

Поучительно теперь приложить эти слова. ап. Павла къ тѣлу Христову, состоящему изъ пановъ, священниковъ и рабочаго люда. Подойдутъ ли слова апостола къ этому тѣлу?

Какъ извѣстно, въ этомъ тѣлѣ свѣтская власть должна защищать мечемъ двѣ другія части, священники—учить эти двѣ части, а рабочіе люди—кормить пановъ, работой добывать имъ яства, напитки и платежи. Но если, по апостолу, при страданіи одного члена, и всѣ прочіе страдаютъ вмѣстѣ съ нимъ, то какъ же горбатые члены съ мечемъ въ рукахъ давятъ, огорчаютъ, бьютъ, сажаютъ въ тюрьму, отягощаютъ барщиной, оброками и иными выдумками другихъ, меньшихъ, членовъ, такъ что эти послѣдніе ходятъ, какъ вялые, а первые, какъ кони сытые и праздные, ржутъ надъ ними? Какъ же священники, очи этого тѣла, смотрятъ на части тѣла, соображая, какъ бы получить отъ нихъ и захватить себѣ имущество? Какъ же тѣ и другіе вмѣстѣ, паны и священники, ѣздятъ на рабочемъ народѣ, сколько имъ захочется? А такъ какъ тѣ, кто держатъ мечъ,—руки этого тѣла, простой же народъ—ноги, то посмотримъ, что дѣлаютъ руки ногамъ по правдѣ апостольской? Трогательно вспомнить о дѣлахъ, которыя совершаютъ руки для ногъ, всегда ихъ обувая, чтобы онѣ не ушиблись, не озябли и не запачкались; а если ноги запачкаются, руки тотчасъ умоютъ ихъ; если ноги ушибутся, руки тотчасъ увяжутъ и лѣчатъ ихъ... Но эти руки съ мечемъ лишь забираютъ то, что ноги добудутъ себѣ поѣсть, грабятъ ихъ. Одно лѣкарство знаютъ эти руки для ногъ: пустятъ изъ нихъ кровь, всячески умучатъ ихъ и изобьютъ, какъ скотину...

Столь же мало подойдутъ къ этому тѣлу тройного состава слова апостола о томъ, что менѣе благородные члены тѣла находятся въ чести у членовъ болѣе благородныхъ. Вѣдь, мужики и пастухи, какъ самыя малые члены въ обществѣ, должны бы оказываться въ наибольшей чести. Но дѣйствительность далека отъ этого. Ибо для головастыхъ людей—господъ и священниковъ—простые и невидные люди, какъ пси: они—„деревенская прѣль“ „мужичье“, „филины“, „холопы“. Нѣтъ, отъ почтенныхъ членовъ для неблагородныхъ получается гораздо больше позору, чѣмъ почести!

А простой народъ имѣетъ лишь отвращеніе и къ панамъ и къ священникамъ; даже должныхъ платежей не хочетъ народъ давать имъ....

Однимъ словомъ, слова ап. Павла о духовномъ тѣлѣ Христовомъ

могутъ исполняться только на свѣтыхъ людяхъ, обладающихъ дарами Духа Святаго и могущихъ въ любви собраться въ настоящее единство, при которомъ каждый добровольно печется о другомъ, горюетъ съ нимъ въ его бѣдѣ и считаетъ его лучше себя. И когда такихъ людей, съ различными дарами Духа Святаго, будетъ много, то они и составятъ тѣло Христово. Если же кто-нибудь въ этомъ тѣлѣ будетъ искуснымъ въ какомъ-либо тѣлесномъ дѣлѣ, то не замедлитъ онъ послужить другимъ и своей тѣлесной вещью.

Что же касается тѣла Христова, состоящаго изъ свѣтской власти, духовенства и рабочаго люда, то нужно надѣяться, что Богъ скоро для всѣхъ обнаружитъ кровавую природу этого тѣла, которое тогда уже не будетъ благоухать, какъ истинное тѣло Христово, а станетъ смердѣть, какъ тѣло блудницы, сосватавшей себѣ несвѣтъ...

Отвергнувъ свѣтскую принудительную власть въ христіанскомъ обществѣ, съ ея насиліями, войнами и смертной казнью, разрушивъ такимъ образомъ основной элементъ въ средневѣковой концепціи церкви, какъ христіанскаго общества, Хельчицкій лишь бѣгло касается вопросовъ о положеніи въ церкви духовенства и широкихъ народныхъ массъ.

Что касается духовенства, то истинными священниками онъ признаетъ прежде всего апостоловъ Христовыхъ, которые наполнили своей проповѣдью всю вселенную,—съ великимъ трудомъ, въ хожденіи, въ голодѣ, наготѣ, во многихъ мученіяхъ, будучи людьми бѣдными, безъ свѣтской власти, съ упованіемъ на одного только Бога. Затѣмъ, истинными священниками слѣдуетъ, по мнѣнію Хельцицкаго, признавать тѣхъ, кто стояли, стоятъ и будутъ стоять на стезяхъ апостоловъ. Но такихъ священниковъ теперь очень мало. Большинство духовенства безъ болѣе порождено блудницей, возсѣдающей на римскомъ престолѣ. Эти священники, какъ злые наемники, въ часъ искушенія бѣжали отъ своей паствы и заперлись въ замкахъ и городахъ, устроивъ бои и высасывая изъ народа кровь.

Конечно, Хельчицкій несогласенъ и съ тѣмъ воззрѣніемъ, будто задача народныхъ массъ въ церкви—физическій трудъ для содержанія господъ (свѣтской власти) и духовенства. Это воззрѣніе ведетъ только къ развращенію господъ и духовенства, къ ихъ тушеядству; развращаются этимъ воззрѣніемъ и сами народныя массы, которыя стремятся вступить въ ряды господъ и духовенства ради такой легкой, празднои жизни.

Потому-то и развелось такое излишнее множество различного священства и господь, что всё хотять быть панамы, господами, солдатами. Ибо легко ѣздить на толстыхъ коняхъ, грозить и гордо говорить, бранить простыхъ людей „холопами“ и „филинами“, обдирать ихъ, какъ липу, сбивать имъ головы съ плечъ, всегда обильно ѣсть и хорошо пить, тунеядствовать, шататься съ мѣста на мѣсто, безъ пользы говорить всякіе пустяки и безъ стыда чинить различные грѣхи. Слишкомъ много развелось по замкамъ и городамъ такихъ насильниковъ, которые либо, пользуясь властью, обижаютъ простой народъ либо, взимая платежи съ крестьянъ, имѣютъ съ этого хорошее житье дома, пируютъ и ведутъ праздную жизнь. Та же причина, почему размножились монахи, каноники, крестоносцы, орденскіе братья; они, какъ господа, роскошно ѣдятъ и пьютъ, одѣваются въ разныя дорогія одежды, строятъ высокіе дома съ чистыми покоемъ; и все это они дѣлаютъ на счетъ крови и пота рабочихъ людей...

А, вѣдь, ап. Павелъ не повелѣваетъ священникамъ и панамъ возлечь на рабочихъ людяхъ, пожирать и распивать ихъ добро, подобно бесполезнымъ трутнямъ между пчелами. Допуская, что проповѣдники евангелія могутъ получать содержаніе за свое благовѣствованіе, онъ все же не считаетъ наилучшимъ дѣломъ брать за проповѣдь тѣлесныя вещи отъ тѣхъ, кому проповѣдуется (2 Солун., III, 7—9). Апостоль никогда не сказалъ бы: „Попросите Бога за милостиваго пана, пусть всегда зоветъ къ обѣду“. Апостолы не называли простого народа ногами тѣла, обязанными носить ихъ, напротивъ—сами они были ногами для другихъ. А рабочихъ людей апостоль учить и тому, чтобы они дѣлали руками своими; кто же не хочетъ работать, пусть не ѣсть (2 Солун. III, 10—11). Апостоль не хочетъ, чтобы среди вѣрующихъ были люди праздные, какъ дворяне, которые не знаютъ другого дѣла, какъ только пребывать въ праздности и шататься. Онъ никогда не сказалъ бы такимъ шатунамъ и бездѣльникамъ: „Вы должны заниматься рыцарскимъ дѣломъ и оборонять правду!“

Несомнѣнно, что истинные члены тѣла Христова, отмѣченныя дарами Духа Святаго и явной праведностью Закона Христова, должны учиться и тѣлеснымъ дѣламъ, чтобы имѣть возможность помогать всѣмъ нуждающимся людямъ, давать имъ по любви, какъ подобаетъ истиннымъ членамъ этого тѣла, которые всѣ вмѣстѣ страдаютъ съ голоднымъ или нагимъ членомъ.

И вотъ, когда все пойдетъ такимъ образомъ, тогда ни одинъ

членъ тѣла Христова не будетъ дѣлать никакихъ пустыхъ, злыхъ и вредныхъ дѣлъ, ко вреду или съ обманомъ своихъ ближнихъ; онъ ничего не будетъ ни продавать, ни покупать, преслѣдуя въ торговлѣ одно лишь злое возжелѣніе, съ божбой расхваливая покупателю свой товаръ и хуля то, что самъ покупаетъ у другихъ. Но тѣлу, натрое перегнутому, въ которомъ двѣ части ѣздятъ на третьей, разрѣшаются торгашество и всякое стяжаніе, отмѣченныя явной жадностью и лихоимствомъ; разрѣшаются и различныя вредныя и суетныя ремесла, гдѣ яркость красокъ, разнообразіе покрововъ и украшеній служатъ лишь для надувательства; разрѣшается и корчемство со всѣми его послѣдствіями.

Все это творится сейчасъ, по наблюденію Хельчицаго, въ Прагѣ и въ другихъ городахъ Чехіи, гдѣ ведется война за правду Божию, гдѣ сосредоточенъ троякій народъ, составляющій будто бы тѣло Христово (церковь).

Но то согласіе въ тѣлесной защитѣ, которое наблюдается сейчасъ въ троякомъ народѣ, въ этомъ мнимомъ тѣлѣ Христовомъ, совершеннѣе бываетъ у язычниковъ, чѣмъ у потемненныхъ христіанъ—и тѣмъ не менѣе не называются же язычниками изъ-за того тѣломъ Христовымъ.....

III.

П. Хельчицкій и таборитство.

1) Участіе П. Хельчицкаго въ евхаристійномъ спорѣ среди гуситовъ — полемика противъ евхаристійныхъ теорій таборитовъ: „Replika proti Mikuláši biskupci Tábořskému“.

Въ своихъ предыдущихъ изслѣдованіяхъ мы слѣдили за развитіемъ въ гуситской мысли существеннѣйшихъ вопросовъ морали и политики, заключавшихся въ общемъ положеніи — „пражскомъ артикулѣ“ о необходимости борьбы съ грѣхомъ и зломъ въ христіанскомъ обществѣ, показали своеобразное мѣсто, занятое Хельчицкимъ въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ. Теперь мы переходимъ отъ вопросовъ морали и политики къ вопросамъ религіозной метафизики, специально къ вопросу о сущности таинства евхаристіи, который поднялся въ гуситской средѣ немедленно же послѣ признанія (если не ранѣе) другого „пражскаго артикула“ о возможно частомъ причащеніи вѣрующихъ подъ обоими видами, при чемъ заключавшіеся въ немъ вопросы морали (нравственная чистота вѣрующихъ и уравненіе мірянъ со священниками) смѣнились вопросами теоріи матеріи и духа и ихъ взаимоотношеній.

Вопросы эти были возбуждены распространеніемъ среди гуситовъ и популярностью среди таборитской партіи трактатовъ Виклифа „De eucharistia“¹⁾, посвященныхъ доказательствамъ невозможности пресуществленія евхаристійныхъ видовъ — хлѣба и вина — въ тѣло и кровь Христа и утверждавшихъ только духовное присутствіе Христа въ таинствѣ.

Въ спеціальной таборитской литературѣ трактатовъ обсуждался характеръ этого духовнаго присутствія Христа въ таинствѣ евхаристіи — и нѣкоторые табориты пошли дальше своего англійскаго учителя, отрицая всякое реальное, хотя-бы и духовное, присутствіе Христа.

Умѣренные гуситы — пражскіе магистры, стоя на точкѣ зрѣнія пресуществленія (transsubstantiatio), открыли полемику противъ табори-

¹⁾ Изд. „Wyclif Society“, подъ ред. I. Лозерта, въ 1892 г.; въ англійскомъ „введеніи“ къ изданію (перепечатано въ „Mitheil. Vereins f. G. d. D. in B.“, 1891, 1—33) Лозертъ излагаетъ исторію виклифовой евхаристійной теоріи въ гуситской средѣ; среди ряда пробѣловъ этой статьи слѣдуетъ отмѣтить и полное умолчаніе о П. Хельчицкомъ, понятное, впрочемъ, въ виду того, что „Replika“ еще не была напечатана.

товъ, какъ противъ строгаго виклифизма ихъ евхаристійныхъ теорій, такъ и противъ дальнѣйшихъ, болѣе радикальныхъ взглядовъ. П. Хельчицкій тоже принималъ участіе въ этомъ долготѣннѣмъ—до пол. 1440-хъ лѣтъ—евхаристійномъ спорѣ, защищая противъ крайнихъ или казавшихся таковыми таборитовъ строгій виклифизмъ¹⁾. Изъ литературныхъ произведеній Хельчицкаго, въ которыхъ сказалось участіе его въ евхаристійномъ спорѣ, наиболѣе важнымъ—хотя и не послѣднимъ хронологически—является его „Replika proti Mikuláši biskupci Táboorskému“, бросающая довольно яркій свѣтъ вообще на отношенія Хельчицкаго къ таборитамъ²⁾ и дающая намъ поводъ коснуться и вопроса объ отношеніи Хельчицкаго къ другимъ, кромѣ евхаристійныхъ, богословскимъ воззрѣніямъ таборитовъ.

„Replika proti Mikuláši biskupci Táboorskému“ является заключительнымъ моментомъ въ сложной и, къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясной исторіи личныхъ и литературныхъ сношеній П. Хельчицкаго съ официальнымъ духовнымъ главой таборитовъ—Николаемъ изъ Пельгржимова, Писецкимъ „Бискупцемъ“.

Исторія эта представлена самимъ Хельчицкимъ, въ „Replika“ же, въ слѣдующихъ чертахъ.

Приблизительно за три года до написанія „Реплики“ Николай „Бискупецъ“, вмѣстѣ съ таборитскимъ священникомъ Лукашемъ (Лукой), были по какому-то случаю въ г. Воднянахъ, въ получасъ ходьбы отъ м. Хельчиць, гдѣ проживалъ П. Хельчицкій.

Табориты вызвали Хельчицкаго къ себѣ на свиданіе и, сидя на прудовой плотинѣ, спрашивали его, какія вѣсти доходятъ до него относительно ихъ ученія о существѣ таинства евхаристіи. Хельчицкій отвѣчалъ, что вѣсти эти разныя—добрыя и худыя. Бискупецъ въ долгой бесѣдѣ старался убѣдить своего собесѣдника въ томъ, что ученіе его, „Бискупца“, объ евхаристіи согласно съ Писаніемъ и проникнуто почтеніемъ къ таинству, разрушая въ то же время неправильныя измышленія людей по этому богословско-философскому вопросу. Хельчицкій разстался съ таборитами вполне удовлетвореннымъ бесѣдой съ ними. Долго спустя, Николай Бискупецъ снова послалъ за Хельчицкимъ, который, какъ и прежде, охотно отозвался на приглашеніе; бесѣда имѣла такой же характеръ, какъ и прежде, и велась такъ же, какъ и прежде, въ присутствіи третьихъ лицъ; только Хельчицкій не указываетъ

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ этюдѣ, который будетъ посвященъ специально отношеніямъ П. Хельчицкаго къ Виклифу.

²⁾ Въ другихъ произведеніяхъ Хельчицкаго по вопросу объ евхаристіи ведется полемика не только съ радикальными таборитами, но и со сторонниками „пресуществленія“ (католиками и „пражанами“).

ни этихъ лицъ, ни мѣста свиданія („ty wieš, u koŕo a v kum“). Уходя съ бесѣды, Хельчицкій на этотъ разъ попросилъ у Бискупца письменнаго изложенія его рѣчей и ученій для лучшаго уразумѣннѣ ихъ и поученія, тѣмъ болѣе, что до свиданій съ Бискупцемъ онъ не имѣлъ, будто-бы, никакого представленія о существѣ популярнаго въ гуситской Чехиѣ спора касательно таинства евхаристіи¹⁾.

Съ теченіемъ времени Бискупецъ исполнилъ просьбу Хельчицкаго: онъ самъ посѣтилъ Хельчицкаго и передалъ ему желанное письменное изложеніе своихъ воззрѣній по вопросу о таинствѣ евхаристіи. Полный текстъ этого трактата не дошелъ до насъ; отрывки изъ него извѣстны въ передачѣ П. Хельчицкаго и м. Я. Пшибрама (см. ниже). Кромѣ этого, написаннаго Бискупцемъ трактата „ad hominem“, Хельчицкій получилъ отъ сопровождавшихъ Бискупца лицъ („čeled“) еще и другіе его трактаты, написанные при томъ имъ собственноручно²⁾.

Кончились ли этимъ личныя сношенія Хельчицкаго съ Бискупцемъ по волновавшему ихъ обоимъ вопросу, или, можетъ быть, они еще и продолжались,—сказать трудно. Хельчицкій въ „Репликѣ“ сообщаетъ еще нѣкоторыя подробности о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Бискупцемъ. Онъ рассказываетъ, что при одномъ своемъ посѣщеніи Бискупца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бывшаго съ послѣднимъ другаго знаменитаго таборитскаго священника, Вацлава Коранды, ему пришлось выслушать отъ обоихъ таборитовъ упрекъ въ томъ, будто онъ, Хельчицкій, по слухамъ, порицалъ одного изъ первыхъ по времени и по вліянію таборитскихъ писателей о существѣ евхаристіи—священника Яна Нѣмца Жатецкаго (изъ г. Жатца). Когда Хельчицкій отрицалъ правдивость этого слуха, то Бискупецъ и Коранда стали хвалить ему и жизнь и сочиненія Яна Жатецкаго. Уже тогда Хельчицкій понималъ общность тенденціи и смысла соответствующихъ трактатовъ Бискупца и Яна Жатецкаго; впоследствии ему стало ясно и то, почему разсужденія Яна Жатецкаго повторяются, съ нѣкоторыми лишь различіями выраженій, въ трактатахъ самого Бискупца; а это наблюденіе потомъ дало ему право признавать заблужденія одного изъ нихъ заблужденіями и другаго³⁾. Думается, что здѣсь Хельчицкій рассказываетъ о другомъ своемъ посѣщеніи Бискупца,

1) „Nebot' sem o ničemž nic newiediel sprostnie, dokawadž sem gnych twych pisem nemiel a prawie gich neroztykał“, Сбор. II Отд. И. А. Н., LV 412; „nebo tak sem ia malo wiediel w tu chwili o tiechto wiecech, kterežt odpisugi, jakot malo wiem, co nynie papež w Rimie čini“... *ibid.*, 420.

2) Сборн., LV, 413.

3) *ibid.*, 421—422.

чѣмъ указанное выше, гдѣ не хочеть почему-то указать ни мѣста, ни очевидцевъ свиданія. Но вопросъ о томъ, когда произошло устанавливаемое нами третье свиданіе—до или послѣ посѣщенія самимъ Бискупцемъ П. Хельчицкаго и передачи написаннаго ad hoc трактата—разрѣшить съ достовѣрностью мы не можемъ; кажется однако, что—до этого... Вѣроятно, къ этому же третьему свиданію относятся и еще нѣкоторыя показанія Хельчицкаго. При одномъ свиданіи Бискупецъ отрицалъ субстанціальное (bytnie) присутствіе тѣла Христова въ таинствѣ причащенія, указывая на бесполезность для людей такого присутствія, ссылаясь при этомъ на авторитетныя мнѣнія св. Амвросія и бл. Августина. „Это говорилъ ты въ своей комнатѣ, сидя между ложемъ и рабочимъ столомъ—а я сижу предъ тобой на лавкѣ“, припоминаетъ Хельчицкій Бискупцу ¹⁾. Зато, повидимому, имѣло мѣсто еще одно, четвертое, свиданіе скоро разошедшихся, временныхъ—по недоразумѣнію—единомышленниковъ. Это свиданіе было послѣднимъ, и происходило оно у Бискупца или его товарищей—священниковъ ²⁾. Во время этого свиданія Бискупецъ, узнавъ о несогласіи Хельчицкаго съ ученіемъ, отрицающимъ субстанціальное, хотя-бы и духовное присутствіе тѣла Христова въ таинствѣ, высказалъ, для уловленія Хельчицкаго, мысль о томъ, что Христосъ присутствуетъ въ таинствѣ своимъ истиннымъ тѣломъ ³⁾, хотя Хельчицкій и понималъ, что Бискупецъ разумѣетъ присутствіе Христа въ смыслѣ Яна Жа-тецкаго, т.-е. какъ благодатное для причащающихся присутствіе...

Встрѣчи и бесѣды Хельчицкаго съ Бискупцемъ и другими таборитами, протекавшія, повидимому, столь мирно и задушевно, такимъ образомъ въ концѣ концовъ стали уже омрачаться: Хельчицкій замѣтилъ, что Бискупецъ хитритъ съ нимъ и уклоняется отъ выраженія своего настоящаго мнѣнія по интересовавшему обоихъ вопросу.

Это впечатлѣніе стало для Хельчицкаго еще болѣе определеннымъ и яснымъ послѣ знакомства съ полученными имъ сочиненіями Бискупца: оказалось, что трактаты Бискупца находятся въ противорѣчій съ устными заявленіями. Хельчицкій хотѣлъ—было попросту побесѣдовать съ Бискупцомъ и объ этомъ. Но такъ какъ объясненіе почему-то не могло состояться, то Хельчицкій отправилъ Бискупцу свое посланіе на эту тему ⁴⁾.

¹⁾ Сборн., LV, 421.

²⁾ „yako sem u was byl poslednie“, *ibid.*, 422.

³⁾ *ср.* и 443.

⁴⁾ Сборн., LV, 413.

Это первое посланіе Хельчицкаго Николаю Бискупцу до сихъ поръ неизвѣстно; очень можетъ быть, что оно безслѣдно (если не имѣть въ виду слѣдовъ и послѣдствій его, поскольку они сохранились въ „Replica“) погибло... Хельчицкій въ „Репликѣ“ вспоминаетъ о своемъ первомъ посланіи Бискупцу лишь постольку, поскольку укоряетъ его за это посланіе самъ Бискупецъ, отвѣчавшій Хельчицкому и тѣмъ вызвавшій появленіе „Реплики“ Хельчицкаго. По словамъ Хельчицкаго, его первое посланіе Бискупцу отличалось учтивостью и скромностью¹⁾; оно носило совершенно частный характеръ, дабы не дать кому-нибудь въ руки оружія противъ Бискупца, которому угрожали враги²⁾.

Что касается самого содержанія посланія, то оно состояло, во-первыхъ, въ выдержкахъ различныхъ мѣстъ изъ трактатовъ Бискупца и Яна Жатецкаго, во-вторыхъ, въ ихъ разъясненіи и, въ-третьихъ, въ сопоставленіи словъ трактатовъ со словами устныхъ бесѣдъ. При этомъ Хельчицкій старался, какъ можно, вѣрнѣе передавать мысли своихъ теоретическихъ противниковъ³⁾. Въ числѣ этихъ мыслей оказались однако такія, которыхъ Бискупецъ не призналъ своими, и которыя, въ силу возникшей по этому поводу полемики, стали извѣстны и намъ. Впрочемъ, строго говоря, мы знаемъ объ одной—двухъ такихъ мысляхъ, приписанныхъ якобы Хельчицкимъ Бискупцу; онѣ таковы: 1) Христосъ тѣмъ тѣломъ, которымъ вознесся на небеса, нигдѣ на землѣ уже не былъ послѣ своего вознесенія и не присутствуетъ этимъ сакраментальнымъ и субстанціальнымъ тѣломъ въ таинствѣ хлѣба и вина⁴⁾, и 2) Милости (=благодатные дары), истекающія отъ Тѣла Христова, и суть субстанціальное Тѣло Его⁵⁾.

Посланіе Хельчицкаго встрѣтило плохой приемъ у Бискупца. Оказалось, что привѣтствіе и просьба Хельчицкаго были встрѣчены хуже откровенной брани: Бискупецъ усмотрѣлъ въ нихъ обычные приемы предателей—„привѣтствіе Иуды и Иоана“, „просьбу

¹⁾ „Sem tebe pozdrawil a prosyl, aby trpieliwie priyal to, cot sem psal a we zle sobie toho neobracel“, Сбор., LV, 411.

²⁾ „Anit' na tie mece ktoreho ostrim, anit' kterymi lidmi hrozum; gedinet sem na listu napsal, wieda to, zet niekteři hrozyc“, ibid.

³⁾ Сбор. LV, 413.

⁴⁾ ibid., 413, 415: „Krystus tiem tielem, kterym gesti wstupil na nebesa, nikdiez po swem wstupeni na zemi nebyl, a že tiem tielem poswatnym—podstatnym, 415—a bytnym w swatosti chleba a wina nenie“.

⁵⁾ ibid., 421: „Milosti, pochazegicye od tiela Krystowa, nazywal tielem podstatnym geho“.

палача“ о прощеніи у того, кому онъ собирается отрубить голову ¹⁾... Хельчицкій, по мнѣнію Бискупца, дѣйствуетъ за одно съ тѣми, кто грозитъ Бискупцу смертью ²⁾...

Переходя къ содержанію посланія Хельчицеаго, Бискупецъ обвиняетъ Хельчицеаго въ недобросовѣстныхъ литературныхъ приемахъ спора. Прежде всего, обвиненіе это формулируется въ общей формѣ. Хельчицкій „поступилъ несправедливо, измѣняя сочиненія Бискупца, сокращая нѣкоторыя мѣста въ однихъ случаяхъ, прибавляя свои слова въ другихъ случаяхъ, дѣлая такіе выводы, которыхъ не заключается ни въ сочиненіяхъ, ни въ устныхъ рѣчахъ Бискупца“ ³⁾. Но Бискупецъ не ограничился этого рода общимъ упрекомъ. Онъ обвиняетъ Хельчицеаго въ неправильномъ приписываніи ему отмѣченныхъ нами выше (при установленіи характера 1-го посланія Хельчицеаго) двухъ мыслей-положеній ⁴⁾. Вотъ все, что мы знаемъ объ отвѣтномъ посланіи Бискупца Хельчицкому: подлинный текстъ его не дошелъ до насъ, какъ это случилось и съ 1-мъ посланіемъ Хельчицеаго Бискупцу. Съ точки зрѣнія теоретическаго содержанія обоихъ посланій едва ли слѣдуетъ особенно жалѣть объ ихъ потерѣ: воззрѣнія Бискупца и Хельчицеаго по спорному между ними вопросу извѣстны въ достаточной степени и изъ другихъ сочиненій ихъ, между прочимъ, изъ той самой „Реплики“ Хельчицеаго, которая сейчасъ подлежитъ нашему разсмотрѣнію, въ качествѣ послѣдняго слова въ возникшей между двумя видными гуситами перепискѣ. Можетъ быть, однако, въ утеранныхъ трактатахъ (въ томъ числѣ и въ 1-мъ посланіи Бискупца Хельчицкому, отчасти извѣстномъ и по Пшибраму) были какія-нибудь данныя для біографіи Хельчицеаго, столь дорогія для историка, при ихъ скудости вообще. Итакъ, Хельчицкій счелъ нужнымъ отвѣтить Бискупцу на его рѣзкую отвѣдь. Оставляя теперь въ сторонѣ существо даннаго Хельчицкимъ отвѣта по спорному вопросу (строгій виклифизмъ), мы отмѣчаемъ въ сохранившейся „Репликѣ“ Хельчицеаго новыя данныя, важныя не столько для біографіи—внѣшней—Хельчицеаго, сколько для его характеристики, для „исторіи души“ его...

Хельчицкій находитъ нужнымъ остановиться прежде всего на гнѣвномъ тонѣ отвѣта Бискупца и доказать неоправданность та-

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 411—412.

²⁾ *ibid.*, 412.

³⁾ *ibid.*, 413.

⁴⁾ *ibid.*, 413, 415, 421, 423.

кого тона. Онъ призываетъ Бога въ свидѣтели чистоты своихъ намѣреній при отвѣтѣ Бискупцу: „Я, говоритъ онъ, не подумалъ— да и на сердце мнѣ то не приходило—пронзить тебя мечемъ или сдѣлать тебѣ что-нибудь неприятное... Ни съ кого я денегъ не бралъ“: значитъ, не похожу на Иоава и Гуду... „Я никѣмъ не грожу тебѣ; потому-то и написалъ я тебѣ (частное) письмо, что знаю объ угрозахъ тебѣ со стороны нѣкоторыхъ людей“ ¹⁾. При этомъ Хельчицкій не отказалъ себѣ въ маленькомъ удовольствіи поиронизировать надъ Бискупцемъ: Бискупецъ теперь, отвѣтивъ ему, Хельчицкому, бранью, обвиненіями въ глупости и вѣроломствѣ, можетъ успокоиться... Не можетъ Хельчицкій не напомнить Бискупцу и того обстоятельства, что не онъ, Хельчицкій, а самъ же Бискупецъ затѣялъ всю исторію сближенія и переписки ихъ, которую Хельчицкій тутъ же и пересказываетъ. Пусть припомнитъ Бискупецъ то, что началось у нихъ около 3 лѣтъ тому назадъ („Nunc enim tibi leta tunc gsu“...). „Припомни хорошенько, что не я, а ты положилъ начало этой дружбѣ и пріязни; какъ тогда, такъ и теперь я не понимаю, зачѣмъ это было нужно тебѣ“, язвительно замѣчаетъ Хельчицкій ²⁾.

Затѣмъ Хельчицкій оправдывается въ приписанномъ ему извращеніи чужихъ мыслей. Онъ не находитъ ничего предосудительнаго въ сокращеніи или распространеніи словъ лица, съ которымъ ведешь споръ: лишь бы не было при этомъ стремленія придать словамъ иной смыслъ, чѣмъ заключилъ въ нихъ ихъ авторъ... А Хельчицкій этого какъ разъ и не дѣлалъ! Разъясненія и толкованія, данныя имъ словамъ Бискупца и Яна Жатецкаго, при сохраненіи точнаго смысла ихъ, могутъ служить лишь къ пользѣ дѣла ³⁾.

Отъ этой общей самозащиты Хельчицкій переходитъ къ частностямъ и старается доказать, что былъ правъ, приписывая Бискупцу тѣ два положенія, отъ которыхъ Бискупецъ теперь отрывается (см. выше).

Цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ трактатовъ Бискупца Хельчицкій доказываетъ принадлежность Бискупцу перваго положенія ⁴⁾ и указываетъ на несправедливость обвиненія, будто онъ, Хельчицкій, „извлекаетъ изъ сочиненій противника такой смыслъ,

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 411.

²⁾ *ibid.*, 412.

³⁾ *ibid.*, 413; ср. и 424.

⁴⁾ *ibid.*, 413—421.

котораго они не содержатъ" ¹⁾: „Самый глупый человекъ, умѣя только читать, могъ бы понять, чему учить Бискупецъ“. Странно, почему Бискупецъ гнѣвается на попытки Хельчицкаго разобраться въ его ученіи: „Вѣдь, ты самъ хочешь, чтобы было понято, каковы же твой умыселъ въ этихъ трактатахъ; ты самъ признаешь, что далъ намъ свое сочиненіе для уразумѣнія его“, замѣчаетъ Хельчицкій. Къ тому же правильность разумѣнія Хельчицкаго подтверждается и устной бесѣдой съ нимъ самого Бискупца ²⁾.

Упрекъ Бискупца, что онъ, Хельчицкій, приписывая Бискупцу мысль о тождествѣ Тѣла Христова съ благодатными дарами этого Тѣла, приписываетъ ему слова другого лица, Яна Жатецкаго, представляется Хельчицкому такъ же неосновательнымъ.

Во-первыхъ, Хельчицкій принужденъ былъ усвоить Бискупцу мнѣніе Яна Жатецкаго поведеніемъ самого же Бискупца. Въ самомъ дѣлѣ, если Бискупецъ, доказывая въ своихъ сочиненіяхъ мысль о неприсутствіи Тѣла Христова въ таинствѣ, потомъ устно говорить Хельчицкому о присутствіи, то Хельчицкому не оставалось ничего другого, какъ предположить, что Бискупецъ разумѣетъ лишь благодатное присутствіе, въ смыслѣ Я. Жатецкаго.

Хельчицкій, правда, могъ бы не усваивать Бискупцу мнѣнія Я. Жатецкаго, а понимать слова Бискупца о присутствіи въ смыслѣ присутствія реального, субстанціального. Но это онъ могъ бы сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если бы Бискупецъ объявилъ ошибкой высказанное имъ ранѣе, распространенное среди его послѣдователей ученіе о невозможности реального и субстанціального присутствія Христа въ таинствѣ ³⁾. Во-вторыхъ, вѣдь, самъ же Бискупецъ одобрялъ писанія Я. Жатецкаго, безъ всякихъ оговорокъ ⁴⁾. Наконецъ, противъ упрековъ Бискупца въ томъ, что Хельчицкій не ограничивается въ своей критикѣ только словами самого Бискупца, Хельчицкій выдвигаетъ и такого рода соображенія.

Ученіе Бискупца о таинствѣ евхаристіи исповѣдуется многими его послѣдователями, которые усвоили это ученіе и изъ трактатовъ его и изъ устныхъ наставленій: слова трактатовъ стали уже сложившимся вѣроученіемъ ⁵⁾. Самъ Спаситель предлагалъ

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 469.

²⁾ *ibid.*, 421.

³⁾ *ibid.*, 422.

⁴⁾ *ibid.*, 421, 424.

⁵⁾ „Dalekot od slow bude, kdyz se ućenie, jako wiera stala, w niekom nalezne“, Сбор., 424.

справляться о смыслѣ своего ученія у тѣхъ, кто слышалъ Его; почему же Бискупецъ не хочетъ послѣдовать примѣру Учителя жизни?..

Наконецъ, всякое ученіе должно оцѣнивать и по его послѣдствіямъ, а учителя—по дѣламъ учениковъ: таковъ и завѣтъ Спасителя. „Такъ и я, замѣчаетъ Хельчицкій, хочу относиться ко всѣмъ священникамъ и къ вамъ: я не буду ограничиваться только вашими словами, что вы сами исповѣдуете о себѣ, но посмотрю и на плоды дѣлъ вашихъ, что идетъ отъ васъ въ обычаяхъ и что происходитъ въ людяхъ отъ вашего ученія“ ¹⁾). Плохое свидѣтельство объ этомъ ученіи, если отъ него родятся цѣпы, палицы, сходбища народныхъ толпъ и военныя приготовленія. И тѣмъ легче судить о таборитскомъ ученіи съ этой стороны, что поведение вождей таборитскихъ столь же ясно, какъ звукъ трубы, что общеніе ихъ съ людьми—съ духовными и мірянами—всѣмъ извѣстно... ²⁾).

Такъ отвѣчаетъ Хельчицкій Бискупцу на его упреки.

Послѣ этого какъ бы введенія слѣдуетъ, начиная съ гл. IX, основная часть „Реплики“, гдѣ Хельчицкій устанавливаетъ, на основаніи точныхъ текстовъ таборитскихъ писаній, истинный смыслъ таборитскаго ученія о таинствѣ евхаристіи и подвергаетъ его критическому разбору. Не входя здѣсь въ анализъ этой части „Реплики“, несомнѣнно, воспроизводящей въ болѣе обширномъ видѣ содержаніе утеряннаго 1-го посланія Хельчицкаго Бискупцу, мы отмѣтимъ еще нѣкоторыя черты, опредѣляющія значеніе „Реплики“ въ исторіи души Хельчицкаго, отношеній его къ таборитамъ.

Хельчицкій въ „Репликѣ“ высказывается о таборитскомъ ученіи относительно евхаристіи такъ же, какъ и въ утерянномъ первомъ посланіи Бискупцу, т. е. осуждаетъ его. Между тѣмъ, по собственному признанію, Хельчицкаго издавна соединяли съ таборитами тѣсныя узы и личной дружбы и единомыслія въ вопросахъ вѣры ³⁾).

„Мнѣ жаль васъ больше, чѣмъ другихъ (священниковъ), да и людей-простецовъ очень жаль мнѣ: вы и простой народъ вѣрите не

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 425.

²⁾ *ibid.*, 425.

³⁾ „Bratřie kniežie, z dawna dobru přiezen y swolenie o mnohe wiesy wiery našie miel sem s wami“, Сборн., 426; „neb sem was wždy wjace milowal než gine kniežie“, Сборн., 496.

одинаково¹⁾, чего народъ не разумѣетъ, говоритъ Хельцицкій¹⁾. Хельцицкій хотѣлъ бы по-просту, по-христіански, поговорить съ Бискупцемъ и его единомышленниками о спорномъ вопросѣ, но это невозможно, такъ какъ они не хотятъ простой и откровенной бесѣды. Поэтому-то Хельцицкому не остается ничего другого, какъ обратиться къ нимъ съ посланіемъ, настоящей „Репликой“. Хельцицкій проситъ только одного — терпимаго отношенія къ своему посланію. Онъ тѣмъ болѣе имѣетъ право рассчитывать на это, что не будетъ пользоваться свидѣтельствами многочисленныхъ знакомыхъ таборитовъ, а ограничится точными словами однихъ только вождей и учителей, какъ они сами хотятъ этого²⁾.

Слѣдуетъ, однако, признать, что Хельцицкій не вполне остается вѣренъ этому своему обѣщанію. Онъ самъ приводитъ нѣсколько случаевъ получения своихъ свѣдѣній изъ источниковъ, такъ сказать, вторичнаго порядка; онъ пользуется полученными такимъ образомъ свѣдѣніями для полемики съ Бискупцемъ. Нѣкоторыя невольныя вырвавшіяся изъ устъ Хельцицкаго признанія опровергаютъ его же собственное утверждение, будто до свиданія въ г. Воднянахъ съ Бискупцемъ онъ ничего не зналъ о существованіи таборитскихъ мнѣній касательно евхаристіи, кромѣ общихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ отзывовъ и слуховъ... Въ разгарѣ литературнаго спора съ Бискупцемъ Хельцицкій не безъ язвительности спрашиваетъ своего противника: „А почему бы и не слушать мнѣ тѣхъ, кто учится отъ тебя и, придя ко мнѣ, пересказываютъ твои ученія... приносятъ твое, собственноручно тобой написанное сочиненіе, и говорятъ мнѣ, какъ понимаютъ они тебя и твои сочиненія?“³⁾ Повидимому, эти разспросы учениковъ Бискупца начались еще тогда, когда Хельцицкій „въ простотѣ“ ничего не зналъ, т.-е. при посѣщеніи его Бискупцемъ и тѣми, кто былъ съ Бискупцемъ въ качествѣ „челяди“ и кто далъ Хельцицкому написанныя Бискупцемъ сочиненія⁴⁾. Видимо доврчивый, наивный слушатель рѣчей Бискупца однако разспрашивалъ въ то же время и учениковъ его...

Впрочемъ, кругъ „извѣстителей“ Хельцицкаго былъ много шире: „Давно уже пришло ко мнѣ свидѣтельство о васъ отъ многихъ людей вашей партіи изъ Праги, Табора и изъ другихъ мѣстъ“,

¹⁾ Сборникъ, LV, 496.

²⁾ *ibid.*, 426.

³⁾ *ibid.*, 424.

⁴⁾ *ibid.*, 412—413.

проговаривается Хельчицкій ¹⁾. „Мы, говоритъ Хельчицкій въ другомъ мѣстѣ, ревностно разспрашивали тѣхъ, кого вы считаете самыми понимающими въ нашемъ ученіи людьми“ ²⁾. Хельчицкій имѣетъ свѣдѣнія и о крайнихъ таборитахъ, съ которыми тоже находился въ сношеніяхъ: „Братья-священники! если худо и противно Богу то, что многіе различно поругаютъ таинство Тѣла и Крови Христа, то прежде всего вы бойтесь этого: ибо прежде въ наше время не слыхано было въ Чехіи такого поруганія, какое появилось съ той минуты, когда вы и ваши товарищи стали распространять въ народѣ ученіе о тѣлѣ Христовомъ знаменуемомъ (w znamení=in figura) и объ идолопоклонствѣ (въ почитаніи простого евхаристійнаго хлѣба). Такъ и до сей поры въ устахъ многихъ евхаристіа—мотылекъ, вытопокъ и идоловъ; эти ругатели... обратились къ мерзкому и неукротимому любодѣянію... А они восхваляютъ васъ передъ нами, будто вы—мужественные священники, уничтожающіе папскій идолъ, будто вы еще робѣете передъ силами діавола и идолопоклонниками; если бы-де вы смѣли, то обнаружили бы вѣрующимъ всю великую мерзость, поставленную на святомъ мѣстѣ“ ³⁾. Далѣе оговаривается, наприимѣръ, что „одинъ близкій Бискупцу товарищъ приходилъ къ Хельчицкому и разъяснялъ, что слова Спасителя о хлѣбѣ живомъ (Еванг. Іоанна, гл. VI) не имѣютъ никакого отношенія къ таинству евхаристіа“ ⁴⁾. Другой „товарищъ“ Бискупца на Градищѣ (Таборѣ) сообщилъ недавно Хельчицкому, какъ именно табориты держатся ученія о присутствіи Тѣла Христова только въ знаменіи (in figura), равно какъ и то, что Бискупецъ съ единомышленниками заимствовали это ученіе изъ двухъ сочиненій Веклифа о Тѣлѣ Христовомъ ⁵⁾.

Хельчицкій рассказываетъ еще о проповѣди, которую говорилъ одинъ изъ товарищей Бискупца, таборитовъ, и которую (или о которой?) слышалъ Хельчицкій; въ этой проповѣди, при объясненіи евангельскаго разсказа о кровоточивой женѣ, современный народъ приравнивался къ этой женщинѣ: какъ эту женщину лѣкарства врачей только отравляли, такъ же—да еще и больше—отравляетъ вѣрующихъ предлагаемый имъ идолъ-причастіе, счи-

¹⁾ Сборникъ, LV, 426.

²⁾ *ibid.*, 496.

³⁾ *ibid.*, 435—436.

⁴⁾ *ibid.*, 452.

⁵⁾ *ibid.*, 471—472.

таемое народомъ за святыню ¹⁾). Рассказываетъ Хельчицкій и еще объ одной таборитской проповѣди: „Одинъ изъ вашихъ, вашъ близкій товарищъ, у васъ въ костелѣ на кафедрѣ передъ народомъ сказалъ, что онъ скорѣе бы сталъ на колѣна передъ чертомъ, какъ созданиемъ разумнымъ и подвижнымъ, чѣмъ передъ этимъ таинствомъ евхаристіи; а эти его рѣчи ваша партія и теперь восхваляетъ, что онъ-де истинно и мужественно высказался, — особенно же рады тому, что вы говорите въ поруганіе таинства, любодѣйные богохульники“ ²⁾).

Наконецъ, Хельчицкій рассказываетъ и о своихъ отношеніяхъ въ одному изъ крайнихъ таборитовъ-хилиастовъ — „Мартинку“ (свящ. Мартину „Локвису“). Передавая и критикуя ученіе Мартина объ евхаристіи, между прочимъ, положеніе его, что „вкусать тѣло Сына Человѣческаго это значитъ творить заповѣданныя имъ дѣла“ ³⁾, Хельчицкій говоритъ: „Но Мартинекъ не былъ простодомъ и не думалъ, какъ и вы тоже, добровольно страдать ради Христа. Мы много говорили съ нимъ о томъ и о семъ. И признался онъ предъ нами, что будетъ на землѣ новое царство святыхъ, что добрые (святые) люди уже не будутъ страдать; „если бы христіане должны были всегда страдать, то я не хотѣлъ бы быть слугой Божиимъ“, говорилъ Мартинекъ“ ⁴⁾).

Если мы вспомнимъ, что Мартинъ Локвисъ былъ сожженъ 21 августа 1421 г. ⁵⁾, что, слѣдовательно, Хельчицкій до этого времени уже зналъ изъ бесѣды съ Мартиномъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя таборитскія ученія о таинствѣ евхаристіи, то мы поймемъ, что слѣдуетъ съ осторожностью относиться къ увѣренію Хельчицкаго, будто онъ рѣшительно ничего не зналъ о таборитскихъ ученіяхъ—или столько же зналъ, сколько знаетъ теперь о времепровожденіи римскаго папы,—пока не сошелся съ Бискупцемъ...

Собранныя нами признанія Хельчицкаго, расширяя наши скудныя свѣдѣнія о жизни Хельчицкаго и представляя въ правдиво-реальныхъ чертахъ личность и нѣкоторыя стороны его характера, въ то же время бросаютъ нѣкоторый свѣтъ—въ связи и съ другими обстоятельствами—на темную исторію возникновенія „Реп-

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 436.

²⁾ *ibid.*, 438.

³⁾ *ibid.*, 463.

⁴⁾ *ibid.*, 464—465.

⁵⁾ Tomek: „Dějepis. m. Prahy“, IV, 196.

лики противъ Николая Бискупца¹⁾. Мы доселѣ пытались установить эту исторію внѣ строгихъ хронологическихъ датъ.

Обратимся теперь къ вопросу о времени написанія „Реплики“.

Въ настоящее время какъ бы общепризнаннымъ въ наукѣ мнѣніемъ по этому вопросу считается мнѣніе проф. Я. Голля¹⁾. Голль считаетъ „Реплику“, повидимому, самымъ раннимъ произведеніемъ Хельчицкаго, относя ея возникновеніе къ первой половинѣ 1420-хъ годовъ. Это приблизительное хронологическое опредѣленіе получается путемъ слѣдующей комбинаціи малоопредѣленныхъ данныхъ самой „Реплики“. Самъ Хельчицкій, между прочимъ, говоритъ, что „Реплика“ писалась, спустя приблизительно („unpim“) 3 года послѣ его перваго свиданія съ Бискупцемъ. Такъ какъ Хельчицкій не указываетъ года (годовъ) своей встрѣчи (встрѣчь) съ Бискупцемъ, то Голль пытается угадать время личныхъ сношеній ихъ по увѣренію Хельчицкаго, будто до встрѣчи съ Бискупцемъ онъ столько же зналъ объ его ученіи касательно евхаристіи, сколько въ настоящую минуту знаетъ о томъ, что дѣлаетъ папа въ Римѣ, т. е. ничего не зналъ... А такое незнаніе Хельчицкаго допустимо-де только для начала 1420 лѣтъ, когда появились тѣ самые трактаты таборитовъ, изъ которыхъ Хельчицкій могъ почерпнуть интересовавшія его свѣдѣнія, дополняя ихъ бесѣдами съ таборитами. Если бы Бискупецъ встрѣтился съ Хельчицкимъ въ болѣе поздніе годы—особенно, напри- мѣръ, въ 1443—1445 гг., какъ думаютъ нѣкоторые—то, конечно, нашелъ бы Хельчицкаго уже ознакомившимся съ таборитскими трактатами, а не любознательнымъ, неосвѣдомленнымъ слушателемъ.

Повидимому, Голль готовъ признать временемъ первой встрѣчи будущихъ теоретическихъ противниковъ 1421 годъ. Такъ слѣдуетъ заключать, думаетъ онъ, на основаніи поведения Бискупца, какъ о немъ сообщаетъ Хельчицкій: стремленіе Бискупца разузнать отъ Хельчицкаго о мнѣніи народа касательно таборитскаго ученія, старанія внушить самому Хельчицкому наиболѣе благоприятныя для таборитовъ представленія о характерѣ этого ученія—все это указываетъ на то время, когда таборитскіе ортодоксалы, освободившись въ 1421 году отъ крайней фракціи, отъ Мартина Локвиса съ послѣдователями, стремились освободиться и отъ всякихъ подозрѣній въ сочувствіи къ „пикартской ереси“—взгляду на таинство

¹⁾ Goll: „С. С. М.“, 1884, 12—13 и „Quell. u. Unters.“, II, 64—65.

евхаристіи, какъ на простой символическій благочестивый обрядъ, отказываясь въ то же время и отъ принятаго церковнаго ученія — сохраненнаго и „пражскими магистрами“ — о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь І. Христа. На основаніи всего вышеизложеннаго можно было бы, по мнѣнію Голля, отнести написаніе „Реплики“ въ 1424—1425 году ¹⁾).

Но это датированье „Реплики“ первой половиной 1420 годовъ, или 1424—1425 годами, является, по нашему мнѣнію, слабо обоснованнымъ. Во-первыхъ, при анализѣ сообщенія Хельчицкаго о встрѣчѣ съ Мартинкомъ мы уже убѣдились въ томъ, что къ увѣреніямъ Хельчицкаго о полной неосвѣдомленности его касательно таборитскихъ евхаристійныхъ теорій до самаго свиданія съ Бискупцемъ слѣдуетъ относиться съ осторожностью, если не съ прямымъ недоувѣріемъ... Во-вторыхъ, мы не понимаемъ, почему хронологическій предѣлъ неосвѣдомленности Хельчицкаго не могъ простираться далѣе начала 1420-хъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что мы, въ сущности говоря, не знаемъ точно времени появленія трактатовъ Бискупца, изъ которыхъ Хельчицкій могъ бы ознакомиться—и въ свое время, дѣйствительно, ознакомился—съ наиболѣе популярной версіей таборитскаго евхаристійнаго ученія, если не считать одного изъ нихъ, съ „incipit“: „Ad magnificationem“ etc., который, судя по извѣстіямъ современниковъ ²⁾, былъ написанъ не задолго до диспута таборитовъ и „пражанъ“ въ Конопшпѣ, 24 іюня 1423 года. Но трактатъ этотъ могъ попасть въ руки Хельчицкаго отъ самого Бискупца или отъ его учениковъ и значительно позднѣе. О времени появленія другихъ сообщенныхъ Хельчицкому трактатовъ—въ томъ числѣ и написаннаго специально для него—мы вслѣдствіе не можемъ сказать, чтобы оно предшествовало 1423 году.

Далѣе, усмотрѣнныя Голлемъ въ поведеніи Бискупца стремленія вовсе не могутъ быть связываемы непременно съ той обстановкой, въ которой оказались табориты въ 1421 году. Въ дѣйствительности, Бискупецъ за все время, пока танулись евхаристійные споры, т.-е. вплоть до половины 1440-хъ годовъ, держался одной и той же отрицательной цѣли—стоять одинаково далеко и отъ „пикартской“ и отъ „римской“ ересей... И наконецъ, какъ мы увидимъ далѣе, Бискупецъ, судя по „Репликѣ“, руководился во всѣхъ сношеніяхъ съ Хельчицкимъ мотивами

¹⁾ Такъ это думали и мы въ своей статьѣ о Хельчицкомъ въ „Ж. М. Н. Пр.“, 1895, 249.

²⁾ Höfler, II, 587—589 и Procházka: „Miscell.“, 270—271.

ного рода, чѣмъ чисто теоретическая цѣль отличенія настоящихъ таборитовъ отъ „пикартовъ“.

Не считая, такимъ образомъ, не только окончательными, но даже вообще приемлемыми соображенія проф. Голля по вопросу о времени появленія „Реплики“, мы попытаемся иначе подойти къ этому вопросу, исходя изъ данныхъ, разсѣянныхъ въ самой же „Репликѣ“, но доселѣ, какъ слѣдовало бы, не отмѣченныхъ и не оцѣненныхъ.

Повидимому, сношенія съ Бискупцемъ по вопросу о таинствѣ евхаристіи начались у Хельчицкаго не въ первые 1420-ые годы, а „Реплика“, написанная черезъ три года послѣ начала этихъ сношеній, появилась не въ 1424—1425 гг., а позднѣе. Обращаясь къ Николаю Бискупцу и его единомышленникамъ, Хельчицкій пишетъ: „Братья—священники! я издавна былъ съ вами въ доброй пріязни и согласіи относительно многихъ предметовъ нашей вѣры“¹⁾; далѣе онъ говоритъ о своей „старой пріязни“ съ таборитами²⁾, свидѣтельствуетъ, что „всегда любилъ“ таборитовъ³⁾. Подобныя—хотя и приблизительныя—хронологическія опредѣленія едва ли мыслимы въ устахъ Хельчицкаго въ 1-й пол. 1420 лѣтъ, хотя бы мы и понимали слова Хельчицкаго о „началѣ пріязни“ при свиданіи въ Воднянахъ⁴⁾ не въ смыслѣ первой встрѣчи, а въ смыслѣ установленія дружеской, довѣрчивой интимности, относя знакомство Хельчицкаго съ таборитами къ болѣе раннему времени: если бы Хельчицкій говорилъ о „старой пріязни“, о пріязни „издавна“ въ 1424—1425 гг., то начало ея пришлось бы относить, по крайней мѣрѣ, къ 1—2 десятилѣтію XV вѣка..

А несомнѣнно, что свиданіе Бискупца съ Хельчицкимъ въ Воднянахъ, на прудовой плотинѣ, не было ихъ первымъ знакомствомъ. Исторія этого свиданія, переданная нами выше, была бы поистинѣ странной, если бы оно совершилось безъ предварительнаго знакомства встрѣтившихся въ Воднянахъ людей, да еще въ 1421 году (приблизительно).

Развѣ былъ Хельчицкій въ это время крупнымъ человѣкомъ въ Чехіи, чтобы вліятельный Бискупецъ почувствовалъ нужду оправдаться передъ человѣкомъ, тогда на самомъ дѣлѣ еще мало замѣтнымъ, къ тому же лично ему еще малознакомымъ? Развѣ Биску-

1) Сборн., LV, 426.

2) *ibid.*, 426.

3) *ibid.*, 496.

4) *ibid.*, 412.

пець, энергично выступившій, параллельно съ Я. Жижкой, противъ крайнихъ таборитскихъ дѣятелей и учителей, предостережавшій пражскихъ магистровъ отъ этихъ людей и ученій, не достаточно еще доказавъ свою непричастность къ „пикарству“, чтобы реабилитировать себя еще и передъ малоизвѣстнымъ тогда сельскимъ жителемъ, „мужикомъ“, „земаномъ“ Хельчицкимъ? Конечно, на оба эти вопроса придется отвѣчать отрицательно. Въ томъ-то и дѣло, что „Реплика“ содержитъ указанія на такія условія жизни и Хельчицкаго и Бискупца, которыя дѣлають понятными сношенія между этими, конечно, уже довольно давно знакомыми между собой людьми, и которыя могутъ и должны быть отнесены къ времени болѣе позднему, чѣмъ первые 20-е годы XV вѣка.

Хельчицкій выступаетъ въ „Репликѣ“ не одинокимъ, хотя-бы и самоувѣреннымъ человѣкомъ, какимъ онъ является передъ нами въ Прагѣ въ 1419—1420 годахъ и какимъ онъ долженъ былъ еще остаться, по крайней мѣрѣ, въ ближайшіе годы. Хельчицкій употребляетъ такія выраженія: „я съ другими изъ насъ“¹⁾; „ни я, ни кто изъ нашихъ—Богъ свидѣтель—не добились отъ тебя никакихъ сочиненій съ какимъ-либо коварнымъ умысломъ“²⁾; „а они (ругатели тайнства) восхваляютъ васъ передъ нами“³⁾ и т. п. Очевидно, въ годы сношеній съ Бискупцемъ по евхаристійному вопросу Хельчицкій уже стоялъ во главѣ извѣстной группы людей, своихъ единомышленниковъ, позднѣе, въ концѣ 40-хъ—нач. 50 годовъ XV в., извѣстныхъ подъ именемъ „братьевъ Хельчицкихъ“. Годы сношеній съ Бискупцемъ по вопросу объ евхаристіи были, вѣроятно, первыми годами организаціи „братства“, но, какъ-бы то ни было, это не были первые 1420-е годы. И, во всякомъ случаѣ, Бискупцу не безразлично было мнѣніе о немъ замѣтнаго уже гусита Хельчицкаго и группы его послѣдователей.

Все изъ той же „Реплики“ мы узнаемъ, что и обстоятельства самого Бискупца были таковы, что ему приходилось заботиться о своей репутаціи по мотивамъ уже не внутреннимъ, психологическимъ, а по житейско-бытовымъ мотивамъ самосохраненія, что тоже едва-ли подходитъ для первыхъ 1420 годовъ.

Изъ „Реплики“ мы узнаемъ, что Бискупецъ съ гнѣвомъ встрѣчаетъ указанія и замѣчанія Хельчицкаго на неправильность и неискренность его ученія, на близость его къ „пикартамъ“. Такой

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 412.

²⁾ *ibid.*, 413.

³⁾ *ibid.*, 435.

гнѣвъ въ 1-й пол. 20 годовъ XV в. едва-ли могъ возбуждаться у Бискупца: мы знаемъ, какъ рѣзко писалъ о возрѣніяхъ Бискупца его яростный врагъ м. Я. Пшибрамъ, хотя бы, напримѣръ, въ своемъ трактатѣ „Exurge, Domine“ etc., и какъ мягко, спокойно отвѣчалъ ему на Конопинштскомъ диспутѣ 1423 года и вообще отзывался о немъ Н. Бискупецъ ¹⁾). Почему же въ то же самое время Бискупецъ сравнивалъ бы Хельчицкаго съ Іудой, палачемъ и т. п.? Въ томъ то и заключается все дѣло, что время было уже не то: наступило время, когда „нѣкоторые люди грозили Бискупцу“ ²⁾, когда онъ, по словамъ его почитателей, „боялся слугъ діавола и идолопоклонниковъ“ ³⁾, а по собственнымъ его словамъ— „опасался смерти“ ⁴⁾ и видѣлъ въ поведеніи Хельчицкаго коварство для достиженія какой-то „цѣли противъ него, Бискупца, ставшей теперь очевидной“ ⁵⁾. И Бискупецъ, кажется, не преувеличивалъ опасности: по крайней мѣрѣ, Хельчицкій, съ одной стороны, считаетъ нужнымъ оправдываться путемъ указаній на частный характеръ своего 1-го посланія въ виду положенія дѣла и, съ другой стороны, совѣтуетъ Бискупцу не бояться смерти: „Если бы кто-нибудь покушался на васъ, то вы должны были бы принять смерть“ ⁶⁾.

Принимая во вниманіе обрисованное положеніе Бискупца, мы вполне понимаемъ и его поведеніе въ отношеніи къ Хельчицкому. Но все это мыслимо не въ 20-е годы XV в., тѣмъ болѣе не въ 1-й половинѣ 20-хъ годовъ. Опасное для таборитовъ время, ясное по „Реплики“, впервые наступило въ 1430 годахъ.

Кромѣ указанныхъ нами данныхъ для опредѣленія времени появленія „Реплики“, имѣются въ ней и другія, болѣе точныя данныя по изслѣдуемому вопросу. Можно установить „terminus post quem“ написанія ея.

1) „Реплика“ написана послѣ 1423 года, ибо въ ней упоминается событіе, имѣвшее мѣсто, во всякомъ случаѣ, не ранѣе конца 1423 года или даже начала 1424 года. Событіе это—упомянутая нами выше проповѣдь какого-то таборита, предпочтительнаго скорѣе поклониться черту, чѣмъ таинству. Эту пропо-

1) Höffler, II: „Chron. tabor.“ вообще, особенно стр. 587—589.

2) Сборн., LV, 411.

3) *ibid.*, 435.

4) *ibid.*, 412.

5) „K tomu koncy, který již gest zgewen“—Сборн., 412.

6) Сборн., LV, 496.

вѣдь сказалъ свящ. Квиринъ въ г. Пискѣ, какъ рассказываетъ м. Я. Шибрамъ въ своемъ „Život kněží taborských“ ¹⁾, сообщая и о собственномъ признаніи въ томъ самого Квирина въ пражскомъ ратгаузѣ подѣ влияніемъ показаній Матвѣя Лауды Хлумчанскаго и жителей г. Писка. Объ этой проповѣди говоритъ и м. Я. Рокицана въ своемъ трактатѣ: „De existentia corporis Christi“: „Quidam ex complicibus illius Nicolai ad populum predicando Piesca non fuit veritus dicere, quod potius vellet coram dyabolo genuflectere, quam coram isto sacramento“ ²⁾; а въ позднѣйшей переработкѣ трактата Рокицаны въ цѣляхъ полемики противъ „чешскихъ братьевъ“, въ трактатѣ „Contra Picarditas“, послѣ словъ: „illius Nicolai“ стоятъ еще слова: „nomine Quirinus“ ³⁾. О томъ же фактѣ говоритъ м. Я. Шибрамъ и въ своемъ письмѣ пану Якубу изъ Вжесовиць (21 іюля 1443 г.) о Кутногорскомъ съѣздѣ духовенства 1443 года: „Také jeden z Tábořských seznal se, že řekl: raději bych před čertem klekl nežli před tú svátostí oltární“ ⁴⁾.

Въ апологетическомъ трактатѣ таборитовъ по поводу этого письма Шибрама имѣются и указанія на то, когда именно произнесъ Квиринъ въ Пискѣ свою проповѣдь, упоминаемую Хельчицкимъ. По словамъ таборитовъ, ихъ проповѣдникъ (Квиринъ) признался на Кутногорскомъ съѣздѣ въ произнесеніи приписываемыхъ ему словъ „болѣе, чѣмъ 18 лѣтъ тому назадъ“. Стараясь придать словамъ своего товарища какъ можно болѣе мягкій характеръ (онъ говорилъ-де о таинствѣ у тѣхъ, кто вѣруетъ, вмѣстѣ съ римской церковью, въ полное пресуществленіе), они сообщаютъ еще и слѣдующее: „Онъ (Квиринъ) въ своей проповѣди тотчасъ послѣ упомянутыхъ словъ повѣдалъ и то, какъ они (табориты) согласились съ магистрами пражскими въ Конопиштѣ, что слѣдуетъ поклоняться Господу Христу, истинному Богу и человѣку, съ вѣрой въ присутствіе его въ таинствѣ и почитать его подобающимъ образомъ“. По просьбѣ Квирина, одинъ важный человѣкъ противной партіи, присутствовавшій въ свое время на его проповѣди, подтвердилъ объясненія Квирина (это былъ Матвѣй Лауда Хлумчанскій).

Кутногорскій Съѣздъ происходилъ въ іюль 1443 года; отнесе-

¹⁾ Рук.—копія Ганки въ Чеш. Муз., f. 142.

²⁾ Nejedlý: „Prameny“ etc., 138.

³⁾ Анонимный трактатъ Вѣнской Hofbibliothek въ Cod. № 4549.

⁴⁾ Nejedlý: „Prameny“, 43.

ніе проповѣди въ Пискѣ ко времени „болѣе, чѣмъ за 18 лѣтъ“ до сѣзда опредѣляетъ время этой проповѣди приблизительно 1425—1424 годами. Мы думаемъ, что правильнѣе будетъ принять 1424 г.; ибо, какъ мы знаемъ, самъ же Квиринъ на своей проповѣди въ Пискѣ говорилъ о Конопичтскомъ соглашеніи, какъ о событіи, не столь давнемъ; а диспутъ въ Конопичтѣ, какъ извѣстно, состоялся въ іюнѣ 1423 года.

Мы думаемъ, что „Реплика“ Хельчицкаго была написана значительно позднѣе упоминаемой имъ проповѣди Квирина въ Пискѣ въ 1424 году, ибо Хельчицкій, передавъ рѣзкое сужденіе Квирина, прибавляетъ: „а слова его ваша партія восхваляетъ еще и теперъ“¹⁾.

2) „Реплика“ написана во всякомъ случаѣ послѣ Клатовскаго сѣзда таборитовъ въ ноябрѣ 1424 года, ибо Хельчицкій обнаруживаетъ знакомство съ постановленіями этого сѣзда. Вотъ доказательство этого:

„Replika“: 2)

„Opíet gine položenie učinili gste na to, aby nedomníeval se nížadny toho, by tielo Krystowo bytnie w swatosti přítomno bylo, aby kniežie, gessto magi přisluhowati w tom lidu, neříekali tiechto slow: poswíecugi nebo připrawugi tielo Krystowo, nosym nebo zdwicham, anebo gdu s tielem Krystowym, a lid aby neříekal kniezy: day mi tielo Krystowo a geho krew, aby lid z takeho mluwenie nedomníeval se toho, by chleb gednobytnie byl tielo Krystowo, ani toho aby se

„Apologia“ м. Пшибрама: 3)

It., Falsi sensus circa verba Christi, dicentis: Hoc est corpus meum, hoc est sanguis meus sunt populo declarandi, ut non panis ille corpori Christi idem ptificetur, nec Christus corporaliter, situ aliter in pane illo affirmetur vel per haec demonstrativa: hec et hoc aliud, quam panis et vinum demonstrari reputetur. It., locutiones grossae et temerarie dictiones seu verba extra sacram scripturam, quae sonant in idem ptificationem, in exhortationibus sunt vitandi, ut: ministro corpus Christi et sanguinem Christi,

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 438.

²⁾ *ibid.*, 428 и 431.

³⁾ Святос. библ. Cod. D. 49, f.f. 191b—192a—Клатовскія постановленія; ср. и „Život kněží tábořsk.“, f. 135 и слѣд.

domniewał, by tym tiałem by-
nym, kterym sedi w nebi na
prawicy otce, byl w swatosti
chleba a wina“...

praeparo corpus Christi
et sanguinem Christi,
benedico corpus Christi
et sanguinem Christi,
porto corpus Christi et
sanguinem Christi, tran-
seo cum corpore et sanguine
Christi.—It. instruat^{ur} populus,
ut, a praedictis cavens sibi lo-
cucionibus, non petat a sa-
cerdote sibi Deum, cor-
pus vel sanguinem Christi,
quamvis bene possit dicere: opto
corpus et sanguinem Christi“.

...„A wsak sami to potupugete
wnaseti na to znamenie ty řeci,
kterež slušegi k žiwemu chlebu,
řkuce: „pisma, kteražto to-
liko přilezie k chlebu ži-
wemu, nemagi mluwena by-
ti o chlebu poswatnem“.

..... ne scriptura, quae
convenit tantum pani vi-
vo, coelesti ac aeterno,
applicetur pani sacra-
mentali... (ср. и „Chron. tabor.“,
487, гдѣ Клатовскія постановле-
нія передаются вмѣстѣ съ поста-
новленіями Писецкими 1422 г.
и Таборскими 1424 г.).

3) „Реплика“, можно думать, была написана послѣ 12 сент.
1428 г. и даже послѣ 9 августа 1429 года, т. е. послѣ смерти
не только м. Мартина изъ Волыни, но и м. Якуба изъ Стшибра
(Якубекъ, Якобелдусъ). Можно такъ думать потому, что обоихъ
этихъ своихъ ученыхъ друзей Хельчицкій упоминаетъ въ „Реп-
ликѣ“, видимо, уже какъ умершихъ. Хельчицкій рассказываетъ, что
одну выписку изъ бл. Діонисія онъ получилъ „отъ мистра Мар-
тина изъ Виелеема (проповѣдникъ въ пражской виелеемской ча-
совнѣ), прозвищемъ „изъ Волыни“¹⁾. Перечисляя тѣхъ людей, ко-
торые хорошо понимали ученіе Виклифа, Хельчицкій говоритъ:
въ числѣ ихъ „были святой и добрый памяти м. Янъ
Гусъ, м. Якубекъ, которые лучше другихъ чеховъ понимали
сочиненія Виклифа“²⁾.

¹⁾ Сборн., LV, 472.

²⁾ ibid.; ср. и 476.

4) „Реплика“ была написана, повидимому, не ранѣе первыхъ 1430 годовъ. Это предположеніе основывается на слѣдующихъ данныхъ. Не дошедшій до насъ трактатъ, написанный Бискупцемъ специально для Хельчицкаго въ разъясненіе таборитскаго ученія объ евхаристіи (см. выше), былъ извѣстенъ м. Я. Пшибраму, когда онъ писалъ свою „Arologia“. Пшибрамъ приводитъ въ ней тезисы изъ этого трактата ¹⁾. Но разсмотрѣніе тезисовъ у Пшибрама обнаруживаетъ, что онъ зналъ ихъ не по выдержкамъ въ „Реплику“ Хельчицкаго, а въ иномъ видѣ (въ копии всего трактата или въ извлеченіяхъ изъ него въ 1 посл. Хельчицкаго Бискупцу), но зналъ все же, благодаря, такъ сказать, нескромности Хельчицкаго, т.-е. распространенію Хельчицкимъ трактата Бискупца, за что, можетъ быть, и гнѣвался Бискупецъ, обвиняя Хельчицкаго въ „предательствѣ“: вѣдь, напримѣръ, Пшибрамъ былъ однимъ изъ непримиримыхъ враговъ Бискупца... „Апологію“ свою Пшибрамъ писалъ, видимо, еще не будучи знакомъ съ „Репликой“, но во всякомъ случаѣ въ концѣ того трехлѣтія, въ предѣлахъ котораго происходили сношенія Бискупца съ Хельчицкимъ, завершившіяся появленіемъ „Реплики“; и—наоборотъ—„Реплика“ написана послѣ „Апологіи“ Пшибрама. Но когда написана „Апологія“ Пшибрама?

Вопросомъ о времени написанія „Апологіи“ Пшибрама занимался др. Клицманъ въ своей статьѣ: „Studie o Miličovi“ ²⁾, исходя изъ нѣкоторыхъ указаній самого трактата. Клицманъ не пришелъ ни къ какому опредѣленному выводу: у него выходило такъ, что „Arologia“ написана или въ 1426 г. или въ 1428 году (др. Клицманъ, видимо, склоняется больше къ послѣдней датѣ). Мы думаемъ, что „Arologia“ написана нѣсколько позднѣе 1428 г. Въ ней есть одно указаніе Пшибрама, на которое др. Клицманъ не обратилъ вниманія: „exilium cum periculis mortis pluribus novem annis protuli“ ³⁾, говоритъ о себѣ Пшибрамъ. Здѣсь разумѣется Пшибрамомъ состоявшееся въ 1429—1430 гг. примиреніе двухъ фракцій пражскаго духовенства, въ силу котораго Пшибраму возможно было возвратиться въ Прагу, откуда онъ былъ изгнанъ еще поздней осенью 1421 г. ⁴⁾. Значитъ, „Arologia“ написана не ранѣе 1429—1430 гг.

¹⁾ Hofler, II, 822—823; Goll: „Quell. u. Unters.“, II, 63—64.

²⁾ Listy Filol., 1890, 352.

³⁾ „Arologia“ въ Cod. D. 49 Пражск. Капитульн. библіотеки, f. 183.

⁴⁾ Вавжинецъ изъ Бжезовой въ „Fontes rer. bohém.“, V, 510: „Magister vero J. Przibram.... repulsus et exclusus“.

Мы думаемъ, что она написана скорѣе всего въ 1430, а, можетъ быть, и въ 1431 г.

Во-первыхъ, за это говорить точный подсчетъ лѣтъ изгнанія Пшибрама: конецъ 1421 г. + 9 лѣтъ изгнанія = конецъ 1430 г. Во-вторыхъ, за это говорить тотъ фактъ, что „Apologia“ написана Пшибрамомъ позднѣе, чѣмъ „Život kn. tábořských“, который, какъ извѣстно, появился въ 1429, если не въ 1430 г. А что „Apologia“ появилась на свѣтъ Божій] позднѣе, чѣмъ „Život“, очевидно изъ слѣдующаго. Обличая въ своемъ „Život“ лжеученія таборитовъ о таинствѣ евхаристіи, Пшибрамъ приводитъ выдержки изъ трактатовъ Мартинка, Яна Жатецкаго, Ник. Бискупца, изъ постановленій влатовской таборитской конвокаціи 1424 г. Въ „Apologia“ Пшибрамъ дѣлаетъ то же самое, съ однимъ, однако, отличіемъ: въ то время какъ въ „Život“ онъ цитируетъ лишь одинъ трактатъ Н. Бискупца: „Ad sacramenti eucharistiae in veritate magnificationem“, обсуждавшійся, какъ извѣстно, еще на Конопинтской аудіенціи 1423 г., въ „Apologia“, сверхъ того, цитируются еще два трактата Бискупца: 1) „Utrum secundum legem ewangelicam“ (или иначе: „De non adorando“, см. ниже) и 2) Трактатъ для П. Хельчицкаго. Этихъ двухъ трактатовъ, очевидно, еще не существовало, когда Пшибрамъ писалъ свой „Život“; но они уже появились, когда Пшибрамъ составлялъ свою „Apologia“....

Если такимъ образомъ можно думать, что Пшибрамъ въ 1430—1431 гг. воспользовался для полемики съ Бискупцемъ его только-что появившимся специальнымъ трактатомъ Бискупца для Хельчицкаго, воспользовался, можетъ быть, изъ списковъ трактата или изъ списка перваго посланія Хельчицкаго Бискупцу — во всякомъ случаѣ не безъ той или иной воли Хельчицкаго,—то можно понять, почему Бискупецъ немедленно же почувствовалъ потребность письменно укорить Хельчицкаго за его поведеніе, почему—обратно—Хельчицкій такъ же тотчасъ почувствовалъ потребность оправдать себя и по существу и съ формальной стороны. Укоризненное посланіе Бискупца и отвѣтъ на него, нашу „Реплику“, можно такимъ образомъ отнести къ 1431 г. или лучше—къ 1432 г.

Ситуація именно 1432 г. оправдывала и тѣ опасенія за свою судьбу, которыя высказалъ Бискупецъ въ посланіи къ Хельчицкому: извѣстно, что на Пражскомъ сеймѣ въ февралѣ 1432 г. партія пражанъ, опиравшаяся на соглашеніе съ „сиротками“, мечтала уже о соединеніи съ католиками для разгрома таборитовъ ¹⁾, не со-

¹⁾ Tomek: „Dějepis. m. Prahy“, IV, 510.

глашавшихся принять умѣренную по духу „конфессію“ (въ томъ числѣ, и по вопросу объ евхаристіи), какъ основу для переговоровъ съ Базельскимъ Соборомъ (см. выше, стр. 83—84).

Относя, такимъ образомъ, появленіе „Реплики“ Хельчицкаго къ 1431—1432 гг., т.-е. ко времени болѣе позднему, чѣмъ это принято думать на основаніи изслѣдованія Голля, мы, конечно, считаемъ невозможнымъ относить ее ко времени послѣ Кутногорскаго съѣзда духовенства въ 1443 году, т.-е. къ 1443—1445 гг., какъ полагали нѣкоторые. Хотя „argumentum a silentio“ и не всегда имѣетъ доказательную силу, все-таки полное молчаніе „Реплики“ о дѣлахъ Съѣзда 1443 года, о поведеніи и формулахъ вѣроисповѣданія таборитовъ на этомъ съѣздѣ, свидѣтельствуешь о томъ, что „Реплика“ написана до 1443 года. Это предположеніе подтверждается еще и другимъ образомъ. Рокицана, составляя свой трактатъ „De existentia corporis Christi in sacramento eucharistiae“¹⁾, многое заимствовалъ изъ „Реплики“ Хельчицкаго (см. объ этомъ дальше, особый экскурсъ). Между тѣмъ, какъ доказалъ д-ръ Неждный, трактатъ Рокицаны былъ написанъ во 2-й половинѣ 1443 года. Слѣдовательно, „Реплика“ была написана до половины 1443 года. Но этого мало: можно на основаніи „De existentia“ сказать, что „Реплика“ появилась за нѣсколько лѣтъ до 1443 года. Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя характерныя измѣненія Рокицаной буквально заимствованныхъ у Хельчицкаго мѣстъ. Напримѣръ:

Хельчицей:

1) „Opiet gestli že Boh položil gest ta znamenie a zaslubil pod nimi davati milosti niektere samum dobrym“ и т. д.²⁾

2) (послѣ разсказа о проповѣди Квирина о предпочтительности поклоненія черту, чѣмъ евхаристіи) „.....a toho mluwenie geho gestie y nyní strana waše pochwaluge, že gest prawie a statečnie wyznal“³⁾.

Рокицана:

1) „Si autem dicent, sicut priscis dicebant diebus, quod Deus sub illis signis panis et vini statuit dare solis bonis gracias“ etc.⁴⁾.

2) (послѣ разсказа о той же проповѣди) „...quam predicacionem plurimi eorum commendabant“⁵⁾.

¹⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 116—159.

²⁾ Сборн., LV, 449.

³⁾ ibid., 438.

⁴⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 129.

⁵⁾ ibid., 138.

2) Литературные источники для знакомства П. Хельцицкого съ учениемъ таборитовъ о таинствѣ евхаристіи (къ реконструкціи таборитской литературы).

Хельцицкій, приступая къ изложенію и критикѣ таборитскаго ученія о таинствѣ евхаристіи, могъ имѣть въ своемъ распоряженіи богатый литературный матеріалъ для выполненія обѣихъ поставленныхъ имъ себѣ дѣлей. Извѣстно, что сами табориты въ многочисленныхъ трактатахъ излагали свои взгляды на спорный въ то время вопросъ; взгляды эти формулировались и на многочисленныхъ съѣздахъ ихъ—какъ самостоятельныхъ („конвокаціи“), такъ и совместно съ противниками, „пражскими магистрами“ („аудиенціи“). Къ сожалѣнію, не всѣ относящіеся сюда трактаты и постановленія съѣздовъ извѣстны намъ: часть ихъ безвозвратно погибла въ буряхъ гуситскаго и позднѣйшаго времени, часть еще хранится неизданною въ бібліотекахъ и архивахъ. Наконецъ, нельзя забывать и о современныхъ указанной таборитской литературѣ полемическихъ произведеніяхъ противниковъ таборитовъ, „пражскихъ магистровъ“,—произведеніяхъ, хотя и сравнительно хорошо сохранившихся, однако, представляющихъ для знакомства съ таборитской теоріей данныя уже вторичнаго порядка. Конечно, и среди таборитскихъ писаній главное значеніе принадлежитъ литературѣ трактатовъ, гдѣ можно было и обстоятельнѣе изложить мысли и свободнѣе формулировать ихъ, чѣмъ въ постановленіяхъ съѣздовъ, гдѣ должно было сказаться вліяніе, такъ сказать, политики—и внутренней, въ смыслѣ компромисса оттѣнковъ мнѣній, различныхъ и у отдѣльныхъ вождей и у частныхъ группъ, и внѣшней, въ смыслѣ счета съ обстоятельствами момента и обстановки, особенно же съ мнѣніями противниковъ.

Естественно является вопросъ о томъ, въ какой степени воспользовался Хельцицкій для знакомства съ учениемъ таборитовъ тѣми источниками, которые могли быть въ его распоряженіи?

Прежде всего, слѣдуетъ признать, что Хельцицкій выполнилъ просьбу таборитовъ не судить о нихъ съ чужихъ словъ: хотя Хельцицкій, какъ мы уже показали выше, принимаетъ во вниманіе и слухи о таборитахъ, особенно же частныя заявленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, обычно не поименованныхъ, однако мы не видимъ и слѣда знакомства и пользованія его полемическими произведеніями противниковъ таборитовъ, во главѣ которыхъ

стоялъ — по плодovitости и неумолимости — м. Я. Пшибрамъ. Довѣряя только собственнымъ произведеніямъ таборитовъ, Хельчицкій почти исключительно пользуется литературой трактатовъ: намъ удалось установить только одинъ случай пользованія его постановленіями таборитскихъ сѣздовъ (см. отмѣченные нами выше, стр. 191—192, выписки изъ постановленій таборитскаго сѣзда въ Клатовахъ въ 1424 году). Что касается литературы трактатовъ, то главнѣйшіе изъ нихъ хорошо изучены и использованы Хельчицкимъ. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся показать, что и изъ какихъ именно трактатовъ взялъ Хельчицкій для составленія своей „Реплики“. Считаемо нужнымъ сказать и то, что работа такого рода затрудняется манерой литературнаго труда Хельчицкаго: онъ обыкновенно не дѣлаетъ сколько-нибудь точныхъ ссылокъ-цитатъ, когда приводитъ таборитскіе тексты; часто бываетъ неясно, гдѣ кончаются и начинаются выписки изъ таборитскихъ трактатовъ, и гдѣ — собственные слова самого Хельчицкаго. Но эти затрудненія вознаграждаются получаемыми результатами разысканія. На основаніи выписокъ Хельчицкаго иногда можно получить болѣе полное и ясное представленіе о томъ или другомъ трактатѣ таборитовъ, извѣстномъ доселѣ по болѣе скуднымъ выпискамъ другихъ противниковъ таборитовъ, главнымъ образомъ, м. Я. Пшибрама. Наконецъ, работа по установленію тѣхъ таборитскихъ трактатовъ, которые использованы Хельчицкимъ въ „Репликѣ“, позволяетъ устранить нѣкоторыя появившіяся за послѣднее время въ наукѣ неправильныя воззрѣнія на богатство (количественное) таборитской литературы.

I. Первое мѣсто среди таборитскихъ трактатовъ, изъ которыхъ черпалъ Хельчицкій свои свѣдѣнія объ ихъ ученіи относительно евхаристіи, естественно, занимаетъ специально для Хельчицкаго написанный трактатъ Николая Бискупца. Приводя выдержки изъ этого трактата, Хельчицкій, однако, нигдѣ не указываетъ, что та или другая изъ нихъ взята имъ именно изъ этого трактата. Установить источникъ ихъ возможно при помощи сохранныхъ въ „Apologia“ Пшибрама „*Articuli eiusdem episcopi de tractatu suo, quem scripsit Petro in Chelczicz in vulgari*“¹⁾. Сравненіе текста этихъ „*articuli*“ у Пшибрама и Хельчицкаго, кстати ска-

¹⁾ См. текстъ ихъ у Голля, въ „*Quell. u. Unters.*“, II, 63—64.

зать, обнаруживаеъ намъ и то, что Пшибрамъ не совсѣмъ точно цитируеъ слова Бискупца. Напримѣръ:

Хельчицкій:

1) „Gini sprostnie zapieragi slow Krystowych warugice poy-
čiti, by ten chleb, kterýž widie,
kterym obyčegem byl tielem Kry-
stowym. Protož su zgewnie řiekali:
ne to, což widiš, gest tielo Kry-
stowo, ale to, což gest w tom,
mieniece, že by tielo Krystowo
bylo tu w tom chlebu tielestnie,
miestnie s rozdielenim swych udow
tak, iako w nebi na prawicy Otce
sedi, tak aby pod sposobem toho
chleba tu ginde bylo ukazati
hlawu geho, ginde nos a tak gine
udy, w tom smyslu zpiewagice
w one piesni: „tut' su wiecey po-
swatne s kostmi, s wlasy, s žila-
mi“. Protož gemu tu w tom chlebu
klaniegi se tuž počtiwosti, kteruž
su gemu klaniegi w nebi“¹⁾.

Или 2) „Tito řku, že w tako-
wemž rozumu Krystus chleb po-
swatny tielem swym nazywa, w
kterakem rozumu nazwana gest
skala ona, z niež synowe Jzrahel-
sti pili su, Krystus a Jan Elia-
šem, tociž že chleb znamenawa
tielo Krystowo, ktere gesti za nas
zrazeno. Tak tociž, že to, což w
swem přirozenie ostawa chleb tie-
lestny, ačkoli giž skrze slowo
bozie powyšenje gest tielo Kry-
stowo w podobenstwi“ и т. д.²⁾.

Пшибрамъ:

„Alii specialiter negant verba
Christi, nullatenus volentes con-
cedere, quod panis ille sit corpus
Christi, sed quod in hoc pane est
corpus Christi verum, naturale,
corporaliter et cum membris suis,
prout sedet ad dextram Patris.
Propter quod canunt: „ibi sunt
res mystice, corpus, sanguis cum
ossibus, venis et cum crinibus“. Et hii adorant Christum in sa-
cramento adoracione“³⁾.

„Et isti dicunt, quod in eodem
sensu Christus dicit illum panem
esse corpus suum, in quo sensu
scriptura vocat petram Christum
et Johannem Heliam, hoc est,
quod ille panis significat corpus
Christi et est corpus Christi in
figura“ etc.⁴⁾.

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 415—416.

²⁾ *ibid.*, 418—419.

³⁾ Goll: „Quell. u. Unters.“, II, 63.

⁴⁾ *ibid.*, 64.

Сравнивая, далѣе, текстъ „Реплики“ съ „articuli“ Пшибрама, мы убѣждаемся, что изъ 12 „артикуловъ“ у Пшибрама мы не находимъ въ „Репликѣ“ арт. 1, 2, 10—12. Зато мы находимъ нѣкоторые отсутствующіе у Хельчицкаго въ „Репликѣ“ „артикулы“ изъ посланія-трактата къ нему Бискупца въ полемическомъ трактатѣ Рокицаны противъ таборитовъ: „De existencia“ etc. ¹⁾).

Пшибрамъ:

„Et isto modo discipuli erraverunt, credentes, quod daret eis corpus suum illud naturale ad manducandum, quibus dixit: non est sic, alioquin quid manducaretis, cum videritis filium hominis ascendentem in celum, ubi fuit prius; spiritus est, qui vivificat, caro non prodest quicquam.

„Et ad hunc sensum loquitur Ambrosius dicens, Christum dedisse nobis carnem, non illam animaleм seu corporalem, sed spiritualem, quod est benedictio, sanctificatio, misericordia, veritas, iusticia, pax in hac vita in sacramento et sine vita corporali Christi, sicut radius solis est hic sine corpore solis“ ²⁾).

Рокицана:

„Idecirco olim Christus videns, immo discipuli(os) suos non intelligentes sermones ita (et quod въ Вѣн. рук. № 4549) grosse de manducatione corporis sui sapiunt, dixit: „an hoc sc. corpus, quod videtur, vos scandalizat?.. и т. д. quia si e(r)go sic vellem vobis corporaliter me dare ad manducandum, quid tunc manducabitis, cum videritis filium hominis ascendentem, ubi prius erat, i. e. cum videritis... и т. д. ...spiritus est, qui vivificat, caro non prodest quicquam. Verba“... и т. д.

.....Et ad hunc bonum sensum loquitur sanctus Ambrosius ostendens, quod in sacramento vita Christi animalis sive corporalis... Sed dicit Ambrosius, quod dicebat dominum Jhesum ibi dare nobis ita vitam spiritualem, que est sanctificatio, benedictio, mira veritas, iusticia et pax... и т. д. quomodo lux solis absque eius calore in corpore lune nobis presentatur“ ³⁾).

Сравненіе обонхъ текстовъ обнаруживаетъ, что Пшибрамъ обращалъ текстъ Бискупца. Но важно вотъ что. Рокицана передъ

¹⁾ Nejedlý: „Prameny“, 116—159.

²⁾ Goll: „Quell. u. Untersuch.“, II, 64.

³⁾ Nejedlý: „Prameny“, 128.

приведенными нами словами говорить: „Sic prope finem tractatus sui wlgaris sic scribit (Nicolaus)“... Трактатъ Бискупца для Хельчицкаго, значить, извѣстенъ Рокицанѣ и цитируется имъ подъ такимъ же заглавіемъ, что и у Пшибрама — „tractatus wlgaris“. Рокицана приводитъ много выписокъ изъ этого „tractatus wlgaris“. Руководясь этими выписками, мы можемъ установить, какіе приводимые Хельчицкимъ тексты изъ таборитскихъ трактатовъ взяты имъ именно изъ спеціально для него написаннаго трактата Н. Бискупца. Выписокъ изъ „tractatus wlgaris“ (=трактатъ Бискупца для Хельчицкаго) у Рокицаны больше, чѣмъ и у Пшибрама и у самого Хельчицкаго въ его „Репликѣ“. Отсюда можно заключать о томъ, что у Рокицаны былъ подъ руками списокъ цѣлаго трактата, а не тѣ только отрывки изъ него, которые онъ могъ найти въ „Репликѣ“ Хельчицкаго (или у Пшибрама). Поэтому-то „De existentia“ etc. Рокицаны, расширяя наши свѣдѣнія о содержаніи утеряннаго трактата, можетъ служить для реконструкціи его хотя бы въ видѣ фрагментарномъ.

Установленное нами тожество „tractatus wlgaris“ у Рокицаны съ трактатомъ Бискупца для Хельчицкаго даетъ намъ возможность обнаружить ошибку д-ра Неѣдлаго¹⁾, утверждающаго, будто въ эпоху Кутногорскаго Съѣзда, въ 1441—1443 г.г., Н. Бискупецъ написалъ два трактата объ евхаристіи—одинъ чешскій, другой—латинскій, и что Я. Рокицана сохранилъ намъ въ „De existentia“ etc. много цитатъ изъ чешскаго (wlgaris) трактата, который-де слѣдуетъ отличать отъ чешскаго трактата Бискупца для Хельчицкаго, относящагося къ 1420-мъ годамъ (диспуту въ Конопшѣ въ 1423 г.).

Д-ръ Неѣдлый, принявъ утвержденіе Голля о томъ, что Бискупецъ переписывался съ Хельчицкимъ въ нач. 1420-хъ годовъ, недосмотрѣлъ тожество ошибочно предполагаемаго имъ особаго трактата Бискупца (De sacramento eucharistiae) начала 1440-хъ годовъ съ трактатомъ Бискупца для Хельчицкаго.

Сопоставляя выписки Хельчицкаго изъ таборитскихъ трактатовъ съ „articuli“ Пшибрама и съ выписками Рокицаны изъ „tractatus wlgaris“, мы можемъ доказать несомнѣнность слѣдующихъ выписокъ Хельчицкаго изъ написаннаго для него трактата Н. Бискупца (указываемъ „incipit“ и „explicit“ текста).

¹⁾ Nejedlý: „Prameny“, 27—28.

„Replika“: „Articuli“ Пшнбрама: „De existentia“ etc.:

1) „Gedni gsu... že držie, že by Krystus... a tak tomu chlebu, yako Bohu se modle“ ¹⁾. „Primi dicunt, quod Christus..... Et ita panem illum, ut Deum adorant“ ⁴⁾.

2) „Gini sprostnie zapieragi... klaniegi se tuž počtiwosti, kteruž se gemu klaniegi w nebi... Tito wšickni napřed řečeni... přieliš hrubie“ ²⁾. „Alii specialiter negant... et hii adorant Christum in sacramento adoracione latrie... Et isti omnes tres sensus... et wivum Ionam“ ⁵⁾.

3) „Třeti su, gešto držie, že telo Krystowo ...z kterezto řeči znamo gest... wšak nenie duch... (A opiet ginde dieš) nebo kterak koliwiek Krystus... tež kosti y tiž wsickni udowe, ač giž oslaweni“ ³⁾. „Alii dicunt non negando..... cultu latrie“ ⁶⁾.

4) „A mam za to, že z tiech při tom rozozinordinacio adoracione“ „Et ab hiis tota attendunt ad istum
„Nec eciam vere

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 415.

²⁾ ibid., 415—416.

³⁾ ibid., 416.

⁴⁾ Goll: „Quell. u. Unt.“, II, 63.

⁵⁾ ibid., 63.

⁶⁾ ibid., 63.

miech všeecka nezřie- zena poklona. ...Aniž take pravie zřie k teto Krystowie řeči, kdez neřekl gest... a weliky su znatek a nesnazy tiem učinili¹⁾.

nis... Isti eciam omnes non bene considerant, quod Christus non dixit... vel sub hoc est corpus Christi⁵⁾.

Christi sermonem, ubi non dixit... et magis involucionem et difficultatem per hoc fecerunt⁷⁾.

5) „Protož gini bliže a pilniegie zřiece...ne w rozumu prwnich. Tito řku, že w takowemž rozumu... za nas obietowane²⁾).

„Sunt igitur alii quarti proprius considerantes... sed non in sensu primorum. Et isti dicunt, quod in eodem sensu... quod prius fuit⁶⁾).

„Eorum, qui ad scripturam attendunt...iste est sensus, quod in tali sensu... ...pro nobis traditum, sic scilicet, quod..... et vivificatio spiritalis⁸⁾).

6) „Dwogiego modlosluženie při tom mame se warowati... gako Bohu klanieti, ale Krystu w niem... k tomuodpowiedagice.. tot gest tielo me³⁾).

7) „Krystus zposobil gest... proti gehu pokušenim⁴⁾).

„Quod virtute sacramenti...contra astucias dyabolicas... vivificantur⁹⁾).

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 417; cp. 429.

²⁾ ibid., 418—419; cp. 429.

³⁾ ibid., 420.

⁴⁾ ibid., 434—435.

⁵⁾ Goll: „Quell. u. Unters.“, II, 63—64.

⁶⁾ ibid., 64.

⁷⁾ Nejedlý: „Prameny“, 130.

⁸⁾ ibid., 120—121.

⁹⁾ ibid., 131; cp. и „De non adorando“, „Prameny“, 140.

8) (A diete-li, že) su přewyšila tato znamenie... učastni gsuce geho skutkow¹⁾.

9) „Ty swatosti pu-
hych znamenie... aby
tiem se zbuzowali k
naboženstwi a k ginym
wiecec takowym“²⁾.

10) „Často w pismie
ta wiecec, kteraž ginu
znamenawa... wiecec zna-
menanu znamenagi“³⁾.

11) „Že nemnoho
proroka onoho Eliše
...wsset shledagi“⁴⁾.(?)

„Quamwis ille sa-
cramentalis panis... fi-
unt illius aliquomodo
effectualiter partici-
pes... que illos iusti-
ficarent“⁵⁾.

„Illa sacramenta pa-
nis... ut per hoc exci-
tentur ad devocio-
nem“⁶⁾.

„In scripturis sepe
signum... spice sunt
septem anni“⁷⁾—
ср. у Я. Жаренкаго: „Ta-
lis modus est loquen-
di scripture“ etc.⁸⁾.

1) Сборн. II Отд., LV, 450—451.

2) ibid., 470.

3) ibid., 455.

4) ibid., 456.

5) Nejedlý: „Prameny“, 122.

6) ibid., 123.

7) ibid., 124.

8) Höfler, II, 825.

II. Трактатъ Н. Бискупца: „Ad sacramenti eucharistiae in veritate magnificationem“ тоже былъ хорошо извѣстенъ Хельчицкому и использованъ имъ въ „Реплиѣ“, безъ всякихъ, однако, указаний, откуда именно взяты выписки Хельчицкаго, если не считать мимоходомъ брошеннаго Хельчицкимъ упрека: „takowi dowodowe ne swiedcie teto řeči vaše, ze chcete psati k zvelebeni w prawdie swatosti tiela a krwe Krystowu“ (т.-е. = „Ad sacramenti“ etc.)¹⁾.

Трактатъ этотъ относится къ числу наиболѣе раннихъ произведеній Бискупца²⁾: во всякомъ случаѣ онъ написанъ до Конопшйтскаго диспута 1423 года, когда онъ былъ подвергнутъ обсужденію (по словамъ противниковъ таборитовъ — осужденію) и исправленію, вмѣстѣ съ трактатомъ м. Я. Пшибрама: „Exurge, Domine, tu et arca testamenti tui“, гдѣ Пшибрамъ критиковалъ только-что названное произведение Бискупца³⁾. По словамъ одного, повидимому, современника⁴⁾, Н. Бискупецъ распространилъ этотъ свой исправленный немного, „suppletus“, по его словамъ⁵⁾, и, послѣ открытія въ немъ 50 ошибокъ, запрещенный, по словамъ противниковъ⁶⁾, трактатъ по всей Чехіи не только въ латинскомъ оригиналѣ, но и въ чешскомъ переводѣ.

Что касается латинскаго текста трактата Бискупца: „Ad magnificationem“, то онъ въ цѣломъ неизвѣстенъ намъ. Извѣстны доселѣ только фрагменты его: 1) въ „Apologia“ Я. Пшибрама⁷⁾; 2) въ „De existentia“ etc. Рокицаны⁸⁾, и 3) въ полемическомъ трактатѣ Я. Пшибрама: „Surge, Domine, et dissipentur inimici tui“.....⁹⁾. Чешскій текстъ-переводъ сохранился цѣликомъ въ Cod. IV. 70 Гёрлицкой Городской Библиотеки¹⁰⁾, а во фрагментахъ—у Пшибрама въ его „Život kněží táborských“¹¹⁾.

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 467.

²⁾ „Ihned na počátku“, Пшибрамовъ „Ž. k. tab.“, 122.

³⁾ Обо всемъ этомъ см. таборитскія извѣстія въ „Chron. taboritarum“, Höfler, II, 587—589, и извѣстія ихъ противниковъ у Прохаски въ „Miscellaneen“, 267—271.

⁴⁾ Procházka: „Miscell.“, 271.

⁵⁾ Höfler, loc. cit.

⁶⁾ Procházka, loc. cit.

⁷⁾ Cod. D. 49 Капит. Святovit. библи.; напечатаны у Голя, въ „Quell. u. Unters.“, II, 61—62.

⁸⁾ Nejedlý: „Prameny“ etc.

⁹⁾ Cod. IX. E. 25 Праж. унив. библиот., ff. 49a — 95b; извѣстенъ мнѣ по списку, любезно предоставленному мнѣ др. К. Крофтой.

¹⁰⁾ Извѣстенъ мнѣ по списку проф. Я. Голя.

¹¹⁾ ff. 122—129 Cod. A. 16 Тшебоньскаго Архива по копии Ганки въ библи. Чеш. Музея Cod. III. D. 28 (4/c/30).

Руководясь только-что приведенными источниками, мы можем установить дѣльный рядъ выписокъ Хельчицкаго изъ трактата Н. Бискупца: „Ad magnificationem“. А именно:

<p>„Repilka“ Хельчид-каго:</p>	<p>„De existencia“ Рокицаны:</p>	<p>Гёрлицкій текстъ „Ad magnificationem“:</p>	<p>„Apologia“ Шишбрана:</p>	<p>„Surge, Domine“ Шишбрана:</p>
<p>1) „Nenie nikdziez Kryustus zde na zemi s nami po swem na nebesa wstupeni podstatnie, osobnie, bytnie a tielestnie w tom tiele a w te velikosti, w ktere a w kterake wstal gest z mrtwych a na nebesa wstupil, ano na to appostole hledie, ačkoliwiek tyz Kryustus gest zde na zemi s swymi sydu a dcerami duchownie skrze slowo, prawdu, moc, mudrost a swietlo, skrze ducha swa-</p>	<p>Christus hic non est in terris nobiscum post suam in celum ascensionem, personaliter, per sonaliter in eo corpore et eadem qualitate, in quo et quali resurrexit a mortuis et in celum ascendit“ („in certis tractatulis“, Прамень, 141) — единственная цитата изъ „Ad magnificationem“ у Рокицаны, имѣя подъ рукою „Ро-</p>	<p>„Wszak nemohou dowesti, aniž ta pisma jsou k tomu, z nichžby věrní věřiti měli, že by Kryustus byl zde na zemi po swém na nebesa wstupení osobně a podstatně w tom těle a v té velikosti, v kterém a v kteraké vstal jest z mrtvých a na nebesa wstupil, ano na to jeho sv. apostoleté hledí... (выше) Pan Kryustus zde na zemi jest s svatými et in sanctis spiri-</p>	<p>„Utrum Christus post suam in celum ascensionem sit alicubi hic in terris substantialiter, corporaliter et essentialiter in illo corpore et in illa magnitudine, in quo et in qua... Non tamen possunt probare nec ille scripture hoc pretendunt...et personaliter... (выше) Quilibet credere debet, quod Christus hic in terris est cum sanctis celum ascensionem sit</p>	<p>„Nec nos possumus probare nec ille scripture hoc pretendunt, quod ex illis fideles credere debeant, quod Christus post suam in celum ascensionem sit</p>

(см. снѣж. стран.).

„Replika“ Хельцид-каго: теho, skrze wieru, la- sku a milost“ ¹⁾.

„De existenciac“ Ро-вицаны: плеку“ съ многочис- ленными выписками изъ этого трактата, но не имѣя его въ цѣлости, не рѣшался цитировать трактата.

„Ad magnificationem“: i v svatých duchov- ně skrze lasku, mi- lost, moc a pravdu a jiným kterým on ráčí obyčejem“ ²⁾.

„Apologia“ Пши-брама: tualiter per fidem, per spiritum sanctum, ciam, virtutem et ve- ritatem“ ³⁾.

„Surge, Domine“ Пшибрама:

alicubi hic in terris substantialiter“ etc. ⁵⁾.

2) „Tež take yakoz rozomieno ma byti, gelikožto k tomu y o tielu oslawenem... a neniet spolkem w ge- den čas tak všudy... (přiwodiš S^o Augusty- na, gesto die: dokudz se swiet neskona... byti se ukazuje“ ²⁾).

...„Krystus dokawaž jest byl w těle smrtedlném musil jest jedno zvláštní místo... a nebyl jest spolkem jeden čas... A tak... i oslawené... A také podle tiech píssem božich sv. Augustyn veře a die: Dokud se svět neskona... se byti uka- zuje“.

„Christus suo cor- pore naturali et glo- rificato... est in uno certo loco... et non est pro eodem instan- ti personaliter ubi- que ...non est hic“ ⁴⁾. „Ex illo est ulterius advertendum, quod si- cut Christus cum fuit in corpore ...unum cer- tum locum occupabat ...sic intelligendum est quantum ad hoc in corpore Christi glori- ficato... non est pro eodem instanti perso- naliter... in locis plu- ribus localiter a se di- stantibus“ ⁶⁾.

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 414.

²⁾ ibid., 414.

³⁾ Goll: Quell. u. Untersuch., II, 61; тоже въ „Život kn. táborských“.

⁴⁾ ibid., 62; тоже въ „Život kn. táborských“.

⁵⁾ Cod. IX. E. 26 Пражск. Унив. блядиот., f. 92b.

⁶⁾ ibid., 98b.

„Replika“ Хельчиц-
каго:

3) „[A ponieważ wy niektórym lidem mate za zle... gesto su proti wam dowody činili... prawiece, że tielo Krystowo gest duch wszudy rozsiřeny, iako Boh a duch gest wszudy rozsiřeny. . a wy dowodiece proti nim doktory diete]“: „Ay, kterak tito welicy lide... prawdu boži falsugi“ ¹⁾.

4) „Gesto wierie, że w swatosti oltaře gest bytnie tielo Krystowo, že su nestatečne nebo male wiery..... yako kralik“ ²⁾.

5) Слѣды знакомства Хельчицеаго съ трактатомъ „Ad magnificationem“ видны и въ томъ мѣстѣ „Реплики“, гдѣ онъ передаетъ учение таборитовъ „O čtířech bytech nebo zvláštnostech Krystowych“ ⁴⁾. Конечно, это изложение могло быть сдѣлано и по

Гѣрлицкій текстъ:

„Ješte druzi... chápagí se neduvodně toho řkúce, že tělo Krystowo jakž jest oslaveno, změnilo jest se úplně v přirození božskétak žeby již nebyl tělo, ale duch wszudy rozsiřený, jako i božství“ etc.

„Exurge, Domine“
Пшибрама:

„Multo majoris fidei est ille, qui credit Christum alibi personaliter existentem posse hic virtutem suam diffundere et multiplicia dona in animabus suorum fidelium germinare, quam ille, qui non credit hoc ipsum posse facere, nisi ubi personaliter existat“ ³⁾.

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 444.

²⁾ *ibid.*, 427—428.

³⁾ Cod. IX. E. 25 Пражск. Унив. библи., f. 51a.

⁴⁾ Сборн. II Отд., LV, 426 и слѣд.

трактату Н. Жатецкаго ¹⁾, какъ это, повидимому, отчасти и было (см. ниже). Но во всякомъ случаѣ нѣчто изложено Хельчицкимъ и по „Ad magnificationem“ Бискупца.

„Реплика“:

Гёрлицкій текстъ:

а) „Giny byt nebo zvladnost ma Krystus zde na zemi: duchowni s swatymi a w swatych. A to rozlicnie skrze ducha swateho... branie gich, a spomahage gim, duchem swym hoynie obohacuge a we wsem dobrem rozplouze“ ²⁾.

„Giny byt Krystuov... jimž jest s svatými i v svatých ...duchovně... A to rozličně, t. j. skrze ducha sv. ...své věrné ochraňuje a jim spomáhaje, duchem svým hojně obohacuje a všelikterak v dobrém rozplouje“.

и, можетъ быть,

„Replika“:

Гёрлицкій текстъ: „Apologia“ Пшибрама:

б) „Třeti byt nebo zvladnost Krystowa gest podstatny byt geho tiela spogeny z božstwim. A tiem bytem tiela sweho podle dowodu mnohych pisem wstupil gest na nebesa podstatnie, bytnie a tielestnie... a tiem tielem nestupi az do sudneho dne“ ³⁾.

„Protož věrni prohlednutí mají druhá písma, kteráž zjevně ukazují, že P. G. osobně a podstatně jest v nebi po svém na nebesa vstupení a tak z nebe nestoupí do dne soudneho, janiť ať nám to ukazují tato Pisma dole popsaná“.

„Ideo videre debent christiani et diligenter advertere alias scripturas, que evidenter ostendunt Christum post suam ascensionem substancialiter, corporaliter, essentialiter et personaliter esse in celo et inde de celo non descendere usque ad diem iudicii, sicut... infra citande“ ⁴⁾.

III. Еще одинъ трактатъ Н. Бискупца зналъ и использовалъ П. Хельчицкій: это—трактатъ „De non adorando corpore Christi in sacramento eucharistiae cultu latriae“; какъ другіе трактаты, такъ и этотъ не называется у Хельчицкаго. Др. Невѣдый относить

¹⁾ См. „Articuli“ въ „Apologia“ Пшибрама, Höfler, II, 824—827.

²⁾ Сборн. II Отд., LV, 426.

³⁾ *ibid.*, 426—427.

⁴⁾ Goll: „Quell. u. Untersuch.“, II, 62; то же въ „Surge, Domine“, f. 92b.

появленіе этого трактата въ 1441—1443 г.г. и отличается его отъ подобнаго трактата Н. Бискупца 1420-хъ лѣтъ, подъ названіемъ: „Utrum secundum legem evangelicam fideles necessitantur Christum in sacramento eucharistiae adoracione patriae adorare“¹⁾. Всѣ эти утвержденія др. Неѣдлаго ошибочны. Дѣло въ томъ, что трактатъ „De non adorando“—есть то же самое, что и трактатъ „Utrum secundum legem“....

Это тожество доказывается полнымъ совпадениемъ выдержекъ, приводимыхъ Рокицаной (въ „De existencia“) изъ „De non adorando“, съ выдержками, приводимыми Пшибрамомъ (въ „Apologia“) изъ „Utrum secundum legem“. Вотъ доказательства:

<p>„De non adorando“ (по Рокицанѣ):</p> <p>1) „(Et ante ibidem scribit, quod) „in electis multo realius est Christus, quam in sacramento“²⁾.</p> <p>2) „Deus, qui est major Christi corpore, est multo realius... quam Christi corpus in sacramento“³⁾.</p> <p>3) „Sicut ymages... sic nec panis ille“⁴⁾.</p> <p>4) „Remissiores ydolatr(i)ae fuerunt, qui quondam... minoris condicionis, quam aliquid predicatorum“⁵⁾.</p> <p>5) „Nullibi lex ewangelica... aut observavit“ etc.⁶⁾.</p>	<p>„Utrum secundum legem“ (по Пшибраму):</p> <p>„In quolibet electo multo realius est Christus, quam in eucharistiae sacramento“⁷⁾.</p> <p>„Deus, qui est major“ и т. д.— буквально такъ же⁸⁾.</p> <p>„Sicut ille ymages“ и т. д.— точно такъ же⁹⁾.</p> <p>„Remissiores ydolatrie fuerunt“ и т. д.—точно такъ же¹⁰⁾.</p> <p>„Nullibi lex“ и т. д.— точно такъ же¹¹⁾.</p>
--	---

Намъ понятно, почему Голль, а вслѣдъ за нимъ и Неѣдлый даютъ вашему трактату заглавіе: „Utrum secundum legem“ etc.,

¹⁾ Фрагменты изъ него напечатаны у Голля: „Quellen“ etc., II, 62—63, по „Apologia“ Пшибрама.

²⁾ „De existencia“, Nejedlý: „Prameny“, 132.

³⁾ ibid., 132.

⁴⁾ ibid., 131.

⁵⁾ ibid., 138.

⁶⁾ ibid., 135.

⁷⁾ Goll, II, 62.

⁸⁾ ibid.

⁹⁾ ibid.

¹⁰⁾ ibid.

¹¹⁾ ibid.

слѣдую фрагментамъ Пшибрама: этими словами—вопросомъ начинался, очевидно, нашъ трактатъ: по крайней мѣрѣ, Рокицана, приводя изъ трактата „De non adorando Christo Ihesu“ слова: „Secundum legem ewangelicam fideles non necessitantur Christum in sacramento eucharistiae adoracione patrie adorare“¹⁾, называетъ ихъ „conclusio responsalis“... (= отвѣтъ на вопросъ: „Utrum secundum legem“ и т. д.). Трактатъ „De non adorando“ былъ написанъ Н. Бискупцемъ по-латыни; цитируя его, Рокицана постоянно прибавляетъ: „in latino“, въ противоположность выдержкамъ изъ трактата Бискупца для П. Хельчицкаго, къ которымъ Рокицана всегда присоединяетъ слово: „in wlgari“. Мы вообще не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы трактатъ „De non adorando“ былъ переведенъ на чешскій языкъ; вѣроятно, и Хельчицкій читалъ его въ латинскомъ текстѣ.....

Когда былъ написанъ этотъ трактатъ? Во всякомъ случаѣ, не въ 1420-ые годы... Если бы онъ былъ написанъ въ первые 1420-ые годы, то Пшибрамъ съ единомышленниками напали бы на него, какъ и на „Ad sacramenti“ etc. (см. выше стр. 206), на диспутахъ съ таборитами, начиная съ Конопиштскаго 1423 года. Кромѣ „Реплики“, ранѣ которой онъ написанъ, онъ впервые упоминается въ „Apologia“ Я. Пшибрама, гдѣ приводятся „articuli“ изъ него, на ряду съ „articuli“ изъ „Ad sacramenti“ etc. того же Бискупца, изъ трактата Бискупца для Хельчицкаго, изъ трактатовъ Я. Жатецкаго и Мартинва Локвиса—Гоуски. Намъ представляется не безразличнымъ для рѣшенія вопроса о времени появленія „De non adorando“ слѣдующее наблюдение: тотъ же Пшибрамъ въ своемъ „Život kněží táborských“ сообщаетъ тѣ же „articuli“, изъ тѣхъ же самыхъ трактатовъ, кромѣ 2 трактатовъ: „De non adorando“ и „Трактата для Хельчицкаго“. Вѣроятно, это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ то время, какъ Пшибрамъ писалъ „Život“, указанныхъ 2 трактатовъ Бискупца еще не существовало. Между тѣмъ, мы знаемъ, что „Život“ былъ написанъ въ 1429 году. Слѣдовательно, „De non adorando“ былъ написанъ Бискупцемъ послѣ 1429 года (ср. выше, стр. 194).

Для приблизительнаго опредѣленія времени появленія трактата „De non adorando“ (а черезъ него и трактата для Хельчицкаго и, наконецъ, самой „Реплики противъ Николая Бискупца“; ср. выше) очень важнымъ является одно мимоходомъ брошенное замѣчаніе Рокицаны, участника всѣхъ споровъ съ таборитами: Рокицана, для успѣшности борьбы со взглядами Бискупца, прибѣгаетъ къ

¹⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 134.

приему опровержения однихъ словъ Бискупца другими, обнаруженія самопротиворѣчій Бискупца.

Онъ приводитъ слова Бискупца изъ недошедшаго до насъ его „Tractatus de corpore Christi“, написаннаго „ante annos 20 vel citra“ противъ свящ. Петра Каниша („contra Caniss“), сожженнаго въ 1421 году въ г. Таборъ, и указываетъ на противорѣчье этихъ словъ съ тѣмъ, что говорить Бискупецъ въ двухъ цитруемыхъ Рокицаной трактатахъ—„vlgaris“ (=для П. Хельчицкаго) и „in latino“ (=„De non adorando“). Эти два трактата были въ глазахъ Рокицаны, сравнительно съ трактатомъ „contra Caniss“, „moderni tractatuli“! Явно, что „De non adorando“, какъ и „Трактатъ для Хельчицкаго“, были написаны Н. Бискупцемъ сравнительно не задолго до Кутногорскаго Съѣзда 1443 года и до трактата Рокицаны „De existencia, а не въ 1-ой пол. 1420-хъ лѣтъ..... Рокицана имѣлъ подъ рукой полный текстъ „De non adorando: этимъ объясняется—сравнительно и съ Хельчицкимъ и съ Пшибрамомъ—большое количество выписокъ изъ трактата и точность ссылокъ (NN^o „conclusiones“ и „sorgolaria“).

При сопоставленіи текста „Реплики“ съ „articuli“ у Пшибрама и у Рокицаны оказывается, что Хельчицкій взялъ для „Реплики“ изъ „De non adorando“ нижеслѣдующія мѣста:

„Replika“: „Articuli“ Пшибрама: „De existencia“ Рокицаны:

1) „Kristus gest hoy-niegi a dokonalegi w wiernem člowieku... tiechto darow nižadnym obyčegem nemož pochopen byti“ ¹⁾ .	„In quolibet electo multo realius est Christus, quam in eucharistie sacramento“ ³⁾„In electis multo realius est Christus, quam in sacramento... istorum donorum nullo modo potest esse capax“ ⁴⁾ .
--	---	--

2) „Křestiane mohu slušnie... na prawicy boži tam ustrni“ ²⁾ .		„Fideles nedum Christum... ad dextram Dei sedens, presencialiter terminato“ ⁵⁾ .
---	--	---

3) ...Křestiane podle zakona božieho negsu	„Utrum secundum legem ewangelicam	„Secundum legem ewangelicam fideles
--	-----------------------------------	-------------------------------------

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 430.

²⁾ ibid., 433.

³⁾ Goll: „Quell. u. Unters.“, II, 62.

⁴⁾ Nejedlý: „Prameny“, 132; ср.: „Fidelis homo est templum“, 133.

⁵⁾ ibid., 135—136.

dlužni modliti se... ma- fideles necessitantur“ non necessitantur...
gi se gemu modliti“ ¹⁾). etc. ⁶⁾). latricie adorare“ ¹⁰⁾).

4) „Jakož obrazowe „Sicut ille ymagi- „Sicut ymagines nec
nemohli su sobie... geš- nes non poterant se se... nec panis ille“ ¹¹⁾).
to se gemu modle“ ²⁾). ...nec dictus panis
potest“ ⁷⁾).

5) „Ponieważ chleb „Remissiores ydo- „Remissiores ydo-
poswatny, sa wiec w latricie fuerunt... Pa- latr(i)ae... Panis sacra-
swem přirozeny bez- nis sacramentalis in mentalis in sui natura
dušna... ..hřech gest sua natura cum sit res est res inanimata...
obtieženeyši“ ³⁾). inanimata... tanto quam aliquid predic-
peccatum... est scele- torum“ ¹²⁾).
racius... displicen-
cius“ ⁸⁾).

6) „Kristus w člo- „Deus, qui est „Deus, qui est ma-
wieku wiernem hoynie- major corpore Chri- jor corpore Christi...
ge gest nez w swatosti. sti.... ..in sacra- in sacramento ¹³⁾).
Nebo Krystus... Nebo ...in sacra-
Boh, genz gest wietsi mento“ ⁹⁾).
nez Krystowo tielo...
gest bytem swym“ ⁴⁾).

7) „Kristus gest w „Christum inferiori
swatosti nižším obyč- modo esse in sacra-
gem než w člowieku mento, quam in fideli
wiernem“ ⁵⁾). homine“ ¹⁴⁾).

IV. Можетъ быть, зналъ Хельчицкій и еще одинъ, 4-й трактатъ Бискупца, именно упомянутый нами выше: „Трактатъ про-

¹⁾ Сбор. II Отд., LV, 433.

²⁾ ibid., 435.

³⁾ ibid., 437.

⁴⁾ ibid., 452—453.

⁵⁾ ibid., 454.

⁶⁾ Goll, II, 61.

⁷⁾ ibid., 62.

⁸⁾ ibid., 62.

⁹⁾ idid., 62.

¹⁰⁾ Nejedlý: „Prameny“, 134.

¹¹⁾ ibid., 131.

¹²⁾ ibid., 138.

¹³⁾ ibid., 133.

¹⁴⁾ ibid., 133.

тивъ П. Каниша“ (около 1421-го года). Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

„Реплика“:	„De existencia“ Ровицаны:
„(Opriet gine polozenie činite řkuce), že tiezke ruhanie proti Bohu činie ti, ktoz se swatosti tiela a krwe Krystowy řadnie zposobene ruhagi a gi pohrzegi“ и т. д. ¹⁾	„(Dicit enim sic in suo tractatu—Nicolai variabilitas!), quod graviter in Deum blasphemant, sacramentum euciaristie rite dispositum blasphemantes et contemptentes“ etc. ²⁾

V. Кромѣ евхаристійныхъ трактатовъ Н. Бискупца, Хельчицкому было извѣстно и „Pismo knieze Jana Žatecskeho, kterež se počina: Poniewadź duch prawdy přewelmi se protiwi lži“ ³⁾. Мы уже говорили выше (стр. 180) о томъ, почему Хельчицкій считалъ возможнымъ для себя считаться съ возрѣніями Я. Жатецкаго при характеристикѣ и разборѣ ученія таборитовъ (и специально — Н. Бискупца) объ евхаристіи. О выдающемся значеніи Я. Жатецкаго среди таборитовъ свидѣтельствуетъ въ своей „Apologia“ и Я. Пшибрамъ ⁴⁾. Я. Жатецкій, проповѣдникъ въ г. Жатцѣ, нѣмецъ по національности, болѣе другихъ таборитовъ былъ знакомъ—при посредничествѣ англійскаго виклифиста, проживавшаго въ Чехіи, м. Петра Пѣна — съ сочиненіями и ученіями Дж. Виклифа. Для наставленія прочихъ таборитовъ Я. Жатецкій первымъ изъ нихъ — слѣдовательно, всячески до 1423 года, „terminus ante quem“ трактата Бискупца „Ad magnificationem“ — написалъ по латыни и по чешски трактатъ, начинавшійся словами: „Cum spiritus veritatis obediens (?) omne mendacium“ и т. д.; трактатъ этотъ буквально ⁵⁾ былъ заимствованъ у Виклифа, какъ это сознавали и современники (Пшибрамъ говоритъ о себѣ: „haec ego geregi per rroprium oculum“ ⁶⁾; какой-то нѣмецкій священникъ заявилъ на совѣщаніи пражскаго духовенства: „Jat' vim, čit' jest ten tractat; všakt jest slovo témér řeč Wiklefova“ ⁷⁾. Есть, однако,

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 435.

²⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 138.

³⁾ Сборн. II Отд., LV, 421, 426.

⁴⁾ Höfler., II, 824.

⁵⁾ „de verbo ad verbum“, Höfler, II, 824.

⁶⁾ ibid., 824.

⁷⁾ Život kn. tábořsk., f. 121.

извѣстіе, что Я. Жатецкій писалъ свой трактатъ въ сотрудничествѣ со свящ. Сигизмундомъ изъ Ржепанъ и др. Ник. Бискупецъ въ своихъ трактатахъ воспроизводилъ—часто буквально—положенія трактата Я. Жатецкаго, и поэтому понятно, почему онъ готовъ былъ защищать этотъ трактатъ отъ перваго слова до послѣдняго....

Къ сожалѣнію, трактатъ Яна Жатецкаго не дошелъ до насъ въ цѣломъ видѣ: мы имѣемъ только извлеченія изъ него—„Articuli“—въ передачѣ Я. Пшибрама, въ его *Život kněží tábořských* ¹⁾ и въ „Apologia“ ²⁾.

При помощи этихъ „articuli“ мы можемъ установить и—нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ—извлеченія изъ трактата Я. Жатецкаго въ „Репликѣ“ Хельчицкаго, при чемъ увѣренность въ несомнѣнности этихъ извлеченій ослабляется иногда отмѣченнымъ нами выше характеромъ отношеній трактата Я. Жатецкаго и трактатовъ Н. Бискупца, равно какъ и пользованіемъ Хельчицкаго этими послѣдними трактатами: въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно установить, слова-ли Я. Жатецкаго или слова Н. Бискупца воспроизводитъ Хельчицкій (ср. выше, стр. 208).....

Итакъ, вотъ какія заимствованія — извлеченія, думаемъ мы, сдѣланы Хельчицкимъ изъ трактата Я. Жатецкаго: „Ponieważ duch prawdy“...

1) Изложеніе теоріи о „čtířech bytech nebo zvláštnostech Křestowých“ ³⁾. Хотя нѣкоторые пункты этой теоріи изложены Хельчицкимъ, повидимому, по трактату Н. Бискупца „Ad magnificatio-nem“ (см. выше, стр. 208), хотя порядокъ перечисленія этихъ „bytův“ у Хельчицкаго иной, чѣмъ у Я. Жатецкаго, однако фразеологія Хельчицкаго часто говоритъ о воспроизведеніи именно трактата Я. Жатецкаго. Такъ, напри-мѣръ:

„Реплика“:

„Ma (Христосъ) byt mocny, iako pan w nebi y w zemi... gsa wšudy we wšem mocy swu swo-bodnu a pansku, yako kral w swem kralowstwi“.

„Апология“ Пшибрама:

„Tertio Christus humanitus habet modum essendi alicubi virtualiter aut potentialiter, sicut rex est potentialiter in regno suo“.

¹⁾ ff. 115—121.

²⁾ Höfler, II, 824—827.

³⁾ Сборникъ II Отд., LV, 426—428.

„Giny byt... ma Krystus zde na zemi... duchowni s swatymi... skrze... milost... branie gich a spomahage“...

„Třeti byt nebo zvláštnost... gest podstatny byt gehu tiela spogeny z bozstwim. A tiem bytem tiela sweho podle dowodu mnohych pisem... nesstupi až do sudneho dne... iako die s. Augustyn... do sudneho dne nesstupi na nižadny oltář, by pak s. Petr mši služil“... ¹⁾

2) „Protož rozum křestiansky, totot gest, že ten chleb gest tielo Krystowo poswatnie“... ²⁾

3) ...„Krystus gest hoyniegie a dokonalegie w wiernem člowieku“... ³⁾

4) ...„Wystriehagice lidu skrze čtenie, že řekli-li by gim: Tuto gest Krystus, nebo onde, nerodte wieřiti“... ⁴⁾

„Alium habet Christus modum essendi alicubi spiritualiter, i. e. per gratiam suam fideles famulos promovendo, protegendo“ etc.

„Primum modum et principallissimum essendi habet essentialiter et corporaliter. Et illo corpore, scilicet naturali, Christus corporaliter... non descendit ante iudicium finale propter multas scripturas... Augustinus... dicit... nunquam descendit ad quodcumque altare illo corpore, etiam si s. Petrus missaret“.

„Sensus catholicus est, quod ille panis est corpus Christi sacramentaliter“... ⁵⁾

...„Christus est habundantius, dignius et perfectius in fideli homine“... ⁶⁾

„Salvator, praemuniens suos electos, ne taliter credant cum alicubi in terris dicit: Tunc si quis vobis dixerit: ecce illic, ne credideritis“... ⁷⁾

Кромѣ того, еще слѣдующія выдержки „Реплики“ изъ таборитскихъ трактатовъ, можетъбыть, взяты—судя по контексту и по содержанию, такъ какъ провѣрка текстуальная невозможна по отсутствию данныхъ для нея—изъ трактата Я. Жатецкаго (мы указываемъ только „incipit“ и „explicit“ текстовъ): 5) („Protoz diete, že) ten poswatny chleb gest blizsie znamenie... gehu skutkow... Krystus uwedl gest... užitek umucenie Krystowa⁸⁾); 6) „Su ti lide přeliš hrubi..

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 426—427.

²⁾ ibid., 429.

³⁾ ibid., 430.

⁴⁾ ibid., 441.

⁵⁾ Höfler, II, 825.

⁶⁾ ibid., 827.

⁷⁾ ibid., 827.

⁸⁾ Сборн. II Отд., LV, 429—430.

kterak a w čem zaleží¹⁾; 7) „Opíet neřekl sprostnie... za naše hriechy ukřizowaneho“²⁾; 8) „Ze ne mnoho proroka... wšet shledagi“³⁾; 9) („Opíet to položenie učinili ste)...a dobrym toliko pzilezi“⁴⁾; 10) „Šamo gedenie gest upřiemo potřebne... ale w znameni“⁵⁾.

VI. Наконецъ, Хельчицкій, несомнѣнно, цитируетъ въ „Репликѣ“ и 2 трактата извѣстнаго таборитскаго радикала-хилиаста св. Мартина Локвиса—Гоуски, сожженнаго 21 августа 1421 г. въ г. Рудницѣ. Этотъ Мартинекъ, котораго табориты называли то „ангеломъ войскъ таборитскихъ“, то „Даниломъ пророкомъ“, то просто „ангеломъ“ за его дарованія и краснорѣчіе, написавъ по-чешски⁶⁾ для обывателей г. Писка два—или больше даже—трактата о таинствахъ евхаристіи, о содержаніи которыхъ мы можемъ судить по извлеченіямъ изъ нихъ м. Я. Пшибрама въ его „Apologia“⁷⁾ и въ „Živ. kněží tábor.“⁸⁾.

На основаніи выдержекъ Пшибрама мы можемъ установить и выписки, сдѣланныя изъ трактатовъ Мартинка въ „Репликѣ“ Хельчицкаго, который, какъ мы уже знаемъ, вообще цитируетъ свои источники недостаточно ясно. Какимъ образомъ попали въ руки Хельчицкаго трактаты Мартинка? Вѣроятно, непосредственно отъ самого же Мартинка. По крайней мѣрѣ, Хельчицкій цитируетъ сочиненія Мартинка въ связи съ рассказомъ о бесѣдахъ своихъ съ нимъ⁹⁾. При этомъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное о томъ, когда и гдѣ происходило свиданіе Хельчицкаго съ Мартинкомъ. Хельчицкій, во всякомъ случаѣ, вынесъ изъ этого свиданія не особенно выгодное впечатлѣніе о своемъ собесѣдникѣ: „Мартинекъ не былъ простецъ и вовсе не имѣлъ доброй воли къ страданію за Христа („какъ и вы“, прибавляетъ Хельчицкій по адресу Н. Бискупца)... Онъ исповѣдалъ передъ нами, что будетъ на землѣ новое царство святыхъ—и добрые уже не будутъ страдать; если бы христіане должны

¹⁾ Сбор. II Отд., LV., 430—431.

²⁾ *ibid.*, 431.

³⁾ *ibid.*, 456.

⁴⁾ *ibid.*, 457.

⁵⁾ *ibid.*, 467.

⁶⁾ „in vulgari“, Höfler, II, 828.

⁷⁾ См. „Articuli Martinconis“, Höfler, II, 828—830.

⁸⁾ ff. 108—114.

⁹⁾ „...nebo sme s nim mnoho mluwili o tom u o ginem“, Сборн., LV, 464

всегда страдать, то я не хотѣлъ бы быть слугой Божиимъ“, говорилъ Мартинекъ ¹⁾).

Цитируя Мартинка, Хельчицей не различаетъ отдѣльныхъ его трактатовъ; повидимому, приводя буквально нѣкоторыя слова Мартинка, онъ въ то же время пересказываетъ его воззрѣнія и своими собственными словами.

Слѣдующія мѣста „Реплики“ Хельчицкаго являются, по нашему мнѣнью, отголоскомъ трактатовъ Мартинка.

„Replika“:	„Apologia“:	„Život kn. tábor.“:
„Martinek, prorok taborsky, a Zygmund z Řepan ²⁾ ten rozom wedu na šestu kap. sw. Jana a die na tu řeč pana Gežiše: „die layte dielo... a ten chleb zaleži w diele... ..Nebudete li gesti tiela syna člowieka, to gest, nebudete li činiti skutkow, yako naydale budete mocy, ktere gest syn člowieci činil w tiele, a nebudete li piti krwe geho, to gest nepoznate-li mocy a pričín geho skutkow... y s synem gedno byli. Wečeře panie založena gest na lasce... na gest na lasce... nomy gemu omywali.	„Sextus error est, quod non habent differentiam inter panem aeternum, de quo Joh. VI ^o , et inter panem temporalem, qui non descendit de coelo, nec dat vitam mundo, nec vivit, nec est Christus, et illum comedunt boni et mali“ ³⁾).	(„Шестое заблуждение—тѣхъ, кто не различаетъ хлѣба вѣчнаго и временнаго; 6-я гл. Иоан. говоритъ о хлѣбѣ вѣчномъ), „kterýž záleží v diele děl božich“ ⁴⁾Nebudete-li jiesti... to jest nebudete-li činiti skutkuov“ (которыя совершалъ Сынъ Человѣческій). „Nebudete-li píti, t. j. nepoznate-li mocy a přízni (? ср. у Хельчицкаго: „příčin“) jeho skutkuov“ ⁵⁾).
	„Panis coenae ducendum ad manihy gemu omywali. ducandum datus est,	ср. „Život“, f. 108.

¹⁾ Сборн., LV, 464—465.

²⁾ И м. Пшибрамъ сообщаетъ, что Мартинекъ писалъ свои трактаты „вмѣстѣ съ товарищами“, см. „Život“, f. 108.

³⁾ Нѳлер, II, 829.

⁴⁾ Къ сожалѣнью, я не имѣю подъ рукой полного чешскаго текста и ограничиваюсь своими выписками и замѣтками.

⁵⁾ „Živ. kn. tabor.“, f. 111; изъ 1-го тракт. Мартинка.

Apposstole při wečeři Panie... lidu dawali ...aby křestiane, schazegice se w swatek a popracugice w slowu bożiem, aby pro naučenje lasky ku potřebie pagedli a iako hody mieli¹⁾.

„Nebo kto gest tomu kazal wieriti, že w chlebu gest Krystus?“²⁾

„A potupiw ustanowienie Krystowo, nazwal ge wečeři papiezsku a kaciersku“³⁾.....
(и по контексту):

.....„K tomu přiwodi s. Ambroze, gesto die, že nic nenie nepravějšiego nezli“ и т. д. ⁴⁾

non ad flectendum vel adorandum, propterea apostoli sedentes manducaverunt“⁵⁾.

„Quis mandavit credere, quod ibi est verus Christus“⁶⁾.

„Coenam papae, que est idolatria, fideles debent cavere... Paparum coena est erronea et haeretica“⁷⁾.

...„aby křišťaněspolu ku potřebě pojedli a jako hody jměli“⁸⁾.

ср. „Život“, f. 113.

Можетъ быть—судя по контексту, по связи съ слѣдующимъ— изъ Мартинка же заимствовано и слѣдующее мѣсто „Реплики“: „Opriet to polozenie učinili ste o gedeni tiela Krystowa etc. ⁹⁾).

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 458—459.

²⁾ *ibid.*, 441.

³⁾ *ibid.*, 465.

⁴⁾ *ibid.*,

⁵⁾ Höfler, II, 829.

⁶⁾ *ibid.*

⁷⁾ *ibid.*

⁸⁾ „Živ. kn. tábor, f. 113; изъ 2-го тракт. Мартинка.

⁹⁾ Сборн. II Отд., LV, 457; см., впрочемъ, то, что сказано о Я. Жатецкомъ.

3) Вліяніе таборитовъ на П. Хельчицкаго.

Не смотря на рѣзкую полемику съ таборитами по вопросу о сущности таинства евхаристіи, Хельчицкій самъ признавалъ свое исконное единомысліе съ таборитами во многихъ пунктахъ вѣроученія (см. выше, стр. 181).

Мы не имѣемъ въ виду слѣдить за всѣми случаями совпаденій взглядовъ Хельчицкаго съ ученіями таборитовъ, поскольку эти совпаденія могутъ объясняться общностью условій дѣйствительности, одинаковыми вліяніями — виклифисгскими, вальденскими, чисто-гуситскими и т. п. Мы обратимъ вниманіе только на тѣ случаи, когда единомысліе П. Хельчицкаго съ таборитами объясняется именно вліяніемъ ихъ на Хельчицкаго, когда это вліяніе можетъ быть точно доказано на основаніи параллельнаго изученія сочиненій Хельчицкаго и таборитской литературы. Вліяніе таборитовъ на П. Хельчицкаго намъ удалось прослѣдить въ ученіяхъ Хельчицкаго: *А)* о призваніи святыхъ и о молитвахъ святыхъ, *Б)* о чистилищѣ и *В)* о таинствахъ.

А. Ученіе о призваніи святыхъ христіанами и о молитвахъ святыхъ за нихъ.

Во-первыхъ, вліяніе таборитовъ на П. Хельчицкаго особенно ясно можно наблюдать во взглядахъ послѣдняго на католическое (а такъ же и умѣренныхъ гуситовъ) ученіе о „призваніи святыхъ“ людьми и о молитвахъ святыхъ за людей, призывающихъ ихъ. Хельчицкій относился отрицательно къ этому ученію, какъ и табориты. Конечно, сходство Хельчицкаго съ таборитами въ этомъ пунктѣ само по себѣ еще не свидѣтельствовало бы о вліяніи таборитовъ на Хельчицкаго: отрицательно относились къ этому ученію и вальденцы, несомнѣнно оказывавшіе вліяніе на складъ гуситскихъ мнѣній; элементы отрицанія по этому вопросу приходится отмѣтить и у Виклифа, ученія котораго Хельчицкій и зналъ и высоко цѣнилъ...

Но мы имѣемъ, такъ сказать, документальныя доказательства вліянія таборитовъ на Хельчицкаго по указанному вопросу. Значительная часть „*Sit' vîgu*“, послѣднія главы ея второй части—XXX — XXI¹⁾—посвящены Хельчицкимъ критикѣ католическаго

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 296—339.

ученія о „призываніи святыхъ“ и о молитвахъ ихъ за людей, Текстъ этихъ главъ обнаруживаетъ знакомство автора съ такъ называемою таборитскою „Апологіей“ („Конфессіей“) 1431 года ¹⁾, въ частности—съ тѣми ея §§, которые посвящены вопросу о почитаніи и призываніи святыхъ ²⁾—и не только знакомство, а и пользование ею. Разсужденіе Хельчицкаго въ цѣломъ, конечно, отличается полной самостоятельностью какъ по ходу и группировкѣ мыслей, такъ и по способамъ выраженія ихъ; но въ частностяхъ—виденъ все же ученіиъ таборитовъ.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

I. Хельчицкій, повидимому, руководился текстомъ „Апологіи“ при формулировкѣ нѣкоторыхъ пунктовъ ученія „апостоловъ антихриста“ (духовенства) о необходимости „призыванія святыхъ“:

„Sit' víry“ Хельчицкаго:
... „řkú („апостолы антихриста“):
„Poněvadž sůce (святые) zde v těle meli sú pěčí velikú o spase-
sení lidské, ještě majíce na pře-
kážku tělo své, ovšem více a
hojněje mají milosti zbyvše již
těla a sůce již s Kristem“ ³⁾.

„Апологія таборитовъ“:
„Si sancti fuerunt potentes, sa-
gaces atque benevoli in terris
ad orandum pro fratribus suis
miseris, quando adhuc soli de se
erant solliciti et impedimentum
a carne propria habuerunt, quanto
magis corpore exuti, ubi majores
sunt domini suae voluntatis, car-
nis impedimentis privati“ ⁴⁾.

II. Арсеналь таборитскихъ доводовъ противъ католическаго (и „магистровъ“) ученія далъ, видимо, оружіе и Хельчицкому.

1) Хельчицкій, доказывая, что почитаніе святыхъ не имѣетъ основанія въ св. Писаніи, ссылается на примѣры ап. Петра, воспретившаго поклоненіе ему сотника Корнилія (Дѣян. X, 25), апокалиптическихъ ангеловъ, воспретившихъ то же ев. Іоанну (Апок. XIX, 10) ⁵⁾. Эти же примѣры приведены и въ таборитской „Апологіи“ ⁶⁾...

2) Доказывая тщету людскихъ молитвъ ко святымъ о помощи, Хельчицкій, на основаніи св. Писанія, обосновываетъ эту свою

¹⁾ Höfler, II, 596—700.

²⁾ *ibid.*, 629—642 и 666—683.

³⁾ Сборн. II Отд., LV, 298.

⁴⁾ Höfler, II, 674.

⁵⁾ Сборн. II Отд., LV, 311.

⁶⁾ Höfler, II, 632 и 673.

мысль характеристикой состоянія святыхъ на небѣ, какъ состоянія славы и любви къ Богу въ такой полнотѣ, которая не позволяетъ имъ разсѣиваться дѣлами земли и интересами людей на землѣ. Мысли Хельчицкаго здѣсь ¹⁾ очень напоминаютъ разсужденія таборитовъ ²⁾.

3. Любопытно съ интересующей насъ точки зрѣнія приводимыя Хельчицкимъ свидѣтельства „человѣческихъ писаній“ противъ принятаго почитанія святыхъ.

Это—свидѣтельство папы Григорія Двоеслова изъ I. XX его „Mogalia“ ³⁾, бл. Августина въ „Sermones“ на 1 посл. Иоан., II, 1—2 ⁴⁾ и „мистра Противы“, т. е. Виклифа, въ „Trilogus“, IV, с. 30, р.р. 236 и 235 ⁵⁾. Всѣ эти свидѣтельства имѣются и въ таборитской „Апологии“ ⁶⁾. Сравненіе текста „S. V. съ текстомъ „Апологии“ показываетъ, что Хельчицкій пользовался „Апологіей“.

а) Свидѣтельство папы Григорія, какъ будто, взято и не изъ таборитской „Апологии“.

У Хельчицкаго оно начинается словами: „Věděl zajisté svatý Job, že k věčnému vysvobození“ ⁷⁾..., въ то время въ „Апологии“ этимъ словамъ („sciebat quippe, quod ad liberationem“...) предшествуютъ еще 8 строкъ. Съ другой стороны цитата Хельчицкаго имѣетъ нѣкоторый „plus“ сравнительно съ „Апологіей“: заключительныя слова цитаты „Апологии“ („et infra... subdit: „Adjutor ergo quaeritur... voces silerent“ ⁸⁾) = „Tehda spomocník bývá hledán... hlasové znikli aneb oněmeli“ ⁹⁾, не имѣютъ передъ собой тѣхъ 6 строкъ, которыя есть въ „S. V.“ („Protož jednozozenému“)... Но не собственные ли слова Хельчицкаго эти 6 строкъ?

б) Зато свидѣтельство бл. Августина ¹⁰⁾ взято Хельчицкимъ, несомнѣнно, изъ таборитской „Апологии“: во-первыхъ, текстъ въ обоихъ произведеніяхъ совпадаетъ въ началѣ („Iste vir justus et magnus“... „Apol.“ и „Tento muž spravedlivý a veliký... „S. V.“) и

¹⁾ Сборн. Отд., II, LV, 331—333.

²⁾ Höfler, II, 676—677.

³⁾ Сборн. II Отд., LV, 327.

⁴⁾ ibid., 329.

⁵⁾ ibid., 330—331.

⁶⁾ Höfler, II, 633—634; 638—639; 634.

⁷⁾ Сборн. II Отд., LV, 327.

⁸⁾ Höfler, II, 633—634.

⁹⁾ Сборн. II Отд., LV, 328.

¹⁰⁾ „Super illo verbo Ioh.“, Höfler, 638, и „na to slovo sv. Jana...“, Сборн., 329.

почти совпадаютъ въ концѣ (въ „Апологиѣ“ есть маленькій „plus“); во-вторыхъ, что особенно важно, похожи и разсужденія автора „Апологиѣ“ и Хельчицкаго по поводу свидѣтельства Августина ¹⁾.

в) Наконецъ, нѣтъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что свидѣтельство Виклифа взято Хельчицкимъ изъ таборитской „Апологиѣ“. Вотъ это свидѣтельство у Хельчицкаго: „mistr Protiva (т. е. Виклифъ) řka, že by hodné bylo ovšem Kristu mezi lidmi se klaněti a že není potřeby s ním k rozmlúvaní jiných svatých přijímati k smíření a že by bláznivý byl, kto by jiného přimluvení hledal a že v prvotnie cierkvi svaté zvláště modlitba obrácena jest byla k té osobě prostředníka za pomoc duchovní, a že když se jest tak dále, tehda více jest prospievala a rostla v dobrotě cierkev svatá než nyní s mnohými přimluvenými smyšlenými a vnově zamýšlenými“ ²⁾. Здѣсь мы видимъ у Хельчицкаго, строго говоря, изложеніе главныхъ мыслей Виклифа, подлинныя слова котораго приведены въ „Апологиѣ“. Въ то время какъ мы замѣчаемъ, что въ словахъ своихъ до: „a že v prvotnie cierkvi“ Хельчицкій придерживается точныхъ словъ Виклифа ³⁾,—въ словахъ, начиная съ „a že v prvotnie cierkvi“..., Хельчицкій не передаетъ точно текста Виклифа: „Et multis videtur, quando oratio singulariter“ ⁴⁾... Вглядываясь въ текстъ „Апологиѣ“, мы узнаемъ, что эти послѣднія слова Хельчицкаго—передача собственныхъ разсужденій таборитовъ по поводу свидѣтельства Виклифа: „...quod quondam in ecclesia primitiva singulariter oratio directa fuit ad illam personam mediam, pro auditorio spirituali. Et quando sic fuit, quod pro tunc plus profuit et crevit ecclesia, quam facit modo multis intercessoribus adinventis“ ⁵⁾.

4) Какъ доводъ противъ ученія о „призываніи святыхъ“, выдвигается Хельчицкимъ соображеніе о крайнемъ антропоморфизмѣ ⁶⁾ представленій о Богѣ, лежащихъ въ основѣ этого ученія,—сооб-

¹⁾ „Sed abinde venerunt et veniunt schismata“.... Höfler, 639 и „A tak zjevno jest, že jsú tu“... Сборн., 329.

²⁾ Сборн. II Отд., LV, 330—331.

³⁾ „quod foret expediens... stultus ergo foret, qui... unde non oportet“... Höfler, II, 634; при этомъ у Хельчицкаго 2-я и 3-я мысли получили перестановку; переводъ словъ: „ad cartandum ejus colloquium“ сдѣланъ Хельчицкимъ неудачно.

⁴⁾ 2-я строка 635 стр. у Höfler'a.

⁵⁾ Höfler, II, 635.

⁶⁾ „rozum tělesný“, Сборн. II Отд., LV, 308.

раженіе, судя по его словесному выраженію, взятое у таборитовъ.
Вотъ подтвержденіе:

„Sít' víry“:

(священники общаются глупому народу): přimlúvaní před Bohem tak bludné, jako před hrozným králem, ještě jeho hněv jedva mohou ukrotiti sluhu jeho proti někomu... Lid hřiešný za to má, že světi Boha ukrotí, jakožto purkrabie a maršalci krále ukrutného s hněvy ukrutnými krotí proti člověku obžalovanému¹⁾...

„Апология“ таборитовъ:

...„Populus ex hoc carnaliter et erronee de Deo et de sanctis sentire videtur, aestimantes, quod praecise sicut coram rege terreno ipso irascente alii non sic irati pro aliquo intercedunt, iram ejus erga ipsum mitigantes, sic populus aestimat fieri coram Deo, quod sancti Deo irascente peccatoribus sibi assistant tanquam Marschalci intercedentes pro his, qui eis offerunt“²⁾.

III. Обращаясь къ положительному ученію самого Хельчицкаго по вопросу объ отношеніи христіанъ ко святымъ, мы видимъ все то же влияніе таборитской „Апологии“. Хельчицкій исповѣдуетъ ученіе относительно „общенія святыхъ“³⁾: „человѣкъ не можетъ желать отъ святыхъ ббльшей помощи, чѣмъ то, чтобы участвовать во всѣхъ ихъ заслугахъ и вмѣстѣ съ ними радоваться и—съ другой стороны—чтобы все, что добраго дѣлаетъ самъ человѣкъ, было въ радость, честь и помощь всѣмъ святымъ на небѣ“⁴⁾. Въ этомъ своемъ ученіи Хельчицкій опирается на текстъ 35—36 ст. IV гл. ев. Іоанна: „Се глаголю вамъ: возведите очи ваши“... Исходя изъ этого ученія, Хельчицкій заявляетъ такой взглядъ на „почитаніе святыхъ“: „человѣкъ не можетъ чтить святыхъ иначе, какъ, будучи самъ святымъ, чтить ихъ собой, быть въ честь, радость и въ помощь ихъ святости, присоединять къ ихъ чести и свою святую жизнь, слѣдуя ихъ дѣламъ, въ которыхъ они оставили по себѣ истинныя примѣры (для подра-

¹⁾ Сборникъ II Отд., LV, 305 и 308.

²⁾ Höfler, II, 629—630.

³⁾ „obcování mezi svatými, t. j. spojení vespolek úduov v duchovní tělo Kristovo“.

⁴⁾ Сборн., LV, 336.

жанія) и истинныя писанія для наученія святой жизни“¹⁾.

То же учение объ „общеніи святыхъ“ развиваютъ и табориты въ своей „Апологии“, основываясь на томъ же текстѣ св. Іоанна: „Unum enim corpus est, quod justificari expectatur, (et) est quod resurgere dicitur in iudicio; licet enim sunt multa membra, unum tamen corpus, quibus illuc omnibus simul existentibus cuilibet ex alio augebitur laetitia, quando quilibet meriti ac laetitiae alterius particeps fiet, ut compleatur, quod veritas dicit Iohan., 4: „vidite regiones“²⁾.. Изъ этого ученія вытекаетъ и положеніе таборитовъ: „tenemus, quod (святые).. possunt suffragari et suffragantur; exempla enim eorum qui attenderet scriptaque intelligeret, ad bonum ei suffragarentur“³⁾.

Б) Ученіе о чистилищѣ.

Во-вторыхъ, влияніе таборитовъ, ихъ „Апология“, на Хельчицкаго замѣтно и въ ученіи его о чистилищѣ (отрицаніе чистилища). Прослѣдить это влияніе можно, главнымъ образомъ, по „Replika proti Rokusanovi“ Хельчицкаго. Вотъ что мы обнаруживаемъ здѣсь.

1) Хельчицкій очень сходно съ таборитами формулируетъ одинъ изъ доводовъ пражскихъ магистровъ въ пользу существованія „чистилища“ душъ—исторію библейской Тавионъ.

„Chronicon taboritarum“:

„Replika“ Хельчицкаго:

„Magistri pro purgatorii sui existentia allegant illud Actuum IX de Tabita per beatum Petrum suscitata; ex tali scriptura taliter arguentes: Tabita post suam mortem fuit in aliquo loco; sed non est ipsam dicendum esse in paradiso aut in inferno, cum de infer-

„A toto potwrzugi Tabitu, kteru gest wzkrziesyl S. Petr, ze ta ani gest byla w pekle, neb z nieho newynde nizadny, ani gest byla w nebi, neb odtud by gie Boh ne nawratil w tielo smrtedlne. Protoz <z> toho musy pouczeno byti miesto prostrzednie, a to

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 337.

²⁾ Höfler, II, 640.

³⁾ ibid., 641.

no nulla est redemptio, gest oczistec w trzetiem et de paradiso etiam peklo, w niemz gest Tabita byla“³⁾.
relinquitur ergo, ajunt magistri, quod non alibi sit, nisi in eorum purgatorio“⁴⁾.

Сходство, при томъ буквальное, замѣчается и въ опроверженіи этого довода.

„Chronicon laboritarum“:

„Non stat fundamentum purgatorii magistrorum in phantasia eorum, quam trahunt a Tabita, quod ex isto potest ostendi, quia si secundum adversarios, qui aedificant super fundamentum, quod est Christus, aurum, argentum et lapides pretiosos, id est plena opera bona, non intrant purgatorium, sed solum illi, qui super eodem fundamento aedificant foenum et stipulam, id est minima peccata, tunc hoc non potest verificari de Tabita, de qua ibidem legitur, quod erat plena bonis operibus et elemosynis, quas faciebat, et per consequens non est credendum animam Thabitae post mortem fuisse in purgatorio magistrorum“²⁾.

„Replika“:

„Take toto wysnawagi mistrzi, ze ten, ktoz wzdialawa na zaklad Krysta zlatto, strzibro, kamienie drahe, ze nepoyde po smrti w zadny oczistec. A ze skrze drahe kamienie rozumiegi skutky dobre, gens pochazegi z milowani Boha a bliznich. A o Thabitie prawi Pismo, ze gest byla plna dobrych skutkow. Protoz nebyla gest w nizadnem oczistcy rozdzielena gsmeys tielem“⁴⁾.

2) Хельциціи возражаетъ противъ ученія о „чистилищѣ“ душъ, указывая на одинъ его недосмотръ: душа, вѣдь, грѣшила

¹⁾ Höfler, II, 656.

²⁾ ibid., 657.

³⁾ L. F., 1898, 275; ср. Comen., I, 95, („O zákl. zákon. lid.“).

⁴⁾ ibid., 275—276.

на землѣ вмѣстѣ съ тѣломъ; такъ, гдѣ же будетъ очищаться тѣло? Стилизация этого возраженія у Хельчицкаго обнаруживаетъ знакомство Хельчицкаго съ подобнымъ же возраженіемъ таборитовъ.

„Chronicon taboritarum“:

...„per consequens eadem animae post exitum de hac vita pro illo tempore, quod inter hominis mortem et ultimam resurrectionem interpositum est, non videntur sine corporibus poenas aliquas corporales sustinere, quia homo, cum non sit tantum corpus, nec tantum anima, sed ambo simul componunt unum hominem, que naturae simul merentur vel demerentur, simul plenam gloriam in coelo vel damnationem portabunt in inferno. Et anima quidquid mali post sui separationem secum portat, hoc cum tempore acquisivit, dignum et conveniens videtur, ut simul puniantur“¹⁾.

„Replika“:

...„Tiech dussi tiela kde se pak czistie, nebo z potreby rozumu y wiery mieloby poyczeno byti, ze ty posskwrny, od nichz se gest dusse czistila w pekle, skrze tielo se gest gimi posskwrnila. A tak spolu gsuce spolu gsta hrziechy na se brala. A naywiece wzdy prwotnie dusse skrze tielo posskwrniena bywa..... Protoz prwotnie potrzebuge wiece tielo oczistce za ty hrziechy, pro niez dusse oczistec trpi, nez sama dusse. Protoz sprwedliwa pomsta gde progedny hrziechy proti tielu y proti dussi, kdyz sta spolu hrziessila“²⁾.

3) Хельчицкій приводитъ противъ ученія о чистилищѣ свидѣтельство бл. Августина, при томъ съ такимъ комментариемъ этого свидѣтельства, которое показываетъ пользованіе „Апологіей“ таборитовъ.

„Chronicon taboritarum“:

„Augustinus lib. II „De sacramentis“ scribit: „locus purgatorius non est de-

„Replika“:

„A s. Augustyn s pochybenim mluwi o tom, rzka: „Ze miesto oczistce nenie

¹⁾ Höfler, II, 622.

²⁾ L. F., 1898, 276.

terminatus, nisi quia multis ex exemplis et apparationibus animarum in hujusmodi poenis positarum monstratus est; et forte probabilius dici poterit, ut in his locis singulae animae credantur sustinere poenam, in quibus commiserere culpam“. Et eandem sententiam tangit Hugo... In quorum sanctorum verbis tanguntur tria... tertium, quod neutrum ex illis affirmant, sed sub dubio omnia de eo relinquunt, quando subdunt: „et forte probabilius dici potest, ut in his locis“... и т. д.¹⁾

ukazano, gedinе že mnohych príkladov a ukazovaním dussi w tiech miestech položených ukazano gest. Ale snad duowodnieissie bude, aby wierzeno bylo, ze w tiech naypodobniegie miestech budu dusse muky trpieti, w nichz su hrzessili“. Ten mluwie o mnohych miestech podle ukazowani dussi pochybuge die: „snad“. Protož nenie sworn, ale odporen tiem „snadem“ ginym“²⁾.

4) Хельчицкій въ „Репликѣ“ возражаетъ противъ церковной практики поминовения находящихся въ чистилищѣ усопшихъ, молитвъ за нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и противъ неправильнаго толкованія церковью (и пражскими магистрами) свидѣтельства св. Діонисія въ его (апокрифической) „De coelesti hierarchia“. Текстъ Хельчицкаго напоминаетъ намъ текстъ таборитской „Апологии“.

„Chronicon taboritarum“:

„Novit, inquit Dionysius, episcopus in scripturis promissa, postulat eadem dari his, qui sancte vixerunt sanctas retributiones“... Quod autem Hierarcha precabatur thearchicam bonitatem, ut dimittet ei, qui dormivit, omnia, que per humanam

„Replika“:

„...A ze po modlitbie libal mrtweho a po niem wssickni przitomni a po libani mazal geho olegem, a taku chwalu o niem prawil: Nebo liby a mily wssem sprawedliwym, který swietie ziw byl w swatem obcowani, kterýžto chwalebnie ziwot swoy skonak gest. A wykłada, procz biskup mert-

¹⁾ Höfler, II, 618.

²⁾ L. F., 1898, 277; cp. „Comenium“, I, 91 („O zákl. zákon. lid.“).

infirmi-
tatem peccavit,
non est intelligendum,
quod animam talis dor-
mientis Hierarcha sup-
ponat esse in aliqua poe-
na corporali sensibili, de
qua per illam suam orationem
ipsam liberet; sed hoc sic est
intelligendum, quod Hierarcha
sciens, quia homines, quan-
tumeunque sint sancti,
quamdiu sunt in hac vita,
ad liquidum puri esse
non possunt, nisi tempus mor-
tis advenerit... ideo beatificans
sanctum dormientem... tanquam
pervenientem juxta proprium de-
siderium ad finem adducen-
tem sibi in victoriam orat,
ut ab immunditia, quam ab
humana infirmitate contraxit“
etc....¹⁾

weho olegem mazal, die: na zna-
menie witezstwie, ze gest
uczynien witez boiow a
dokonaloho giz miel ho. Pak o
modlitbie zañ die, aby Boh
odpustil gemu, coz by
skrze nemoc czlowiecsku
shrzessil a die: „Biskup
znał gest w pismech sliby
y zada gieh tiem, aby da-
ny byli ti slibi, kterzi su
swietie ziwi byli.. Pri ta-
ke wiecy nizadne gistoty
nemohl mieti biskup o
nizadnem hrziechu toho
mrtweho. Nez dobrotiwie to-
liko mohl sie gest domniwati,
ze niektery nedostatek mohl gest
przimiessen byti a na¹ druhu
stranu mohl gest o niem wierziti
podle te swatosti, ze gest skonaw
ihned s Bohem“ atd...²⁾

5) Еще разительнѣе сходство Хельчицкаго съ таборитами въ проводимомъ ими сравненіи службъ за умершихъ во времена Діонисія и первобытной церкви вообще съ современными служ-
бами за умершихъ—сравненіи, полномъ сарказмовъ. Хельчицкій въ очень многомъ просто повторяетъ таборитскую фразеологию, придавая отъ себя еще болѣе остроты тона.

Табориты формулируютъ четыре противоположности древне-
христианскихъ и современныхъ молитвъ за умершихъ (2-я не-
существенна и мало развита): Хельчицкій отмѣчаетъ 3 пункта
различій, опускаая 2-й таборитскій, но дѣлаетъ это въ нѣсколько
иномъ порядкѣ.

Тексты даютъ слѣдующую картину.

„Chroneion taboritarum“:

„Ritus modernus orandi pro
mortuis et psallendi supra cor-

„Replika“:

„Tu wiecy (см. слѣдующій отры-
вокъ) daleko su od tiech, kterziz

¹⁾ Höfler, II, 660.

²⁾ L. F., 1898, 385.

pōra mortuorum et memoriā pro eisdem faciendi, non habet sortem in actu ...ecclesiae primitivae. Istis de causis.

a) Primo: ubi tempore Dionysii memoriā mortuorum faciebant in laetitia, in spe salutis aeternae Deum glorificantes... quoniam jam eum, qui vitam praesentem finivit, coronavit, supponentes eum beatitudinem secundum promissionem Dei adipisci... et psalmos decantabant ad resurrectionem pertinentes et consolationem viventium...

...Ibi nunc modo contrario huic memoriā mortuorum faciunt in luctu et fletu supponentes animas dormientium esse in tormentis inferni, canunt supra ea, quae de damnandis intelligenda sunt, quando in offertorio defunctorum de manu inferni et de profundo lacu, libera eos de ore leonis...

Ecce qualis fides magistrorum... (et) clamare illud Iob, quod in miseria corporali existens dicebat amicis suis: Misere mini mei, misere mini mei saltem vos, amici mei, quia manus Domini tetigit me—ad hoc, ut de inferno, de quo nulla est redemptio, liberentur¹⁾...

s utiessenim piesnie a s swietly mnohymi iako k weseli przyprawenymi czynili su sluzby a pamieti mrtwym swym magice nadziegi o nich, ze giz gim Boh odplatu dal po gich modlitbie.

...Nebo wy drżite, ze ti hrziessnicy, kterymż sluzby po smrti czinite, ze su w pekle, protoz wssechen zpuosob przy sluzbie czinite žalostny... a gine piesnie zewnie o peklu sie zpiewagi: Od wrat wyswobod mie, z ust lwowych a z „laku“ kakehos: niekde ge czert nasolil w laku, iako herynky... ..kterzi w pekle nuzy trpiece wolagi: smiluyte sie (387) a sa wy prziete²⁾...

(въ „Replika“ этотъ второй текстъ стоитъ впереди первого).

¹⁾ Höfler, II, 661.

²⁾ L. F., 1898, 386—387.

б) Tertio... „Ibi (въ современной церкви) modo memorias perpetuas pro mortuis intitulare solent animas faucibus diaboli haerentes et cuti pergameni nomina eorum inscribere, ut successive quamdiu pergamenum durat una multitudine monachorum vel curatorum decedente et aliis succedentibus pro eisdem semper orent et nunquam dicunt: satis est; nec in cordibus suis cogitant (662), quare sic diu orantes non exaudiantur. Multum differens a fide est ista modernorum oratio; Christus enim dicit: cum stabitis ad orandum, credite, quia, quod petitis, accipietis“... Unus moriens relinquit post se aliis nomina animarum et ipsarum tales memorias faciendi, cujus causa non videtur esse alia nisi avaritia sacerdotum, ut videntes tantam curam eorum, quam ostendunt ad eorum praedecessores superstites concitentur ad committendum eis in agone animas suas salvo pretio vel munere aliquo¹⁾...

в) „Quarto, ubi tempore Dionysii fiebat tantum memoria defunctorum, qui sancte vixerunt et in bona ac laudabili conversatione vitam praesentem finiverunt, non autem pro his, qui immunde mo-

„...A nad to magi knihy kostelnie a klassterske gessto w nie wpisugi dusse peniezitieyssie, aby za nie wiecznie Boha prosyli, kdyz starzi mnissie zemru, tehdy gini po nich powstanu. A opiet za tez dusse prosie. A tak mohu dluho za gedny dusse prosyti dokud knih stawa... Wssak takowy bieh při modlitbie nemoz statiz wiery, nebo pan Geziss o modleni toto die: „Protoz pravi <m> wam: Wssecky wiecy, kterezkoliwiek modlece se prosyte, wierzte, ze wezmete a przigduť wam...“ ...Lid uczite nebo napominate k tomu, aby s pilnosti za mrtwe Bohu sluzili... mssi zakupowanim tiem gich popuzegice k tomu: Cot su oni, to wy budete, a iakoz wy gich pilni budete, takez was potomni wassi. Pak li wy zanetbate gich, taket wassi potomni zanetbagi was“²⁾.

„Protoz tiem, kteriz neczistie umieragi, tiech wiecy nežada (Дюннціѣ). Nebo to czinie netoliko zeby bozieho wyprawowanie rzad przewracowal a skutek biskupsky bez bozieho

¹⁾ Höfler, II, 662.

²⁾ L. F., 1898, 387—388.

riebantur, ut dicit Dionysius; quia per hoc, inquit, episcopus ordinem divinae recitationis pervertisset, quando haec his, qui immundi moriebantur, exercuisset, nec effectum injusta <e> orationis sortirentur audientes a scriptura divina: petitis et non accipietis, quod male petatis; ibi nunc memorias defunctorum faciunt indifferenter pro quibuscunque. Et quod damnabilius est secundum acceptionem pecuniarum illis maxime, qui habent offerre sceleratissimis divitibus, avaris, usurariis et gratia quaestus temporalis pacatione et mercatione interveniente, ipsos in mendacio confidere facientes, occasione quorum avaritia sacerdotum crescit et simonia exercetur et populus in facultatibus et animobus decipitur“... 1)

wnuknutie smiele czinil-by, ale zeby nesprawedliwe modlitby skutku nedossel, slysse od Boha pisma: Prosyte a neberzete proto, ze zle prosyte... Wy ste sie spogili s hrziessniki tohoto swieta swymi sluzbami a modlitbami tak, ze nizadny hrziessnik ne nie, bysste gey minulisu sluzbu. A kterzi sunayhorssilide—nasylnicy ukrutni, wrazednicy, lichewnicy, opilcy, terzi chowe tukem porostli,—tiem wy nayslawnieissi sluzbu neb sluzby czinite“... 2)

И табориты и Хельчицкiй одинаково высказываютъ общiй выводъ изъ сравненiя молитвъ за умершихъ во времена Дiонисiя съ современными молитвами:

„Chronicon taboritarum“:

„Modernus modus orandi pro mortuis non habet sortem in actu horum, quae fiebant circa mortuos tempore ecclesiae primitivae“... 3)

„Replika“:

„...Ani take wasse modlitby magi dielu w geho (Дiонисiя) modlitbie...“ 4)

1) Höfler, II, 662.

2) ibid.

3) L. F., 1898, 385—386.

4) ibid., 386.

6) Отъ таборитовъ, вѣроятно, заимствована Хельчицкiй и свидѣтельство св. Климента противъ чистилища.

„Chronicon taboritarum“:

„Petrus autem ad Clementem libro I „Itinerarii“...scribit: „eorum vero, qui non integram potuerunt explere normam justitiæ, sed aliquas in suo carne malitiæ reliquias habuere, corpora quidem resolventur, animæ vero servantur in bonis laetisque regionibus, ut in resurrectione mortuorum, cum corpora sua receperint ipsa jam resolutione purgata, pro his, quæ bene gesserant, æterna hæreditate potiuntur“¹⁾.

„Replika“:

...Klimentowi s. Petr mluvi o dussech... ale o ginych die: „Ktere su neuplnie mohly vyplniti zreholy spravedlnosti, ale niektere na swom tiele estatky slosti mieli su, tiela zagistia zrussie sie, ale dusse aby byly chowany w dobrych a utiessenych kraginach az do wzkræsseni“—tat' pisse Klimentowi w „Pocestnych kniebach“²⁾.

7) Наконецъ, знакомство Хельчицкаго съ учеными таборитовъ о чистилищѣ и вліяніе на него этихъ ученыхъ удалось намъ обнаружить въ „Řeč na XX kar. s. Matúše“ Хельчицкаго. Вотъ какъ сходно формулируютъ Хельчицкiй и табориты одно изъ соображенiй пражскихъ магистровъ—вслѣдъ за католической церковью—въ пользу существованiя чистилища.

„Chronicon taboritarum“:

„Adhuc magistri pro existentia sui purgatorii somniant istum ponunt casum dicentes: Ponamus, quod sint duo homines, quorum unus vixerit bene omnibus diebus vitæ suæ et decedat, et alter male vivens omnibus diebus vitæ suæ, in fine poeniteat et etiam decedat, tunc quaeritur: utrum ambo ibunt ad coelum, et si hic sequitur, quod Deus non sit iudex

„Řeč na XX k. s. Matúše“:

„Nynější lid němý... sú poležili articul neb článek viery o očistci pod tímto shozením nebo uzúzením Bohu zákon uloživše, že kdyby byla dva člověky, jeden by byl dobře živ od své mladosti až do smrti, a druhý by byl zle živ od své mladosti až do starosti a před smrtí učinil pokání krátké, a když oba umřoua pojednú, ihned oba půjdou do nebe?

¹⁾ Höfler, II, 623.

²⁾ L. F., 1896, 388.

justus, cum non aequè meruerunt; si autem dices, quod alter damnatur, hoc non potest dici, quia in fine poenituit, ergo necessario, inquit, oportet poni locum medium, scilicet purgatorii, in quo alter purgatus tandem evolet ad superna¹⁾.

A die-li kto, že oba ihned pójde ta, odpoviedaji k tomu, že kdyby to tak bylo, Bóh byl by nepravdливý, totiž též dav za malú práci jako za velikú; protož má očistec u pekla, aby toho, ježto zde pokáním desti neučil za hřiechy, mukami pekelnými dokonál²⁾.

Сходство этихъ двухъ текстовъ само по себѣ, можетъ быть, говорили бы лишь за то, что Хельцицкій пользовался тѣмъ же самымъ текстомъ, что и табориты, для изложенія ученія умѣренныхъ гуситовъ о чистилищѣ, на примѣръ, неподлиннымъ до насъ трактатомъ Я. Рокицаны, представленнымъ на диспутъ — „аудиенцію“ 1481 года въ качествѣ исповѣданія вѣры „празанъ“.

Но контекстъ приведенныхъ текстовъ у Хельцицкаго и въ „Apologetica“ таборитовъ говоритъ именно въ пользу предположенія о томъ, что Хельцицкій воспроизвелъ одинъ изъ доводовъ „празанъ“ въ защиту чистилища не по оригиналу трактата „празанъ“, а именно по тексту таборитской „Апологикѣ“.

Далѣе въ слѣдующемъ.

Табориты, конечно, не соглашались съ доводомъ „магистровъ“ въ пользу чистилища и опровергаютъ его ссылками на различные мѣста Нов. Заветъа, между прочимъ на 20 гл. ев. отъ Матвѣя, „т. е. на притчу о рабочихъ на виноградникѣ, „гдѣ говорится, что всѣ посланые на виноградникъ господина получили одинаковую плату, — безразлично, явились ли они на работу въ 8 часу, или въ 6, или въ 9, или въ 11“. „Изъ писанія, продолжаютъ табориты, ясно, что слѣдуетъ сказать о приведенномъ магистрами случѣй, именно, что оба идутъ на небо, хотя и не имѣютъ равной слезы; Христосъ разрушаетъ доказательство магистровъ, когда заставляетъ своего (въ притчѣ) управителя уплатить всѣмъ, начиная съ послѣднихъ и кончая первыми, дать послѣднимъ, работавшимъ немного, столько же, сколько и первымъ; и ни почему никому нестужаетъ Онъ такъ, какъ только потому, что Ему подобаеъ дѣлать то, что Онъ хочетъ, такъ какъ Онъ въ высшей

¹⁾ Höfler, II, 662—663.

²⁾ „Comenium“, II, 64; ср. и „Postilla“, I, 201—202 (изд. д-ра Сметанки).

степени богатъ и благъ для всѣхъ безъ исключенія, и если кому даетъ много, то не во вниманіе къ труду его, а лишь потому, что Ему угодно было по благости своей за малое заплатить много“: (Ex sua bonitate multum retribuere pro modico и т. д.)¹⁾. Затѣмъ, въ видахъ опроверженія примѣра—доказательства магистровъ, табориты ссылаются на притчу о блудномъ сынѣ и на случай съ „благоразумнымъ разбойникомъ“.

Все же вообще мѣсто съ приведеннымъ аргументомъ магистровъ составляетъ въ „Апологіи“ часть довольно большого разсужденія—полемики противъ ученія о чистилищѣ.

У Хельчицкаго же разбираемый примѣръ—доводъ магистровъ является маленькимъ эпизодомъ, именно въ специальномъ трактатѣ—толкованія на 20 гл. ев. отъ Матвѣя (герр. притчу о роптавшихъ рабочихъ на виноградникѣ). При чтеніи „Reči“ (герр. соответствующей части „Постиллы“) Хельчицкаго ясно замѣтно, что обсуждаемый нами отрывокъ—неорганическая, такъ сказать, вставка, нарушающая связное теченіе мыслей автора, вставка, навѣянная пристальнымъ чтеніемъ и изученіемъ таборитской „Апологіи“, гдѣ выписка изъ трактата магистровъ сдѣлана съ большимъ удовлетвореніемъ законамъ ассоціаціи идей. Между тѣмъ, вѣдь, мы уже обнаружили цѣлый рядъ случаевъ заимствованій Хельчицкимъ изъ таборитской „Апологіи“ именно по вопросу о чистилищѣ.

В) Ученіе о таинствахъ (елеосвященіе).

Наконецъ, несомнѣнно, что табориты оказали большое вліяніе на Хельчицкаго въ ученіи о таинствахъ. Это вліяніе обнаруживается изъ трактата Хельчицкаго: „Zpráva o sedmi svátostech“²⁾. Часть этого трактата, посвященная таинству елеосвященія³⁾, явно написана послѣ знакомства съ таборитской „Апологіей“ 1431 (1435) года и подъ ея вліяніемъ. Этотъ фактъ лучше можно установить, впрочемъ, не по тому тексту „Confessio taboritarum“ (Апологія), который напечатанъ Гёфлеромъ въ изданной имъ „Chro-

¹⁾ Höfler, II, 663.

²⁾ Cod. D. 82 Капит. Свят. библ., f. f. 119 --204

³⁾ ibid., 190--204.

nicon taboritarum“¹⁾), а по тексту, изданному въ „Waldensia“ Лидія²⁾ Текстъ „Confessio“ у Лидія является болѣе обширнымъ, чѣмъ у Гёфлера. Дефекты у Гёфлера относятся почти исключительно ко 2-й части „Confessio“, гдѣ опровергаются обвиненія („culpa“), возводимыя на таборитовъ пражскими магистрами, съ Рокицаной во главѣ: помимо небольшихъ отрывковъ, пропущенныхъ у Гёфлера, слѣдуетъ отмѣтить особенно пропуски въ отдѣлахъ: о таинствѣ елеосвященія³⁾, о призваніи святыхъ⁴⁾; кроме того, „confessionis auricularis per Innocentium tertium introductae invalidum argumentum“⁵⁾ и почти все „Responsio sub uno per Dominum ad causas fere omnium culparum sacerdotibus Thaboriensibus objectarum“⁶⁾.

Имѣющійся у Лидія на стр. 114—134 его „Waldensia“,—пропущенный у Гёфлера—текстъ таборитской „Confessio“ о таинствѣ елеосвященія и отразился въ текстѣ „Zprávu“ Хельчицкаго. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ сейчасъ подъ рукой полнаго текста трактата Хельчицкаго, остающагося еще въ рукописи; мы предполагаемъ, что полный текстъ далъ бы возможность еще подробнѣе возстановить вліяніе, оказанное на Хельчицкаго таборитскимъ трактатомъ, чѣмъ это возможно для насъ сейчасъ, при распоряженіи только слѣданными нами выписками и отмѣтками изъ „Zpráva o 7 svátostech“....

Хельчицкій въ своемъ трактатѣ полемизируетъ не только противъ существовавшей въ его время практики таинства и общаго католическаго пониманія таинства, но и противъ какого-то трактата пражскихъ магистровъ о таинствѣ елеосвященія (или о всѣхъ 7 таинствахъ)⁷⁾. Въ этомъ случаѣ Хельчицкій идетъ по слѣдамъ таборитовъ, которые въ своей „Confessio“ (Апологіи) опровергаютъ не только общепринятая въ католической церкви (и у умѣренныхъ гуситовъ) практику и ученія о таинствѣ елеосвященія, но и относящіяся сюда мѣста изъ какого-то трак-

¹⁾ Höfler, II, 475—820.

²⁾ Waldensia, I, 1—303 (изд. 1616 г.).

³⁾ *ibid.*, 114—134.

⁴⁾ *ibid.*, 220 и слѣд.; 231 и слѣд.

⁵⁾ *ibid.*, 279—287.

⁶⁾ *ibid.*, 288—308; вмѣсто этихъ 15 стран. въ текстѣ у Гёфлера имѣются лишь 2 неполныя страницы.

⁷⁾ „Mistrzi tyto gozumu sebrali su o mazani obege nemocnych a rzku“.... Cod. D. 82, f. 190.

тата м. Я. Рокцианы ¹⁾. Хотя Хельцицкій и не называется Рокциану по имени, но, вѣроятно, въ числѣ „mistři“ онъ разумѣетъ, прежде всего, именно Рокциану. Говоря объ учении „магистровъ“, Хельцицкій говоритъ о двойной нальзѣ, приносимой людямъ таинствомъ елеосвященія, какъ думаютъ „магистры“: таинство освобождаетъ людей 1) отъ болѣзни духовной, происходящей отъ повседневныхъ грѣховъ и 2) отъ болѣзни тѣлесной, причемъ первый даръ всегда получаетъ достойно приступающій къ таинству, второй же — не всегда, „neb newzdy slussie a podobne gest“ ²⁾. Въ „Confessio“ таборитовъ, между тѣмъ, мы читаемъ: „Hanc m. J. Rokezana in suo tractatu de hoc loquens sacramento innuit sic scribens: „Hoc sacramentum ad duo exigitur, scilicet ad remissionem peccati, quae fit per unctionem et alleviationem infirmi, quae impetratur per orationem“.....³⁾ „Rokezana... dicit: „Licet spiritualem sanationem, quae per unctionem fit, digni semper suscipiant, non tamen semper expedit sanitas corporalis“ ⁴⁾.

Теперь обратимся къ критикѣ Хельцицаго. Вообще говоря, Хельцицкій не признаетъ елеосвященія, практикуемаго церковью и защищаемаго „магистрами“, таинствомъ, установленнымъ Христомъ и апостолами: оно — позднѣйшая выдумка духовенства и, въ сущности говоря, его руководителя, Антихриста. Хельцицкій повторяетъ здѣсь взгляды, а отчасти и слова таборитовъ.

Хельцицкій въ „Zpráva“:

„Confessio thaboritarum“
(Апология):

„Pakli ne mohu nalezeny byti ty zwlasstnosti (елеосвященія, по учению магистровъ) w geho (ап. Іакова) rzeczy, tehdy neysu nauczenie geho, ale toho, ktoz gest ustawil ty zwlasstnosti przy te swatosti czerkwi swate“ ⁵⁾.

„Non ergo apostoli acceperunt potestatem a Christo, ut tot et tanta sacramenta nova et recentia, quaecunque eis placerent, statuerant(?) hominibus et supra magistrum suum Christum ista multiplicarent, sed ab Antichristo

¹⁾ Трактатъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не тотъ „Tractatus m. J. Rokyzanae de 7 sacramentis“, который напечатанъ у Кохля въ его „Historia Hussitarum“, 1549, р. р. 445—500; выдержки, приводимыя таборитами, не встрѣчаются въ этомъ трактатѣ...

²⁾ Cod. D. 82, f. 190a; цѣлаго текста нѣтъ у насъ подъ рукою.

³⁾ Waldensia, 121.

⁴⁾ ibid., 124.

⁵⁾ Cod. D. 82, f. 191.

...A z toho muoz snaze poznano byti, ze toho rozmnozenie swatosti s stalym zamierzonym pocztem užitkow duchownich neustawil gest pan Buh, ale lide ti, gessto mohu swatosti swietiti a slibowati w nich kterez chtie milosti czierkwi swate, aby gich oni poswiecowali czierkwi swate, ne Buh“... 1)

moderni hanc potestatem receperunt talia sacramenta multiplicandi et solennisandi, qui secundum scripturas venit in nomine suo et totam potestatem et auctoritatem sibi usurpat in ecclesia“ etc. 2)

Если эти общаго рода сужденія Хельчицкаго, повидному, навѣяны чтеніемъ таборитскаго текста, то въ частностяхъ критики зависимость Хельчицкаго отъ таборитовъ сказывается еще сильнѣе и яснѣе. Такъ,

I. Хельчицкій, отрицая необходимость предварительнаго освященія епископомъ елєя помазанія, видитъ въ защитѣ духовенствомъ этой необходимости единственный мотивъ, корыстолюбіе.

Разсужденіе Хельчицкаго въ данномъ случаѣ является амплификаціей соответствующаго мѣста таборитской „Confessio“, съ ббльшей только рѣзкостью тона и, пожалуй, картинностью рѣчи.

Хельчицкій въ „Zpráva“:

„To swieczenie olege od biskupa gest peniežite. Czo na obcy naderu tiech peniez, gimż rziekagi „dymna“, to diekanowe nesu biskupu za ten oley, czoz geho naswieti u weliky czwtwrtek. A diekanowe przynesucze od biskupa rozdadie po ffarach, yako ged, aby wsseczky Czechy trawili, a ffararzi prodawagie osadam, kterymż su se osadili. Niekterzi pomazie nemocneho ze dwu grossy, niekterzi ze dwanaczti peniez a nie-

„Confessio taboritarum“:

„In sacerdotibus enim avaris major esse devotio ad hoc sacramentum non apparet, nisi ut lucrum temporale eis accrescat, qui parvo pretio oleum illud, ut communiter a simoniaceis et simoniace promotis benedictum simoniace ab episcopo comparantes(?), et per diaconatus dividant, et plebani post illud augmentantes per levem tantum tactum pollicis illo mediante maiorem summam pecuniae colligunt, quam

1) Cod. D. 82, f. 191b.

2) „Waldensia“, 122.

kerzi z grosse, yakoz kerzi multae penesticae de multis vasis olei olivarum“²⁾.
 mohli, tak oley na penieze przywedli, yako opatrní mužie hospodarzni, aby lepe zaadussie stalo. A kdyz se gim mor zdarzil, tehdy su malu rzepiczku neb krzizmarzik lepe prodali, nez onoho olege, gesto z Wlach nosyli weliku lahwiczy“¹⁾.

II. Далѣе, Хельцицкій возстаеъ противъ обычая церкви помазывать елеємъ только нѣкоторые органы тѣла, преимущественно органы внѣшнихъ чувствъ: слѣдовало-бы уже помазывать все тѣло, ибо человекъ грѣшитъ всѣмъ тѣломъ, при чемъ отдѣльные члены тѣла являются, въ сущности, орудіемъ „злого сердца“, источника грѣха. Мысли Хельцицкаго—парафраза соотвѣтствующаго мѣста изъ таборитской „Confessio“.

Хельцицкій въ „Zpráva“:

„(Апостоль Іаковъ) czlowieka wsseho weli mazati. Ale mistrzi a rzimska czerkew gedine niektere stranky czlowieka na pieti smyslech drzeczce, ze skrze mazanie olege odpusstieno bude nemochnemu, czo gest shrzessyl pieti cžychy...³⁾ Gedine tkne miesta gednoho na kazdem cžichu prstem—na ussych, na oczich, na nose, na chrziewi, na dlani ruki... Z wiery Krystowy nikdiez nemohu ukazati, by u Boha ta zwlasstnost byla w odpusstienie zwlasstnie pieti cžychow hrziewchy... Wssim ziwotem—nohami, hlawu, brzichem, chrzbe-

„Confessio taboritarum“:

„Nec insuper illud videbitur fundabile, quod talis unctio tantum organis quinque sensuum applicetur, ut est mos Romanae curiae, cum sensus extrinseci in homine (licet aliquibus fuit quaedam radix ex parte, per quam spiritualis in animam ingreditur infirmitas), non tamen in omnibus, cum quidam sint a natura caeci, muti et surdi et aliqui careant sensu olfactus, alii gustus, alii tactus, et si qui habent omnes potentias sensuum, illa tamen non sunt immediata radix spiritualis infirmitatis, cum cor in homine sit principaliter radix

¹⁾ Cod. D. 82, ff. 195b—196.

²⁾ „Waldensia“, 129.

³⁾ Cod. D. 82, 196b.

tem y wssemi udy zwlasstnimi tiela, kromie tiech pieti cžychow, tiezkymi hrzlechy hrzessie lide, a tak brzo, yako tiemito pieti. A odpustie-li potom počža což tiemi pieti cžychy hrzessie skrze oley, skrze kteru pak przyczinu odpustie tiem, gichžto nohy biezie ku proliti krwe, gichžto hlawa paychu weliku nese... Musyl by Antykryst osmu swatost w ginem korzeni pripraviti, aby gji mazal k odpusstieni hrziechow wsseho tiela... ¹⁾ Ale wiedieti gest, ze hrziechowe wssyczkni od srdce pochazegie, podle rzeczi Syna Bozieho, mysslenie zla, smilstwie, czizolozstwa, wraždy, kradeży a czo muoz toho zleho byti. Ale cžychowe tiela tomu posluhugie; a niekdy ti hrziechowe magie poczatek skrze ty cžychy tiela, ale nemuoz nikdy samotnie hrziech skrze nie byti, kdyby newzal mocy w srdcy, protoz gedine posluhagie srdcy w hrziessiech. Pakli ma oczima przyczteno byti, což skrze nie berze poczatek, tehdy czizolozstwie Dawidowo skrze ocy poczatek berze, a bylo gest potrebie dosti olege, by byl co prospriessen“... ²⁾

omnium talium infirmitatum, de quo secundum dictum Veritatis exeunt malae cogitationes, homicidia, furta etc. Ergo secundum hoc rationabilius videtur, quod pectus illi suppositum et consequenter alia similiter membra, quae apostolus dicit esse arma iniquitatis, inungantur. Quia cum homines non solum peccant per sensus, sed etiam per singula membra, per caput, crines, frontem, faciem, per corporis gracilitatem, in quibus membris singulis promittit se velle poenitere... ideo sic hoc sacramentum ordinatum est in remedium eorum peccatorum, quae homines per sensus corporis contrahunt, quare non omnia, cum eodem odio odit Deus peccata frontis, faciei et crinium, sicut et quinque potentialiarum sensuum“ ³⁾.

III. Хельцицкій воспроизводитъ и распространяетъ мысли и слова „Confessio taboritarum“, когда возражаетъ противъ мнѣнія, будто въ елееосвященіи прощаются людямъ повседневныя, а не смертныя грѣхи.

¹⁾ Cod. D. 82, f. 197.

²⁾ ibid., fol. 198b.

³⁾ „Waldensia“, 127.

Хельчицкй въ „Zpráva“:

...A tiemto owasem dale zaydu (magistry) od geho (apostola) slowa, drziece to, ze coz tiemi pieti smysly shrzessy kto, ze skrze to pomazanie bude gemu odpusstieno. A nazywagie wssednimi hrziechy, czoz lide hrzessie tiemito czychy... ¹⁾ Gesstie wiecze ma zgewno byti z wiery nassie, ze pan Buch stranku hrziechow neodpusstie lidem niekterych a niekterych nicz: nalezne-li smrtedlne a wssednie, neodpusti gedniech bez druhych. A neodpusti-li komu smrtedlnych, tehdy ani wssednich. Pakli odpusti smrtedlne, tehdy y wssednie. Ale samych wssednich neodpusti pro nizadne mazanie ani pokanie, lecz ge samy w czlowieku nalezne kromie smrtedlaych... ²⁾ Gesstie y to ma wazno byti, kto gest o to z mistrow s Bohem mluwil, ze on skrze oley posledniho mazani ma wssednie hrziechy odpustiti... [Чешский оригинальный текст далѣ замѣняется русскимъ изложениемъ]: Ап. Іаковъ скорѣе говорить о смертныхъ грѣхахъ, ибо говорить съ сомнѣніемъ: „И аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему“... О hrziessiech wssednich ze wssech o nizadnem ne mohl gest pochybowati. Nebo tiech kazdy y swaty czlowiek

„Confessio taboritarum“:

„Nec hoc videtur fundabile dicere, quod hoc sacramentum sit tantum propter venialia peccata delenda ordinatum, sed probabilius videtur dicendum, quod Jęc. Apost. loquitur de peccatis mortalibus remittendis per orationem devotam aliquando a Domino et ad hoc significandum Apost. sub nota dubietatis loquitur, quando dicit: „Et si in peccatis fuerit... remittentur ei“, quia sine venialibus indubitanter esse non possumus, quamdiu vivamus in hac vita, cum scriptum est: „Non est homo sic iustus super terram, qui non peccet“ ³⁾.

¹⁾ Cod. D. 82, f. 197.

²⁾ ibid., 197b.

³⁾ „Waldensia“, 126.

dosti ma, jakoz sw. Jan die: „Die-meli, ze hrziechu nemame, sami se swodime a prawda w nas nenie“. Protoz byt' sw. Jakub mienil skrze oley odpusstienie hrziechow wssednich, tehdy nikakez ne rzekl-by s pochybenim... Nebo gest wiediel zagiste, ze kazdy czlowiek tiech hrziechow mnoho ma. Ale o smrtedlnych mohl gest o niekom pochybowati, nebo nekazdy gich ma“¹⁾.

IV. Очень сходно съ таборитами возражаетъ Хельцицкй и противъ принимаемаго магистрами мнѣнія о силѣ помазанія, бѣльшей сравнительно съ силой сопровождаемой имъ молитвы, и проявляетъ при этомъ видимое знакомство съ текстомъ „Confessio“.

Хельцицкй въ „Zpráva“:

(„Магистры приписываютъ помазанію елеемъ отпущеніе грѣховъ, а молитвѣ вѣры—исцѣленіе тѣла отъ болѣзни). Ale apost. Jakub obe przidawa modlitbie wiernych lidij a nicz olegi. Nebo aczby podle tiela naywietssy mocz miel lieczyti, wssak nemuoz promieniti sprawedlnosti bozie w nemocznem, gehoz Buoh chce trestati nemocy za niektery czas nebo umorziti. Ale modlitba wiernych lidij ma mocz promieniti czasnu sprawedlnost bozy w nemocznem a obdrzeti gemu zdrawie“²⁾).

„Confessio taboritarum“:

„...Rokezana... attribuit unctioni olei remissionem peccatorum, orationi autem, quae maioris est efficacitiae, alleviationem corporis, quod ex verbis beati Jacobi possit convinci, hoc non est fundabile, cum beatus Jacobus utrumque orationi tribuat, scilicet et remissionem peccatorum et alleviationem corporis, quando dicit: „Et oratio fidei“...³⁾

¹⁾ Cod. D. 82, f. 198.

²⁾ ibid., 199b.

³⁾ „Waldensia“, 123—124.

V. Хельцицкїй видить въ елеосвященїи только дѣло христіанскаго милосердія по отношенію къ ближнему,—дѣло, къ которому призваны не только священники, но и миряне. И въ этомъ случаѣ Хельцицкїй является послѣдователемъ таборитовъ, усерднымъ читателемъ ихъ „Confessio“.

Хельцицкїй въ „Zpráva“:

„Ale ku pravdie gieho (апостола) рзечѣу hlediecze, muožem rozumieti, že czyni napomenutie k tiem, kterymz gest psal ty рзечѣу o skutciech milosrdnych, gessto ge magi ukazati z lasky swym bliznim, yakoz gim przyczynu prawi nemocneho a weli knieže te obce uwesti k nemocnemu, aby yako naypilnieyssy pastyrzy dussy utiessyli nemocneho, a modlili se za nieho Bohu a mazali gehu olegem pro uzitek tiela...¹⁾ Ale ten skutek milosrdny u pravdie byl gest lidem swatost welika od Krysta przykazana. A muozt y dnes wiernym lidem byti swatost, acz ne owsem pod tiemi przyczynami, zet nemagi niekterych, ale milosrdenstwie magie w sobie. A nemagili onoho olege draheho, ale magic lacynieyssy, drzewieny nebo makowy... Acžt y knieži tu nebude, muoz Buoh y gine krzestiany uslysseti. A budet welika swatost tiem lidem a welmi gista, gistiesssi nez mazanie olegem swatokupeczkym“²⁾.

„Confessio taboritarum“:

„Sed, ut dictum est superius, fiebat haec unctio pro consolatione infirmi cum circumstantiis ad hoc aptis et idoneis et oratione devota, quae unctio pertinet specialiter ad sacerdotes, qui velut patres spirituales primi debent esse executores divinorum praeceptorum et instructores fidelium et orantes super infirmos et in spe futurae vitae beatae ipsum consolantes, deinde pertinet ad quemlibet christianum indifferenter, de quanto sentit se obligatum ad exhibendum cuilibet pro posse beneficium... et de quanto timet incurrere crimen divitis epulonis, non impendentis beneficium Lazaro“³⁾.

¹⁾ Cod. D. 82, f. 192.

²⁾ ibid., f. 193.

³⁾ „Waldensia“, 129—130.

Экскурсъ.

„Replika proti Mikuláši biskupci Táboorskému“ Хельчицкаго и „De non existencia“ Рокицаны.

Извѣстно, что и личныя вліянія Хельчицкаго и его литературныя произведенія сыграли большую роль въ возникновеніи „Общины чешскихъ братьевъ“ („Jednota bratrská“).

• Мы указывали, однако, что до сихъ поръ не произведено обслѣдованія „братской“ литературы съ точки зрѣнія отраженія въ ней сочиненій Хельчицкаго; такое обслѣдованіе—задача и тѣхъ, кто занимается П. Хельчицкимъ, и—еще болѣе—будущихъ историковъ самой „Общины“.

Но любопытно, что произведенія Хельчицкаго и его идеи оказывали несомнѣнное вліяніе и на первоначальныя, основныя направленія гуситства,—даже на тотъ умѣренный „утраквизмъ“ („пражане“, „подобои“), который, казалось-бы, особенно далеко отстоялъ отъ радикальнаго міровоззрѣнія Хельчицкаго.

Это вліяніе можно отмѣтить и въ литературной дѣятельности главы (съ конца 1420-хъ г.г.) „утраквистовъ“, м. Яна Рокицаны,—того самаго Рокицаны, съ которымъ П. Хельчицкій велъ довольно рѣзкую литературную полемику, выразившуюся въ его „Replika proti Rokusanovi“.

Изъ исторіи образованія „Братской общины“ извѣстенъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что въ нач. 1450-хъ лѣтъ отношенія прежнихъ полемистовъ стали близкими, дружескими, что, впрочемъ, не помѣшало имъ скоро снова и окончательно разстроиться.

Временная близость Хельчицкаго и Рокицаны, указанія первыхъ „братьевъ“ на знакомство Рокицаны съ произведеніями Хельчицкаго—все это приводило нѣкоторыхъ изслѣдователей (напримѣръ, и Голя) къ догадкѣ о возможности усвоенія Рокицаной нѣкоторыхъ идей Хельчицкаго или, по крайней мѣрѣ, отраженія въ сочиненіяхъ Рокицаны чтенія имъ произведеній Хельчицкаго.

Надѣялись найти подтвержденіе этой догадки особенно въ неизданныхъ еще „Postilla“-хъ Рокицаны. Но изслѣдованія этихъ

„Постилль“ проф. Голлемъ и д-ромъ Батовцомъ не привели, собственно, къ ожидаемому результату, свелись къ довольно произвольнымъ и натянутымъ сближеніямъ (у Батовца).

Намъ посчастливилось вскрыть вліяніе одного изъ трактатовъ Хельчицкаго, именно „Реплики противъ Николая Бискупца“, на трактатъ Я. Рокицаны: „De existentia corporis Christi“ etc.

„Реплика противъ Николая Бискупца“ П. Хельчицкаго по своему содержанію и словесной формѣ во многихъ мѣстахъ буквально совпадаетъ съ недавно изданнымъ д-ромъ Неѣдлымъ „Tractatus de existentia corporis Christi in sacramento eucharistiae“ Яна Рокицаны, который использовалъ сочиненіе Хельчицкаго для своей борьбы съ таборитами въ нач. 1440-хъ лѣтъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и попытаемся детально вскрыть это „использованіе“...

1) Въ гл. XII „Реплики“ Хельчицкій критикуетъ положеніе Бискупца въ его трактатѣ (латинскомъ) „De non adorando Christo Ihesu in sacramento“: „Křestiane mohu slušnie netoliko Krystu w swatosti, ale take u same swatosti tiela a krwe geho modliti se a klanieti nizšim modlenim, kdyz myslí a zadosti swrchu, kdez Krystus gest, na prawicy boží tam ustrni“¹⁾. Рокицана также критикуетъ это положеніе, только въ его латинской оригинальной формѣ: „Fideles nedum Christum, qui creditur“ etc.²⁾. Критика Рокицаны является отчасти латинскимъ переводомъ соответствующихъ словъ Хельчицкаго.

Хельчицкій:

Рокицана:

„Mily, slychali li ste v pismie kde, aby co w prawdie mielo řečeno byti modlenie, aby s nim žadost nemiela stati? A mielo li by takowe modlenie k Krystowi obraceno byti, bud to w swatosti nebo ginde, wšak neuslyši toho modlenie bež žadosti, ani ktereho gineho, gedine to modlenie Kristus uslyši, kterez na sameho Boha slusie“

„Si debet fieri vera adoracio, illa debet fieri cum affectu et mentis desiderio, quia Christus non suscipit adoracionem sine mentis affectu, eo quod veri adoratores adorant in spiritu et veritate [Sed quid est, nisi quod isti fratres et uti essent veri catholici fratres, fantasiantes fantasiando] v o c a n t a l i-

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 433—434.
²⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 185—186.

. Ale ze wy nieco quid adoracionem, quop
Krystem nazywate, gesto non est adoracio, et Chri-
nenie Krystus, a nieco stum nuncupant, quod
modlenim, gesto nenie non est Christus...
modlenie...

...A proto řecy, že gest w swatosti, nemož to w prawdie mluweno byti, gedine gest ohraditi se tiemi řečmi před lidmi... Takež položití modlenie swatosti nižšie bez žádosti, opiet velmi rowne gest, aby tomu modlenie bez žádosti bylo, gesto neslyši, ani widi, ani čige, nebo poswatny a tiem všem aby whod mohli mluwiti, yakz koho widite“.

Imo nec est voluntatis eorum, ut Christus in sacramento velud Deus adoretur, sed pallacio quedam, ne ab hominibus cognoscantur in suis fantasiis, ita ut cuilibet satisfaciant, sicut quem vident... Quid hoc erit, adice adoracionem illi, quid nec audit nec videt nec preces nostras potest exaudire“.

2) Въ гл. XIII Хельцицкій приводитъ мысль Бискупца о силѣ таинства евхаристіи спасать людей отъ дѣвольскихъ искушеній, какъ противорѣчащую другой мысли Бискупца—объ евхаристіи, какъ простомъ знаменіи искупительной смерти Спасителя ¹⁾. Рокицана ²⁾ дѣлаетъ то же самое, что и Хельцицкій, и почти буквально такъ же, какъ Хельцицкій. Вотъ доказательство.

Хельцицкій:

„Tat' řeč slušie na žiwy chleb Krysta, at'by tu moc od nieho brali tu, kdezt geho w sobie přebywagicieho magi. Ale chleb a wino, gestot nenie w prawdie gedine geho tielo, ale w znameni, nema te mocy, byt komu od diabla spomahal, yakož y vaše řeč to ukaze. Tu kdez diete, že „iakož obrazowe“...

Рокицана:

...„Ubi dicendum, quod Christo, qui panis est vivus, adiacet corroborare fideles contra dyabolos et eorum dolosas fraudes, sed panis et vinum nuda non illius sunt virtutis, ut protegant quempiam a dyabolica (potestate — Вѣн. пук. № 4549). [Hoc autem et predicta quorundam complicium ipsius declarant... dicunt, quod „sicut ymagines“...]

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 434—435.

²⁾ Nejedlý: „Prameny“, 131.

Въ то время какъ у Хельчицкаго указанное внутреннее противорѣчiе мыслей Бискупца разъясняется въ органической связи съ другими предыдущими и послѣдующими противорѣчiями Бискупца, у Рокицаны указанное противорѣчiе Бискупца не имѣетъ связи съ предыдущимъ текстомъ Рокицаны—опроверженiемъ неправильнаго толкованiя Бискупцемъ словъ: „Сiе есть тѣло мое“¹⁾....

3) Въ гл. XIV Хельчицкiй разъясняетъ поведенiе таборитскихъ священниковъ, одновременно и уничтожающихъ (унижающихъ) таинство евхаристiи и раздающихъ причастiе народу, своекорыстнымъ направлениемъ ихъ, подобно библейскому священнику Михъ²⁾; Рокицана буквально передаетъ слова Хельчицкаго³⁾.

Хельчицкiй:

.....„A slechka nauwietsi dowod gest, proč takowy u te modly uředlnikem gest, gedine že gest geho břicho pasla, aby strogil tu modlu yako onen kniez Miche, gešto geho připrawil Micha na peniezych, aby byl kniezem geho modly pro swe břicho, nic modly newaže, gedine ze Micha waže modlu a krmil knieze pro ni. Takež tuto, zdalit takowy kniez waži tu modlu anebo duše lidske, poniewadž to, což za modlu ma, toho gim pro břicho podawa, wieda že gest lid k tomu naklonien, a nieco wieři o tom. A on řka gim, ze gest to horucie modla, poda gim gie w usta, aby oni gemu podali sweho piwa

Рокицана:

...„Et puto, quod huiusmodi sacerdotes sunt ministri illius sacramenti, quia ventre moventur, ut pascantur et foveantur et ideo illud sacramentum disponunt, quemadmodum ille, de quo Judicum 17°, qui in domo Miche nutriebatur et fuit in sacerdotem pro ydolo Miche in sua reposito domo, nec multum pensabat ydolum solum, quia ventrem replebat, sue menti hoc inerat. Sic huiusmodi sacerdotes non multum pensant divinum sacramentum aut animarum salutem, dum hoc, quod pro ydolo habe(n)t, illis propter ventrem replendum ministrant, scientes, quod populus

¹⁾ Nejedlý: „Prameny“, 130.

²⁾ Сborn. II Отд., LV, 436—437.

³⁾ Nejedlý: „Prameny“, 149.

a ginych pokrmow, [a tak se živil na tu modlu yako kniez Miche, bera na každe leto deset striebrnych, a dwoge rucho a což ku pokrmu slišiej“.

est ad sacramentum ac climatus, atque ministrant illis, ut dicunt, sacramentum, quatenus illi ministrent et dent sibi cerevisiam, panem et victum competentem“.

4) Въ гл. XIV Хельчицкій критикуеть положеніе Бискупца: „такъ какъ хлѣбъ таинства, будучи по своей природѣ неодушевленной вещью, менѣ цѣненъ, чѣмъ что-либо изъ поименованнаго, то въ той степени, въ которой хлѣбъ таинства ниже по своей природѣ крота, нетопыря и змѣи, тяжелѣе и грѣхъ народа, воздающаго божескую честь хлѣбу таинства“¹⁾. То же положеніе критикуеть и Рокицана²⁾, повторяя почти буквально доводы Хельчицкаго.

Хельчицкій:

(послѣ указанія на то, что даже обычный, простой хлѣбъ, поддерживая жизнь благороднѣйшаго созданія — человѣка, является болѣе почтенной вещью, чѣмъ упомянутыя выше существа природы): „A proti tomu ta stwořenie mrzka a gedowata, gesto mrtwie člowieku žiwot a su wselikak ohyzdna a gsu nauptupnieysie mezy ginym stwořenim“...

...„Protož ač wy mudrugete, z logky wykladagice podle toho powyšenie w stwořeni, ze nieco leze neb leti... a wy pak čerta możete popisowati nad swatosti; nebo ten gest stwořenie rozomne, wyše rozomiege nez clowiek; nebo člowiek niektery (и т. д. о мощи

Рокицана:

„Talpa autem et vespertilio apud homines sunt satis abhominales creature, serpens mortificat vitam hominis, quapropter ratione illa considerate iste creature sunt minoris condicionis pane communi“.

„Respondendo sibi (Бискупцу) in Montibus Chutnis dixi: si ob hoc, quia animatum est, deberet semper excellencia sive magnificacio accipi, tunc dyabolus supra sacramentum corporis Christi deberet magnificari, quia est creatura, non tantum vivens ani-

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 437—438.

²⁾ Nejedlý: „Prameny“, 138.

diavola)... A wsak geden z wasich, vlastni towaríš waš u was w kostele na stolicy před lidem patři k tomu, ze diabel gest stwořenie rozomnie, a hybawe, řekl gest, že radiegi bych před diablem klekal, než před tu swatosti, a toho mluwenie geho gestie y nynie strana waše pochwaluge, ze gest prawie a statecnie wyznal“.

mata, sed intellectualis. Et ista racione motus quidam ex complicibus (вѣн. рук. 4549—sociis) istius Nicolai (вѣн. рук.—nomine Quirinus) ad populum predicando Piesca (вѣн. рук.—abs.) non fuit veritus dicere, quod potius vellet coram dyabolo genuflectere, quam coram isto sacramento, quam predicacionem plurimi eorum commendabant“.

Въ то время какъ критика приведеннаго выше положенія Бискупца ограничивается у Рокицаны приведенными нами текстами, близкими къ выдержкамъ изъ Хельчицкаго пересказами ихъ, пожалуй, недостаточно связанными между собой (какъ бы въ обличеніе неоригинальности ихъ по происхожденію)—выдержки изъ Хельчицкаго являются частями одного довольно подробно развитого дѣлага.

Въ изложеніи Рокицаны мы встрѣчаемъ еще нѣсколько отзвукъ чтенія и усвоенія имъ соответствующаго текста Хельчицкаго, отзвуковъ, характерныхъ для спѣшной и беззащитной компиляціи, совершенной авторомъ „Tractatus de exist. corp. Chr.“. Вотъ примѣръ.

Хельчицкій:

...„Poniziti geho pod krta a pod hada: tot mam za welike ruhanie. Nebo čím by ta wiecek tak ohawnie mohla potupena byti, yako tiem rozomem gest (rozumětesя положеніе Бискупца)? A to ste wy tak w lid wnesli ne s polepšenim, ale s potlačenim te wiesy, a w ten lid po hřiechu nebozsky, plny wrzad a zlodieystwie“ и т. д. ¹⁾

Рокицана:

„Et quomodo iam magis posset contempni sacramentum, quam sic ipsum subter venenata reponere? Hocque iniiciunt in vulgus non in magnificationem, sed maiorem sacramenti divini conculcacionem, cum enim memoriale omnium mirabilium suorum fecerit dominus, eo quod escam dedit timentibus se in hoc sacramento“ ²⁾.

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 439.

²⁾ Nejedlý: „Prameny“, 133.

5) Гл. XV посвящена Хельчицкимъ разясненію неосновательности упрека таборитовъ (Бискупца) ихъ противникамъ, будто эти послѣдніе придали евангельскимъ словамъ „Сіе (Нос) есть тѣло мое“ и т. д. произвольный смыслъ: „здѣсь (Ніс), т.-е. въ семь хлѣбѣ и винѣ“...

Во-первыхъ, табориты сами придаютъ произвольный, не основанный на буквѣ текста смыслъ словамъ Спасителя, объясняя ихъ въ томъ смыслѣ, что въ таинствѣ Христосъ пребываетъ „mocnie, duchownie, skutečnie, prawie a přítomnie“ (=sacramentaliter, spiritualiter, virtualiter etc.). Рокицана въ своемъ трактатѣ указываетъ на тотъ же грѣхъ таборитовъ и почти такъ же—только короче,—какъ и Хельчицкій.

Хельчицкій:

...„To nižadne slovo ne vyšlo gest z ust božich... Ale poniewadz nizadneho slowa z tiech neukazete řeči Krystowu: tehdy ste ty řeči wzali z doktorow anebo ste ge sami sobie wymyslili. A gestli že ste ge z doktorow wzeli, tehdy ge křiwie haniete tiem, že su sobie wymyslili to bez založenie“... 1)

Рокицана:

„Talia autem verba in forma non sunt a Christo prolata, unde dicendum est illis: aut illa verba cepistis ex doctoribus aut propriis fantasiis illa estis fantasiati. Si ex doctoribus, cur illos dampnatis? Si ex propriis“... etc. 2)

Во-вторыхъ, Хельчицкій защищаетъ противъ таборитовъ и толкованіе ихъ противниками слова „сіе“ въ смыслѣ „въ семь“, „здѣсь“, при чемъ своей защитѣ Хельчицкій предпосылаетъ общаго рода соображенія о способѣ толкованія св. Писанія, возраженія противъ крайностей буквализма.

Всѣ доводы защиты Хельчицкаго повторены и Рокицаной—безъ экзегетическихъ, впрочемъ, замѣчаній—съ сохраненіемъ иногда фразеологіи Хельчицкаго.

Доводы-примѣры у обоихъ авторовъ нашихъ таковы: 1) „Сіе есть сынъ Мой возлюбленный“—здѣсь, въ семь человекѣ и т. д.; 2) „Домъ мой—домъ молитвы“—въ домѣ моемъ люди молятся...

1) Сборн. II Отд., LV, 440.

2) Nejedlý: „Prameny“, 130.

Черта фразеології, доказывающая заимствованіе Рокицаной у Хельчицкаго, такова:

Хельчицкій:

„Neřekl gest: w tom ělo-
wieku gest syn mog, awřak
tiem nezapřel gest toho, ze
w tom ělowieku prawy syn
boži byl gest“ и т. д. ¹⁾

Рокицана:

„Et licet non dixerit: in
isto homine est filius meus,
non tamen denegavit, quod
in illo homine verus dei
fuit filius“ etc. ²⁾

6) Въ гл. XVI—XVIII Хельчицкій опровергаетъ ученіе таборитовъ (Бискупца) объ евхаристійномъ тѣлѣ Христовомъ, какъ о благодати Христовой, даруемой причащающимся хлѣба и вина ³⁾. Трактатъ Рокицаны даетъ намъ сравнительно краткое изложене ⁴⁾ разсужденій Хельчицкаго, съ нѣкоторыми, правда, добавленіями, но зато и съ буквальными заимствованіями изъ „Реплики“.

Для характеристики парафразъ Рокицаны можетъ служить слѣдующій примѣръ.

Хельчицкій:

„Ale milost duchowni, gesto
gie neřoz v prawdie řecu nebo
nazywati nizadnym bytem du-
chownim, tomu řekati tielo pod
tiemi slowy ětenie, gesto ona
toho nemluwi; ani kto z křestia-
now mluwil gest o milostech du-
cha swateho, kterymiz Krystus
gmenuge tielo swe, aĉ to mluwie
mnozy, že ti, kteriz gedie pra-
wie a wiernie tielo geho, беру z
toho gedinie užitky welike du-
chownie“ ⁵⁾.

Рокицана:

„Gracias enim et dona vocare
corpus Christi nullum sanctorum
legimus sic fuisse locutum, quam-
vis bene verum est, prout et
doctores locuntur, quod ex Christi
corporis digna manducacione con-
secuntur fideles spirituales utili-
tates et fructus, non tamen illas
dicunt Christi corpus fore“ ⁶⁾.

Буквальное заимствованіе Рокицаны у Хельчицкаго мы отмѣтимъ, во-первыхъ, въ томъ случаѣ, когда указанное мнѣніе таборитовъ опровергается соображеніемъ, что, если тѣло Христово—

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 442.

²⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 131.

³⁾ Сборн. II Отд., LV, 443—452.

⁴⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 125—129.

⁵⁾ Сборн. II Отд., LV, 444—445.

⁶⁾ Nejedlý: „Prámeny“, 126.

благодать, тогда тѣломъ Христовымъ могутъ быть названы и другія таинства, какъ средства сообщенія благодати.

Хельчицкій:

„А gestie wiece diem, mali tiem milostem, ktere su smrti tiela Krystowa zasluženy wiernym lidem, řečeno byti tielo Krystowo, [kdyz by ge brali, geduce a pigice swatosti tiela a krwe Krystowy, puha znamenie], proč by takowez milosti zaslužene geho tielem na krizi nebyli tak dobre tielem geho pod ginymi swatostmi, [gešto su puha znamenie], yako křest. Podle toho wašeho rozunu mož tak dobre byti tielo Krystowo, yako pod tiemito znamenimi chleba a wina; neb umytie druheho narozenie gest zasluženie smrti Krystowu, a gest milost duchownie, mož takowymž prawem řečeno byti tielo Krystowo, yako ona milost, a což wiericy lide mohu milosti od Boha wzieti skrze zasluženie smrti Krystowy, to wšecko ma tymž prawem řečeno byti tielo Krystowo“¹⁾.

Рокицана:

„Sed ibi dici potest: si gratie, quas Christus merito sue dat passionis, debeant dici corpus Christi, cur gratie, sub aliis sacramentis que dantur, corpus Christi non vocentur, ut puta baptismus? Juxta illorum deductione potest ita bene esse corpus Christi, sicut sub istis signis panis et vini, quia regenerationis, que fit in baptismo ex merito passionis Christi provenit et est gratia spiritualis et ergo potest eadem ratione corpus Christi dici, sicut et illa sub sacramento corporis Christi. Ymmo quiquam gratiarum fideles possent accipere a Deo per meritum passionis Christi, totum ratione eadem corpus Christi posset appellari, quid non est conveniens [ergo nec ratio per illos data est rationalis]²⁾).

Рокицана, переводя на латинскій языкъ чешскій текстъ Хельчицкаго, опустилъ дальнѣйшія слова его: „А potom kralowstwie nebeske nayepe mož sluti tielo Krystowo, nebo nuywysie dosahnu milosti sprawedliwi skrze tielo Krystowo“ и т. д.

Буквальное же—но съ сокращеніями—заимствованіе у Хельчицкаго дѣлаетъ Рокицана, во-вторыхъ, и тогда, когда онъ говорить, что, при пониманіи евхаристійныхъ тѣла и крови, какъ благодати, таинство евхаристіи принималось-бы только добрыми людьми,

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 445.

²⁾ Nejedlý: „Prameny“, 126.

а это противорѣчить словамъ ап. Павла о виновности тѣхъ, кто недостойно приступаетъ къ таинству. Параллельный текстъ покажетъ наглядно отношеніе Рокцианы къ тексту Хельчицкаго.

Хельчицкій:

(Послѣ — отсутствующихъ у Рокцианы — разсужденій о существѣ благодати и способахъ ея присутствія) „Tak odpierate y tiela Krystowa, y milostij pritomnych zlym, gedine dobrym milosti pouciece w gedeni tlech znameni. Tehdy yhned z toho rozumu nedogde to pismo: „protoz ktokoliwiek gesti bude... winen bude tielem a krwi Panie“. To musy slovo byti pryc; nebo zly nemoz winen byti tiem, čehož gest newzal, když ma o milostech rozomieno byti tielo Panie“ и т. д.¹⁾ А можемъ то у з гинѣ рѣчи св. Павла познати, зе тиѣмъ цинѣмъ невинни Бохъ хѣишныхъ, coz gim gest nechtiel dati, ale coz gim gest dal, а они су то потупили, тиѣмъ ге винни-то млуви в тетѣ рѣчи: „Nelze gest tiem, kteříz су gednu oswieceni...“²⁾ и т. д. (продолженіе разсужденій о томъ, что Богъ не можетъ осуждать людей за неполученіе той благодати, которой Онъ имъ не даровалъ — отсутствуєтъ у Рокцианы).

Рокциана:

„Item, aliud inconueniens: si gratie sunt corpus Christi in sacramento, tunc sequitur, quod uerbum apostoli non haberit locum in ueritate, ubi dicit: quicumque manducaverit... reus erit corporis et sanguinis domini. Probatur: malus accedendo non poterit reus esse corpore Christi, patet quia non accipit corpus Christi, eo quia non accipit gratias, puta vitam, pascha, confortacionem et spiritualem uerificationem, et ille sunt corpus Christi per eos posite, et per consequens non est reus corporis et sanguinis, cum deus dampnat homines ex graciis ab eo acceptis, de quibus homines non fuerunt grati, sicut dicit Hebr: „Impossibile est eos, qui semel sunt illuminati“...“³⁾

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 446—447.

²⁾ ibid., 448—449.

³⁾ Nejedlý: „Prameny“, 128.

Хельчицкій въ гл. XVIII указываетъ на то, что пониманіе таинства евхаристіи, какъ простаго знаменія божественной благодати, дѣлаетъ непонятнымъ установленіе этого таинства, вмѣстѣ съ отѣной знаменій Ветхаго завѣта, при помощи которыхъ тоже, вѣдь, являлась людямъ благодать. Рокицана буквально переводитъ разсужденія Хельчицкаго.

Хельчицкій:

„Opriet, gestli že Boh položil gest ta znamenie a zaslubil pod nimi dawati milosti niektere samym dobrým, tehdy takež nalez-nem, že gest dawal přítomnie milosti sprawedliwym pod znamenimi stareho zakona, a že obieti stareho zakona znamenali su (450) Krysta, obiet prawu, a tak naleznem sprawedliwe od pocatka, že su w tiech znameni-ch milosti přítomne nalezali, jako Noe po potopie.....A z tiech pisem y z giných mnohých znamo gest, že pod znamenimi zakona stareho sprawedliwi brali su milosti welike y hriechom odpustienie, y což gineho potře-bowali, w tom su Boha s mi-losti geho naleznuti mohli w tiech znameniach tak hoynie, že wy nemožte pismem ukazati gedi-neho, byt pod znamenimi chleba a wina takowe milosti přítomnie nalezl. A poniewadž tato znamenie puha gsu jako ona, gedine k naležení milosti sprawedliwym, tehdy nemož dowodu o nich byti, by co wyssie byla než ona znamenie zakona stareho, aniz gest dowod, proč ona su (пропущено přestala?)¹⁾.

Рокицана:

„Si autem dicent, sicut pris-cis dicebant diebus, quod deus sub illis signis panis et vini statuit dare solis bonis gracias, dico quod bonis dabat gracias etiam sub signis et oblacionibus veteris legis, que oblaciones figurabant Christum, oblacionem veram. Immo ab inicio mundi fideles gratiam consequabantur a deo sub signis. Nonne Noe de archa и т. д., (что—примѣры изъ св. Писанія—пропустилъ издатель рукописи, д-ръ Неждный)... Ex hiis patet, quod sub signis veteris legis homines suscipiebant diversam gratiam, sed quod indigebant et multum habundanter, ubi isti sacerdotes non ostendent moderni, quod deus tantam gratiam det sub pane et vino nudo. Et cum ista signa per eorum posita sunt pura signa, sicut illa signa veteris legis, signatum i. e. corpus Christi in sui existentia non habencia, ac ut illis excellenciora, tunc non est ratio, cur illa debuissent cessare. [sicut iam supra hoc deducebatur]²⁾.

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 449—450.

²⁾ Nejedlý „Prameny“, 129.

Слова Рокицаны: „sicut iam supra hoc deducebatur“ вводят насъ и въ нѣкоторыя подробности его механической компиляціи. У Хельчицкаго тотчасъ же за приведеннымъ отрывкомъ слѣдуетъ опроверженіе того мнѣнія, которымъ табориты пытались доказать необходимость замѣны знаменій ветхозавѣтныхъ знаменіемъ Тѣла и Крови Христовой: „A diete-li, ze su přewyšila tato znamenie ona rgnwie“ и т. д. Разборъ этого таборитскаго мнѣнія у Рокицаны вырванъ изъ логической связи мыслей и помѣщенъ гораздо выше („supra“), послѣ опроверженія таборитскаго мнѣнія, будто Христосъ назвалъ хлѣбъ своимъ тѣломъ въ переносномъ смыслѣ... ¹⁾

7) Въ гл. XX Хельчицкій борется противъ таборитскаго объясненія словъ Спасителя: „Сіе есть тѣло мое“ въ смыслѣ переносномъ, т.-е. будто хлѣбъ названъ былъ тѣломъ потому, что онъ знаменовалъ собой тѣло, какъ, напримѣръ, по тому же основанію, Іоаннъ-Предтеча названъ Іліей, скала—Христомъ. Рокицана, возражая противъ такого объясненія, иногда буквально пользуется словами Хельчицкаго.

Хельчицкій:

„Tehdy u berankovi stareho zakona mohli su přewzdieti tymz prawem tielo Krystowo, nebo znamenal gest tielo Krystowo, a ti, ktoz su wiernie stali pod tiem znamenim, dosahli su užitkow zasluženyh tielem Krystowym. Protož, nenie-li přitomna moc bytneho tiela Krystowa tomuto znameni, tehdy tak gest neprawe dati gemu gmeno, že gest tielo Krystowo, jako osla angellem, neb gine wiecey mnohe tymž řadem mohu nazwany byti tielem Krystowym pro samo znamenie, anebo pro hledanie milosti od Boha skrze nie“ ²⁾.

Рокицана:

„Sed hoc posset queri ab ipsis, si sacramentum est Christi corpus, quia significat ipsum, cur agnus tipicus non diceretur corpus Christi, quia et ipse corpus Christi significat, et qui debite illo sunt usi, adepti sunt fructus corporis Christi depost in cruce oblati. Eciam si non continetur corpus Christi in sacramento, ut ipsi dicunt, tunc imponere illi nomen corporis Christi ita est consonum, ac si quis vocaret angelum asinum. Et isto modo multae res possent corpus Christi dici, si propter significanciam corporis Christi deberent vocitari“ ³⁾.

¹⁾ Nejedlý: „Prameny“, 121—122: „Amplius autem supranominatus sacerdos (т. е. Бискупецъ) ponens differenciam“ etc.

²⁾ Сборн. II Отд., LV, 457.

³⁾ Nejedlý: „Prameny“, 125.

8) Въ гл. XXXIII-й Хельчицкѣй доказываетъ, что въ основѣ таборитскаго отрицанія присутствія Христа въ таинствѣ евхаристіи лежитъ крайній рационализмъ, отрицаніе всего того, что необъяснимо для разума, и непониманіе существа вѣры. Рокицана развиваетъ тѣ же самыя мысли, что и Хельчицкѣй, и при этомъ даетъ намъ возможность видѣть, что, набрасывая эти мысли на бумагу, онъ имѣлъ подъ рукою „Реплику“ Хельчицкаго. Вотъ доказательства.

Хельчицкѣй:

(Послѣ выписки изъ таборитскаго трактата) „A takowych wiecey mnoha waše pisma ukazugi, sčitagice tielo Krystowo, čo ma a čo nema, což moz a což nemož, kde gest a kdie nenie a kde a dokud byti nemoz. A že ty všecky wiecey powiediene o tielu Krystowu“... и т. д.

....„Ale k tomu gest zřieti, kdyz se to wsecko smieři a počte skrze pisma, toholit se zada, aby lide pewnie ostali w te wiefie počtene pismem, cili se ta wiera proto hromaždi a rowna k niekteremu koncy zamieřenemu, aby sobie snaze mohli dotahnuti gedne wiecey wložene tiemto sečenim tiela Krystowa“... и т. д. ¹⁾

„Wy tiemito dowody a sečenim tiela Krystowa nedowedli ste sobie, ale od wiery potřebne odwedli ste, a osydlo welike u wiefie učinili ste sobie, a byste pro nie k te wiefie přistupiti nemohli, a gednu wieru druhu wieru w sobie ste zkazyli“.....

Рокицана:

„Enumerare autem simplicibus proprietates corporis Christi, ut puta, quid Christi corpus habet et quid non habet, quid potest et quid non potest, ubi sit, ubi et quamdiu esse potest, est satis longum et onus grave, sicut moderni inquirunt“... etc. ²⁾

...„Et pensandum est: num quid ista iniiciuntur de qualitatibus corporis Christi, an scilicet dimensive et extensive sit in sacramento, et aliis consimilibus, ut fideles roborentur in fide vera de Christi essentia corporis in sacramento“... etc.

...„Fidei vere quoque proposita parte una, scilicet, quod corpus Christi non est modo grosso in sacramento, per hoc aliam partem fidei christiane nituntur destruere, puta, quid“... etc. ³⁾

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 492.

²⁾ Nejedlý: „Prameny“, 141.

³⁾ ibid., 142.

...„Pakli diete, ze gedine tu plnost moz mieti, ktera tiem počtem gest wymieřena, tehdy gedine geho plnost pod mieru wařeho rozomu stogi; a tut giř zenie wiery poziwanie“... и т. д. ¹⁾

...„Tehdy tak dowoditi gest gedna pisma proti druhym na zkařenie ustawiti, gedine proto, ze to nepada miernie lidem, kterak by držieli o gednom tiele, ze gedno miesto drži a teř tielo gie se rozdielnie miesty mnohy mi od sebe vzdalenymi. Toho rozum lidsky nema, ale pisma obogi wiec wieřiti wele“... и т. д. ²⁾

...„Et isti sunt, qui suis sermonibus et emensuracionibus Christum volunt concludere, ut Christus Ihesus sic sit prout ipsi computant et emensurant sua ratione et intellectu“... ³⁾

... „Quemadmodum et per illam veritatem, quod sedet ad dexteram patris, nituntur istam infingere, quod non sit in sacramento sua propria existencia, cum tamen lex Christi utrumque credere facit. Sunt nam homines perversi, qui accepta una parte scripture per illam difficultant aliam in tantum, quasi non possit esse vera, et ratio, quia in huiusmodi hominibus est defectus“... etc. ⁴⁾

9) Въ гл. XXXIV Хельчицкій указываетъ на лживость положенія, въ которое ставятъ себя табориты: не признавая евхаристійныхъ видовъ тѣла и крови Христовой, не вполне открыто и ясно высказываясь объ этомъ, таборитскіе священники, однако, служатъ такому народу, который вѣритъ въ реальное присутствіе Христа въ таинствѣ. Ровицана, развивая тѣ же мысли, буквально заимствуетъ разсужденія Хельчицкаго.

Хельчицкій:

„A wy ginak proti gich umyslu y bořiemu s tiem puhym chlebem a winem obraciete se mezy nimi, kterařto wiec neslychana gest od počatka, aby lid w ginem rozomu hledal spasenie, a kniez

Ровицана:

...„Non est autem auditum ab inicio, ut populus in uno et sacerdotibus in alio sensu sibi contrario circa ita arduam materiam exquirat suam salutem, neque audent palam et publice profiteri

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 493.

²⁾ ibid.

³⁾ Nejedlý: „Prameny“, 143.

⁴⁾ ibid., 14².

w ginem rozomu posluhowal lidu a nesmiel lidu upřiemo ohlasyti toho, co smysli o tom, čím lidu posluhge. Protoz z toho poznayte, zet to prawda nenie, což držíte a wedete; nebo byt byla prawda ten rozom, tehdy by was Boh poslal s nim. A poslal-li by was Boh s nim, tehdy by pro užitek lidsky učinil to, aby zgewili wobec všem. A gestli že by kto na was sahl, tehdy by se postavili podle te wiecey k smrti, nebo tak gest kazdy musyl učiniti, koho gest Boh kdy s čím poslal, aby zgewnie wyhlasyl to, což rači a chce od lidi mieti. A gestli že se gest kto postavil proti tomu, tehdy nebo dowesti, nebo trpieti musyl; ale wy gedine z daleka a iako w podobenstwi namietate tiech wiecey. Pakli kto čemu urozomie z wašich kazani a potka was tiem, ale gineho nieco w to wržete. Protoz teto wiecey do sudneho dne obec od was neurozomie, gedine leč komu sukromle a prostie powiete swog umysl a rozom. Nebo sme pilnie se ptali... и т. д. ...ale ne owšem. Protoz gestli vaše poselstwie od Boha w tom, kdyz ge zdiegete wobcy sprostne, a poniewadz tupte to, gešto se modle (497) chlebu papezowu yako Bohu, však ten chleb puhy před lidem tiem stawiete, na woynu nosyte, dawate, gesto wzdy lid yako k tielu

populo fidem, quam tenent de illo, quod ministrant plebibus sacramento, et hoc est argumentum (150) evidens, quod a veritate deviaverunt, quia veritas non querit angulos. Si enim verum sensum haberent, a deo cum illo forent missi, et per consequens ad utilitatem in commune illum ponderent, sicque contrarios sibi et adversos, quos haberent, usque ad mortem pro huiusmodi legacione decertarent et paterentur. Sed nunc isti sacerdotes sicut in figura et in parabolis tangunt materiam et sensum, quem soli credunt et tenent. Sique alias intendendo contra illos obicit, ipsi negant sensum suum et dicunt: non bene me cepisti, nec debite me intellexisti, quapropter populus simplex nunquam percipiet eos et eorum intelliget peccata, nisi aliquibus dicatur per expressum ab eis in privato, quid tenent et senciunt de sacramento, prout faciunt, de quibus confidunt¹⁾. . . Et patet, quod in magno periculo sit positus populus, cum huiusmodi sacerdotibus, qui cum condempnant invehendo contra sacramentum, quod populus adorat panem papalem tanquam deum et tamen soli illum panem purum atque consecratum populis in monstrancia exponunt, populo ministrant, et populus sicut

¹⁾ Nejedlý: „Prameny“, 149—150.

boziemiu gde, ač gim pak z daleka powiete, aby se warowali modlosluženie; co gest to platno, kdyz wy gim nepowiete zgewnie, ze gest modla nebo chleb prosty, a oni pogdu k niemu iako k tielu Krystowu. Nebo musyte s tiem chlebem stati pod slowy čtenie před lidem, a možte gich nahnati, yako wlka na kosu, w modlosluženie. A budete ge wzdy usty wystřehati od modlosluženie, a w skutku ge wženete w modlosluženie, a budete wzdy sluchy toho modlosluženie, ktere tupite na papežowie stranie. Protož potom poznate и т. д. ...ač toho prawym pokanim neopravite y s tiem lidem“ ¹⁾).

corpus Christi sumit, quamvis a longinquo dicunt, quod caveant sibi plebes ab ydolatria, et quid est utile, dum non dicitur illis per expressum et explicite, quod sit ydolum, qui panis est simplex sive consecratus, sicut in cordibus gerunt et in angulis mussitant, et illi, quia accedunt ad illud sacramentum sicut ad corpus Christi ibi contentum, poterint sic multos inducere ad ydolatriam, cum licet verbo muniunt populum ab ydolatria, in opere autem et facto involvunt eos in ydolatriam, sicque fiunt et sunt multi sacerdotes ministri ydolatrie, quam ydolatriam condemnunt in parte papali. Quapropter exitus et finis demonstrabit ...si saltim dignos fructus penitencie non fecerint et. cum populo sibi subiecto“ ²⁾).

¹⁾ Сборн. II Отд., LV, 496—497.

²⁾ Nejedlý: „Prameny“, 149.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Prolegomenon Задачи и характеръ настоящихъ этюдовъ въ связи съ общимъ изученіемъ исторіи гуситской мысли	1—32

Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Чехіи гуситской эпохи 1—2. Связь внутреннихъ отношеній съ гуситской мыслью и значеніе изученій послѣдней 2—3. Малое вниманіе къ гуситской мысли въ классическихъ общихъ трудахъ по исторіи Чехіи Ф. Палацкаго и В. Томка, причины этого явленія 3—4. Слабое изученіе исторіи гуситской мысли въ послѣдующей чешской историографіи 5—6. Опыты общихъ очерковъ гуситской идеологіи: труды Л. Круммеля и Ф. Бецоляда 6—8. Программный характеръ работы Бецоляда и задачи будущаго изученія (опыты проф. Пальмова) 8—9. Состояніе подготовительныхъ работъ: I) Изученіе внутренняго состоянія Чехіи наканунѣ гуситскаго движенія (бытовой генезисъ гуситской мысли): значеніе общихъ трудовъ Ю. Липперта, А. Н. Ясинскаго, Вацка; изданіе источниковъ („Codex diplomaticus“ проф. Фридриха), особенно источниковъ для исторіи церковныхъ отношеній („Acta judiciaria consist. Pragensis“ д-ра Ф. Тадры и „Monumenta Vaticana“), работы д-ра К. Крофты 9—10. II) Изученіе реформаціонной по духу предгуситской чешской и не-чешской—но повлиявшей на Чехію—мысли (идейный генезисъ гуситской мысли): 1) чешскіе „предшественники Гуса“ (работы г.г. Фляйшганса и Кибала); 2) восточное, „греко-славянское“, вліяніе (работы проф. Пальмова) 11; 3) вальденство (изслѣдованія Прегера, Голля, Лозерта, Гаупта, Келлера, Мюллера и др.) 11—12; 4) виклифизмъ (изслѣдованія Лозерта и его чешскихъ продолжателей; изданія „Wiklif Society“ и основанныя на нихъ работы о Виклифѣ) 13—15. Необходимость монографическаго способа дальнѣйшей разработки исторіи гуситской мысли

и монографія о П. Хельчицкомъ, какъ шагъ на этомъ пути: мѣсто Хельчицкаго и его идеологій въ развитіи гуситской мысли и гуситскаго движенія вообще 15—17. Задачи такой монографіи 17—18. Состояніе изученій П. Хельчицкаго: старыя общіе обзоры 1. Добровскаго, I. Юнгмана, Фр. Палацкаго, П. Шафарика, I. Иречка и др. 18—21. Монографическія работы Ф. Шульца и проф. Я. Голля, руководящее значеніе послѣднихъ 21—24. Послѣдующее специальное изученіе: 1) изданія сочиненій П. Хельчицкаго 24—27; 2) изслѣдованія о Хельчицкомъ: недостатокъ общихъ трудовъ (работы Ю. С. Анненкова и д-ра Ант. Ленца) 27—29; немногочисленность специальныхъ работъ: а) объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Хельчицкаго (статьи д-ра Сметанки и Фляйшганса) 29—30 и б) о генезисѣ его идей (статьи о вліяніи Виклифа г.г. Анненкова, Голля, Крофты, Ленца и Свободы) 30—31. Преждевременность общаго синтетическаго труда о Хельчицкомъ и предлагаемыя этюды, какъ попытка критико-аналитическаго обслѣдованія литературной дѣятельности П. Хельчицкаго и генезиса его идей, въ связи съ общимъ развитіемъ гуситской мысли и гуситскаго движенія 31—32.

Problem of War I. z. Capit. Punishment in Hussitism

Вопросъ о войнѣ и смертной казни въ исторіи гуситской мысли за 1419—1434 г.г. . . . 33—115

1.

Постановка вопроса о войнѣ, какъ примѣненія физической силы въ христіанскомъ обществѣ, по официальной гуситской верѣи, предназначенной для не-гуситовъ .

33—39

Соціально-политическое теченіе въ гуситской мысли и интересъ его изученія 33. Вопросъ о войнѣ и смертной казни, какъ яркое проявленіе этого теченія 33—34. Утвердительное рѣшеніе вопроса о войнѣ, представляемое актомъ самозащиты, осуществившимся лишь въ началѣ 1420 г.: показанія въ этомъ смыслѣ „Хроника“ Н. Бискупца 34—36, посланія пановъ и пражанъ 20 апр. 1420 г. 36—37, манифеста пражанъ и публичнаго объявленія „четыреохъ артикуловъ“ 37. Частичное исправленіе этихъ показаній: признаніе и болѣе раннихъ случаевъ военныхъ дѣйствій гуситовъ и болѣе раннихъ проявленій воинственнаго настроенія у нихъ 38—39.

2.

Гуситство народных массъ — хилиазмъ: вопросъ о войнѣ и насилии въ эпоху хилиазма; реакція хилиазму 39—54

Гуситство въ народныхъ массахъ лѣтомъ и осенью 1419 г. 39. Мирный періодъ движенія по „Хроникѣ“ Вавжинца изъ Бжезовой 40. Начало хилиазма 41. Забѣчанія объ источникахъ для изученія гуситскаго „хилиазма“ 42—43. Идейное содержаніе движенія: 1) ученіе о насильственномъ разрушеніи стараго міра—44—49; 2) концепція обновленнаго царства Христова 49—51. Борьба умѣреннаго гуситства съ воинствующимъ „хилиазмомъ“: диспутъ въ домѣ пана Змрлика; полемика м. Якубка изъ Стшибра съ м. Я. Ичиномъ 51—54.

3.

Вопросъ о войнѣ въ средѣ официальныхъ вождей гуситства — таборитскихъ священниковъ и пражскихъ „магистровъ“ передъ началомъ войны съ императоромъ Сигизмундомъ и католической церковью: „Responsio“ магистровъ; трактаты „De bello“ 55—67

Споръ по вопросу о войнѣ среди таборитскихъ вождей: запросъ расхордившихся въ рѣшеніи вопроса Николая Бискупца изъ Пельгржимова и Вацлава Коранды „пражскимъ магистрамъ“ 55—57. „Responsio“ м. Якуба изъ Стшибра и Христиана изъ Прахатиць отъ имени всѣхъ магистровъ: неопредѣленность и противорѣчія этого отвѣта 57—59. Примыкающая къ „Responsio“ литература трактатовъ „De bello“: 1) наиболѣе близкій по идеямъ къ „Responsio“ трактатъ: „Bellandi materiam“ etc. и новые патриотическіе мотивы противъ войны въ немъ 60—61; 2) трактатъ „De bello“, разрѣшающій войну, но осуждающій способъ ея веденія таборитами; принадлежность трактата Я. Пшибраму 61—66; 3) трактатъ „De bello“, кажется, Ник. Бискупца, приближающійся къ полному отрицанію войны 66—67.

4.

Вопросъ о войнѣ и смертной казни на „конвокаціяхъ“ и „аудиенціяхъ“ таборитовъ и пражскихъ магистровъ въ 1422—1424 г.г. 67—77

Жестокій, въ духѣ хилиазма, характеръ гуситскихъ войнъ, особенно у таборитовъ и реакція этой жестокости у таборитовъ же, на ихъ „конвокаціяхъ“: Писецкой, Таборской и Клатовской въ 1422—1424 г.г. 67—68. Писецкая „конвокація“ таборитовъ 1422 г. и ея поста-

новленія о войнѣ: 1) ограниченіе произвола въ толкованіи Писанія, какъ теоретическаго источника хиліазма; 2) воспрещеніе священникамъ принимать участіе въ войнахъ; 3) нормировка войны: ея починъ, вызывающія и оправдывающія ее причины и 4) способъ веденія: безкорыстіе и гуманность 69—71. Нормировка смертной казни 71—72. Вопросъ о войнѣ и смертной казни у „пражанъ“, на Пражской „аудиенціи“ 1424 г.: принципиальная близость ихъ къ таборитамъ и отличія лишь въ частностяхъ 73—74. Непримири-мость таборитовъ относительно церковнаго имущества и самихъ церквей, проявленная на Клатовской „конвокаціи“ 1424 г. 75. Постепенное ослабленіе воинственнаго настроенія у таборитовъ борьба съ „deordinationes“ войны на Таборской „конвокаціи“ таборитовъ 1424 г.—детальное развитіе четвертаго постановленія Писецкой „конвокаціи“: постановленія противъ взима-нія „голдовъ“, противъ реквизицій и репрессій надъ крестьянами, противъ враждебнаго отношенія къ ней-тральнымъ, противъ самовольныхъ походовъ съ цѣлью грабежа 76—77.

5.

Вопросъ о войнѣ и смертной казни за время гегемоніи таборитовъ и ихъ вождя Прокопа Голаго—до окончанія гуситскихъ войнъ (1426—1434 г.г.)

78—91

Пражскій Синодъ 1426 г.: паденіе интереса къ теоретическимъ разсужденіямъ о войнѣ у пражанъ; Таборитскій съѣздъ 1426 г. въ г. Писквѣ и его постановленія о войнѣ въ духѣ прежнихъ „конвокацій“; побѣды гуситскихъ войскъ, какъ причина господства взглядовъ таборитовъ 78—80. Выступленіе пражанъ противъ воинственности таборитовъ на Пражской „конвокаціи“ 1431 г. подѣ влияніемъ перспективы примиренія съ католической церковью 80—81. Новый подъемъ таборитской воинственности подѣ влияніемъ побѣды подѣ Домажлицами: таборитскій „манифестъ“ въ ноябрѣ 1431 г. 81—83. Союзъ пражанъ съ „сиротками“ противъ таборитовъ: январскіе „артикулы“ 1432 г.; замѣчанія о текстахъ этихъ „артикуловъ“ и объ отноше-ніи послѣднихъ къ „Epilogatio“ въ „Хроникѣ“ Бискупца 83—84; „контръ-артикулы“ таборитовъ и отноше-ніе ихъ къ „Epilogatio“, видоизмѣненіе въ нихъ взгляда таборитовъ на смертную казнь 84—86. Изложе-ніе таборитскихъ взглядовъ на смертную казнь Ник. Бискупцемъ на Базельскомъ Соборѣ въ янв.—мартѣ 1433 г. 86—89. Прекращеніе гуситскихъ войнъ и упа-

докъ воинственности среди какъ пражанъ, такъ и таборитовъ: постановленія Пражскаго Синода 1434 г. и контръ-артикулы таборитовъ 90. Послѣдняя вспышка таборитской воинственности: рѣчь Прокопа Голога на Пражскомъ Сеймѣ 1433 г. 90—91. Общія замѣчанія о развитіи вопросовъ о войнѣ и смертной казни у гуситовъ 91.

СТРАН.

Экскурсъ I.

Вліяніе Виклифа на гуситовъ въ вопросѣ о допустимости войны между христіанами

92—95

Отраженіе трактата Виклифа „De civili dominio“ въ „Responsio“ пражскихъ магистровъ и въ трактатахъ „De bello“ 92—94. Заимствование изъ „Sermones“ Виклифа въ постановленіяхъ Писецкой таборитской „конвокаціи“ 1422 г. 94—95.

Экскурсъ II.

Къ вопросу о взаимоотношеніи таборитскихъ „конвокацій“ 1422 и 1424 г.г. и 1-й пражской „аудиенціи“ 1424 г. въ развитіи споровъ о войнѣ и смертной казни

95—106

Возрѣнія на вопросъ, съ одной стороны, Томка и Голля, съ другой—Томана 95—96. Критика взгляда Томка и Голля о принятіи всѣхъ отмѣченныхъ у Бискупца таборитскихъ постановленій о войнѣ и смертной казни только на Клатовской „конвокаціи“ 1424 г. 96—97. Дѣйствительная мѣра участія Клатовской „конвокаціи“ въ выработкѣ постановленій о войнѣ и смертной казни: дѣйствительные клатовскіе „артикулы“ о войнѣ не вошли въ составъ „Хроники“ Бискупца 97—99. Причина трудности рѣшенія вопроса о степени и времени участія таборитовъ („конвокацій“ Писецкой и Таборской) и „пражанъ“ въ выработкѣ остальныхъ (отмѣченныхъ у Бискупца) „артикуловъ“; переработка Бискупцемъ оригинальнаго ихъ текста 99—100. Пражская (1424 г.) редакція артикуловъ не имѣла своимъ источникомъ редакцію таборитскую, какъ и таборитская—пражскую 101—102. Текстуальный анализъ редакціи таборитской и пражской и его результатъ: та и другая редакція—самостоятельная переработка недошедшаго до насъ текста 102—104. Этотъ текстъ—общая—магистровъ и таборитовъ—декларация о войнѣ (и смертной казни) передъ началомъ борьбы съ импер. Сигизмундомъ 104—105. Предполагаемая судьба этой деклараціи—выработка (переработка) „артикуловъ“ о войнѣ и смертной казни на „конвокаціяхъ“ и „аудиенціяхъ“ гуситскихъ партій 106.

Экокуръ III.

„Tractatus de homicidio“ Николая Бискупца 107—115

Основные идеи трактата; родство ихъ съ соответствующимъ постановлениемъ Клатовской „конвокаціи“ и съ разсужденіями Бискупца на Базельскомъ Соборѣ; хронологическая связь трактата съ Клатовской „конвокаціей“ и принадлежность его Н. Бискупцу; развитие идей Бискупца по вопросу о смертной казни 107—111. Латинскій текстъ трактата (въ извлеченіи) 111—115.

Ch' tracts in connection II. with war-controversy among Hussites

Трактаты П. Хельчицкаго, стоящіе въ связи съ развитіемъ споровъ о войнѣ среди гуситовъ. 116—172

Точка зрѣнія Хельчицкаго на спорный вопросъ — рѣшительное отрицаніе пролитія человѣческой крови въ христіанскомъ обществѣ. Участіе Хельчицкаго въ развитіи споровъ 116—120.

1.

Разсужденіе Хельчицкаго: „O duchovnem boji“. 120—137

Доказательства принадлежности разсужденія П. Хельчицкому. Характерныя черты содержанія трактата — разсужденія: 1) о порочныхъ отношеніяхъ пастырей къ женщинамъ 120—122, 2) о роли органовъ тѣла въ совершеніи грѣховъ 122—123, 3) о силѣ страстныхъ вождѣній 124—125, 4) о добрыхъ дѣлахъ — а) ихъ *of good deeds* мотивахъ и б) ихъ значеніи для спасенія человѣка 125—127, 5) о порокахъ духовенства 127, 6) о свѣтской, принудительной власти и объ убійствѣ — войнѣ и смертной казни, какъ средствахъ этой власти 127—129. Характерный для Хельчицкаго стиль трактата 129—130. Время появленія трактата: отраженіе въ трактатѣ эпохи гуситскихъ войнъ 130—131, свѣжія воспоминанія о „хилазмѣ“ 131—134, указанія на факты изъ жизни Я. Жижки 134 и изъ жизни Ольдржиха Рожмберка 134—135, упоминаніе о Пискѣ; выводъ: появленіе трактата въ 1420—1422 г.г. 136. Идеиная связь изслѣдуемаго трактата съ трактатами Хельчицкаго, критикующими современныи ему общественно-государственный строй и идеологию этого строя 136—137.

date: 1420-22

Трактатъ „O sугkwí swate“

137—151

Содержаніе трактата 137—142. Доказательства принадлежности его П. Хельчицкому: совпаденіе трактата съ другими несомнѣнными произведениями Хельчицкаго 1) въ ученіи о значеніи „чиновъ“ священства и брака въ св. церкви („Zgráva o 7 svátostech“, „Postilla“ и „Sit' víry“) 142—144, 2) въ отверженіи (и мотивахъ его) принятаго ученія о трехъ частяхъ церкви („O trogiem lidu“, „Replika proti Rokusanovi“, „Sit' víry“) 144—148. Время появленія трактата: постановка въ немъ вопроса о свѣтской власти сравнительно съ другими произведениями Хельчицкаго; генетическая связь съ трактатомъ „O trogiem lidu“, предшествованіе ему; появленіе „O sугkwí swate“ между 1420—22 и 1425 гг. 148—151.

Date 1420—25

Трактатъ „O trogiem lidu“

151—172

Авторство Хельчицкаго. Доводы въ его пользу. Свообразный стиль Хельчицкаго 151—152. Совпаденіе, часто буквальное, ученій трактата о свѣтской власти, объ организаціи общества и государства съ ученіями о тѣхъ же предметахъ несомнѣнныхъ произведеній Хельчицкаго: „Sit' víry“, „Replika proti Rokusanovi“ и „O sугkwí swate“ 153—155. Исторія происхожденія трактата — отвѣтнаго посланія неизвѣстному адресату: характеръ несохранившагося посланія этого адресата Хельчицкому 155—156, этотъ адресатъ—вѣроятно, табор. свящ. Маркольдъ, вызванный на корреспонденцію съ Хельчицкимъ знакомствомъ съ трактатомъ „O sугkwí swate“ 157—158. Время появленія трактата, судя по чертамъ современности въ немъ, приблизительно ок. 1425 г. 158—159. Основные черты содержанія трактата, дающаго довольно развитую систему общественно-политической теоріи Хельчицкаго 159—172.

Date ca. 1425

III.

II. Хельчицкій и таборитство 173—258

1. Eucharistic controversy

Участіе П. Хельчицкаго въ евхаристійномъ спорѣ среди гуситовъ—волемика противъ евхаристійныхъ теорій таборитовъ: „Replika proti Mikuláši biskupci Tábořskému“.

175—195

Гуситскій евхаристійный споръ подъ влияніемъ Викарфа; участіе Хельчицкаго въ этомъ спорѣ и значеніе „Replika proti Mikuláši biskupci Tábořskému“

173—174. Личныя и литературныя сношенія Хельцицкаго съ Ник. Бискупцемъ: 1-е и 2-е свиданія—посѣщенія Бискупца Хельцицкимъ; приходъ Бискупца къ Хельцицкому для передачи послѣдному специально для него написаннаго трактата объ евхаристіи и получение Хельцицкомъ другихъ трактатовъ Бискупца о томъ же предметѣ, 3-е и 4-е посѣщенія Хельцицкимъ Бискупца 174—176. Утерянное посланіе Хельцицкаго Бискупцу и отвѣтъ Бискупца, „Replica“ Хельцицкаго 176—178. Содержание „Реплики“ съ точки зрѣнія свѣдѣній о предшествующихъ стадіяхъ сношеній Хельцицкаго съ Бискупцемъ и съ точки зрѣнія характеристики личности Хельцицкаго, „исторіи души“ его 178—181. Разсѣянные по „Репликѣ“ данныя для біографа Хельцицкаго, отчасти—и для опредѣленія источниковъ свѣдѣній Хельцицкаго о таборитскихъ евхаристійныхъ теоріяхъ (личныя сношенія съ таборитами) 181—184. Время появленія „Реплики“: критика господствующаго воззрѣнія (проф. Голя) о раннемъ (въ 1-пол. 1420 гг.) появленіи „Реплики“ 185—187; соображенія въ пользу болѣе поздняго ея появленія: „давность“ близкихъ отношеній Хельцицкаго къ Бискупцу, Хельцицкій—глава группы единомышленниковъ, Бискупецъ—въ опасности 187—189. Данныя для установленія „terminus post quem“ появленія „Реплики“ въ самой „Репликѣ“ 189—192 и въ „Apologia“ Я. Пшибрама 193. Появленіе „Реплики“, вѣроятно, въ 1432 г. 194; подтвержденіе этой датировки и данными, опредѣляющими „terminus ante quem“ появленія „Реплики“—въ ней самой и въ трактатѣ Я. Рокицаны: „De existencia corporis Christi“ etc. 195.

СТРАН.

Lit. sources of Ch.'s knowl. of Tab. Euch. Doctr.

Литературныя источники для знакомства П. Хельцицкаго съ ученіемъ таборитовъ о таинствѣ евхаристіи (къ реконструкціи таборитской литературы)

196—218

Два источника для ознакомленія съ ученіями таборитовъ объ евхаристіи: трактаты—таборитовъ и ихъ противниковъ, „магистровъ“—и постановленія „конвокацій“ и „аудіенцій“. Пользованіе Хельцицкаго почти исключительно трактатами, при томъ таборитскими; трудность точнаго установленія мѣры этого пользованія 196—197. 1) Трактатъ Бискупца для Хельцицкаго: „Articuli“ изъ него въ „Apologia“ Пшибрама и въ „De existencia“ etc. Рокицаны, какъ средство для установленія степени использованія Хельцицкимъ въ „Репликѣ“ названнаго трактата Бискупца и для частичной реконструкціи его; тожество—вопреки мнѣнію

д-ра Неѣдлаго—цитируемаго Рокицаной, подъ названіемъ „wlgarig“, трактата Бискупца именно съ „Трактатомъ для Хельчицкаго“ 197—200; выдержки Хельчицкаго въ „Репликъ“ изъ обслѣдуемаго трактата 201—203. II) Трактатъ Бискупца: „Ad sacramenti eucharistiaemagnificationem“: его исторія и тексты 204; извлеченія изъ трактата въ „Репликъ“ 205—208. III) Трактатъ Бискупца; „De non adogando“, время его происхожденія, ошибочность воззрѣнія д-ра Неѣдлаго на трактатъ 208—211; выдержки въ „Репликъ“ изъ трактата, устанавливаемыя съ помощью извлеченій изъ него въ „Apologia“ Пшибрама и въ „De non existencia“ Рокицаны 211—212. IV) Извлеченія въ „Репликъ“ изъ трактата Бискупца противъ свящ. Каниша 212—213. V) Трактатъ объ евхаристіи свящ. Яна Жатецкаго и затрудненія для точной установкы выдержекъ изъ него въ „Репликъ“ 213—214; выдержка, устанавливаемая съ помощью извлеченій изъ него въ „Apologia“ и „Život kn. tábor.“ Я. Пшибрама 214—216. VI) Трактаты Мартина Локвиса; извлеченія изъ двухъ его трактатовъ въ „Репликъ“, устанавливаемыя съ помощью извлеченій въ двухъ названныхъ произведеніяхъ Пшибрама 216—218.

3.
Taborite Influence on Ch. te
Вліяніе таборитовъ на П. Хельчицкаго

219—242

Предѣлы вопроса 219. А) Вліяніе въ ученіи о призваніи святыхъ христіанами и о молитвахъ святыхъ за нихъ, изучаемое по „Sít' víru“ Хельчицкаго и „Аполологіи“ таборитовъ: 1) формулировка этого отрицаемаго ими ученія 220; 2) доводы противъ него 220—223; 3) положительное ученіе объ отношеніи христіанъ ко святымъ 223—224. Б) Вліяніе въ ученіи о чистилищѣ: 1) формулировка одного изъ доводовъ „магистровъ“ въ пользу чистилища и опроверженіе его 224—225; 2) указаніе на одинъ недосмотръ „магистровъ“ 225—226; 3) ссылка на бл. Августина 226—227; 4) возраженіе противъ практики поминовенія усопшихъ 227—228; 5) ссылка на практику времени св. Діонисія 228—231; 6) ссылка на свидѣтельство св. Климента; 7) разборъ притчи о рабочихъ на виноградникѣ 232—234. В) Вліяніе въ ученіи о таинствахъ (елеосвященіе): замѣчанія о текстѣ таборитской „Confessio“ (Apologia) 1431 (1435) г. 234—235 и о трактатѣ Я. Рокицаны о таинствахъ 235—236; отрицаніе Хельчицкимъ ученія магистровъ о таинствѣ елеосвященія 236—237; возраженія Хельчицкаго противъ этого таинства: 1) корыстолюбивые мотивы духовен-

intercession of saints

purgatory

Sacraments - holy unction

ства 237—238 2) обрядоваа сторона таинства 238—239, 3) учение о силѣ таинства 239 — 241 4) учение о сравнительной силѣ помазанія и молитвы въ таинствѣ 241; 5) взглядъ Хельчицкаго на елеосвященіе, какъ дѣло только христіанскаго милосердія 242.

СТРАЖ.

Экскурсъ.

„Replika proti Mikuláši biskupci Táboorskému“ Хельчицкаго и „De non existenciá“ etc. Рокицаны

243—258

Вопросъ о вліяніи Хельчицкаго на гуситскую мысль вообще и на маг. Я. Рокицану въ частности 243—244. Сравнительный анализъ „Реплики“ и „De non existenciá“ etc. для доказательства заимствованія Рокицаны у Хельчицкаго; заимствованія: 1) изъ гл. XII „Реплики“ 244 — 245, 2) изъ гл. XIII 245—246, 3) и 4) изъ гл. XIV 246 — 248, 5) изъ гл. XV 249—250, 6) изъ гл. XVI — XVIII 250 — 254, 7) изъ гл. XX 254, 8) изъ гл. XXXIII 255—256 и 9) изъ гл. XXXIV 256—258.

- Ч. XXIV. Св. Дмитрій Ростовскій и его время. И. Шлякяна. 1891.
- XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. Сырку. 1891.
- XXVI. Порфиріевскіе отрывки изъ антической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды. В. Ериштедта. 1891.
- XXVII. Сочиненія Джильеа, Флетчера „On the russe Common Wealth“, какъ историческій источникъ. С. Середонина. 1891.
- XXVIII. Проконія Кеесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Ванда-лами и Готами. Переводъ съ греческаго Спиридона Десту-ниса, комментарий Гавріила Дестуниса. Проконія Кеесарій-скаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891.
- XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Θεодора, архіепископа Едесскаго. Издаѣ И. Помловскій. 1892.
- XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣва. 1892.
- XXXI. Вып. 1. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 2-й. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Прѣснякова. 1893.
- XXXII. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и на-родномъ русскомъ языкѣ. Часть I. С. Булича. 1893.
- XXXIII. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ I. Борьба изъ-за Ливоніи. Исслѣдованіе Г. Форстена. 1893.
- XXXIV. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ II. Борьба Швеціи съ Польшей и съ Габсбургскимъ домомъ. 30-лѣтняя война. Исслѣдованіе Г. Форстена. 1894.
- XXXV. Житіе Св. Афанасія Афонскаго. Изд. И. Помловскій. 1895. — Житіе Св. Григорія Синаита. Изд. И. Помловскій. 1894.
- XXXVI. Θεодорита, епископа Кипрскаго, отъѣты на вопросы, обращенныя къ нему нѣкоторыми египетскими епископами. Изд. А. Пападопуло-Керамевсъ. 1895.
- XXXVII. Августалы и сакральное магистерство. Исслѣдованіе въ области рим-скаго муниципальнаго права и древностей. М. Крашенникова. 1895.
- XXXVIII. Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus Ediderunt W. Wassiliewski et V. Jernstedt. 1896.
- XXXIX. Психологія Джемса. Пер. И. И. Лапшина. 1896.
- XL. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774). Исслѣдованіе Н. Д. Чечулина. 1896.
- XLI. Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа константинопольскаго, XLV неопубликованныхъ писемъ. По афонскимъ рукописямъ издаѣ Пападопуло-Керамевсъ. 1896.
- XLII. Проекты реформъ по запискамъ современниковъ Петра Великаго. Н. Павлова-Сильванскаго. 1897.
- XLIII. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI в. С. Ро-ждественскаго. 1897.
- XLIV. Сборникъ источниковъ по Трапезундской пшиеріи. Собралъ Пападо-пуло-Керамевсъ. Часть I. 1897.
- XLV. Введеніе въ изученіе социологіи. Н. Карѣва. 1897.
- XLVI. Богъ Тотъ. Опытъ исслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Б. Тураева. 1898.
- XLVII. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII в. А. К. Бороздина. 1898.
- XLVIII. Изъ исторіи Аоніи. 229—31 годы до Р. Хр. С. Жебелева. 1898.
- XLIX. Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ Русскаго Путешественника“. В. В. Сиповскаго. 1899.
- L. Выпускъ 1-й. Житіе иже во святыхъ отца нашего Арсенія Великаго. Издаѣ Г. Ф. Церетели. 1899. Вып. 2-й. Житіе Іосифа Пѣнописца. Выпускъ 3-й. Житіе преп. Пансія В. и Тимофея, нарр. Алекс. и повѣствов. о чудесахъ св. Мины. Изд. И. Помловскій.

- Ч. LI. История государственного откупа въ Римской имперіи. М. И. Ростовцева. 1899.
- LII. С. Ф. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. 1899.
- LIII. И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. Т. I. 1899.
- LIV. Вып. I. В. Н. Перетцъ. Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды I. Къ исторіи Громника. 1899.
- Вып. II. В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. 1900.
- LV. Э. Д. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. I. 1900.
- LVI. А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Аморийской династіи. 1900.
- LVII. Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета. 1900.
- LVIII. А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношенія къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 табл. въ текстѣ. 1901.
- LIX. Б. М. Меліоранскій. Георгій Киприянинъ и Іоаннъ Іерусалимскій. 1901.
- LX. Д. К. Петровъ. Очерки бытового театра Лопе де Веги. 1901.
- LXI. И. И. Лаппо. Великое книжество литовское (1569—1586). 1901.
- LXII. И. Д. Лосъ. Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. 1901.
- LXIII. Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. II. 1901.
- LXIV. В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. 1902.
- LXV. Вып. I. Б. Тураевъ. Изслѣдованія въ области агиологическихъ источниковъ исторіи Эфиопіи. Вып. 2—4. *Fontes rerum Aethiopicarum hagiologicae*. Ed. Turajev. 1902.
- LXVI. А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Македонской династіи. 1902.
- LXVII. М. Ростовцевъ. Римскія свинцовыя тессеры. 1903.
- LXVIII. Н. Лосскій. Основныя ученія психологическаго учения съ точки зрѣнія волюнтаризма. 1903.
- LXIX. Б. Варнеке. Очерки изъ исторіи древнеримскаго театра. 1903.
- LXX. Н. К. Козьминъ. Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. 1903.
- LXXI. С. Жакелевъ. Ахайка. Въ области древностей провинціи Ахайя. 1904.
- LXXII. В. Новодворскій. Борьба за Ливонію между Москвою и Рѣчью Посполитою (1570—1582). 1904.
- LXXIII. П. Васенко. «Книга Степенная царскаго родословія» и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности. Ч. I. 1904.
- LXXIV. И. Холоднякъ. *Carmina sepulcralia latina epigraphica*. 1904.
- LXXV. С. Буличъ. Очеркъ исторіи языкованія въ Россіи. Т. I. Спб. 1904.
- LXXVI. Жизнь всел. патріарховъ свв. Аванасія I и Исидора I. Издаль А. Пападопуло-Керамевъ.
- LXXVII. А. Маленинъ. Рукописное преданіе загадокъ Альдгельма. 1905.
- LXXVIII. Н. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма. 1906.
- LXXIX. К. Тиандеръ. Пѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море. 1906.
- LXXX. И. Ланшинъ. Законы мышленія и формы познанія. 1906.
- LXXXI. А. Петровъ. Генриха Итальянца Сборники формъ. I и II. 1906.
- LXXXII. Д. Петровъ. Замѣтки по ист. старо-испанской комедіи. 1907.
- LXXXIII. П. Митрофановъ. Политич. дѣятельность Юсифа II. 1907.
- LXXXIV. Сборникъ статей въ честь В. И. Ламанскаго.
- LXXXV. М. Полевиковъ. Балтійскій вопросъ. 1721—1725. 1907.
- LXXXVI. Е. Тарле. Рабочіе нац. мануфактёръ во Франціи. 1789—1799.
- LXXXVII. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ 20—30 гг. 1907.
- LXXXVIII. А. Ону. Выборы 1789 года во Франціи. Ч. I. 1908.